

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 15. Часть 4 (№93)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2026

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 18,75

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, Руководитель центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынка труда, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 15. Issue 4 (№93)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2026

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of
the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal
abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and
far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only
beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the
scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and
open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free
access to all publications, unless the contract with the author presupposes other condi-
tions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in
case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Modern State and Municipal Management of the Faculty of Economics and Management of the Russian State Social University.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Migration Processes, Labor Resources and the Labor Market, Chief Researcher at the Institute of Social Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Петрова С.И., Петров И.Ф. Синестезия как проблема философии.....	14
Семенова Т.Н., Ситнова Л.И. К вопросу о философии менеджмента образования.....	20
Тянь Хаожань, Ульянова Л.Н. Трансформация эстетической категории «ци» в рамках подготовки альтистов в вузах Китая: от традиционного мировосприятия к современной исполнительской интерпретации.....	30
Черкасов А.А. Проблемы воплощения и исчезновения присутствия в философии Жана Бодрийера.....	37
Бекова М.А. Геополитические факторы межкультурной коммуникации.....	46
Бугаев М.К. К перспективам политического человека в современной России: взгляд справа.....	55
Волобуева А.А. Гармония слова: философия формирования языковой культуры в эпоху медиа.....	62
Выскребенцов Р.Ю. Социально-философские основания легитимности политического насилия: сравнительный анализ подходов.....	71
Григоренко В.Р. Модернизация как ценностная инновация и проблема российского общества.....	79
Ефимова Л.Н., Шехирева Н.А., Абрамцева Е.Г. Актуальность «отмены человека»: этико-философские идеи К.С. Льюиса в условиях кризиса традиционных ценностей.....	85
Карюк Н.Н. Самосуверенная цифровая идентичность: автономия субъекта и новые формы уязвимости в блокчейн-среде.....	97
Кузнецова-Фетисова Л.Е. Особенности легитимации иррациональных форм знания в современной России.....	110
Новиков П.А. Преодоление отчуждения личности в романе В. Гюго «Отверженные»: к методологии социально-философского анализа.....	116

СОЦИОЛОГИЯ

Максимова С.Г., Астер Т.Н. КСО и открытые инновации: как социальная ответственность формирует коллаборативные модели.....	124
Вознесенский И.С., Чапкин А.Н. Темпоральные трансформации образования: цифровой ускоритель и социальная цена времени в постковидную эпоху.....	133

Грязнова В.Н. Инкорпорация государственной кадровой политики в систему государственного стратегического управления: от поиска смыслов к устойчивой амплификации новых идей.....	142
Нерсисян Р.С. Проектное государство: понятие, архитектура, научный фундамент.....	155
Павлов Г.А., Крюнкин Ю.Е., Логачева М.И. Искусственный интеллект в социологии: методологический прорыв или угроза валидности?.....	164
Степная А.А., Коробкина М.А. Формирование процессов управления талантами в организации.....	170
Щёлоков Д.В. Методологические основания аналитического изучения социальных трансформаций.....	176

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Яковлев А.А. Истоки появления советского плаката.....	186
Чу Лумяо Эстетические категории китайской традиции в контексте исламской каллиграфии.....	202
Чжан Вэй Бренд работы единого фронта приграничного университета как инструмент культурного возрождения этнических районов: кейс Хэйхэского Университета.....	212
Цуй Гэ Эволюция кинотанца: от первобытных экспериментов к современным интерпретациям.....	220
Фу Сюэцзюань Интеграция национальной и народной музыки в развитие культурного туризма: теоретический анализ и международный опыт.....	234
Невзоров С.Г. Коллективный подвиг и подвижничество в православной культуре: культурологический анализ генезиса и проявлений миссии конфессии.....	240
Лу Шо Типология музыкальных средств выражения философских идей Просвещения (В.А. Моцарт, 1756-1791 гг.).....	251
Лин Сяо Театр и травма: проблема этических границ репрезентации.....	256
Ли Ен Ок Теургия соборности: фрески М. Нестерова в Марфо-Мариинской обители и Н. Рериха в Талашкино в контексте религиозной философии Серебряного века.....	264
Михайлов А.С. Трансформация культурного кода «рыцарство» как источник искусственной мифологии в медиафраншизе Warhammer 40 000.....	272
Аннотации	280
Авторы	297

CONTENT

PHILOSOPHY

<i>Petrova S.I., Petrov I.F.</i> Synesthesia as a philosophical problem.....	14
<i>Semenova T.N., Sitnova L.I.</i> On the issue of educational management philosophy.....	20
<i>Tian Haoran, Ulyanova L.N.</i> Transformation of the aesthetic category «QI» within the framework of viola training in Chinese higher education institutions: from traditional worldview to modern performance interpretation...	30
<i>Cherkasov A.A.</i> The problems of incarnation and the disappearance of presence in the philosophy of Jean Baudrillard.....	37
<i>Bekova M.A.</i> Geopolitical factors of intercultural communication.....	46
<i>Bugaev M.K.</i> On the prospects of homo politicus in modern Russia: right-wing approach.....	55
<i>Volobueva A.A.</i> Harmony of words: philosophy of language culture formation in the mediactal era.....	62
<i>Vyskrebentsov R.Y.</i> Socio-philosophical foundations of the legitimacy of political violence: a comparative analysis of approaches.....	71
<i>Grigorenko V.R.</i> Modernization as a value innovation and a problem of Russian society.....	79
<i>Efimova L.N., Shekhireva N.A., Abramtseva E.G.</i> The relevance of the 'the abolition of man': the ethical and philosophical ideas of C.S. Lewis in the context of the crisis of traditional values.....	85
<i>Karyuk N.N.</i> Self-sovereign digital identity: subject autonomy and new forms of vulnerability in the blockchain environment.....	97
<i>Kuznetsova-Fetisova L.E.</i> Legitimation strategies of irrational knowledge in contemporary Russia.....	110
<i>Novikov P.A.</i> Overcoming the alienation of the individual in V. Hugo's novel 'les misérables': toward a methodology of socio-philosophical analysis»...	116

SOCIOLOGY

<i>Maksimova S.G., Aster T.N.</i> CSR and open innovation: how social responsibility shapes collaborative models.....	124
<i>Voznesensky I.S., Chapkin A.N.</i> Temporal transformations of education: the digital accelerator and the social price of time in the post-COVID era.....	133
<i>Gryaznova V.N.</i> Incorporation of state personnel policy into the system of state strategic management: from the search for meaning to the sustainable amplification of new ideas.....	142

<i>Nersesyan R.S.</i> The projective state: concept, architecture, scientific foundation.....	155
<i>Pavlov G.A., Kryunkin Yu.E., Logacheva M.I.</i> Artificial intelligence in sociology: methodological breakthrough or threat to validity?.....	164
<i>Stepnaya A.A., Korobkina M.A.</i> Formation of talent management processes in the organization.....	170
<i>Schelokov D.V.</i> Methodological foundations of analytical study of social transformations.....	176

CULTURAL STUDIES

<i>Yakovlev A.A.</i> The origins of the soviet poster.....	186
<i>Chu Lumiao</i> Aesthetic categories of the Chinese tradition in the context of Islamic calligraphy.....	202
<i>Zhang Wei</i> United front work brand of a border university as an instrument of cultural revitalization in ethnic areas: the case of Heihe University.....	212
<i>Cui Ge</i> The evolution of the film dance: from primitive experiments to modern interpretations.....	220
<i>Fu Xiaojuan</i> Integration of national and folk music into the development of cultural tourism: theoretical analysis and international experience.....	234
<i>Nevzorov S.G.</i> Collective feat and ascetic labour in orthodox culture: a culturological analysis of the genesis and manifestations of the confession's mission.....	240
<i>Lu Shuo</i> The typology of the musical devices expressing the philosophy ideas of the enlightenment (V.A. Mozart, 1756-1791).....	251
<i>Ling Xiao</i> Theater and trauma: the problem of ethical boundaries of representation.....	256
<i>Lee Yeon Ok</i> Theurgy of conciliarity: frescoes by M. Nesterov in the Martha and Mary Convent and N. Roerich in Talashkino in the context of the religious philosophy of the Silver Age.....	264
<i>Mikhailov A.S.</i> Transformation of the cultural code "chivalry" as a source of artificial mythology in the Warhammer 40,000 media franchise...	272

<i>Abstracts</i>	289
<i>Authors</i>	299

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Петров И.Ф.

Доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Синестезия как проблема философии*

Аннотация. В статье рассматривается феномен синестезии как предмет философской рефлексии, выходящий за рамки узко-психологического или нейробиологического подхода. Прослеживается эволюция представлений о синестезии. От античных концепций единства чувственного восприятия (через романтическую эстетику и символизм) к современным дискуссиям в аналитической философии сознания и феноменологии. Особое внимание уделяется тому, как философское осмысление синестезии позволяет пересмотреть классическую модель «пяти чувств» Проблематизировать понятие квалиа и предложить новое понимание целостности субъекта восприятия. Обосновывается тезис о том, что синестезия является ключевым феноменом, раскрывающим целостную природу перцептивного опыта. Обладающим значительным эвристическим потенциалом для эпистемологии, онтологии и философской антропологии.

Ключевые слова: синестезия, философия восприятия, квалиа, феноменология, кросс-модальность, чувственный синтез, эстетика, философия сознания, мультисенсорность, телесность.

Petrova S.I.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Petrov I.F.

Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.

Synesthesia as a philosophical problem

Abstract. The article examines the phenomenon of synesthesia as a subject of philosophical reflection that goes beyond the narrow psychological or neurobiological approach. The evolution of ideas about synesthesia is traced. From ancient concepts of the unity of sensory perception (through romantic aesthetics and symbolism) to modern discussions in the analytical philosophy of consciousness and phenomenology. Special attention is paid to how the philosophical understanding of synesthesia allows us to revise the classical model of the “five senses”, problematize the concept of qualia and offer a new understanding of the integrity of the subject of perception. The thesis is substantiated that synesthesia is a key phenomenon revealing the holistic nature of perceptual experience. Having a significant heuristic potential for epistemology, ontology and philosophical anthropology.

Key words: synesthesia, philosophy of perception, qualia, phenomenology, cross-modality, sensory synthesis, aesthetics, philosophy of consciousness, multisensory, corporeality.

* © Петрова С.И., Петров И.Ф., 2026.
Синестезия как проблема философии

Введение

Синестезия – феномен, при котором стимуляция одной сенсорной модальности закономерно вызывает переживание в другой («цветной слух», «вкус слов», «осязаемые звуки»). Она традиционно изучается психологией и нейронауками. Эмпирические исследования последних десятилетий (в особенности работы Р. Цитовика и Дж. Уорда) подробно описали типологию синестетических переживаний. Их генетическую предрасположенность и нейронные корреляты [15, с. 23]. Однако сведение этого феномена к нейрофизиологическому курьезу или к «перекрестной активации» зон коры головного мозга оставляет нерешенным главный вопрос. Что синестезия говорит нам о структуре сознания. О природе чувственного опыта. И об отношениях между языком, образом и реальностью...

Уже сама постановка этих вопросов предполагает выход за пределы дисциплинарных границ. Как замечает Дж. Симнер: «...синестезия – это окно в общие принципы организации перцептивного опыта, а не отклонение от нормы, требующее объяснения через патологию» [19, с. 9]. Именно поэтому она требует собственно философского осмысления. Такого, которое сумело бы удержать вместе эмпирическую конкретность феномена и его метафизическую значимость.

Историко-философские истоки проблемы

Уже у Аристотеля мы находим учение о «общем чувстве», которое объединяет данные отдельных модальностей в единое перцептивное целое. В трактате «О душе» он замечает: «Существует некая общая способность, сопутствующая всем чувствам, благодаря которой ощу-

щают, что видят и слышат» [1, 425b]. Эта интуиция целостности чувственного восприятия становится отправной точкой всякого последующего философского обсуждения межчувственного синтеза. Существенно, что для Аристотеля общее чувство есть не дополнительная, шестая способность. А условие самой возможности единого опыта. Без нее мы имели бы лишь рассыпанные импрессии, лишенные субъектного центра.

Средневековая схоластика, восприняв аристотелевскую традицию, развивала учение как о внутреннем чувстве. Которое обеспечивало интеграцию модальностей. Фома Аквинский в «Суме теологии» утверждал, что «...общее чувство есть корень и принцип всех внешних чувств» [12, с. 78]. Тем самым средневековая мысль придерживалась идеи первичного единства чувственного. Оно лишь аналитически расщепляется на отдельные модальности.

Картезианская традиция, напротив, ввела жесткое разделение модальностей. И установила парадигму «обособленных каналов» опыта. Дуализм мыслящей и протяженной субстанций повлек за собой и атомизацию чувственного. Каждое ощущение мыслилось как самостоятельный «знак» внешнего воздействия. Не имеющий внутренней связи с другими. Дж. Локк в «Опыте о человеческом разумении» утверждал, что «...идеи разных чувств настолько различны между собой, что человек, родившийся слепым, никогда не сможет составить себе представления о цветах» [5, с. 178]. Эта позиция определила господствующую модель новоевропейской эпистемологии. В ней межчувственный синтез оказался теоретически проблематичным.

В XIX веке романтики и символисты восстают против этой модели. Знамени-

тый сонет Ш. Бодлера «Соответствия» провозглашает: «Перекликаются звук, запах, форма, цвет» [2, с. 19]. А. Рембо в стихотворении «Гласные» приписывает каждой букве собственный цвет («А – черный, белый – Е, И – красный, У – зелёный, О – синий»). Превращая синестезию в эстетический и эпистемологический манифест. Намекая на то, что подлинная реальность открывается лишь в межчувственном синтезе. В немецкой романтической традиции близкие идеи разрабатывал Новалис, говоривший о «магическом идеализме», в котором «глаз слышит, а ухо видит» [9, с. 178]. Эти поэтические интуиции подготовили почву для последующей философской реабилитации феномена.

Особое место в этой линии занимает эстетика А. Н. Скрябина и его проект «Мистерии». В нем звук, цвет и аромат должны были слиться в единое произведение. Здесь синестезия выступает уже не только как индивидуальная особенность восприятия. А как программа онтологического преобразования опыта.

Феноменологическое измерение

Качественный сдвиг происходит в феноменологии. Э. Гуссерль в «Картезианских размышлениях» подготовил почву для нового понимания. Указав, что «...всякое восприятие есть синтез, в котором различные стороны предмета даны как стороны одного и того же» [4, с. 79]. Однако наиболее радикально переосмысляет проблему М. Мерло-Понти. В «Феноменологии восприятия» он утверждает: «Синестетическое восприятие является правилом, и если мы этого не замечаем, то лишь потому, что научное познание смещает опыт» [8, с. 265]. Для него синестезия – не аномалия. А норма телесного бытия в мире. Обнажающая изначальную целостность «чувствующего тела». Чувства не

суть изолированные каналы. Они есть различные модальности единого «плотского» присутствия субъекта.

Это переворачивает картезианскую онтологию. Вместо разделенных субстанций – единое поле перцептивного смысла. М. Мерло-Понти подкрепляет свой тезис обращением к конкретным примерам: «Мы видим мягкость ткани, твердость камня, тяжесть воды» [8, с. 267]. Видимое уже несет в себе осязаемое. Слышимое – пространственное. И это переплетение модальностей не есть результат вторичной ассоциации. Это первичная структура опыта.

Близкие интуиции мы находим в русской религиозно-философской мысли. П. А. Флоренский в работе «Иконостас» пишет о «синтетической природе» художественного образа. Где «...звук просвечивает цветом, а цвет звучит» [10, с. 56]. Для П.А. Флоренского синестезия – онтологическое свидетельство о символической ткани бытия. В ней чувственные модусы суть лишь грани единой смысловой реальности. В работе «У водоразделов мысли» он развивает эту идею. Указывая, что «...слово есть существо живое и потому многомерное; в нём смыкаются зрение, слух, осязание, мысль» [11, с. 234].

А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа» развивает родственную идею: «Всякий миф есть энергийное самоутверждение личности, в нем слово, образ, звук и смысл суть одно» [6, с. 102]. Чувственный синтез у А.Ф. Лосева оказывается формой символического выражения целостной личности. В «Философии имени» он уточняет: «Имя есть стихия разумного общения живых существ в свете смысла и понимания, явленных через звук, образ и значение в их нерасторжимости» [7, с. 167]. Тем самым русская традиция предлагает онтологическое прочтение синестезии. А ней межчувственный

синтез укоренен в самой структуре бытия как символической реальности.

Эпистемологические и онтологические импликации

Современная аналитическая философия сознания подходит к синестезии с иной стороны. Через проблему квалиа и кросс-модального восприятия. Д. Чалмерс в «Сознающем уме» использует синестезию как один из аргументов в пользу несводимости феноменального опыта к функциональным состояниям: «Никакое физическое описание не объяснит, почему музыкальный аккорд переживается синестетом как именно этот цвет» [13, с. 219]. Тем самым синестезия включается в обсуждение «трудной проблемы сознания». Она демонстрирует, что качественная сторона опыта обладает собственной структурой. Не редуцируемой к нейрофизиологическим коррелятам.

Т. Нагель, чей знаменитый вопрос «Каково это – быть летучей мышью?» [17, с. 437] стал отправной точкой современной философии сознания. Он фактически указывает на ту же проблему. Феноменальное переживание модальности не схватывается извне. Синестетический опыт обостряет этот тезис. Даже внутри человеческого сознания возможны радикально различные конфигурации квалиа.

К. Каллаган утверждает: «Восприятие по существу мультисенсорно; модели, описывающие его как сумму обособленных модальностей, эмпирически и концептуально несостоятельны» [18, с. 14]. Он показывает, что даже «обычное» восприятие (например, понимание речи) уже опирается на интеграцию слуховых и зрительных данных (известный эффект Мак-Гурка). М. Маттен в исследованиях кросс-модальности показывает, что перцептивное единство

не сводимо к сумме модальных вкладов. Оно обладает собственной онтологической структурой [16, с. 87]. По его словам, «...модальности не складываются – они интерферируют, образуя качественно новые перцептивные сущности» [16, с. 91].

Б. Брогор развивает идею «перцептивного связывания» указывая, что синестезия делает явным тот механизм, который в норме остается имплицитным: «Синестет видит то, что философ должен помыслить – а именно, что единство сознания не дано как сумма, но конституируется как смысл» [14, с. 112]. Синестезия, таким образом, заставляют пересмотреть саму модель «пяти чувств». Унаследованную от Античности и закрепленную Новым временем.

Синестезия как философская модель

Из сказанного следует, что философское значение синестезии не ограничивается ее эстетической или психологической стороной. Она ставит три вопроса. Во-первых, эпистемологический вопрос: «Если разделение модальностей не первично, то как возможны объективные различия между «видеть» и «слышать»? Здесь обнаруживается, что само различение модальностей есть результат рефлексивной работы. А не данности опыта. Во-вторых, онтологический: «Какова природа квалиа, если они способны «перетекать» из одной модальности в другую?» Это ставит под вопрос как функционалистские, так и наивно-реалистические трактовки чувственных качеств. В-третьих, антропологический: «Какова целостность субъекта, в котором возможен такой синтез?» Синестезия указывает на субъекта не как на пучок ощущений (Юм). И не как на трансцендентальное единство

апперцепции (Кант). А как на воплощенное смысловое поле.

Ответ, намечаемый феноменологической традицией и развиваемый современной мультисенсорной философией, состоит в том, что первичной реальностью опыта является не отдельное ощущение. А целостное смысловое поле. В нем модальности суть аспекты, а не части. Как точно замечает Б. Стивенс, «...синестезия обнаруживает изначальное единство чувственного, которое аналитический разум лишь впоследствии разлагает на составляющие» [20, с. 41]. В этом смысле синестезия выступает не отклонением, а герменевтическим ключом. Она позволяет увидеть в обычном восприятии то, что обычно скрыто за привычкой к аналитическому различению.

Эстетика, как заметил еще Г. Гадамер, особенно чувствительна к этому первичному единству: «Произведение искусства говорит к нам сразу всеми чувствами, и именно в этом заключается его истина» [3, с. 156]. Синестетический опыт, культивируемый искусством. Есть, таким образом, не уход от реальности, а возвращение к ее исходной полноте.

Заключение

Синестезия это не маргинальное явление, а предмет философской рефлексии. Она выступает моделью, позволяющей преодолеть редукционистские трактовки сознания. Восстановить единство чувственного и интеллектуального. Переосмыслить отношения между языком, образом и телесностью. На пересечении феноменологии, аналитической философии сознания и русской религиозно-философской традиции вырисовывается контур новой философии восприятия. В ней межчувственный синтез становится не ис-

ключением. А правилом. А целостность субъекта – не постулатом, а феноменом, доступным описанию.

Философия синестезии – это, в конечном счете, философия целостного человека. Человека, чье восприятие мира всегда богаче любых дисциплинарных схем его описания. Дальнейшая разработка этой проблематики предполагает диалог философии с нейронауками, лингвистикой и эстетикой. Диалог, в котором философская мысль должна сохранить свою специфическую задачу. Удерживать вопрос о смысле опыта во всей его глубине.

Список литературы

1. Аристотель. О душе // Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Бодлер Ш. Цветы зла / пер. с фр. Эллиса. – М.: Наука, 1970. 480 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. – СПб.: Наука, 1998. 315 с.
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. 621 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. 558 с.
7. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990. 269 с.
8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. 608 с.
9. Новалис. Фрагменты / пер. с нем. А.Л. Вольского. – СПб.: Владимир Даль, 2014. 320 с.
10. Флоренский П.А. Иконостас // Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. 877 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1). – М.: Мысль, 2000. 621 с.
12. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 75–119 / пер. с лат. С. И. Еремеева. – Киев: Ника-Центр, 2005. 576 с.
13. Чалмерс Д. Сознание и ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. – М.: УРСС, 2013. 512 с.
14. Brogaard B. Seeing and Saying: The Language of Perception and the Representational View of Experience. – Oxford: Oxford University Press, 2018. 320 p.
15. Cytowic R.E., Eagleman D.M. Wednesday Is Indigo Blue: Discovering the Brain of Synesthesia. – Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 309 p.
16. Matthen M. Active Perception and the Representation of Space // Perception and Its Modalities / ed. by S. Biggs, M. Matthen, D. Stokes. – Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 67–94.
17. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // The Philosophical Review. 1974. Vol. 83. № 4. P. 435–450.
18. O'Callaghan C. A Multisensory Philosophy of Perception. – Oxford: Oxford University Press, 2019. 224 p.
19. Simner J. The Oxford Handbook of Synesthesia

/ ed. by J. Simner, E. Hubbard. – Oxford: Oxford University Press, 2013. 1112 p.

20. Stevens B. Synaesthesia and the Unity of the Senses. – London: Routledge, 2018. 196 p.

21. Блаженкова Н.М., Зарипов Р.Н. Методологический подход к реструктуризации промышленных предприятий на основе композитного индекса в условиях цифровой трансформации // Альманах «Крым». 2026. № 53. С. 69-73.

References

1. Aristotle. On the Soul // Works: in 4 volumes. Vol. 1. – Moscow: Mysl, 1976. 550 p.
2. Baudelaire Sh. The Flowers of Evil / translated from French by Ellis. – Moscow: Nauka, 1970. 480 p.
3. Gadamer H.-G. Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics / translated from German. – Moscow: Progress, 1988. 704 p.
4. Husserl E. Cartesian Meditations / translated from German. – St. Petersburg: Nauka, 1998. 315 p.
5. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding // Works: in 3 volumes. Vol. 1. – Moscow: Mysl, 1985. 621 p.
6. Losev A.F. The Dialectic of Myth. – Moscow: Mysl, 2001. 558 p.
7. Losev A.F. Philosophy of the Name. – Moscow: Moscow State University Press, 1990. 269 p.
8. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception / translated from French. – St. Petersburg: Yuventa; Nauka, 1999. 608 p.
9. Novalis. Fragments / translated from German by A.L. Volsky. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. 320 p.
10. Florensky, P.A. Iconostasis // Works: in 4 volumes. Vol. 2. – Moscow: Mysl, 1996. 877 p.
11. Florensky P.A. At the Watersheds of Thought // Works: in 4 volumes. Vol. 3 (1). – M.: Mysl, 2000. 621 p.
12. Thomas Aquinas. Sum of Theology. Part I. Questions 75–119 / trans. from lat. S. I. Eremeeva. – Kyiv: Nika-Center, 2005. 576 p.
13. Brogaard B. Seeing and Saying: The Language of Perception and the Representational View of Experience. – Oxford: Oxford University Press, 2018. 320 p.
14. Cytowic R.E., Eagleman D.M. Wednesday Is Indigo Blue: Discovering the Brain of Synesthesia. – Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 309 p.
15. Matthen M. Active Perception and the Representation of Space // Perception and Its Modalities / ed. by S. Biggs, M. Matthen, D. Stokes. – Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 67-94.
16. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // The Philosophical Review. 1974. Vol. 83. № 4. P. 435-450.
17. O'Callaghan C. A Multisensory Philosophy of Perception. – Oxford: Oxford University Press, 2019. 224 p.
18. Simner J. The Oxford Handbook of Synesthesia / ed. by J. Simner, E. Hubbard. – Oxford: Oxford University Press, 2013. 1112 p.
19. Stevens B. Synaesthesia and the Unity of the Senses. – London: Routledge, 2018. 196 p.
20. Zарипов R.N., Blazhenkova N.M. A methodological approach to the restructuring of industrial enterprises based on a composite index in the conditions of digital transformation // Almanac "Crimea". 2026. № 53. P. 69-73.

Семенова Т.Н.

Кандидат философских наук, доцент. Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина.

Ситнова Л.И.

Кандидат философских наук, доцент. Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина.

К вопросу о философии менеджмента образования*

Аннотация. Статья посвящена проблеме образования, как системообразующего социального института, который имеет длительную историю становления, неразрывно связан со всеми сферами жизни общества – экономической, политической, социальной, духовной, с задачами государства в области сохранения и развития общественных отношений, с национальной культурой различных стран и народов. Образование, как феномен культуры, базируется на многообразии философско-мировоззренческих парадигм, управленческих принципов, на мультикультурализме и междисциплинарности.

Ключевые слова: менеджмент, образование, социальный институт, национальные системы образования, философско-мировоззренческие основы, образовательные парадигмы, мультикультурализм, междисциплинарность.

Semenova T.N.

PhD in Philosophy, Associate Professor. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).

Sitnova L.I.

PhD in Philosophy, Associate Professor. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).

On the issue of educational management philosophy

Abstract. The article is devoted to the problem of education as a system-forming social institution, which has a long history of formation and is inextricably linked with all spheres of social life - economic, political, social, spiritual, with the tasks of the state in the field of preservation and development of social relations, with the national culture of various countries and peoples. Education, as a cultural phenomenon, is based on a variety of philosophical and worldview paradigms, management principles, multiculturalism and interdisciplinarity.

Key words: management, education, social institution, national education systems, philosophical and ideological foundations, educational paradigms, multiculturalism, interdisciplinarity.

Образование – важнейший социальный институт, основными задачами которого являются: трансляция систематизированных знаний, социализация

* © Семенова Т.Н., Ситнова Л.И., 2026.
К вопросу о философии менеджмента образования

людей, подготовка профессиональных кадров в различных сферах жизни общества. Философия менеджмента образования определяет цели, задачи, оценки эффективности, методы управления образовательными процессами на разных этапах исторического развития.

Философия менеджмента образования включает в себя следующие аспекты:

1. Определяет цели образовательного процесса (развитие личности, формирование профессиональных навыков, воспитание гражданственности и т. д.)

2. Обосновывает управленческие принципы демократического характера, неразрывно связанные с гуманистическим характером образовательного процесса, с учётом индивидуальных особенностей обучающихся и т. п.

3. Философия менеджмента образования определяет методы и инструменты достижения поставленных целей, такие, как методы планирования, организации, мотивации, контроля, ежедневной практики, создания ментальной картинки, эмоциональной поддержки и т. д.

4. Философия менеджмента образования определяет роль руководителя образовательного учреждения как эффективного администратора, и при этом лидера, обладающего и Hard skills, и Soft skills

5. Философия менеджмента образования учитывает взаимодействие образовательного учреждения с внешней средой: государством, политикой, правом, рынком труда, экономикой в целом, культурой, прежде всего с наукой, новыми технологиями, социальными структурами, социально-демографическими факторами и т. п. Этот коммуникационный аспект интегрирует образовательный процесс в изменяющиеся

условия и новые требования жизни общества [8].

Становление института образования проходило определенные исторические этапы, включает философско-мировоззренческую, политическую, национальную, технологическую идеологии [6].

Первые образовательные учреждения, востребованные обществом, появились в античной Греции. Академия Платона, Ликей Аристотеля, Сады Эпикура перенесли акцент с домашнего образовательного и воспитательного процесса на коллективный процесс с тенденцией к стандартизации образовательных программ. Каждая социальная группа (аристократы, воины, ремесленники и крестьяне) имела свой стандарт необходимых для них знаний, а вышеперечисленные учебные заведения предназначались для высших социальных слоев в статусе «высшего образования». Приоритет интеллектуальной деятельности в Древней Греции привел к тому, что в то время были созданы великие образцы искусства, появилась математика и геометрия как науки, знания в области механики, астрономии, медицины. Грамотность, аккумуляция знаний и трансляция их из поколения в поколение (пока еще в очень узком социальном сегменте) сделали античную Грецию, а затем и Римскую империю, основой европейской цивилизации, заложили основные принципы образовательных стандартов как необходимых для общественного развития процессов.

В средние века, несмотря на религиозную веру, как основу миропонимания и мировосприятия, уже в XI в. появились первые университеты (Болонский), реализующие объективную потребность общественного развития в расширении социального состава грамотных людей и специалистов (в области теологии). Об-

разовательный процесс средневековья был нацелен прежде всего на потребности церкви и укрепление религиозного мировоззрения. Однако неизменным сопутствующим компонентом образовательного процесса является укрепление рационального, логического стиля мышления, искусство аргументации, расширение понятийного аппарата.

В Новое время, в эпоху индустриализации и формирования науки как социального института, как важнейшего элемента культуры, как высшей формы познавательной деятельности, образование становится государственным делом, объективной потребностью прежде всего для промышленного, научного развития, и в целом для общественного прогресса.

XVIII и XIX века – время рождения современной школы и классического университета. Формировались национальные системы школьного обучения, преодолевалась элитарность и церковный контроль. Образование становилось важным направлением государственной внутренней политики, государственным инструментом, обеспечивающим экономический рост, национальную безопасность и формирование гражданской идентичности и общенациональных ценностей.

Основные тенденции образовательного процесса в Новое время:

- воспитание квалифицированного специалиста и гражданина, что реализовало потребность общества во всеобщей грамотности и расширении социальной базы, включая женское образование;

- усиление роли государства в управлении образовательным процессом. Создавались единые образовательные системы (например, школьные округа во Франции, гимназии в Германии. Германия, Австрия в 17-18 вв. при-

няли первые уставы о всеобщем образовании);

- секуляризация духовной жизни общества и человека. Школа постепенно выходила из-под контроля церкви; на смену религиозным догмам пришла наука, рационализм. Образование становилось массовым, научным и системным;

- основной упор стали делать на реальные знания: математику, физику, химию, современные языки и географию;

- появилось два типа школ: классические гимназии (гуманитарный уклон, латынь) и реальные училища (технический и естественный уклон).

Философия менеджмента образования Нового времени связан с такими именами, как Дж. Локк, Жан-Жак Руссо, Ян Коменский, Вильгельм фон Гумбольдт. Дж. Локк – человек полностью формируется средой и воспитанием. Жан-Жак Руссо – воспитание должно следовать за естественным развитием ребенка, без насилия и зубрежки. Благодаря Яну Коменскому обосновывается необходимость перехода к классно-урочной системе. Вильгельм фон Гумбольдт – школы были поделены на народные и гимназии, были введены экзамены в конце обучения, учебные планы, отменена зубрежка и палки, было введено обязательное специальное образование для учителей народных школ и госэкзамены для учителей гимназий. Теперь государство решало, пригоден ли кто на должность учителя или нет.

С XVIII в. в Западной Европе начинает складываться современная система Высшего образования как социального института: Академии наук, специальное образование (открываться школы: для обучения слепых, глухих, сиротские учебно-воспитательные учреждения и т.д.), профессиональное образование,

высшее образование (появились новые формы и методы образования -- семинарские и лабораторные занятия, практические занятия).

Современная философская идеология образовательного процесса формировалась под влиянием философских направлений XX в. [21]. Их разнообразие позволяло учитывать многие процессы духовной жизни общества и человека. На первом месте был **экзистенциализм**, который ориентировал на развитие уникальности личности, ее свободу и ответственность. Экзистенциальные идеи сегодня лежат в основе перехода от «образования как конвейера» к образованию как процессу становления личности. В современном управлении это проявляется через несколько ключевых концепций: свобода выбора индивидуальных образовательных программ, что означает признание субъектности учащегося. Студент сам выбирает модули, темп обучения и наставников, как «архитекторов» образовательной среды. Система оценивания результата включает прежде всего самооценку («Self-Directed Learning»). Фундаментом гуманистического менеджмента в образовании является приоритетное формирование «мягких навыков» Soft skills (критическое мышление, креативность, психологическая устойчивость) и культа доверия между педагогом и учащимся (фасилитация) [3, 4, 5].

В философскую идеологию образовательного процесса внесли свой вклад также **прагматизм**, который акцентировал внимание на практическом опыте, на решении жизненных задач с помощью образования как важнейшего инструмента; **синергетика**, которая рассматривает образовательную организацию как сложную самоорганизующуюся систему, где жесткое админи-

стрирование уступает место гибкому регулированию; **аналитическая философия** дает инструменты для критического анализа понятий, которыми оперирует философия менеджмента образования. И. Шеффлер, Р. Питерс предлагали прояснять язык, на котором мы говорим об обучении («образование», «обучение», «воспитание», «знание», «эффективность образовательной организации», «качество образования», «инновационность», «ориентированность на результат») [2].

Изучение цели и ценности управления образовательными системами сочетает эффективность (бизнес-подход) с гуманистическими целями образования. **Франкфуртская школа** (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе) выдвинула идею образования как освобождения, эмансипации человека от всех форм давления, манипуляции со стороны. Эта идеология стала основой понимания необходимости автономии педагога и критического мышления студента, чтобы они не были просто «ресурсами» в системе, не превращались в «товар», в «рыночный механизм», в коммерческие объекты. Франкфуртская школа напоминает, что управление это не просто набор техник, а этическая и политическая деятельность.

Антропологическая философия (М. Шелер, Г. Плеснер, А. Гелен) в контексте образования требует видеть в ученике не только «хранилище информации», а единство физического, психологического и духовного начал. Ученик признается полноправным субъектом, а не объектом воздействия. Это меняет роль педагога с «контролера» на «наставника» или «партнера по диалогу».

Философия менеджмента образо-

вания изучает фундаментальные принципы и ценности, на которых строится управление образовательными системами. Это прежде всего обеспечение пространства, где человеку хочется учиться, доверие к преподавателю и ученику, формирование среды для роста личности, - в целом, уход от бюрократического формализма. Интересы развития человека, личности - главная цель. Вместо подготовки просто «функции» или «работника», образование стремится развить целостную личность с широким кругозором и развитым мышлением. Это проявляется в гуманизации (усилении роли предметов об искусстве, истории и философии); в практико- ориентированности (интеграции образования с повседневными социокультурными практиками); в гуманизации (учете уникального внутреннего мира каждого студента). Тем самым преодолевается узкопрофессиональный («технократический») взгляд на обучение [19].

В эпоху постиндустриального, информационного общества формируется **постмодернистский взгляд на образовательный процесс** [14, 15, 16, 22]. Коренным образом меняется взгляд на менеджмент образования, переходя от жестких иерархических структур к гибким, децентрализованным и плюралистичным моделям. Постмодернизм отказывается от универсальных стандартов, от единых учебных планов и программ, выступает против жестокого государственного контроля, за развитие «распределенного лидерства», когда управленческие функции разделяются между всеми участниками образовательного процесса, включая учителей и учеников. Обучение строится на смене ролей, от лектора к фасилитатору, организатору групповой работы, управляющего процессом обсуждения, достиже-

ния общих целей, принятия решений. Педагог помогает ученику ориентироваться в потоке информации, в плюрализме ценностей, в диалоге разных культур, в сложной сети связей и отношений.

Мультикультурализм и междисциплинарность – знаковые понятия эпохи постмодернизма в образовательном процессе [16]. При этом критики постмодернистского подхода указывают на риски «симуляции образования», когда за внешним разнообразием и игрой форм теряется глубина знаний и четкие критерии качества. Фрагментарность и отсутствие единых ценностей могут затруднять социализацию обучающихся.

Современные тенденции философии менеджмента образования основываются на следующих парадигмах: партнерство учителя и ученика, как основа «самоменеджмента» личности; корпоративная культура как основа творческого союза субъектов образовательного процесса, позволяющего достичь максимальных результатов; учет новых условий, в которых происходит образовательный процесс, цифровизация и постоянные перемены, многозначность; признание образования главным социальным лифтом для повышения социального статуса человека. В основе философии менеджмента образования лежит базовый принцип – передача знаний – это условие развития личности. «Общество знаний» создает условия для формирования и самореализации личности, для усвоения компетенций, востребованных в обществе. Человеческий капитал- основа развития общества в эпоху информатизации, цифры [21]. Наблюдается устойчивая тенденция рассматривать образование как **проектно-ориентированную деятельность** [6]. Это подход,

при котором обучение строится вокруг решения реальных задач, а не только усвоения теории. Студенты активно добывают знания, работая в командах над созданием продукта (исследование, бизнес-план, ПО, модель), развивая самостоятельность, навыки управления, компетенции формирования навыков поиска, коммуникации, исследования и управления. В отличие от классического «процессного» обучения, проектный подход формирует так называемые soft skills: критическое мышление, умение работать в команде, коммуникабельность и ответственность за конечный результат.

Существует множество национальных парадигм философии менеджмента образования [13, 15]. Общее у них – структурированность, многоуровневость, полифункциональность, неразрывная связь с общегосударственными целями и задачами, культуроцентричность, гуманизация. При этом существует диалектическая взаимосвязь между национальной ориентированностью системы образования и объективным процессом универсализации образования как социального института в условиях глобализации.

Общие парадигмы системы образования в условиях глобального миропорядка, требующие универсальных технологий менеджмента, это:

1. Образование как главный системообразующий социальный лифт, «поднимающий» человека к новым, высоким социальным статусам, обеспечивающий социальный успех и благополучие семьи;

2. Структуризация образовательного процесса – дошкольное, школьное (начальное, неполное среднее, полное среднее), специализированное профессиональное и высшее образование;

3. Передача знаний неразрывно свя-

зана со становлением личности, в основе которой формирование soft skills;

4. В большинстве стран централизованная система образовательного менеджмента (за исключением США), но при этом в научной деятельности университеты стремятся к автономии, уходят от прямого государственного давления (Германия);

5. Сочетание высокого профессионализма и широты знаний, теории и практики;

6. Владение технологиями искусственного интеллекта (например, в Египте школы обеспечены бесплатными планшетами);

7. Сочетание государственного и частного сектора в образовательном сегменте, доступность базового образования;

8. Неразрывная связь образовательной парадигмы с философско-мировоззренческими идеями конкретной культуры [1,3]:

- **основные принципы китайской системы образования** строятся на сочетании глубоких конфуцианских традиций, конфуцианской этики и жесткой государственной политики, направленной на экономическую конкурентоспособность. Учебные программы включают патриотическое воспитание и соответствуют стратегическим целям развития КНР;

- **немецкая модель образования** сочетает обучение в профессиональной школе с практической работой на предприятиях, что обеспечивает высокий уровень квалификации. Университет должен быть автономным, чтобы служить обществу, а не только текущим интересам государства. И. Кант заложил основы университетской автономии и важности критического мышления; единство преподавания и исследования. Образование не просто передача

знаний, а развитие способности мыслить самостоятельно. Университет должен формировать личность, способную к нравственному выбору (категорический императив). И. Г. Фихте, в свою очередь, развивал идеи о том, что образование должно быть направлено на воспитание личности, способной к саморазвитию и служению обществу. Гумбольдтовская модель университета (Wilhelm von Humboldt): это фундамент высшего образования Германии, основанный на идее единства преподавания и научных исследований (Forschung und Lehre), трансформация университета из учебного заведения в научный институт;

- **британская модель образования** (национальная учебная единая программа (National Curriculum)) определяет обязательные предметы, с упором на развитие критического мышления, гибкости ума и моральных качеств, физического здоровья и социальных навыков, воспитание критически мыслящих граждан, готовых к демократическому участию в жизни общества. Программы обеспечивают связь между теорией и практикой, соответствуют современным требованиям рынка;

- **система образования в США** децентрализована, контролируется штатами и округами, а не федеральным правительством. Студенты могут выбирать предметы, что способствует развитию индивидуальных интересов. Система образования США сформировалась под влиянием сочетания различных философских течений (прагматизм Дьюи, эссенциализм, прогрессивизм, перинниализм, конструктивизм), отражающих демократические ценности, индустриализацию и стремление к практическому применению знаний;

- **система образования во Франции** – это жестко централизованная

структура с единой учебной программой и государственными дипломами. Система образования во Франции формировалась под влиянием глубоких философских течений, ориентированных на рационализм, светскость и формирование гражданской идентичности. Фундамент французской школы укоренен в эпохе Просвещения, республиканских ценностях и позитивизме XIX века. Акцент делается на развитии критического мышления, аналитических способностей и абстрактного мышления. Ключевые ценности – свобода, равенство, братство – сочетаются с развитием научного подхода, эмпирических знаний и формированием культа науки и прогресса в образовательных программах;

- **система образования в Италии** сформировалась под влиянием глубоких исторических, философских и культурных традиций, где гуманизм, религиозные ценности и идеалистическая философия переплетаются с современными педагогическими подходами. Основные философские системы и идеи, оказавшие влияние на систему образования Италии, – это античный платонизм и гуманизм эпохи Возрождения (XV–XVI вв.); католическая философия; идеи позитивизма, акцентирующие внимание на научных методах и практических навыках, что привело к созданию технических и профессиональных институтов, при этом подчеркивается высокая роль философии, гуманитарной направленности, автономии учителя (свободу в выборе методов и текстов).

- **финская система образования** считается одной из лучших в мире благодаря равенству, бесплатности (от детского сада до университета), отсутствию стандартизированных тестов и высокой автономии учителей. Основ-

ной принцип – «учеба для жизни, а не для экзаменов», с акцентом на индивидуальный подход, поддержку отстающих и междисциплинарное обучение. Финская система делает упор на развитие критического мышления, эмпатии и самостоятельности, создавая среду, где дети чувствуют себя в безопасности и получают радость от учебы. Финская система образования – это сочетание гуманистического отношения к ребенку, скандинавского стремления к социальному равенству и прагматичного подхода к подготовке граждан к жизни в меняющемся мире [20].

- **образование в Индии** – это масштабная система, сочетающая британские стандарты и местные традиции, прежде всего кастовый строй. Философские основы индийского образования базируются на синтезе древних духовных традиций (индуизма, буддизма, джайнизма) и концепций мыслителей Нового времени (Р. Тагора, С. Вивекананды, М. Ганди), где главной целью обучения является не просто накопление знаний, а целостное развитие личности и достижение духовного освобождения.

- **российская система образования** [10,11] – это централизованная, многоступенчатая структура, обеспечивающая непрерывное обучение (от детского сада до вуза) и регламентируемая государственными стандартами (ФГОС). Она включает общее, профессиональное и дополнительное образование, делая упор на академическую подготовку. Ключевые черты – сочетание традиций, цифровая трансформация и переход к новой национальной модели высшего образования, от Болонской системы к самостоятельной «национальной системе» с разделением на базовое (4–6 лет) и специализированное (магистратура/ординатура) высшее образование. Усиле-

ние роли патриотического воспитания. Особое внимание уделяется трудам русских философов (Н. Бердяев, И. Ильин, В. Соловьев) для обоснования воспитательного компонента в школах и вузах. Основные задачи философии образования в РФ сегодня – это определение баланса между интересами личности, требованиями государства и вызовами глобального информационного мира.

К числу основополагающих принципов государственной политики РФ в сфере общего (школьного) образования относятся: обеспечение единства образовательного пространства на территории страны, сохранение и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства, а также государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения, которые обеспечивают федеральные государственные образовательные стандарты.

В настоящее время осуществлено обновление федерального государственного образовательного стандарта начального, общего и основного общего образования, целями которых являются обеспечение качества общего образования, повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан Российской Федерации на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, сохранение глубины и фундаментальности отечественного образования.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 “О национальных целях развития Российской

Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»: создание к 2030 году эффективной системы подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров для приоритетных отраслей экономики исходя из прогноза потребности в них. Государственная политика РФ в сфере высшего образования направлена на отказ от Болонской системы и построение суверенной национальной модели образования. Главными целями реформ являются достижение технологического лидерства и суверенитета, прямая интеграция высшей школы с запросами реального сектора экономики, ориентация на рынок труда. Программы формируются в тесном партнерстве с ключевыми работодателями и госкорпорациями; в приоритете инженерно-технические, естественно-научные и ИТ-специальности [21].

Список литературы

1. Арефьев О.Н., Бухаров Г.Д. Системы образования зарубежных стран: национальные особенности и направления развития: учебное пособие для вузов / О.Н. Арефьев, Г.Д. Бухарова; Рос. гос. проф.-пед. ун-т, Акад. проф. образования, Урал. отд.-ние Рос. акад. образования. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2004. 357 с.
2. Береговая О.А. Аналитическая философия образования: краткий обзор // Философская мысль, 2018. № 3. С. 51-57.
3. Бертон Р. Кларк «Система высшего образования: академическая организация в перекрестке культурных миров» // Пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 360 с.
4. Богачек И.А. Философия управления. Очерки профессионального управленца – СПб.: Наука, 1999. 232 с.
5. Гасков В.М. Управление системой профессионального образования – М.: ИРПО, 2001. 288 с.
6. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века: (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций) – М.: Совершенство, 1998. 607 с.
7. Гуревич П.С. Философия и история образования. От Античности до эпохи Просвещения: учебник для вузов / П.С. Гуревич, О.К. Филатов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. 289 с.
8. Долженко О.В. Очерки по философии образования – М.: Промо-медиа, 1995, 240 с.
9. Запесоцкий А.С. Философия образования и проблемы современных реформ // Вопросы философии

№ 1 (Oct. 2020). С. 24-34.

10. Зборовский Г.Е. Образование как социальный институт – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 447 с.
11. История педагогики и образования: учебник для вузов / А.И. Пискунов [и др.]; под общей редакцией А.И. Пискунова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 452 с.
12. Национальная система высшего образования: стратегические приоритеты, направления развития: учебное пособие / под ред. Е.А. Антюховой, В.И. Коннова. – Москва: Проспект, 2025. 232 с.
13. Николаева Л.Ю. Философия образования. Часть 1 – М.: Мир науки, 2014. 92 с.
14. Никуличев Ю.В. Современное образование. Национальные модели и логика глобализации // Издательство ИНИОН РАН, 2019. 79 с.
15. Новиков А.М. Постиндустриальное образование – М.: Эгвес, 2008. 136 с.
16. Петряков П.А. Образовательный менеджмент как объект междисциплинарных исследований // Человек и образование. 2013. № 3 (36). С. 117-122.
17. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 17.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/ (Дата обращения: 28.05.2026)
18. Сидоров Л.Г. Философия управления образованием: ценности и идеалы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. № 1. С. 252-265.
19. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. 8 мая (№ 99).
20. Уокер, Т. Финская система обучения: как устроены лучшие школы в мире / Тимоти Уокер; пер. с англ. Т. Мамедовой. – М.: Альпина Паблишер, 2018. 256 с.
21. Философия образования в современном мире: учебник для вузов / ответственный редактор О.А. Береговая. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. 451 с.
22. Шляйхер Андреас «Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века?» Перевод: с английского И.С. Денисенко, И.Ю. Облачко. – М.: Изд-во: Национальное образование, 2019. 336 с.
23. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

References

1. Arefyev O.N., Bukharov G.D. Education Systems of Foreign Countries: National Characteristics and Development Directions: A Textbook for Universities / O.N. Arefyev, G.D. Bukharov; Russian State Prof. and Pedagogical University, Academy of Prof. and Pedagogical Education, Ural Branch of the Russian Academy of Education. – Yekaterinburg: Publishing House of the Russian State Prof. and Pedagogical University, 2004. 357 p.
2. Beregovaya O.A. Analytical Philosophy of Education: A Brief Review // Philosophical Thought, 2018. № 3. P. 51-57.
3. Burton R. Clark, "The Higher Education System: Academic Organization at the Crossroads of Cultural Worlds" // Translated from English by A. Smirnov. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics,

2011. 360 p.

4. Bogachek I.A. Philosophy of Management. Essays by a Professional Manager. St. Petersburg: Nauka, 1999. 232 p.

5. Gaskov V.M. Managing the Professional Education System. Moscow: IRPO, 2001. 288 p.

6. Gershunsky B.S. Philosophy of Education for the 21st Century: (In Search of Practice-Oriented Educational Concepts). Moscow: Sovershenstvo, 1998. 607 p.

7. Gurevich P.S. Philosophy and History of Education. From Antiquity to the Age of Enlightenment: A Textbook for Universities. P.S. Gurevich, O.K. Filatov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 289 p.

8. Dolzhenko O.V. Essays on the Philosophy of Education – Moscow: Promo-media, 1995. 240 p.

9. Zapesotsky A.S. Philosophy of Education and Problems of Modern Reforms// Questions of Philosophy № 1 (Oct. 2020). P. 24-34.

10. Zborovsky G.E. Education as a Social Institution – Yekaterinburg: Humanitarian University, 2011. 447 p.

11. History of Pedagogy and Education: Textbook for Universities / A.I. Piskunov et al.; edited by A.I. Piskunov. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 452 p.

12. National System of Higher Education: Strategic Priorities, Development Directions: Textbook / edited by E.A. Antyukhova, V.I. Konnov. – Moscow: Prospect, 2025. 232 p.

13. Nikolaeva L.Yu. Philosophy of Education. Part 1. – Moscow: Mir Nauki, 2014. 92 p.

14. Nikulichev, u.V. Modern Education. National Models and the Logic of Globalization. INION RAS Publishing House, 2019. 79 p.

15. Novikov A.M. Post-Industrial Education. – Moscow: Egves, 2008. 136 p.

16. Petryakov P. A. Educational Management as an Object of Interdisciplinary Research. – Man and Education. 2013. № 3 (36). P. 117-122.

17. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 N 1642 (as amended on December 17, 2025) "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Education Development" (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/ (May 28, 2026)

18. Sidorov L.G. Philosophy of Education Management: Values and Ideals // Historical and Socio-Educational Thought. 2019. № 1. P. 252-265.

19. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 № 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036" // Rossiyskaya Gazeta. Newspaper. 2024. May 8 (№ 99).

20. Walker, T. The Finnish Education System: How the World's Best Schools Work / Timothy Walker; Translated from English by T. Mamedova. Moscow: Alpina Publisher, 2018. 256 p.

21. Philosophy of Education in the Modern World: Textbook for Universities / Editor-in-Chief O.A. Beregovaya. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 451 p.

22. Schleicher, Andreas, World-Class Education: How to Build a 21st-Century School System? Translated from English by I.S. Denisenko, I.Yu. Oblachko. Moscow: National Education Publishing House, 2019. 336 p.

23. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Тянь Хаожань

Аспирант. Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Научный руководитель:**Ульянова Л.Н.**

Кандидат философских наук, профессор кафедры «Музыкальное образование, Высшая школа музыки и театра Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Трансформация эстетической категории «ци» в рамках подготовки альтистов в вузах Китая: от традиционного мировосприятия к современной исполнительской интерпретации*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются изменения, произошедшие в восприятии эстетической категории «ци» – одного из самых важных понятий философии даосизма – в контексте обучения современных альтовых исполнителей в музыкальных высших учебных заведениях Китайской Народной Республики. Эволюция трактовки указанного понятия анализируется, начиная с периода его происхождения в древнекитайской натурфилософии и заканчивая современным этапом развития. В исследовании рассматриваются механизмы объединения западных академических принципов и национальных традиций. В работе подчеркивается значение категории «ци» как связующего моста между техническим мастерством Запада и философской интерпретацией Востока. В данной статье выявляются специфические нюансы учебного процесса в современных музыкальных вузах Китая, в первую очередь, связанные с цифровизацией и гуманизацией образования, и ориентированные на формирование у студентов-альтистов индивидуального исполнительского стиля и эстетического мировоззрения. При написании статьи был применен целый комплекс научно-исследовательских методов: музыковедческий, историко-культурный, сравнительный и теоретический анализ. Материалами исследования послужил комплекс трудов китайских и российских исследователей в области музыкального образования и эстетики: диссертации и научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах за последние несколько лет.

Ключевые слова: категория «ци», даосизм, музыкальное образование Китая, подготовка альтистов, исполнительская интерпретация, эстетическое воспитание, межкультурный диалог, традиционное мировосприятие, музыкальная педагогика.

Tian Haoran

Postgraduate Student, Vladimir State University, Vladimir.

Supervisor:**Ulyanova L.N.**

PhD in Philosophy, Professor, Department of Music Education, Higher School of Music and Theater, Vladimir State University, Vladimir.

* © Тянь Хаожань, Ульянова Л.Н., 2026.

Трансформация эстетической категории «ци» в рамках подготовки альтистов в вузах Китая: от традиционного мировосприятия к современной исполнительской интерпретации

Transformation of the aesthetic category “Qi” within the framework of viola training in Chinese higher education institutions: from traditional worldview to modern performance interpretation

Abstract. This article examines the changes in the perception of the aesthetic category of “Qi”—one of the most fundamental concepts of Daoist philosophy—within the context of training modern viola performers in higher music education institutions of the People’s Republic of China. The evolution of the interpretation of this concept is analyzed from its origins in ancient Chinese natural philosophy to its modern stage of development. The study explores the mechanisms for integrating Western academic principles with national traditions. The paper emphasizes the significance of the “Qi” category as a bridge between Western technical mastery and Eastern philosophical interpretation. This article identifies specific nuances of the educational process in China’s modern music universities, primarily those related to the digitalization and humanization of education, which are aimed at developing an individual performing style and an aesthetic worldview in viola students. A comprehensive set of research methods was applied, including musicological, historical-cultural, comparative, and theoretical analysis. The research materials consist of a body of works by Chinese and Russian scholars in the fields of music education and aesthetics: dissertations and scientific articles published in peer-reviewed journals over the past few years.

Key words: “Qi” category, Taoism, music education in China, viola training, performance interpretation, aesthetic education, intercultural dialogue, traditional worldview, music pedagogy.

ВВЕДЕНИЕ

Музыкальная культура Поднебесной берет свое начало в глубокой древности. В течение многих веков она развивалась как сложная духовная и интеллектуальная система, в которой звуковое искусство связывалось, в первую очередь, с поиском гармонии между человеком, социумом, природой и Вселенной. Поэтому исполнительская практика никогда не ограничивалась только лишь развитием технического мастерства, а во все времена представлялась как способ познания метафизики бытия и путь духовного совершенствования. В настоящее время в китайскую музыкальную культуру активно интегрируются выдающиеся достижения западной академической школы. В результате этого синтеза происходит уникальное соединение не только художественно-выразительных средств, но и смыслов.

История музыкального мышления Поднебесной демонстрирует, что мощь китайской педагогики заключается в

умении сохранять свой культурный код при взаимодействии с другими традициями. Актуальность темы исследования определена необходимостью осмысления того, как глубинные философские пласты китайской культуры приспосабливаются к современным, часто строго регламентированным требованиям мирового музыкального образования. В условиях интенсивных процессов глобализации и культурного усреднения современная китайская школа музыкальной педагогики старается сохранять свою самобытность, но, не отделяясь от мира, а, наоборот, активно применяя европейские музыкальные техники и инструменты, например, альт.

Главное место в этом процессе занимает изменение представлений о важной эстетической категории «ци» в контексте профессионального обучения альтистов в музыкальных вузах Китая. В результате формируется уникальный симбиоз традиционной эстетики Поднебесной и приемов современного исполнительства. Следует отметить, что

категория «ци» выступает главным понятием традиционной философии даосизма и китайской эстетики и олицетворяет жизненную энергию, одухотворяющую все вокруг, а также участвующую в формировании творческой индивидуальности музыканта [4].

В настоящее время в музыкальной педагогике Китая ключевой целью является не просто научить студента совершенному владению инструментом, но также привить ему навык выражения через звуковые субстанции жизненной энергии «ци». Это требует от молодых музыкантов глубокого осмысления национального историко-философского наследия. Стремление к созданию образов, исполненных одухотворяющей энергии «ци», позволяет китайским исполнителям преодолевать сухую академичность и механистичность обучения. Таким образом, учебный процесс выводится уже на уровень настоящего художественного творчества. В контексте данной образовательной концепции музыка превращается для студента-альтиста в инструмент самопознания, а также гармонизации окружающей действительности с помощью акустических вибраций.

Целью настоящей работы выступает анализ способов переосмысления категории «ци» – от ее происхождения в древнем миропредставлении Поднебесной до функционального использования в процессе профессиональной подготовки современных альтистов КНР.

МЕТОДЫ

Методологическую базу статьи составляет комплексный подход. В качестве основных исследовательских методов были применены: музыковедческий, историко-культурный, сравнительный и теоретический анализ. Теоретический метод позволил проанализировать современные обучающие программы китайских музыкальных

вузов как систему, в которой традиционные представления гармонично уживаются с западными тенденциями.

Историко-культурный метод дал возможность проследить эволюцию категории «ци» в китайской эстетике. Музыковедческий и сравнительный методы позволили проанализировать разные пласты акустического искусства и выявить различия между традиционным восприятием музыки в Поднебесной как ритуального действия, окрашенного определенным философским подтекстом, и современной трактовкой исполнительства как профессиональной музыкальной интерпретации.

Материалами исследования послужил комплекс трудов китайских и российских исследователей в сфере музыкальной педагогики и эстетики: диссертации и научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах, последних лет. Особый акцент был сделан на изучении работы Э.М. Изеттовой [4], посвященной философским аспектам китайской музыкальной эстетики, и исследованиям Инь Хана [5], И.В. Арановской и Гу Ифая [1, 3] в области внедрения эстетического воспитания в профессиональную подготовку музыкальных исполнителей в Китае.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В современную эпоху традиционная китайская философия играет важную роль в национальной культуре Поднебесной. Она является не архаичным пережитком, оставшимся в прошлом, а мощным фундаментом, на котором выстраивается вся культурная жизнь страны, в том числе исполнительское искусство и музыкальное образование. Только теперь эта философия воспринимается с новых ракурсов и интерпретируется в соответствии с веяниями времени. Причем, влияние китайской философии, особенно ее эстетической

области, прослеживается на всех уровнях музыкального образования. Центральное место в музыкальной эстетике Поднебесной занимает даосская категория «ци». В древнем Китае она воспринималась как некий универсум, жизненная энергия, объединяющая и одухотворяющая все вокруг. Ее характерными особенностями считались динамичность и изменчивость. Древние китайцы полагали, что энергия «ци» находится в непрерывном движении и постоянно видоизменяется. Также в старину ее определяли как бесконечную самоизменчивость «пустоты». Причем, «пустота» воспринималась не как что-то мертвое, отсутствие жизни, а как временная передышка и потенциальная возможность для наполнения чем-либо. В музыкальном искусстве она выступала как некий динамический покой, в котором рождается звук [1, 3].

В современном музыкальном образовании КНР важную роль играет эстетическое воспитание исполнителей. А в китайской эстетике, как уже отмечалось, энергия «ци» является одной из ключевых основ. Поэтому процесс эстетического воспитания музыкантов в китайских вузах ставит своей целью, в первую очередь, осмысление категории «ци». Опираясь на даосскую эстетическую концепцию, играющую значимую роль в культуре Поднебесной, китайские студенты начинают воспринимать обучение музыкальному искусству не просто как овладение определенным набором технических навыков, но и как постоянное самосовершенствование, то есть развитие своих личностных качеств. Данный подход тесно смыкается с еще одной важной китайской эстетической парадигмой, идущей от конфуцианского учения, – воспитанием «благородного мужа». Таким образом, в музыкальном образовании КНР важ-

нейшей задачей является возвращение многогранной, гармонично развитой личности, а не просто узкоспециализированного в своей области музыканта. В Китае считается, что современный исполнитель должен не просто хорошо владеть инструментом, но и обладать широким общекультурным кругозором, быть интеллектуально развитым, склонным к аналитике, способным к творческой интерпретации произведений.

Согласно музыкальной эстетике Поднебесной, важным в музицировании является также умение исполнителя получать эмоциональное наслаждение [5]. Однако в китайском миропредставлении это наслаждение не носит гедонистического и развлекательного характера, а является возвышенным. Для китайцев удовольствие, получаемое от музыки, – это некое духовное резонирование с ритмами Вселенной, способом настройки души человека на путь Дао (процесс самосовершенствования, ведущий к гармоничному слиянию с энергией «ци» и постижению Вселенной).

Таким образом, как уже было отмечено, древняя эстетика Поднебесной актуализируется и наполняется новыми смыслами в сфере профессионального музыкального образования. В современном Китае процесс подготовки музыкальных исполнителей, в частности, альтистов, выстраивается как диалог эпох и идей. Освоение технических приемов академической школы, конечно, крайне важных для профессионального альтового исполнителя, заряжается особой энергетикой, берущей начало в древней национальной эстетике и ставящей на первый план осмысление понятия «ци». В результате учебный процесс для китайских студентов-альтистов приобретает совершенно новое значение, связанное не просто с совер-

шенствованием мастерства, а с реализацией высокой духовной миссии [5].

Обучаясь в рамках даосской эстетической парадигмы, китайские студенты-альтисты учатся не только в совершенстве управлять смычком, но и уметь работать с духовной энергией («ци»), ее концентрацией и распределением. Данный подход реализуется через приобщение студентов к традиционным музыкальным техникам Поднебесной. Так, играя на альте, они активно осваивают такие исполнительские приемы, как мелизмы (тонко нюансированные интонационные украшения), национально окрашенные глиссандо, вибрато, рубато. Это позволяет молодым музыкантам добиваться самобытной интерпретации классических произведений, наполнять их особым «дыханием».

Таким образом, национальная эстетика выступает значимым методологическим инструментом в современном музыкальном образовании КНР. Она позволяет исполнительской школе Китая сохранять свою неповторимую идентичность в мире. Современные образовательные стратегии в китайских музыкальных вузах направлены на то, чтобы поддерживать преемственность между вековыми традициями и актуальной исполнительской практикой, а также превращать сухое, формальное освоение инструмента в подлинный творческий процесс.

Трансформация восприятия категории «ци» в современном музыкальном образовании проявляется в нескольких аспектах. В первую очередь, это гармоничная интеграция в учебных программах традиций и веяний современности, национальных и западных методик. Так, китайские альтисты, с одной стороны, осваивают европейскую технику игры на инструменте, а, с другой, учатся адаптировать его звучание к манере, близкой

к национальным струнным инструментам (гучжэну, пипе, эрху) [6, 7, 10].

Кроме того, в китайском музыкальном образовании наблюдается интенсивное внедрение цифровых технологий. Высшие учебные заведения предоставляют обучающимся новые возможности для развития эстетического вкуса. С помощью онлайн-ресурсов студенты могут «посещать» концерты в любой точке мира, общаться с педагогами, студентами и даже известными музыкантами из других стран. Такой подход расширяет кругозор обучающихся, развивает свободу их мышления, способствует более полному раскрытию творческого потенциала, что является непосредственной реализацией эстетической категории «ци», связанной с самосовершенствованием и стремлением к гармонии и целостности Дао [2, 8, 9].

Особое значение имеют междисциплинарный подход и гуманизация образования. В рамках учебного процесса создаются условия для формирования у студентов системы ценностного отношения к миру, человеку, искусству. Этому способствует освоение широкого спектра культурологических дисциплин. Изучая разные гуманитарные дисциплины и расширяя свой кругозор, студенты-альтисты учатся находить в музыке новые смыслы, а также формировать целостное эстетическое восприятие. Важнейшим инструментом в данном процессе выступает формирование развитого эстетического мышления. Во многих китайских консерваториях и музыкальных университетах есть курс «Музыкальная эстетика», направленный на развитие эстетического мышления будущих профессиональных исполнителей [1].

При обучении альтистов в высших учебных заведениях КНР акцент делается на том, чтобы они не просто ос-

ваивали технику, но также стремились достигать в своем исполнении произведений большого эмоционального разнообразия, умели ярко интерпретировать сочинения великих композиторов и вкладывать в эти интерпретации собственную творческую индивидуальность. Данный подход позволяет студентам находить собственный уникальный исполнительский стиль уже на стадии обучения [5]. Обретению своего творческого «я» помогают навыки распределения звуковой энергии, управления «дыханием» смычка, создания тонко нюансированного вибрато. Все эти приемы восходят к современному пониманию эстетической категории «ци» в музыкальном исполнительстве.

В научном пространстве вопросы важности эстетического воспитания музыкальных исполнителей в КНР достаточно активно обсуждаются. В первую очередь, они волнуют китайских исследователей. Но также они находятся и в сфере интересов ряда российских ученых. Данная проблема рассматривается в разных аспектах. Есть ряд исследований, которые анализируют непосредственно эстетическую категорию «ци» в контексте творческой деятельности. Так, российский ученый Э.М. Иззеттова утверждает, что «ци» в искусстве – это не только космологическое понятие, но и индикатор творческой индивидуальности, так как через наполнение произведения энергией материализуется замысел мастера [4]. Китайский исследователь Инь Хан рассматривает важность национального эстетического воспитания китайских исполнителей в современном глобализованном мире. Он подчеркивает, что педагогическая модель музыкального образования КНР является достаточно совершенной, так как она соединяет равнозначное развитие профессионального мастерства

и эстетического сознания. По мнению, Инь Хана это особенно важно для исполнителей, играющих на западных инструментах, например, на альте, так как перед ними стоит особенно трудная задача – сохранить национальный характер [5]. И.В. Арановская и Гу Ифань считают крайне важным то, что эстетическое воспитание в современных китайских вузах не ограничивается лишь изучением теории, а охватывает весь образовательный процесс и участвует в формировании ценностных ориентиров обучающихся [1, 3].

Исследователь Ли Линьна отмечает, что современное музыкальное образование Китая активно использует национальное культурное наследие, в том числе философию и эстетику, для подготовки технически совершенного и одновременно духовно богатого исполнителя [6]. Сюй Вэньхуэй подчеркивает, что полноценное раскрытие творческого потенциала китайских студентов невозможно без постижения традиционной культуры, философии и эстетики Поднебесной, которая дает подлинное понимание духовной составляющей музыкального исполнительства [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к категории китайской эстетики – «ци» – в контексте обучения альтовых исполнителей в высших учебных заведениях КНР является не просто сохранением старых традиций в их неизменном виде. Оно представляет собой крайне динамичный и многоуровневый процесс, отражающий интеграцию вековых духовных ценностей и современных образовательных тенденций. В ходе исторического развития произошло серьезное переосмысление понятия «ци»: из чисто космологического, натурфилософского явления, характеризующего устройство мироздания, данная категория преобразовалась

в сложный и многогранный феномен, который в настоящее время определяет направление профессионального и личностного развития исполнителя.

Музыкальное образование Китая проявляет большую эффективность в решении сложной задачи адаптации древних философских и эстетических концепций к техническим требованиям современного академического исполнительства, с большим мастерством соединяя проверенные временем традиционные наставнические методы обучения и инновационные цифровые продукты, расширяющие творческие горизонты. В сфере подготовки альтистов данный подход направлен, в первую очередь, на развитие навыков индивидуальной интерпретации, при которой техническое мастерство является средством для глубокого творческого осмысления произведения. Учебные программы и методики, опирающиеся на эстетическую категорию «ци», позволяют молодым альтистам эффективно осваивать компетенцию исполнительской интерпретации. Кроме того, они поддерживают преемственность поколений, так как сохраняют культурный код китайского народа в глобализированном мире и в то же время благоприятствуют утверждению исполнительской школы Поднебесной на международной сцене. В результате этого процесса современные китайские альты воспринимаются в мировом пространстве не как подражатели западным традициям, а как носители самобытного музыкального феномена, способного обогатить мировую классику.

Список литературы

1. Арановская И.В., Гу Ифань. Эстетическое воспитание студентов в системе высшего музыкального образования Китая // KANT. 2022. № 4 (45). С. 180-186.
2. Ван Ц. Педагогика цифровых искусств и технологии цифровизации художественного образования в вузах Китая // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 4. С. 1-9.

3. Гу Ифань. Эстетическое воспитание обучающихся в системе общего музыкального образования Китая: диссертация кандидата наук. – Волгоград, 2023.
4. Иззетова Э.М. Философско-теоретические аспекты китайских эстетических ценностей // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2021. Т. 1. № 1. С. 506-512.
5. Инь Хан. Исследование модели интеграции эстетического образования и профессионального образования в китайских и зарубежных университетах в контексте современных международных тенденций // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). С. 135-137.
6. Ли Линьна. Музыкально-педагогические школы в системе высшего музыкального образования Китая: диссертация кандидата наук. – Волгоград, 2024. 164 с.
7. Сюй Вэньхуэй. Развитие творческого потенциала китайских студентов вокалистов в процессе освоения традиционной музыкальной культуры: диссертация кандидата педагогических наук, 2026. 199 с.
8. Тянь Ц. Современные тенденции и проблемы исполнительского искусства на янчине в музыкальной культуре Китая // Университетский научный журнал. 2022. № 71. С. 107-114.
9. Хуан Шуан. Особенности формирования профессиональной компетентности будущих преподавателей музыкального искусства в вузах Китая // Художественное образование и наука. 2022. № 3 (32). С. 13-21.
10. Ши Ц. Эстетические характеристики китайской женской музыки XX века // Человек и культура. 2025. № 2. С. 40-50.

References

1. Aranovskaya I.V., Gu Yifan. Aesthetic Education of Students in the System of Higher Music Education in China // KANT. 2022. № 4 (45). P. 180-186.
2. Wang Q. Pedagogy of Digital Arts and Technologies of Digitalization of Arts Education in Chinese Universities // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2024. Vol. 12. № 4. P. 1-9.
3. Gu Yifan. Aesthetic Education of Students in the System of General Music Education in China: Candidate of Sciences Dissertation. – Volgograd, 2023.
4. Izzetova E.M. Philosophical and Theoretical Aspects of Chinese Aesthetic Values // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. 2021. Vol. 1. № 1. P. 506-512.
5. Yin Han. A Study of the Integration Model of Aesthetic Education and Professional Education in Chinese and Foreign Universities in the Context of Current International Trends // World of Science, Culture, and Education. 2025. № 2 (111). P. 135-137.
6. Li Linna. Music and Pedagogical Schools in the System of Higher Music Education in China: Candidate of Sciences Dissertation. – Volgograd, 2024. 164 p.
7. Xu Wenhui. Developing the Creative Potential of Chinese Student Vocalists in the Process of Mastering Traditional Music Culture: Candidate of Pedagogical Sciences Dissertation, 2026. 199 p.
8. Tian Q. Current Trends and Problems of Yangqin Performance in Chinese Musical Culture // University Scientific Journal. 2022. № 71. P. 107-114.
9. Huang Shuang. Features of the Formation of Professional Competence of Future Music Teachers in Chinese Universities // Art Education and Science. 2022. № 3 (32). P. 13-21.
10. Shi Ts. Aesthetic characteristics of Chinese female music of the 20th century // Man and Culture. 2025. № 2. P. 40-50.

Черкасов А.А.

Аспирант. Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Проблемы воплощения и исчезновения присутствия в философии Жана Бодрийяра*

Аннотация. Исследование посвящено теологическим основаниям философии Жана Бодрийяра и проблеме исчезновения присутствия в современной культуре. Анализируется концепция симуляции, включая категории симулякра, гиперреальности и имплозии смысла, а также их связь с христианской онтологией воплощения. Особое внимание уделяется тому, как разрыв между знаком и присутствием трансформирует структуру реальности и опыта. Автор показывает, что теория симуляции у Бодрийяра является не только критикой медиа и репрезентации, но и диагностикой кризиса воплощения и утраты реального присутствия в современной культуре.

Ключевые слова: воплощение, присутствие, симулякр, симуляция, гиперреальность, символический обмен, секуляризация, развоплощение, Бодрийяр, постмодернизм.

Cherkasov A.A.

Postgraduate student. Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

The problems of incarnation and the disappearance of presence in the philosophy of Jean Baudrillard

Abstract. The study examines the theological foundations of Jean Baudrillard's philosophy and the problem of the disappearance of presence in contemporary culture. It analyzes the concept of simulation, including the categories of simulacrum, hyperreality, and the implosion of meaning, as well as their connection to the Christian ontology of incarnation. Particular attention is paid to how the rupture between sign and presence transforms the structure of reality and experience. The author argues that Baudrillard's theory of simulation is not only a critique of media and representation, but also a diagnosis of the crisis of incarnation and the loss of real presence in contemporary culture.

Key words: embodiment, presence, simulacrum, simulation, hyperreality, symbolic exchange, secularization, disembodiment, Baudrillard, postmodernism.

Введение

Философская мысль Жана Бодрийяра, при всей ее кажущейся радикальности и провокативности, остается недостаточно осмысленной в контексте той культурно-метафизической традиции, разрыв с которой она фиксирует. Исследователи, как правило, помещают

Бодрийяра в рамки постструктуралистской критики репрезентации, теории медиа или социологии потребления, однако такой подход, при всей его продуктивности, оставляет без внимания глубинный теологико-философский пласт его мысли. Между тем, центральные категории бодрийяровской философии

* © Черкасов А.А., 2026.

Проблемы воплощения и исчезновения присутствия в философии Жана Бодрийяра

(симулякр, симуляция, имплозия смысла, исчезновение реального) обретают свою подлинную глубину лишь в соотношении с той онтологической структурой, которую европейская культура выстраивала на протяжении двух тысячелетий вокруг христианского догмата о Воплощении.

Проблема воплощения (Incarnatio) – это фундаментальная онтологическая проблема европейской метафизики, определяющая способ связи между видимым и невидимым, знаком и означаемым, телом и духом, присутствием и трансценденцией. Христианская доктрина Воплощения утверждает реальное, а не символическое или аллегорическое, присутствие Бога в материи, в плоти, в истории. Эта структура воплощенного присутствия конституировала европейскую семиотику, эстетику, политическую теологию и, в конечном счете, саму онтологию реального, как она понималась в рамках западной цивилизации. Как справедливо отмечал Ганс Урс фон Бальтазар, именно событие Воплощения сделало возможным тот тип отношения к реальности, при котором чувственное не противопоставляется умопостигаемому, но является его подлинным явлением [2].

Бодрийяр, описывая последовательные стадии деградации знака, фактически воспроизводит логику утраты воплощения. Симуляция, в бодрийяровском понимании, есть не просто ложь или подделка. Это режим существования знаков, в котором сама оппозиция истинного и ложного, реального и воображаемого утрачивает смысл, а это и есть состояние культуры, утратившей принцип воплощенного присутствия.

Целью настоящей статьи является экспликация проблемы воплощения как скрытого теологико-философского основания бодрийяровской критики

симуляции и анализ того, каким образом исчезновение структуры присутствия, гарантированной христианской парадигмой, определяет внутреннюю логику философии Бодрийяра. Мы стремимся показать, что философская парадигма Бодрийяра не может быть адекватно понята вне соотношения с кризисом христианской онтологии воплощения и что именно этот кризис составляет неартикулированный, но определяющий горизонт его мысли.

Основная часть

Для того чтобы понять, что именно утрачивается в бодрийяровской диалектике современной культуры, необходимо реконструировать ту онтологическую структуру, разрушение которой он описывает. Речь идет о том, что можно назвать метафизикой воплощенного присутствия – онтологической парадигме, в рамках которой знак, образ, тело мыслятся как место реального присутствия того, что они означают.

Истоки этой парадигмы лежат, безусловно, в наработках античной философии. Позже они закрепились – в халкидонском определении 451 года, утвердившем единство двух природ во Христе «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно». Эта формула, при всей ее богословской специфичности, имела колоссальные философские последствия: она утвердила принцип, согласно которому трансцендентное способно реально присутствовать в имманентном, не растворяясь в нем и не уничтожая его. Как показал в своих исследованиях Жан-Люк Марион, именно эта структура определила европейское понимание феноменальности – способность вещи являть нечто большее, чем она сама, оставаясь при этом собой [14].

Принципиально важно, что онтология воплощения не ограничивается собственно христологическим догма-

том. Она распространяется на всю систему европейской культуры. В сакраментальной теологии – прежде всего в учении о Евхаристии – утверждается реальное присутствие (*praesentia realis*) Христа в хлебе и вине. В эстетике византийской иконологии и ренессансной живописи образ мыслится не как условное обозначение, но как место явления первообраза. В политической теологии, как показал Эрнст Канторович, тело короля функционирует в двух измерениях: физическое тело, которое существует во времени; и «политическое тело», которое является совокупностью разных элементов, освящено благодатью, пребывает в вечности и, по-сути функционирует по модели воплощения, как место присутствия трансцендентного политического порядка [8]. Наконец, в самой структуре европейского рационализма, как это ни парадоксально, сохраняется наследие воплощения: декартовское *cogito*, гегелевский абсолютный дух, гуссерлевская интенциональность – все эти конструкции предполагают, что смысл способен реально присутствовать в акте мышления, в понятии, в феномене.

Метафизика присутствия имеет принципиальное значение для западной философии, деконструкцией которой занимался Деррида, и работы которого составляют важнейший контекст для понимания Бодрийяра. Вся западная метафизика, по Деррида, организована вокруг мысли, стремящейся к непосредственному наличию истины, смысла, бытия или объекта, или же идеи присутствия – присутствия в чем-либо [7].

Деррида обнаруживает, что это присутствие всегда уже опосредовано *différance* – тем, что не существует и не является ни одной из форм бытия-настоящим, игрой, предшествующей самой оппозиции присутствия и отсут-

ствия [6]. При этом деконструкция работает изнутри дискурса и метафизических структур философии, не отвергает присутствие извне, но обнаруживает в нем самом структуры, которые подрывают его изнутри.

Бодрийяр занимает иную позицию. Если Деррида осуществляет структурную деконструкцию, показывает невозможность полного, тотального присутствия, то Бодрийяр описывает историческую катастрофу присутствия, реальный процесс утраты того культурного и онтологического порядка, который поддерживал присутствие как действенный принцип. Для Деррида присутствие – метафизическая иллюзия. Для Бодрийяра – реальность, которая была утрачена.

Это различие распространяется и на понимание знака: для Деррида означающее изначально не совпадает с означаемым, и это несовпадение есть условие возможности значения. Бодрийяр же описывает деградацию знака от состояния, в котором знак был местом реального присутствия, к состоянию тотальной симуляции.

Однако Деррида, сосредоточившись на деконструкции логоцентризма, не довел свой анализ до его теологических оснований, до проблемы воплощения как первоисточка метафизики присутствия. Именно здесь, как мы полагаем, философия Бодрийяра оказывается радикальнее деконструкции Деррида. Бодрийяр описывает не просто кризис метафизики присутствия, но исчезновение самой возможности присутствия, то есть полный распад той онтологической структуры, которая была учреждена христианским Воплощением.

Существенным для нашего анализа является также различие, проведенное Гансом Урсом фон Бальтазаром между «эстетикой» в ее изначальном,

теологическом смысле, как учением о чувственном восприятии и прекрасном (тесно связанным с богословскими концепциями), и «эстетикой» как автономной философской дисциплиной, утратившей связь с теологическим основанием [2]. Бальтазар показывает, что секуляризация эстетики, начавшаяся в XVIII веке, представляет собой не просто эмансипацию искусства от религии, но разрушение самой способности формы являть содержание, то есть разрушение структуры воплощения в сфере чувственного восприятия. Этот процесс, доведенный до предела, приводит к тому состоянию, которое Бодрийяр описывает как «экстаз коммуникации»: состояние, когда субъект теряет свою приватность и растворяется в абсолютной прозрачности информационного потока [11].

Центральной для нашего анализа будет знаменитая бодрийяровская типология последовательных фаз образа, изложенная в работе «Симулякры и симуляция». Бодрийяр выделяет четыре стадии:

1. Знак первоначально представляет собой отражение некой субстанциональной реальности;
2. Знак начинает искажать реальность;
3. Знак маскирует отсутствие субстанциональной реальности;
4. Знак не имеет отношения к какой бы то ни было реальности: это его собственный симулякр [12, р. 17].

Эта типология, как правило, интерпретируется в рамках семиотики или теории медиа. Однако мы полагаем, что она обретает свой подлинный смысл именно в контексте проблемы воплощения. Каждая из четырех стадий описывает определенный модус отношения между знаком и присутствием, и последовательность этих стадий производит логику прогрессирующего

развоплощения, утраты реального присутствия в знаке.

Первая стадия соответствует тому, что можно назвать сакраментальным порядком знака. Здесь образ функционирует по модели иконы и является прозрачным медиумом, через который просвечивает реальность. Знак и означаемое связаны отношением реального присутствия подобно тому, как в евхаристическом хлебе реально присутствует Тело Христово, или как в иконе, согласно определению VII Вселенского Собора, «честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу». Это порядок воплощения в его полноте, трансцендентное реально присутствует в имманентном знаке.

Примечательно, что сам Бодрийяр в «Симулякрах и симуляции» обращается к проблеме иконоборчества, усматривая в нем первое проявление тревоги по поводу симуляции. Иконоборцы, по Бодрийяру, интуитивно осознавали, что образы способны не только являть, но и подменять божественное присутствие: «Они предчувствовали всемогущество симулякров, их способность стирать Бога из сознания людей» [12, р. 11]. Это замечание чрезвычайно важно, оно показывает, что Бодрийяр сам мыслит проблему симуляции в теологических категориях, хотя и не эксплицирует этого в полной мере.

Вторая стадия соответствует тому, что можно обозначить как порядок репрезентации, характерный для промышленной эпохи. Здесь образ скрывает, искажает реальность. Связь между знаком и означаемым сохраняется, но она опосредована. Знак уже не есть место присутствия, но лишь указание на него. Это соответствует процессу секуляризации, в ходе которого сакраментальная связь между видимым и невидимым ослабевает, но не разрывается

полностью. Как отмечает Мишель Фуко в «Словах и вещах», с возникновением современной эпистемы в начале XIX века происходит распад репрезентации, меняется расположение вещей в пространстве знания [9].

Третья стадия описывает ситуацию, в которой знак маскирует отсутствие реальности. Это порядок идеологии в широком смысле. Знаки продолжают функционировать так, как если бы за ними стояла реальность, но эта реальность уже утрачена. Бодрийяр приводит здесь пример Диснейленда, который существует для того, чтобы скрыть, что Диснейлендом на самом деле является «реальная» страна, вся «реальная» Америка [12, р. 25]. В теологическом контексте эта стадия соответствует тому, что Фридрих Ницше описал формулой «Бог мертв»: потерю веры в космический порядок и абсолютную мораль, утрату истины христианской религии. Религиозные знаки, ритуалы, институции продолжают функционировать, но за ними уже нет живого присутствия Бога. Это стадия, на которой культура еще помнит о воплощении, но уже не способна его осуществить. Она сохраняет формы присутствия, утратив само присутствие.

Четвертая стадия знаменует окончательный разрыв с порядком воплощения. Здесь знак не отражает реальность, не искажает ее и даже не маскирует ее отсутствие. Он просто не имеет к ней никакого отношения. Это порядок чистой симуляции, в котором различие между реальным и воображаемым, истинным и ложным, присутствием и отсутствием утрачивает всякий смысл. Именно это состояние Бодрийяр обозначает термином «гиперреальность» – особая среда, лишенная онтологического основания [12, р. 32]. В ней факты и вымыслы неотличимы, а симуляция

подменяет собой реальный опыт.

С точки зрения проблемы воплощения, четвертая стадия представляет собой полное развоплощение: состояние, в котором не только утрачено присутствие трансцендентного в имманентном, но утрачена сама структура, делавшая такое присутствие возможным. Это не атеизм (отрицание Бога), не агностицизм (незнание о Боге), но нечто более радикальное, исчезновение самого горизонта, в котором вопрос о присутствии или отсутствии Бога мог бы быть поставлен. Как точно формулирует Бодрийяр, «симуляция ставит под вопрос различие между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «воображаемым»» [12, р. 12].

Однако проблема воплощения в философии Бодрийяра не исчерпывается типологией стадий образа. Она обнаруживается также в его концепции символического обмена, развитой прежде всего в работе «Символический обмен и смерть». Бодрийяр противопоставляет символический обмен – характерный для архаических и традиционных обществ – экономическому обмену, основанному на принципе эквивалентности и накопления [4].

Символический обмен, в понимании Бодрийяра, – это акт и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого. В нем вещи, слова, жесты не имеют «стоимости» в экономическом смысле, но обладают присутствием. Они суть не знаки чего-то иного, но события, в которых осуществляется непосредственная связь между участниками обмена. Дар, жертвоприношение, потлач – это способы интеграции, установления равновесия и воспроизводства социальных связей, в которых вещь не репрезентирует ценность, но воплощает отношение.

Нетрудно увидеть, что структура символического обмена изоморфна структуре сакрамента. В обоих случаях материальный знак является не условным обозначением, но местом реального осуществления того, что он означает.

Разрушение символического обмена, которое Бодрийяр прослеживает на протяжении европейской истории, параллельно разрушению сакраментальной онтологии. Переход от символического обмена к экономическому есть, по существу, тот же процесс развоплощения, который мы описали выше: вещь утрачивает присутствие и становится знаком, знак утрачивает связь с означаемым и становится симулякром.

Существенно, что Бодрийяр связывает разрушение символического обмена с вытеснением смерти из пространства культуры. В традиционных обществах смерть включена в символический обмен. В ней мертвые продолжают «присутствовать» в жизни общины через ритуал, память, жертвоприношение. Современное общество, напротив, исключает смерть, изолирует ее, делает невидимой и тем самым разрушает последнюю связь с порядком реального присутствия [4]. Эта мысль Бодрийяра обнаруживает неожиданную близость к христианской теологии, в которой смерть через Крест и Воскресение является центральным событием, конституирующим порядок присутствия. Вытеснение смерти из культуры оказывается, таким образом, еще одним аспектом утраты воплощения.

В работе «Прозрачность зла» Бодрийяр описывает состояние современной культуры как «после оргии». Ж. Бодрийяр характеризует современное состояние, как состояние после оргии. Игры кончились – все освобождено и непонятно, что нам делать дальше. «Все что нам остается – тщетные притвор-

ные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [3]. Это состояние характеризуется тем, что Бодрийяр называет «экстазом», выходом каждой вещи за пределы собственной формы, собственного смысла, собственной идентичности. Экстаз моды это уже не красота, а «более красивое, чем красивое» – фасцинация. Экстаз информации – это уже не смысл, а «более истинное, чем истинное», симуляция. Экстаз тела – это уже не здоровье или удовольствие, а «более телесное, чем телесное», ожирение, порнография.

Этот «экстаз» представляет собой точное описание того, что происходит с культурой, утратившей принцип воплощения. Воплощение предполагает предел, форму, границу, конечность. Бог воплощается в конкретном теле, в конкретном месте, в конкретное время. Именно эта конечность, эта определенность делает возможным присутствие. Когда принцип воплощения утрачен, вещи теряют свои пределы, свою форму, свою определенность, и именно это Бодрийяр описывает как «экстаз». Экстаз – это, буквально, выход за пределы (ek-stasis), и в данном случае выход за пределы той формы, которая делала возможным присутствие. Как отмечает Уильям Мерин, бодрийяровская концепция экстаза описывает мир, в котором вещи становятся «более реальными, чем реальные», но именно поэтому утрачивают всякую реальность [15].

Особенно показательна в этом контексте бодрийяровская концепция «обесценивания». «Обесценивание начинается там, где нет больше зрелища,

нет больше сцены, нет больше иллюзии, где все немедленно предается прозрачности и видимости» [11, р. 21]. Эта формула точно описывает противоположность воплощения: воплощение предполагает тайну, присутствие невидимого в видимом, бесконечного в конечном; обесценивание же есть состояние, в котором все видимо, но ничто не присутствует. Тайна воплощения заменяется прозрачностью симуляции.

Здесь уместно вспомнить мысль Романо Гуардини, высказанную в работе «Конец Нового времени», о том, что секуляризация не просто отвергает христианские содержания, но разрушает саму структуру отношения к реальности, которую христианство сформировало [5]. Бодрийяр, не ссылаясь на Гуардини, фактически подтверждает и радикализирует этот диагноз. В его амбивалентности между иконоборчеством и тоской по иконе, между разоблачением симулякров и осознанием невозможности вернуться к порядку присутствия. Как справедливо отмечает Рекс Батлер, в философии Бодрийяра присутствует «невозможная ностальгия», тоска по реальности, которая, возможно, никогда не существовала в том виде, в каком она оплакивается [13].

Эта позиция обнаруживает глубинное сходство с тем, что Джорджо Агамбен описывает как «профанацию», процедуру возвращения вещи из регистра сакрального в сферу человеческого пользования, которое одновременно свидетельствует об утрате сакрального и сохраняет память о нем [1]. Бодрийяр «профанирует» теологические категории: воплощение, присутствие, тайну, жертву, используя их для описания мира, в котором они утратили свою силу. Но именно это использование свидетельствует о том, что утраченное не забыто и что его утрата пережива-

ется как катастрофа. И в поздней своей работе «Совершенное преступление» он формулирует диагноз современности: «В конечном счете объект и субъект – это одно и то же» [10]. Реальность исчезла, растворилась в собственном удвоении, в бесконечном воспроизведении, которое не оставляет места для оригинала.

Метафора «совершенного преступления» приобретает особую глубину в контексте проблемы воплощения. Если воплощение – это событие, в котором реальность обретает присутствие, то «совершенное преступление» – это событие, в котором присутствие бесследно исчезает. Причем, что принципиально важно, это исчезновение не является результатом внешнего насилия. Оно является результатом внутренней логики самой системы знаков, которая, достигнув определенной степени автономии, начинает производить реальность, не нуждаясь в каком-либо внешнем референте.

Бодрийяр пишет: «Мы живем в мире, где все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [12, р. 120]. Эта формула точно описывает состояние развоплощения: информация – это знак, лишенный присутствия. Накопление информации – это накопление знаков, которые ни к чему не отсылают и ничего не являют. В терминах христианской теологии можно сказать, что мир информации – это мир, в котором «буква» окончательно отделилась от «духа» (ср. 2 Кор. 3:6).

Существенно, что Бодрийяр не предлагает никакого «выхода» из этой ситуации, никакого проекта восстановления реальности или возвращения к порядку присутствия. Его позиция – это позиция наблюдателя. Эта принципиальная «безвыходность» бодрийяровской мысли, на наш взгляд, явля-

ется не ее слабостью, но ее честностью. Она свидетельствует о том, что кризис воплощения не может быть преодолен средствами философии, он требует иного, метафилософского ответа, природу которого Бодрийяр не берется определять.

Завершая наш анализ, необходимо поставить вопрос о месте Бодрийяра в контексте «постсекулярной» мысли. Такие мыслители, как Джон Милбанк, Жан-Люк Марион, Джорджо Агамбен, каждый по-своему, стремятся показать, что секулярный разум не является самодостаточным, что он несет в себе следы теологических структур, которые он отвергает, но от которых не может освободиться [16].

Бодрийяр, строго говоря, не принадлежит к этому движению. Он никогда не формулировал своей позиции в теологических терминах и, по-видимому, не считал себя религиозным мыслителем. Однако, как мы стремились показать в настоящей статье, его философия имплицитно содержит теологическое измерение, которое определяет ее внутреннюю логику. Описание деградации знака от иконы к симулякру, тоска по символическому обмену, диагностика «совершенного преступления» против реальности – все это обретает свой полный смысл лишь в соотношении с христианской онтологией воплощения.

Бодрийяр – это «последний великий модернист», мыслитель, который доводит до предела логику модерна и тем самым обнажает ее теологические предпосылки. Модерн, понятый как проект секуляризации, то есть как проект освобождения от христианской онтологии воплощения, достигает в философии Бодрийяра своего завершения. Он показывает, что полная секуляризация приводит не к освобождению, но к исчезновению реальности. Это парадокс,

который не может быть разрешен в рамках секулярного разума и который указывает на необходимость нового осмысления отношения между философией и теологией, между разумом и верой, между знаком и присутствием.

Выводы

Философия Жана Бодрийяра содержит имплицитное теологическое измерение, которое определяет ее внутреннюю логику и без учета которого она не может быть адекватно понята. Центральные категории бодрийяровской мысли – симулякр, симуляция, гиперреальность, исчезновение реального – описывают процесс, который в теологических терминах может быть определен как утрата воплощения, разрушение онтологической структуры, в рамках которой трансцендентное реально присутствовало в имманентном. Бодрийяровская типология стадий деградации знака воспроизводит логику прогрессирующего развоплощения: от сакраментального порядка, в котором знак является местом реального присутствия означаемого, через порядок репрезентации и порядок идеологии – к порядку чистой симуляции, в котором знак не имеет отношения к какой бы то ни было реальности. Эта типология изоморфна истории секуляризации, понятой как история утраты христианской онтологии воплощения. Тогда как бодрийяровская концепция символического обмена, противопоставленного экономическому обмену, обнаруживает структурное сходство с сакраментальной онтологией: символический обмен, подобно сакраменту, предполагает реальное присутствие в знаке, тогда как экономический обмен основан на принципе эквивалентности, исключающем присутствие.

Вместе с тем, его диагностика «экстаза» и «обесценивания» описывает

состояние культуры, утратившей принцип воплощения, то есть принцип предела, формы, конечности, делающий возможным присутствие. «Экстаз» есть противоположность воплощения, вхождения в форму.

И хотя философия Бодрийяра нельзя квалифицировать как «негативную теологию», его мысль описывает отсутствие присутствия с такой интенсивностью, что само это описание становится косвенным свидетельством о том, что утрачено. Бодрийяр не предлагает пути восстановления присутствия, но его философия с беспрецедентной ясностью фиксирует масштаб утраты и тем самым сохраняет память о том, что было утрачено. Таким образом, философская парадигма Бодрийяра является одним из наиболее глубоких и последовательных отражений кризиса европейской христианской культуры второй половины XX века – кризиса, сущность которого состоит в утрате онтологии воплощенного присутствия, конституировавшей эту культуру на протяжении двух тысячелетий.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. Профанации / Дж. Агамбен; пер. с итал. – М.: Гилея, 2014. 112 с.
2. Бальтазар Г.У. фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. 1: Созерцание формы / Г.У. фон Бальтазар; пер. с нем. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2012. 640 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. 258 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Гуардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127-163.
6. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида; пер. с фр. С.Г. Калинин, Н.В. Суслова. – СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э.Х. Канторович; пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гума-

нитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-скад, 1994. 408 с.

10. Baudrillard J. Le crime parfait / J. Baudrillard. – Paris : Galilée, 1995. 204 p.
11. Baudrillard J. Les stratégies fatales / J. Baudrillard. – Paris : Grasset, 1983. 273 p.
12. Baudrillard J. Simulacres et simulation / J. Baudrillard. – Paris : Galilée, 1981. 235 p.
13. Butler R. Jean Baudrillard: The Defence of the Real / R. Butler. – London: SAGE Publications, 1999. 192 p.
14. Marion J.-L. God Without Being: Hors-Texte / J.-L. Marion. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 2012.
15. Merrin W. Baudrillard and the Media: A Critical Introduction / W. Merrin. – Cambridge: Polity Press, 2005. 198 p.
16. Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason / J. Milbank. – 2nd ed. – Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 448 p.

References

1. Agamben G. Profanations / G. Agamben; trans. from Italian. – Moscow: Gileia, 2014. 112 p.
2. Balthasar G.U. von. The Glory of the Lord. Theological Aesthetics. Vol. 1: Contemplation of Form / G.U. von Balthasar; trans. from German. – Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2012. 640 p.
3. Baudrillard J. The Transparency of Evil / J. Baudrillard; trans. from French by L. Lyubarskaya, E. Markovskaya. – Moscow: Dobrosvet, 2000. 258 p.
4. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death / J. Baudrillard; trans. from French by S. N. Zenkina. – Moscow: Dobrosvet, 2000. 387 p.
5. Guardini R. The End of the Modern Age // Voprosy filosofii. 1990. № 4. P. 127-163.
6. Derrida J. Voice and Phenomenon and Other Works on Husserl's Theory of the Sign / J. Derrida; translated from French by S.G. Kalinina, N.V. Suslova. – St. Petersburg: Aletheia, 1999. 208 p.
7. Derrida J. On Grammatology / J. Derrida; translated from French by N. Avtonomova. – Moscow: Ad Marginem, 2000. 512 p.
8. Kantorovich E. Kh. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology / E. Kh. Kantorovich; translated from English. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 752 p.
9. Foucault M. Words and Things. Archeology of the Humanities / M. Foucault; lane from fr. V.P. Vizgina, N.S. Autonomus. – St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.
10. Baudrillard J. Le crime parfait / J. Baudrillard. – Paris : Galilée, 1995. 204 p.
11. Baudrillard J. Les stratégies fatales / J. Baudrillard. – Paris : Grasset, 1983. 273 p.
12. Baudrillard J. Simulacres et simulation / J. Baudrillard. – Paris : Galilée, 1981. 235 p.
13. Butler R. Jean Baudrillard: The Defence of the Real / R. Butler. – London: SAGE Publications, 1999. 192 p.
14. Marion J.-L. God Without Being: Hors-Texte / J.-L. Marion. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 2012.
15. Merrin W. Baudrillard and the Media: A Critical Introduction / W. Merrin. – Cambridge: Polity Press, 2005. 198 p.
16. Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason / J. Milbank. – 2nd ed. – Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 448 p.

Бекова М.А.

Аспирант. Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации.

Геополитические факторы межкультурной коммуникации*

Аннотация. Цель статьи заключается в том, чтобы определить основные геополитические факторы, влияющие на межкультурную коммуникацию. Автор рассматривает наиболее значимые концепции, созданные в рамках геополитики, среди них теорию зависимости политики государства от его географического положения Ф. Челлена, теорию хартленда и римленда Х. Маккиндера и Н. Спикмена, иерархию геополитических пространств, предложенную С. Козном. Затем анализируются культурные коммуникации между хартлендом и римлендом, а также геополитическими пространствами среднего уровня. Новизна исследования заключается в определении характера культурных контактов между различными геополитическими регионами, выявлении их соотношения с многополярной структурой мира. Делается вывод, что геополитические факторы оказывают значительное влияние на межкультурную коммуникацию, однако нередко оно корректируется внутренней политикой государств или процессами в экономической и идеологической сферах. Кроме того, текущую ситуацию наиболее адекватно характеризует не «классическая» геополитика Х. Маккиндера и Н. Спикмена, а иерархия геополитических пространств С. Козна, которая в целом соответствует и преобладающему сейчас пониманию многополярности.

Ключевые слова: геополитические пространства, культурные контакты между геополитическими регионами, классическая геополитика Х. Маккиндера и Н. Спикмена, иерархия геополитических пространств С. Козна.

Bekova M.A.

Graduate student. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Geopolitical factors of intercultural communication

Abstract. The article aims to define basic geopolitical factors influencing the intercultural communication. The author considers the most significant concepts created in the framework of geopolitics, among them R. Kjellen's theory of the dependence the state policy has on the geographic situation, H. Mackinder's and N. Spickman's theory of "heartland" and "rimland", S. Kohen's hierarchy of the geopolitical spaces. Then the cultural communications between "heartland" and "rimland" as well as the middle level geopolitical space are analyzed. The newness of the study is determined by defining the nature of the cultural contacts between geopolitical regions and their correlation with the multipolar structure of the world. It is concluded that geopolitical factors influence the intercultural communication significantly, however, it is often corrected by inner policy of the state and processes in economic and ideological areas. Besides that, the current situation is most adequately characterized not by "classical" H. Mackinder's and N. Spickman's geopolitics but by S. Kohen's hierarchy of the geopolitical spaces, which on the whole correspondences with prevailing understanding of multipolarity.

Key words: geopolitical spaces, cultural contacts between geopolitical regions, "classical" H. Mackinder's and N. Spickman's geopolitics, S. Kohen's hierarchy of the geopolitical spaces.

* © Бекова М.А., 2026.

Геополитические факторы межкультурной коммуникации

Введение.

Постановка проблемы и ее научная актуальность.

Проблемой настоящего исследования является влияние, которое оказывают феномены, процессы и тенденции из области геополитики на характер, масштаб и интенсивность межкультурных связей.

Современная эпоха стала временем, когда контакты между различными культурами и цивилизациями резко интенсифицировались. Благодаря процессам глобализации межкультурный диалог вышел на совершенно новый уровень. Теперь контакты осуществляются уже не внутри отдельных регионов или континентов, но в масштабе всей глобальной социокультурной среды. Огромному большинству современных людей становится доступной вся современная культура. Глобальные экономические связи, современные средства транспорта и коммуникации существенно облегчают взаимодействие почти со всем обитаемым миром. Диалог различных культур и цивилизаций стал одним из важнейших феноменов современности, фактором, оказывающим воздействие на все стороны общественного процесса. По этой причине он заслуживает особенно глубокого и пристального анализа. Изучению должны подвергнуться все его составляющие и все факторы, благодаря которым он стал возможен, включая и тенденции и процессы, происходящие в области геополитики.

Задачи.

- определить теоретическую сущность, основные понятия и категории геополитических концепций;
- выявить особенности культурных контактов между различными геополитическими регионами мира;
- определить, как геополитическое

положение стран и регионов мира влияет на культурный диалог между ними.

Методы.

В исследовании используются следующие методы:

- системный: для определения сути геополитики как системы представлений о территориальных особенностях политических процессов;
- историко-генетический: для определения характера культурных контактов между разными регионами мира в прошлом и настоящем;
- функциональный: для выявления роли, которую играет геополитическое положение государств и регионов мира в процессах межкультурной коммуникации.

Теоретическая база.

Теоретическую базу исследования составляют, во-первых, труды в области геополитики. Это, прежде всего, книга Р. Челлена «Государство как форма жизни» [21], статья “The geographical pivot of history” и монография “Democratic Ideals and Reality: A Study in Politics of Reconstruction” Х. Маккиндера [27, 28], а также работы Н. Спикмена [13, 14, 15] и С. Коэна [25]. Из работ отечественных авторов следует в первую очередь выделить исследования Н.С. Трубецкого [16, 17], П.Н. Савицкого [11, 12], А.Г. Дугина [4, 5], А. Пасса [10].

Вторая группа работ представлена исследованиями по различным мировым культурам и цивилизациям и взаимоотношениям между ними. Основы цивилизационного подхода были заложены трудами Н.Я. Данилевского [3], А.Дж. Тойнби [31], О. Шпенглера [22], К. Ясперса [24]. В конце XX в. эта традиция была продолжена С. Хантингтоном [20]. Проблемы диалога культур в отечественной литературе поднимались в работах М.М. Бахтина [1], В.С. Библера

[2], Ю.М. Лотмана [8], И.В. Наместниковой [9]. В зарубежной литературе они рассматривались в рамках концепции «культурной глобализации», основные положения которой были сформулированы в работах Я.Н. Питерса [29], Т. Коуэна [26], П. Джеймса [26] (James et al., 2010) и многих других авторов. Таким образом, накоплен значительный объем исследовательской литературы как по теории геополитики, так и по контактам между различными культурами и цивилизациями. Все это закладывает основу для исследования взаимосвязей двух этих феноменов, в частности влияния геополитических факторов на межкультурную коммуникацию.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты, в частности установление специфики воздействия, которое геополитическая структура мира оказывает на межкультурную коммуникацию, могут использоваться в лекционных курсах и семинарских занятиях, а также дальнейших исследованиях по социальной и политической философии, политологии, теории международных отношений и истории.

Обсуждение и результаты.

Впервые термин «геополитика» употребил на рубеже XIX–XX вв. шведский географ Р. Челлен. Ему же принадлежит первая в истории мировой мысли концепция геополитики. Челлен понимал под геополитикой учение «о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о земле, территории, области или, точнее всего, – как о территориальном господстве [rike]» [21, с. 94].

Следует отметить, что взгляды Челлена формировались под определяющим воздействием немецкой школы политической географии и страноведения («землеведения»), крупнейшими представителями которой были К. Риттер и Ф. Ратцель. Все явления и процессы социального бытия, в том числе в государственно-политической области, эти авторы объясняли особенностями территории и природных условий – есть ли у того или иного народа доступ к открытым морям, каким климатом отличается местность, в которой он обитает, какой там рельеф, есть ли горы или, напротив, значительные по площади равнины и низменности. Государственный организм, как считал Ратцель, невозможно рассматривать в отрыве от «почвы», от земли, оказывающей огромное влияние на все его составляющие. Он является «стоящим на почве» («bodenständiger Organismus») [30, с. 3].

Челлен также считал территорию, землю главным признаком и характеристикой государства, называл государство «территориальным господством». «Государство не может висеть в воздухе, подобно лесу оно связано с определенной почвой, из которой получает питание и в которую, как и дерево, оно вплетено своими корнями», – писал он [21, с. 102]. Земля, территория, «почва» имеют определяющее значение для исторических судеб государства, особенностей его экономического строя, внутренней и внешней политики. Особенно важны его «естественные границы». Идеальной «естественной» границей выступает береговая линия моря. Именно она позволяет чувствовать себя в защищенности островным государствам, как, например, Англия или Япония, или хотя бы в относительной безопасности тем странам, границы которых по большей части являются

морскими. Это оказывает прямое воздействие на внешнюю политику государств. Те из них, кто менее защищен своими «естественными» границами, вынуждены прибегать к дополнительным мерам безопасности, или «искать выхода к морю», или пытаться выровнять границу по горным хребтам.

Таким образом, Челлен пытался установить связь между территорией государства и его политикой. Это и составило основную суть метода геополитики, который дальнейшее развитие получил в трудах других авторов. Из них особенно выделяется «Географическая ось истории» Х. Маккинндера [27]. Маккиндер не просто ставит поведение государства на международной арене в зависимость от специфики его территории, но делит мир на несколько макрорегионов. Именно принадлежность государства к тому или иному макрорегиону, большому геополитическому пространству и обуславливает собой его внешнеполитическую стратегию. Одним из таких пространств является «географическая ось истории» или хартленд – «сердцевинная земля», внутренняя часть Евразийского континента. В прошлые эпохи «сердцевинная земля» была пристанищем для азиатских кочевников, а на современном Маккиндеру этапе она находилась под властью Российской империи и Советского Союза (на современном этапе – Российской Федерации). Хартленд окружен дугой приморских земель – так называемым «внутренним римлендом» (от англ. rim – обод, кайма). В него входят зарубежная Европа (не считая Британских островов), Южная и Восточная Азия (без Японии), а также Северная Африка. Наконец, «внешний римленд» включает в себя обе Америки, Великобританию, Африку южнее Сахары, Австралию, Океанию и Японию.

Государства, образующие внешний римленд, почти во всех отношениях, и особенно в том, что касается внешнеполитической стратегии, представляют собой полную противоположность хартленду, т. е. России. Они являются естественными противниками, и действительно, Великобритания, которую Маккиндер прежде всего имел в виду, говоря о «внешнем римленде», на протяжении многих лет составляла России основную конкуренцию. Что же касается «внутреннего римленда», т. е. прежде всего стран континентальной Европы, то они ввиду своего «промежуточного» положения занимают «колеблющуюся позицию», могут как конфликтовать, так и сотрудничать с Россией.

Российская геополитическая традиция, представленная в основном евразийством (Н.С. Трубецкой [16, 17], П.Н. Савицкий [11, 12]), в целом также противопоставляла России Западной Европе, Америке и зарубежной Азии, хотя и использовала иную терминологию, говоря о евразийском характере России.

Своя школа геополитики сформировалась и в США. Ее основоположник, Н.Дж. Спикмен выделял различные территориальные характеристики государства, однако, как и Маккиндер, наибольшее значение придавал тому, является ли оно морским или внутриконтинентальным. Впрочем, значение хартленда и римленда для международного веса государства он оценивал несколько иначе. Если Маккиндер считал «геополитической осью», обладание которой дает неисчислимые возможности, именно хартленд [28], то Спикмен во главу угла ставил именно контроль над римлендом [13, 14, 15]. Островные и омываемые водами океанов государства лучше защищены от возможной агрессии извне, но в то же время моря

не являются преградой для их вмешательства в дела континентов. По этой причине удержание контроля над римлендом является стратегической задачей входящих в него государств, в частности США.

Дальнейшее развитие американской геополитической мысли шло по пути дробления хартленда и римленда на отдельные «зоны». Ярким представителем этой традиции являлся С. Коэн [25]. Он писал о трех уровнях таких пространств. Первый из них – это большие «геостратегические зоны», Хартленд, который Коэн называл «евразийским континентальным миром», и Римленд, называемый им «торговым приморским регионом». В свою очередь они подразделяются на геополитические регионы. Например, «торговый приморский регион» включает в себя Приморскую Европу, Магриб, Африку к югу от Сахары, Северную, Центральную и Южную Америку, а «евразийский континентальный мир» – Восточную Европу, собственно Евразию и Восточную Азию. Третий уровень – это уже отдельные государства, составляющие регионы. Концепция Коэна отражала реалии второй половины XX в. – появление региональных подсистем международных отношений, которые после окончания холодной войны составят основу для будущего многополярного устройства.

Выяснение того, как геополитическая структура мира воздействует на межкультурную коммуникацию, прежде всего предполагает анализ культурных контактов между различными геополитическими пространствами мира. Если говорить о классической геополитике, то таковыми являются взаимоотношения хартленда (Евразии), в Новое и Новейшее время представленного в основном Россией (в XX

в. также СССР), и римленда – Западной Европы и США. Действительно, эти взаимоотношения на протяжении длительных промежутков времени носили довольно непростой характер. Особенно далеки от идеалов гармонии и обоюдного понимания они были во времена Московской Руси. Западноевропейские путешественники (С. фон Герберштейн, Р. Ченслор, Дж. Флетчер, А. Поссевино) описывали ее в терминах «дикости» и «отсталости», что отражало характерные для того времени евроцентричные и иерархические представления о развитии культур. В ответ на подобные оценки аналогичные представления формировались и в Московском государстве. Наблюдатели с русской стороны, сталкиваясь с европейцами, отмечали их технологические достижения, однако их восприятие тоже нередко сопровождалось настороженностью и ощущением культурной дистанции. Таким образом, в восприятии обеих сторон друг друга формировался образ «Другого» – отличного по культурным, религиозным и социальным характеристикам, что способствовало возникновению взаимных стереотипов.

Ситуация стала меняться с петровскими реформами, когда в русскую культуру стали внедряться европейские нормы и образцы, а контакты с Западом заметно интенсифицировались. Впрочем, даже и в первой половине XIX в. между русскими и западными европейцами ощущалась определенная грань. Побывавший в России в 1839 г. маркиз А. де Кюстин писал, что в России есть только «рабы» и «рабы рабов» [7, с. 149–157], что русские – это «автоматы для выполнения поручений» [7, с. 74]. Лишь реформы второй половины XIX в., индустриализация, рост грамотности и образования

привел к все большему размытию барьеров между русской и европейской культурой. Русские постепенно переставали ощущать себя чужими в Европе, европейцы – в России. Русская культура стала интегрироваться в европейскую. Произведения И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, П.И. Чайковского в точно такой же мере являются достоянием общеевропейской, как и русской культуры.

XX век обозначил собой новый раздел мира, и, хотя основополагающим критерием тогда были идеологические различия между советским марксизмом и западным либерализмом, граница между двумя блоками прошла именно по линии, которая отделяла «хартленд» от «римленда», – по Центрально-Восточной Европе, являвшейся сначала буфером для западноевропейских стран, а затем для СССР. Объем культурных и гуманитарных связей между «морской» и «континентальной» зонами вновь резко сократился, пропаганда рисовала негативные образы, а каждая из сторон в глазах оппонентов превращалась в полностью противоположного и враждебного Другого [6, 18, 19]. Таким образом, разлом между континентом и приморской зоной восстановился, но обусловлен он был не столько геополитическими, сколько идеологическими факторами. Если бы в России не произошла большевистская революция, вполне возможно, что прежние отношения с Западом сохранились и никаких выраженных границ между «хартлендом» и «римлендом» не образовалось. Это подтверждает и дальнейшее развитие событий. После прекращения холодной войны и возникновения новой России отношения с Западом стали улучшаться, а вместе с ними интенсифицировались контакты и в культурной сфере. Можно вспом-

нить и пользовавшиеся невероятной популярностью в 1990-е гг. произведения американского кинематографа, продукцию западной промышленности, даже мелкие бытовые аксессуары. Тогда все это казалось атрибутами идеальной – сытой, благополучной и свободной жизни, к которой надо стремиться [23].

Изменения в характере и направленности культурных контактов России и Запада за последние пять столетий заставляют признать, что, каким бы важным ни было территориальное положение региона – внутри континента или в приморской зоне, его воздействие опосредуется целым рядом других факторов. Это и внутренняя политика образующих «римленд» и «хартленд» государств, и положение дел в экономике, и процессы в идеологической сфере. Под влиянием всего этого в определенные периоды между внутриконтинентальной и приморскими областями могут рушиться барьеры и отношения между их народами начинают приобретать более дружественный и доверительный характер, а культуры постепенно интегрируются одна в другую.

Важно еще и то обстоятельство, что в приморскую зону в классической геополитике входят такие разные по своим традициям, менталитету населения, политической и хозяйственной культуре регионы, как Западная Европа и Северная Америка, с одной стороны, и Африка и Восточная Азия – с другой. Впрочем, во времена Маккиндера [27, 28] и Спикмена [13, 14, 15] ничего удивительного в этом не было. В колониальную эпоху значительная часть Африки находилась под контролем европейских держав, что в геополитических теориях того времени нередко интерпретировалось как их «продолжение», и это же в целом относилось и к Восточной

Азии, также находившейся в различных формах зависимости от Запада. С разрушением колониальной системы и обретением странами Азии и Африки независимости ситуация резко изменилась. Теперь эти страны стали формироваться как самостоятельные политические и культурные пространства с собственными траекториями развития. Конечно, в условиях глобализации западные практики, нормы и стереотипы проникают и в Восточную Азию, и даже в Африку, но все же между ними и Западной Европой и Северной Америкой пока еще сохраняются значительные различия в социально-экономических и культурных моделях. По этой причине более адекватной для характеристики современного положения дел была бы не классическая геополитика в трактовках Х. Маккиндера [27, 28] и Н. Спикмена [13, 14, 15], а концепция С. Коэна [25], подразумевающая разделение «больших» геополитических пространств на «средние», а «средних» в свою очередь на отдельные страны. В таком случае Африка, Южная и Восточная Азия выступают вполне самостоятельными областями, региональными подсистемами международных отношений. Все это вполне соответствует современным представлениям о многополярности, согласно которым мир сейчас – это уже не господство одного или двух, но свободная конкуренция нескольких центров силы (полюсов), каждый из которых образует вокруг себя определенное поле притяжения (регион, региональную подсистему международных отношений). Входящие в него государства объединяет и географическая близость, и исторический опыт, что позволяет их жителям более тесно взаимодействовать между собой и в экономическом, и в культурном отношении, лучше понимать друг

друга. Поэтому культурные контакты разворачиваются прежде всего внутри таких регионов, а уже сформировавшиеся в результате таких контактов региональные культуры взаимодействуют между собой в глобальном поле.

Заключение.

Геополитическая структура мира занимает важное место в ряду факторов, оказывающих воздействие на процесс межкультурной коммуникации. Вместе с тем это влияние не всегда носит прямой характер. Во-первых, оно опосредуется многими другими обстоятельствами: внутриполитическим курсом государств, образующих геополитические пространства, экономической ситуацией в них, процессами в идеологической сфере. Так, культурное взаимодействие между евразийской, континентальной Россией (СССР) и находящимися в приморской зоне Западной Европой, а затем и США было, как правило, затруднено, однако в отдельные периоды все же могло становиться более интенсивным ввиду влияния факторов, не связанных непосредственно с геополитикой. Во-вторых, более применимыми для характеристики современной ситуации представляются не классические концепции Х. Маккиндера [27, 28] и Н. Спикмена [13, 14, 15], а разработанная С. Коэном [25] иерархия геополитических пространств, которая предполагает дифференциацию внутриконтинентальной и приморской зон на регионы «среднего уровня» (например, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия и т. д.), включающие в себя отдельные страны. Именно внутри этих регионов межкультурное взаимодействие принимает наиболее интенсивный характер, что ведет к взаимному влиянию и трансформации культур, формированию общих культурных

пространств, коммуницирующих друг с другом уже на глобальном уровне. Все это в полной мере соответствует современным представлениям о многополярности, согласно которым мир сейчас – это не один и не два, а несколько центров силы и влияния, вокруг которых формируются устойчивые сети политического, экономического и культурного взаимодействия. Многополярное устройство мира оказывает серьезное воздействие на межкультурную коммуникацию, а она, со своей стороны, влияет на процесс становления многополярного мира.

Проблема взаимосвязей межкультурной коммуникации и многополярности, роли, которую культурные сходства и различия играют в формировании новых центров силы и влияния, как культура может использоваться в качестве внешнеполитического ресурса, может составить дальнейшее направление исследования. Другим направлением могло бы стать изучение других факторов межкультурной коммуникации, например, экономических процессов или совершенствования информационных технологий.

Список литературы

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
- Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Известия, 2003.
- Дутин А.Г. Основы геополитики. – М.: Арктогея-центр, 1997.
- Дутин А.Г. Основы евразийства. – М.: Арктогея-центр, 2002.
- Котеленец Е.А. Пропаганда без правил, или информационное противостояние в условиях «холодной войны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. С. 120–129.
- Кюстин А. де Николаевская Россия / Пер. с фр. С. Гессена и Л. Домгера. – М.: Политиздат, 1990.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб., 2000.
- Наместникова, 2003 – Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен. Дис. ... д-ра филос. наук. – М.: 2003.
- Пасс А. Понятия и категории геополитики // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2 (3). С. 312–326.
- Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения: (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского). Прага: Евразийское книгоиздательство, 1928.
- Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство. [Париж], Impression de Navarre, 1931.
- Спикмен Н.Дж. География и внешняя политика. Часть первая / пер. с англ. М.Н. Грачева // Изв. / Тульский гуманитарный ун-т. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 165–177.
- Спикмен Н.Дж. Политическая карта Евразии (глава из книги «География мира»). Часть 1 / пер. с англ. М.Н. Грачева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Зарубежное регионоведение. Международные отношения». 2015. № 1. С. 41–50.
- Спикмен Н.Дж. Политическая карта Евразии (глава из книги «География мира»). Часть 2 / пер. с англ. М.Н. Грачева // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Зарубежное регионоведение. Международные отношения». 2016. № 1 (3). С. 49–56.
- Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.
- Федосов Е.А. Советская визуальная пропаганда и геополитическая идентичность населения СССР в условиях холодной войны, 1946–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2018.
- Филаткина Г.С., Маслина М.Г., Пуцева М.Д., Киреева П.А. Информационное противостояние СССР и США в годы холодной войны: обзор актуальных зарубежных исследований // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 4. С. 636–653.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003.
- Челлен Р. Государство как форма жизни / Пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина. – М.: РОССПЭН, 2008.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Пер. с нем. В 2 т. – М.: Мысль, 1993.
- Яковенко И.Г. Сдвиги в восприятии образа Запада (90-е годы) // Полития. 2000–2001. № 4 (18). С. 74–83.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.
- Cohen S.B. Geography and Politics in a World Divided. L.: Methuen, 1963.
- Cowen T. Creative Destruction: How Globalization Is Changing the World's Cultures. Princeton, Princeton Univ. Press, 2004.
- James et al., 2010 – James P., Tulloch J., Mandaville P., Steger M. Globalization and Culture. In 4 vol. Los Angeles – L. – New Delhi: Sage, 2010.
- Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421–437.
- Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in Politics of Reconstruction. London: Constable and Company Ltd, 1919.
- Pieterse J.N. Globalization and Culture: Global Mélange. Lanhan: Rowman & Littlefield, 2009.
- Ratzel F. Politische Geographie. München – Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1897.
- Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 1 – 12.

Oxford: Oxford Univ. Press, 1934–1961.

33. Чебарев В.В. О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 147–154.

References

1. Bakhtin M.M. "The Aesthetics of Verbal Creativity." Moscow: Iskustvo, 1979.
2. Bibler V.S. "Culture. Dialogue of Cultures (An Attempt at Definition)." Voprosy Filosofii, 1989. № 6. P. 31–42.
3. Danilevsky N.Ya. "Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World." Moscow: Izvestia, 2003.
4. Dugin A.G. "Fundamentals of Geopolitics." Moscow: Arktogeya Center, 1997.
5. Dugin A.G. "Fundamentals of Eurasianism." Moscow: Arktogeya Center, 2002.
6. Kotelenets E.A. "Propaganda Without Rules, or Information Confrontation in the Conditions of the Cold War." Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: History of Russia. 2015. № 4. P. 120–129.
7. Custine A. de Nikolaevskaya Rossiya / Translated from French by S. Hessen and L. Domger. – Moscow: Politizdat, 1990.
8. Lotman Yu.M. Semiosphere. – St. Petersburg: Iskustvo-SPb., 2000.
9. Namestnikova, 2003 – Namestnikova, I.V. Intercultural Communication as a Social Phenomenon. Doctor of Philosophy Dissertation. – Moscow: 2003.
10. Pass A. Concepts and Categories of Geopolitics // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2003. № 2 (3). P. 312–326.
11. Savitsky P.N. On the Tasks of Nomadic Studies: (Why the Scythians and Huns Should Be of Interest to a Russian). Prague: Eurasian Publishing House, 1928.
12. Savitsky P.N. In the Struggle for Eurasianism. [Paris], Impression de Navarre, 1931.
13. Speakman N.J. Geography and Foreign Policy. Part One / translated from English by M.N. Gracheva // News / Tula Humanitarian University. Humanities. 2014. № 3. P. 165–177.
14. Speakman N.J. Political Map of Eurasia (chapter from the book "Geography of the World"). Part 1 / translated from English by M.N. Gracheva // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Political Science. History. Foreign Regional Studies. International Relations. 2015. № 1. P. 41–50.
15. Speakman N.J. Political Map of Eurasia (a chapter from the book "Geography of the World"). Part 2 / translated from English by M.N. Grachev // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Political Science. History. Foreign Regional Studies. International Relations. 2016. № 1 (3). P. 49–56.
16. Trubetskoy N.S. Europe and Humanity. Sofia: Russian-Bulgarian Publishing House, 1920.
17. Trubetskoy N.S. The Legacy of Genghis Khan. A View of Russian History Not from the West, but from the East. Berlin: Eurasian Publishing House, 1925.
18. Fedosov E.A. Soviet Visual Propaganda and Geopolitical Identity of the USSR Population during the Cold War, 1946–1964. Cand. Sci. (Hist.) Diss. – Tomsk, 2018.
19. Filatkina G.S., Maslina M.G., Putseva M.D., Kireeva P.A. Information Confrontation between the USSR and the USA during the Cold War: A Review of Current Foreign Research // Voprosy Teorii i Praktiki Journalistiki. 2023. Vol. 12. № 4. P. 636–653.

20. Huntington S. Clash of Civilizations / Translated from English by T. Velimeeva, Yu. – Moscow: AST, 2003.
21. Kjellen R. The State as a Form of Life / Translated from Swedish and notes by M.A. Isaev; foreword and notes by M.V. Ilyin. – Moscow: ROSSPEN, 2008.
22. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History / Translated from German. In 2 volumes. – Moscow: Mysl, 1993.
23. Yakovenko I.G. Shifts in the Perception of the Image of the West (1990s) // Polity. 2000–2001. № 4 (18). P. 74–83.
24. Jaspers K. The Meaning and Purpose of History / Translated from German. Moscow: Politizdat, 1991.
25. Cohen S.B. Geography and Politics in a World Divided. L.: Methuen, 1963.
26. Cowen T. Creative Destruction: How Globalization Is Changing the World's Cultures. Princeton, Princeton Univ. Press, 2004.
27. James et al., 2010 – James P., Tulloch J., Mandaville P., Steger M. Globalization and Culture. In 4 vol. Los Angeles – L. – New Delhi: Sage, 2010.
28. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421–437.
29. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in Politics of Reconstruction. London: Constable and Company Ltd, 1919.
30. Pieterse J.N. Globalization and Culture: Global Mélange. Lanhan: Rowman&Littlefield, 2009.
31. Ratzel F. Politische Geographie. München – Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1897.
32. Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 1 – 12. Oxford: Oxford Univ. Press, 1934–1961.
33. Chebarev V.V. On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 147–154.

Бугаев М.К.

Аспирант, Московский Государственный Лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук, Кафедра философских наук.

К перспективам политического человека в современной России: взгляд справа*

Аннотация. Статья нацелена на прояснение основных возможностей становления *Homo politicus* как полноценной политической личности в современных российских реалиях.

Благодаря трансцендентальному подходу к проблематике предпринимается попытка развенчать ложное политическое сознание, выявить опасности, препятствующие формированию внутренней политической аксиологии, а также смоделировать наилучшее устройство общества, при котором данные опасности смогут быть устранены. В качестве последнего рассматривается меритократический строй в противовес демократическому.

В конечном счете, российский политический человек рассматривается в двух модификациях, т.е. как основа двух дополняющих друг друга институтов – гражданского общества и национальной элиты. Особый акцент делается на раскрытии подлинной природы гражданской и лидерской аксиологии в том виде, в котором обе традиционно существуют в западной цивилизации.

Ключевые слова: homo politicus, гражданское общество, национальная элита, меритократия, идеология, личность, ценность.

Bugaev M.K.

Postgraduate student, Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences, Department of Philosophy.

On the prospects of homo politicus in modern Russia: right-wing approach

Abstract. The article aims to clarify the main possibilities of the realization of *Homo politicus* as a full-fledged political personality in modern Russian realities.

Owing to the transcendental approach, an attempt is being made to debunk false political consciousness, identify the dangers that hinder the formation of an internal political axiology, and model the best possible structure of society in which these dangers could be eliminated. The latter is considered to be a meritocratic system, taken in opposition to a democratic one.

Ultimately, Russian political personality is regarded in two modifications, i.e. as the basis of two complementary institutions – the civil society and the national elite. Special emphasis is placed on revealing the true nature of the citizenship and the leadership axiology in their Western traditional forms.

Key words: homo politicus, civil society, national elite, meritocracy, ideology, personality, value.

* © Бугаев М.К., 2026.

К перспективам политического человека в современной России: взгляд справа

Введение

Философско-антропологическая модель политического человека, или *Homo politicus*, имеет основополагающее значение для целостного восприятия западной цивилизации. Однако идея политического человека – в том виде, в котором она сегодня актуальна, предполагает отнюдь не априорное наличие у человека политического измерения как некоего неотъемлемого свойства, а скорее императив – то, что желательно для благополучия индивида и социума. Данная мысль следует из того очевидного факта социальной действительности, что далеко не каждый индивид являет собой политического субъекта.

Еще с античных времен известно, что статус «политического животного» (*zoon politikon*) принадлежал далеко не всем представителям человеческого рода. Под исключения попадали рабы, женщины, дети, а также те, кто по тем или иным причинам оказывался вне жизни города-государства, полиса (т.е. т.н. «идиоты» – от др.-греч. *ἰδιώτης* – частное, несведущее лицо) [4]. Данным категориям не была свойственна гражданственность – способность иметь систему внутренних политических ценностей, взглядов, установок; умение видеть благо своей страны и соотносить со всем этим свои и чужие действия.

Впоследствии, с развитием англо-саксонского права в рамках раннего либерализма гражданственность стала обрывать новыми элементами: с тех пор истинный гражданин должен обладать представлениями о конституционных правах, а также такой этикой, которая балансирует разнонаправленность волей и интересов.

Все перечисленные элементы политически-правовой аксиологии легли в основу современной России как одной

из ведущих наследниц традиционного Запада. И в данной связи, предписательный характер политичности выливается в формы как возможностей, так и опасностей, заложенных в процессе становления в современной России принципиально нового типа человека, обладающего ярко выраженным политическим измерением.

Мы говорим именно о становлении, поскольку история нашей страны сложилась таким образом, что в любую эпоху большей части населения страны была присуща аполитичность, которая сохраняется и по сей день. Подтверждением тому служит закрепившееся в массах презрение к политике: в любой компании затрагивание политической темы имеет такой же градус плохого тона, как и вопросы о возрасте женщины или зарплате мужчины.

Аксиология политической серьезности

При объективном рассмотрении аполитичностью можно назвать рассинхронизацию общих и частных интересов – государства с одной стороны и личности или социальной группы с другой. В наиболее чистом виде такое положение дел неизбежно ведет к унификации и атомизации общества – превращению личностей в моногамные элементы социальной машины. Государство видит в этом выгоду, так как разобщенное общество предсказуемо и очень хорошо вписывается в любые экономические шаблоны поведения. По сути, жизнь обезличенного индивида сводится к дихотомии работы и потребления.

Политический человек с необходимостью является личностью. Это означает, что его внутренний мир обладает политическими ценностями, которые с подачи И. Канта следует именовать

трансцендентальными – глубинными и стойкими по отношению к непосредственным опытным переживаниям. Следовательно, наличие такого рода ценностей предполагает наличие их трансцендентального вместилища.

Однако не любой человек есть личность. Данный тезис получает обоснование, если посмотреть, как минимум, на употребление языка. Те утверждения, которые мы слышим в повседневном общении, сами по себе эпифеноменальны, т.е. являют собой «выхлопы», своего рода следствия, которые не всегда можно связать с причиной – содержанием внутренних ценностей. Зачастую не существует достаточного основания, чтобы различить семантику речи человека и речи, сгенерированной искусственным интеллектом или воспроизведенной «умной» птицей – попугаем или вороном. Тот факт, что мы слышим связную речь на определенную тематику, может и не означать, что человек произносит эти слова с осознанием всей серьезности собственного мировоззрения.

Тот же принцип применим и к двум наиболее популярным в наши дни идеологическим тенденциям. Так, адвокаты одной фракции называют себя консерваторами и заявляют, что придерживаются традиционных ценностей Исторической России. В то же время, оппозиционная им фракция номинально носит либеральный (иногда социал-демократический) характер и выступает за утилитаристские ценности, которые лишь инфантильный глаз может принять за подлинно гражданские: пацифизм, консюмеризм, гуманизм, атеизм, технократия, примат естественного права над позитивным, насильственное перераспределение благ в пользу уязвленных социальных групп. При этом, ортодоксальные марксисты

пользуются статусом меньшинства и серьезный политический вес уже давно не имеют.

Но если присмотреться, то обе «политические позиции» в сущности являются ничем иным, как флером или настроением, а слова, формирующие оба дискурса, исходят из уст глубоко аполитичных людей, которые попросту испытывают удовольствие от их произнесения.

Прояснить сказанное помогают некоторые частные случаи современной российской действительности. Первый из них знаменует тот факт, что консерватором сегодня может называться любой лоялист или попросту анти-западно настроенный человек. При этом, способность критической оценки истории полностью затмевается бездумной любовью к ней, иными словами, становится нерелевантным понимание ее ценностной разнородности. Отсюда происходит экзотическое смешение принципиально несовместимых культурных ценностей, например раннего советского социализма и православия.

В данном отношении особенно показательны свежий пример, где на видео престарелая женщина крестится перед памятником В.И. Ленину. На возражение интервьюера, что тот «церковь всю уничтожил», пенсионерка отвечает: «Ничего страшного» [9]. В целом, опыт показывает, что существенная часть населения считает советские ценности традиционными, хотя в их фундаменте лежит ультра-прогрессивная идеология: прямая демократия, экономический детерминизм, технологическое развитие, равенство полов, построение бесклассового общества и т.д. Мы видим, что стремление искусственно подвести под общие основания ценности, находящиеся на разных концах политического спектра, свидетельству-

ет об идейной неполноценности того, что принято именовать отечественным консерватизмом, хотя бы потому, что понятие *традиции* никак не проясняется.

С другой стороны, мы имеем иной пример политических псевдовоззрений, отражающий противоположные настроения. 13 апреля 2026 года медиа-лицо В. А. Боня выступила с обращением к Президенту РФ. В своей речи гражданка Монако апеллировала к нарушению прав и свобод граждан России, причинению им дискомфорта, ухудшению условий жизни, попранию прав женщин и другим событиям, номинально противоречащим «либеральным» ценностям. Однако данное выступление, по сути являющее собой пиар-ход, может отражать, разве что, незавидное финансовое состояние самой Бони. Так, спустя непродолжительное время популярные бренды ресторанов начали выпускать блюда, названные в ее честь: сет суши-роллов «Боня Ли», бургер «Боня Кинг» и другие новшества [5] – логическое продолжение всей пиар-кампании, нацеленной на улучшение медийной продаваемости и восстановление финансового благосостояния блогера.

Таким образом, как «консерватизм», так и «либерализм» в современной России чаще всего представляют собой не что иное, как аполитичность, прикрытую эмоциями или соображениями личной выгоды. Более того, ввиду непопулярности и негласной табуированности политики среди населения политически серьезные выступления оказываются крайне редки. Такое положение дел противоречит русскому характеру, который исторически приучен к проявлению серьезности в значимое для страны время.

Мы приходим к тому, что политиче-

ской серьезностью в широком смысле можно назвать согласованность логической формы политических высказываний с трансцендентальным содержанием системы политических взглядов в мировоззрении личности.

Политический человек и меритократическое общество

Политическая серьезность того или иного общества обратно пропорциональна его демократичности. Так, по нелепости, связанной с неверными представлениями о сущности демократии, сегодня принято считать, что России ее не достает. Но на деле выходит так, что ее количество, пожалуй, даже излишне. Для разъяснения данных тезисов необходимо рассмотреть природу демократии как формы правления.

Исторически демократия существует в двух формах: *представительной* и *прямой*. Однако ни в одном из случаев речь не может идти о действительно компетентном управлении страной.

В первой итерации демократическая система предположительно рассчитана на то, что интересы народа будет представлять просвещенный слой, который внутренне ассоциирует себя с народными ценностями. Однако в реальности указанный слой составляют коррумпированные лица, которые лишь насаждают в обществе формально про-народную повестку, так что инакомыслящее меньшинство поражается в правах, что сегодня наблюдается на примере стран Евросоюза. Более того, даже интересы представляемого большинства оказываются лишь предлогом для того, чтобы олигархия сохранила электоральную поддержку за счет непродвинутого низших слоев, которые слепо следуют за ними благодаря хорошо спонсированной и умелой пропаганде [8; 10].

Второй тип демократии осуществля-

ется непосредственными выходцами из народа, которые идейны, т.е. мыслят, чувствуют и ведут себя как массы. Это создает все предпосылки для реализации тоталитарных диктаторских режимов образца XX века, где совершенно искренним образом ущемляется свобода личности, подавляется инакомыслие, свобода рынка, принимаются высшие меры для насильственного установления как можно более горизонтально структурированного общества [2; 3].

Мы не беремся утверждать, что в современной России установилась демократия какого-либо одного отчетливо распознаваемого вида. К слову, стоит отметить, что само деление весьма условно, и, вероятно, оба типа приводимы к общему основанию [3]. Но кажется очевидным, что управляющим страной лицам не хватает должной компетентности и ответственности, так как большая часть из них происходит из народа и разделяет его мировоззрение. Само по себе это неплохо, однако в меритократическом контексте речь идет о людях такого же качества, что и средний обыватель, тогда как в самой идее элиты (от фр. *élite* – «избранный», «отборный») заложен смысл качественного улучшения. Иными словами, истинное представительство должно обладать ценностями на несколько порядков выше, чем народные.

История любой политической жизни на Земле демонстрирует, что народ не предназначен для принятия судьбоносных решений, определяющих судьбу той или иной страны. Для этой миссии необходима особая рода селекция, способная с малых лет воспитать особый класс людей, качества которых будут пригодны для преодоления исторических и политических испытаний.

Допуская определенные расхождения, мы считаем, что российскую наци-

ональную элиту должен представлять человек: 1) *образованный* (имеющий ученую степень); 2) *воевавший* (причем возглавлявший крупное подразделение войск, начиная с полка); 3) *верующий*; 4) *успешный* (построивший собственный бизнес и имеющий представление о природе денег и финансовых операций); 5) *публичный* (активный в социальных сетях и транслирующий аутентичные и актуальные взгляды на политическую действительность, имеющий «химию» с публикой).

По нашему убеждению, только такое представительство, в котором воссоздаются качества древних аристократий, и способно привести страну к могуществу и процветанию, в чем мы усматриваем его главную задачу. Однако, помимо этого, связь с представляемыми массами не должна терять актуальности ввиду наличия ответственности перед последними. Данная ответственность должна подкрепляться выборной сменяемостью национальной элиты, строгость чего должна усиливаться по мере уклонения от соответствия удостоенному статусу (в некотором смысле – политического вырождения). И напротив, успехи во внутренней и внешней политике способны оправдать увеличение консолидации власти в руках элиты вплоть до ее наследования по родовому (семейному) принципу.

При таком положении вещей демократия принимает форму аварийного защитного механизма, стимулирующего национальную элиту и препятствующего ее вырождению. К его основам следует отнести повышенную правовую ответственность элиты, верховенство права в целом, гражданское право на ношение и использование огнестрельного оружия. Не менее значимыми факторами видится свобода слова, предполагающая отсутствие уголов-

ного преследования за публично высказываемые мнения, а также такое устройство рыночной экономики, в котором исключены как государственное регулирование, так и возможность олигополии.

Таковы основные предпосылки для самого существования гражданского общества. Институт компетентного и полномочного представительства в данном случае играет ключевую роль не только благодаря подотчетности. Элита также обеспечивает внутреннюю целостность гражданского общества путем создания и поддержания идеологии. По большей части, данный тезис противостоит общепринятому мнению, ставящему политический плюрализм в концептуальный центр идеи гражданственности [1; 6]. На деле, если мы признаем гражданское общество в статусе отдельной сущности, это автоматически означает, что его части должны быть объединены на основе некоего фундаментального свойства, которое объединяет его участников, при этом исключая индивидуализацию.

Данное свойство являет собой не что иное, как идеологию, которую каждый участник разделяет как на коллективном (объективно-идеальном), так и на индивидуально-личностном (трансцендентальном) уровне. В противном случае невозможно вести разговор о каком-либо «гражданском обществе», так как при отсутствии объединяющей идеи мы имеем дело в лучшем случае с малочисленными группами разобщенных объединений, преследующих свои частные и утилитарные интересы, оторванные от духа истории, традиций, а также вызовов, стоящих перед страной. Подобное положение вещей и есть не что иное, как «идиотия» в античном смысле слова – радикальный и безразличный индивидуализм.

Из формально-логического закона непротиворечия следует невозможность одновременно придерживаться единой идеологической линии и вести споры относительно ее идейного ядра. Если система политических ценностей оказывается действительно имманентна духу, то она в равной мере распространяет себя как на личность, так и на общество, и такая синхронизация лишает смысла дихотомии монизма и плюрализма, индивидуализма и коллективизма, человека и страны. Таким образом, русский *Homo politicus* в полноценном смысле – и есть Россия.

Заключение

Таким образом, если мы принимаем тезис о содержательном тождестве человека и страны как о содержательном тождестве индивидуального и коллективного духа, то из этого следует, что сильная Россия невозможна без сильной русской личности, существующей в формах гражданина и лидера. Именно идеологический синтез гражданского общества и национальной элиты, по нашему убеждению, является непреходящим условием для меритократического строя, основанного на подлинной воле и серьезности. В отличие от демократии, где решающую роль играет количественное преимущество формы, при меритократии источником власти действительно является человек, однако взятый не как далее не делимая общественная единица (*individuum*), но как просвещенная политическая личность с выстроенным мировоззрением, пониманием культуры и истории и глубоко укорененными ценностными установками.

Именно в этом свете основной политической задачей, стоящей сегодня перед каждым русским, является активизация рефлексии и открытие (или,

лучше сказать, обретение заново) себя как трансцендентального субъекта в кантианском смысле слова. Только так ему удастся преодолеть врожденный инфантилизм, «выйти из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [7, с. 50], – что подчеркивал сам И. Кант, обобщая противоположное состояние – ценностную зрелость человека.

Список литературы

1. Авакян С.А. Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых учёных. – М.: Юстицинформ, 2015. 372 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. – М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
3. Арндт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. 456 с.
4. Аристотель. Политика. – М.: АСТ, 2026. 384 с.
5. Бизнес «обратился» к Виктории Боне // Коммерсантъ. 2025. 17 апреля // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8603906?ysclid=mpldn297x8302690141> (Дата обращения: 01.05.2026).
6. Васильев В.А. Гражданское общество в России: история и современность. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2018. 194 с.
7. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // К вечному миру (сборник). – СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 50-60.
8. Победоносцев К. П. Власть и идола свободы // Россия – особая цивилизация. – М.: Родина, 2024. С. 7-88.
9. «Слава тебе, Господи, хоть поставили!» [Видео]. VK видео. // URL: <https://yandex.ru/video/preview/17027303346767339237> (Дата обращения: 01.05.2026).
10. Хоппе Х.-Х. Демократия – низвергнутый бог. – М.: Скрипторий, 2021. 255 с.
11. Муталимов А.Э. Научно обоснованный образовательный потенциал России – показатель уровня культуры и суверенитета населения // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 2. (№ 53). С. 226-233.

References

1. Avakyan S.A. "Current Issues of Civil Society Development as Seen by Young Scientists." Moscow: Yustitsinform, 2015. 372 p.
2. Ankersmit F.R. "Aesthetic Politics: Political Philosophy Beyond Fact and Value." Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2014. 432 p.
3. Arendt H. "On Revolution." Moscow: Evropa, 2011. 456 p.
4. Aristotle: Politics. Moscow: AST, 2026. 384 p.
5. Business "Turned" to Victoria Bona // Kommersant. 2025. April 17 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8603906?ysclid=mpldn297x8302690141> (May 1, 2026).

6. Vasiliev V.A. Civil Society in Russia: History and Modernity. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2018. 194 p.
7. Kant I. Answer to the Question: What is Enlightenment? // Toward Eternal Peace (collection). St. Petersburg: Azbuka-Atticus, 2022. P. 50-60.
8. Pobedonostsev K.P. Power and the Idols of Freedom // Russia – a Special Civilization. Moscow: Rodina, 2024. P. 7-88.
9. "Glory to Thee, Lord, That They At Least Set It Up!" [Video]. VK video. // URL: <https://yandex.ru/video/preview/17027303346767339237> (01.05.2026).
10. Hoppe H.-H. Democracy – the Overthrown God. – Moscow: Scriptorium, 2021. 255 p.
11. Mutalimov A.E. Russia's scientifically based educational potential is an indicator of the level of culture and sovereignty of the population // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 2. (№ 53). P. 226-233.

Волобуева А.А.

Старший преподаватель. ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В.И. Даля», г. Луганск.

Гармония слова: философия формирования языковой культуры в эпоху медиа*

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию фундаментальной проблемы влияния языка на человеческое мышление, сознание и поведенческие модели в условиях современной цифровой эпохи. Автор рассматривает этот вопрос сквозь призму трансформации масс-медиа и тотального доминирования интернет-коммуникаций. Центральным тезисом работы становится проблема утраты богатства, выразительности и смысловой глубины языка в условиях стремительного распространения информационных потоков, агрессивной коммерческой рекламы и поверхностных, утилитарных способов общения. Опираясь на классические философские подходы и труды отечественных мыслителей, автор подчёркивает, что язык – это не просто средство передачи информации, а самый сложный механизм формирования картины мира. В статье акцентируется внимание на важности понимания глубинных смыслов, культурных кодов и исторических коннотаций, заложенных в слове. Поднимается вопрос о необходимости воспитания осознанного, бережного отношения к речи как к главному инструменту личностной идентификации, уникальному отражению национальной самобытности и мощному средству выражения духовной силы народа. В качестве решения проблемы предлагаются ключевые принципы формирования высокой языковой культуры. Среди них: внимательное отношение к выбору лексики, неукоснительное соблюдение традиций русской словесности, а также целенаправленная работа над развитием чёткости, логичности и образности выражения мысли. Автор утверждает, что в современной информационной среде, перенасыщенной штампами и заимствованиями, именно возвращение к этим основам способно сохранить интеллектуальный потенциал общества. В заключение статья ставит перед читателями насущную задачу – не просто теоретически осознать значение правильного владения языком, но и сформулировать для себя конкретные, практические пути повышения уровня речевой культуры. Это рассматривается как необходимый шаг для сохранения национальной идентичности и духовного здоровья в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: лингвистическая культура, стандарт, масс-медиа, интернет-коммуникации, культурный код, средства массовой информации, информационная среда, речевая культура, национальная идентичность, глобализация.

Volobueva A.A.

Senior Lecturer at Lugansk State University named after V.I. Dal, Lugansk.

Harmony of words: philosophy of language culture formation in the mediaceal era

Abstract. This article presents a comprehensive study of the fundamental impact of language on human thinking, consciousness, and behavioral patterns in the modern digital age. The author examines this issue through the lens of the transformation of mass media and the total dominance

* © Волобуева А.А., 2026.

Гармония слова: философия формирования языковой культуры в эпоху медиа

of internet communications. The central thesis of the work is the loss of richness, expressiveness, and semantic depth of language in the face of the rapid spread of information flows, aggressive commercial advertising, and superficial, utilitarian methods of communication. Drawing on classical philosophical approaches and the works of Russian thinkers, the author emphasizes that language is not simply a means of transmitting information, but a complex mechanism for shaping a picture of the world. The article emphasizes the importance of understanding the deep meanings, cultural codes, and historical connotations inherent in words. It raises the need to cultivate a conscious, respectful attitude toward speech as the primary instrument of personal identification, a unique reflection of national identity, and a powerful means of expressing the spiritual strength of a people. Key principles for developing a high linguistic culture are proposed as a solution to this problem. These include careful attention to vocabulary selection, strict adherence to the traditions of Russian literature, and targeted work on developing clarity, consistency, and figurative expression. The author argues that in today's information environment, oversaturated with clichés and borrowings, a return to these foundations can preserve society's intellectual potential. In conclusion, the article presents readers with an urgent task: not only to theoretically understand the importance of proper language proficiency but also to formulate specific, practical ways to improve their speech culture. This is seen as a necessary step for preserving national identity and spiritual health in a globalizing world.

Key words: linguistic culture, standard, mass media, internet communications, cultural code, mass media, information environment, speech culture, national identity, globalization.

Введение

Средства массовой информации занимают центральное место в современном обществе, оказывая существенное влияние на разные сферы человеческой жизнедеятельности: языковую, психологическую и культурную. Благодаря своим уникальным возможностям распространения, СМИ формируют новую реальность, определяют стандарты восприятия действительности и задают ориентиры поведения. Следовательно, важно учитывать их значимость в сохранении и развитии национальных языков и культур. По мнению лингвистов и культурологов, язык массовых коммуникаций оказывает огромное воздействие на формирование общего представления о национальном языке и способствует сохранению его особенностей. Владимир Виноградов отмечал: «Русский язык, представленный в средствах массовой информации, выступает эталоном и мерилом литературной нормы» [1, с. 22]. Это означает, что от качества языка СМИ зависит уровень

культурной компетенции населения и состояние самой национальной культуры. Поддержание высокого уровня культуры речи имеет большое значение для каждого члена общества. Юрий Лотман подчёркивал: «Отсутствие интереса к собственной речи ведет к деградации языка, а значит, и всей культуры общества» [5].

Авторы и исследователи указывают на прямую связь между качеством языка СМИ и уровнем образованности населения. Только владея родным языком, человек способен мыслить критически и полноценно воспринимать окружающую действительность. Это подчёркивает особую ответственность журналистов и писателей в поддержании чистоты языка. Кроме того, проблема языка и культуры постоянно привлекает внимание Владимира Колодяжного, известного исследователя проблем языка СМИ. По его словам: «Современные СМИ становятся мощным фактором трансляции норм языка, образуя среду, в которой формируются

стереотипы речевого поведения».

Изучение языка как сложного психологического, философского и социокультурного явления закономерно порождает новые направления в лингвистике, тесно переплетённые с социальными процессами, господствующими психолого-культурными парадигмами и общими мировоззренческими принципами конкретного общества.

Русский язык, будучи, по остроумному замечанию Корнея Ивановича Чуковского, «живым как жизнь» [8, с. 175], отражает динамику окружающего мира, чутко откликаясь на любые социальные трансформации и культурные перемены. Именно поэтому язык служит зеркалом культурной эволюции нации, позволяя нам осмысливать прошлое и предугадывать будущее. Так, эпохальные реформы XVIII века преобразили язык русской интеллигенции, революция 1917 года подарила нам советский новояз, ныне устаревший и зачастую непонятный новому поколению, которое воспитывается в совершенно иных культурных и языковых условиях. Нынешняя фаза развития русского языка выделяется своей уникальностью и символичностью именно благодаря нескольким взаимозависимым факторам: во-первых, процессы глобализации ускоряют приток многочисленных заимствований, легко интегрирующихся в нашу речь; во-вторых, массовая культура определяет современное языковое сознание, формируя облик языковой личности и характер повседневной речи россиян. Наконец, особое значение приобретают современные медиа и коммуникационные технологии, ставшие мощнейшим фактором влияния на развитие языка. Сегодня, увы, далеко не литературные шедевры задают стандарты вербального поведения наших сограждан, а скорее масс-медиа с часто

сомнительным стилем изложения.

Татьяна Григорьевна Добросклонская убедительно подчёркивает значимость медиатекстов в формировании языковой личности, отмечая: «Стремительное развитие классических средств массовой информации – прессы, радио, телевидения, а также создание и распространение Всемирной сети Интернет обусловило возникновение целостного информационного поля, особого виртуального пространства, объединённого множеством разнообразных медиаканалов. Это явление неизбежно повлияло на процессы порождения и трансляции языка, на особенности речевого употребления и направление языковых изменений. Основная доля современного речепользования сосредоточена именно в сфере массовых коммуникаций... Тексты средств массовой информации, иначе говоря, медиатексты, представляют собой наиболее распространённую форму существования языка в наши дни, значительно превосходящую объёмы речи в остальных областях жизнедеятельности человека» [3, с. 8].

Исследование механизмов появления и развития многообразия медиатекстов, включая журналистские публикации, рекламные и PR-материалы, контент интернет-ресурсов, требует комплексного подхода, учитывающего одновременно культурологические и лингвистические факторы. Наиболее эффективным методом анализа здесь выступает лингвокультурологический подход, позволяющий интегрировать две ключевые категории человеческого бытия – язык и культуру. Медиатексты служат не только источниками актуальной информации, но и своеобразными индикаторами социальных перемен, отражающими глубинные сдвиги в общественной психологии и философии

эпохи. Они фиксируют значимые культурные коды, формируют специфику восприятия реальности аудиторией, влияют на восприятие языка как инструмента межкультурной коммуникации и способствуют развитию философской рефлексии над языком. Таким образом, изучение медиатекстов сквозь призму лингвокультурологии открывает перспективы понимания не только внутренней структуры самих текстов, но и контекста их создания, функционирования и воздействия на общество. Этот подход помогает выявить общие тенденции культурного развития и сформулировать практические рекомендации по оптимизации медийного контента с точки зрения этнокультурной адекватности и соответствия современным требованиям общества.

Философский аспект изучения медиатекстов представляет собой многослойный исследовательский феномен, интегрирующий в современную лингвистику целый спектр дисциплин – философию, культурологию, социальную психологию и историю. Такое комплексное рассмотрение даёт возможность увидеть медиатекст не изолированно, а в единстве с обширным полем гуманитарного знания, выявляя воздействие ключевых философско-экзистенциальных идей на функционирование языка, структуру коммуникации и эволюцию языковых явлений. Анализируя медиатексты в рамках философской оптики, мы обнаруживаем, что они выступают своего рода посредником между человеческим сознанием и объективной реальностью, транслируя культурно-исторические смыслы, ценности и модели поведения. Философия в данном контексте играет роль ориентира, помогая исследователю разобратся в скрытых механизмах влияния текстов на общественное мнение и ин-

дивидуальное мировосприятие. Далее рассмотрим подробнее основные философские аспекты, важные для осознания роли медиатекстов в развитии языковой культуры нашего времени. Эти аспекты позволяют глубже проникнуть в природу взаимодействия языка и сознания, раскрывают причины устойчивости определённых языковых моделей и помогают осознать важность гуманистической ответственности создателей медиатекстов перед обществом.

Настоящая статья базируется на научной концепции Светланы Александровны Песиной, согласно которой язык неотделим от философского осмысления ментального пространства человека. Исследователь особо выделяет следующее положение: «Сегодня нельзя дать ответы на главные вопросы философии языка вне рассмотрения принципов, регулирующих и определяющих когнитивную и коммуникативную деятельность человека. Результаты процесса освоения и осмысления человеком окружающей реальной действительности отражаются в формах языка, что приводит, в свою очередь, к означиванию реалий этой действительности, а затем их категоризации при помощи соответствующих языковых знаков. В фокусе внимания оказываются вопросы, касающиеся протекания знаковых процессов, формирования слова, значения, понятия, смысла, концепта и вопросы их вовлечения в коммуникативные процессы» [7, с. 5].

Рассмотрим ключевые подходы к изучению медиатекста. Большинство сообщений такого типа направлено на возбуждение непосредственной эмоциональной реакции аудитории, вследствие чего центральным понятием в философии медиатекста оказывается категория образа, тесно связанная с культурными стереотипами и личност-

ными психологическими установками. Борис Михайлович Гаспаров утверждает, что образ лежит в основе когнитивного восприятия слова. Он формулирует это следующим образом: «Образу присуща восприимчивость, картины в воображении можно воссоздавать снова и снова, в разное время и по разному поводу. Так, слово “травы” может вызвать в представлении не один образ, а целую галерею образных картин в зависимости от обстоятельств и прежде всего от контекста. Языковой образ отличается переменной сфокусированностью, то есть образ может иметь различную степень отчетливости – от очень яркого до расплывчато-неопределенного, видимого как бы через замутненное стекло» [2, с. 250].

Лингвокультурологический анализ медиатекстов демонстрирует теснейшую связь большинства из них с универсальными архетипическими образами и древними мифологическими сюжетами, живущими в коллективном бессознательном разных народов на протяжении веков. Такие образы воплощают глубоко укорененные символы добра и зла («добрый волшебник», «злая колдунья»), героизма и одиночества («герой-одиночка»), заботы и защиты («мать-хранительница семейного очага») или надежду на обновление («ребенок, символизирующий начало нового жизненного цикла»). Каждый из этих символов несет в себе богатую цепочку ассоциаций, впитываемых человеком практически с детства и сохраняемых на уровне подсознания. Активация подобных образов в современных медиатекстах сопровождается мощным воздействием на мышление, восприятие реальности и поведение человека. Под влиянием постоянных обращений к таким архетипическим структурам меняется система ценно-

стей, картина мира, способы выражения мыслей и чувств, нормы и формы коммуникации. Ярким примером такого эффекта служат широко известные рекламные лозунги, которые давно вошли в повседневную речь носителей языка и стали частью коллективного сознания. Многие из них приобрели статус устойчивых выражений, регулярно используемых в быту: «Ведь я этого достойна!» (L'Oréal), «Не тормози – сникерсни!» (Snickers), «И вкусно, и полезно» (Danone), «Обрати внимание: сделано в Германии», «Свежесть Байкала в каждой капле» (вода «Байкал»), «Живи ярко, пей Fanta!». Эти высказывания не просто привлекают внимание потребителей, но и становятся маркерами определенной жизненной позиции, ценностных ориентаций и даже стиля жизни.

Кроме того, культурная природа языка находит своё выражение в широком использовании в рекламе прецедентных текстов, обладающих яркой выразительностью и глубоким смыслом. Особенно активно применяются народные пословицы и поговорки, которые удачно адаптируются под конкретные цели рекламной кампании, становясь её запоминающимся девизом: «Старый друг лучше новых двух» (лекарство «Колдрекс»: подчеркивая доверие проверенным средствам); «Век живи, век учись» (реклама дополнительного образования: мотивация постоянного саморазвития); «Где родился, там и пригодился» (речь может идти о продукции местных производителей, апеллирующей к патриотизму потребителя). Подобные приемы создают особую смысловую глубину и обеспечивают устойчивость фраз в памяти пользователей, поскольку они связаны с мудростью поколений, зафиксированной в народной культуре. Через исполь-

зование устойчивых формул создатели рекламных текстов осуществляют важный акт интеграции прошлого опыта человечества в реальность текущего момента, соединяя классические семантические конструкции с современными реалиями. Например, реклама продуктов питания может обыгрывать фразу «Щи да каша – пища наша», вызывая ассоциации с традиционной русской кухней и здоровьем. Или, рекламируя финансовую услугу, агентство обращается к народному опыту, заявляя: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Этот приём усиливает эффективность маркетингового обращения, делая рекламу ближе потребителю, поскольку затрагивает культурные корни, сформированные ещё в глубокой древности.

Особый интерес с точки зрения философского осмысления языка средств массовой информации представляет лингвокультурологический анализ семиотической природы медиатекста. Юрий Михайлович Лотман, исследуя структуру семиотического пространства, отмечал: «Во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных жаргонов до моды – также происходит постоянное обновление кодов. Таким образом любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса следует считать не отдельный язык, а все присутствующее в данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [6, с. 220]. Именно этот подход позволяет рассматривать медиатекст не как обособленное сообщение, а как неотъемлемый компонент общей семиотической среды, участвующий в дина-

мическом процессе передачи значений и смыслов, что особенно важно для понимания особенностей функционирования языка в современном мире.

Юрий Михайлович Лотман понимал язык как сложный семиотический конструкт, связанный с системой культурных кодов и философскими воззрениями, которыми определяется общее поле семиосферы. Важно подчеркнуть, что современная среда медиатекстов неразрывно связана с массовой культурой, транслируя её базовые идеи, моральные установки и экзистенциальные ценности. Эта связь формирует особые ролевые модели, воздействующие на личность, определяющие пути её самовыражения и механизмы взаимодействия с окружающим миром. Среди основных ценностей массовой культуры, оказывающих решающее влияние на развитие медиатекстов и способов коммуникации в обществе, выделяются следующие: установка на бесконечный праздник. Жизнь изображается как непрерывное веселье, свободное от болезней, проблем и старения. Любое препятствие решается чудесным способом, предлагаемым в очередной рекламной кампании. Например, показ молодых здоровых героев фильма создает иллюзию идеальной реальности, далекой от жизненных трудностей.

Постоянная потребность находиться в центре внимания: массовые герои стремятся любыми способами привлечь к себе взгляды окружающих, будь то эксцентричные выходки знаменитостей или нарочито бросакая подача себя в соцсетях. Подобная установка влияет на ожидания зрителей и читателей относительно личной популярности и публичного признания. Мечта о вечной молодости, абсолютной красоте и победе над смертью активно эксплуатируется средствами массовой информа-

ции. Реклама антивозрастных кремов, пластических операций, косметических процедур формирует ложное представление о возможности остановить старение и сохранить красоту навсегда. Таким образом, медиатексты играют ключевую роль в формировании самосознания и поведенческих паттернов современного человека, создавая иллюзорную картину идеального мира и стандартов успешной жизни.

Социальная философия, основанная на экспансии позитивных переживаний и стремлении избегать негативных эмоций, отчётливо проявляется в разнообразии суггестивных конструкций, доминирующих в современных медийных текстах, рекламных сообщениях и PR-кампаниях. Часто подобные послания имеют скрытый рекламный подтекст, незаметно внедряя потребительские стратегии в сознание аудитории. Одним из популярных приемов убеждения в рекламе является активное использование глаголов в повелительном наклонении с положительными оттенками значения. Подобные конструкции нацелены на привлечение внимания и убеждение целевой аудитории в том, что выполнение предложенной инструкции приведёт к улучшению качества жизни. Нередко в пределах одного текста используются сразу несколько призывов подобного характера, усиливая эффект внушения. Вот яркий пример подобной манипуляции восприятием адресата: «Подари себе радость счастливого шопинга в магазине «Леди». Радуйся встрече с любимыми брендами и открой для себя творения молодых дизайнеров! Позволь себе больше с картой постоянного покупателя! Удиви родных и друзей креативным имиджем!» Здесь каждая фраза заканчивается восклицательным знаком, создающим дополнительный заряд по-

зитива и активирующим представления о постоянном праздничном настроении, столь характерные для массовой культуры последних десятилетий. Эти приёмы призваны заставить аудиторию почувствовать необходимость немедленного приобретения товаров или услуг, обещая мгновенную реализацию мечты о счастливой жизни.

Рассмотрение философских аспектов языка медиатекстов, созданных в рамках массовой культуры, предполагает детальное изучение приемов построения пресуппозиций – предпосылок, существенно затрудняющих адресату критическое отношение к сообщению и стимулирующих принятие предложений без сомнений. Для достижения этой цели используется широкий спектр языковых инструментов, среди которых можно выделить три группы приемов. К первой группе можно отнести актуализацию устойчивого языкового материала. Помимо рассмотренных ранее пословиц и поговорок, важную роль играют цитаты из Библии, известные крылатые выражения, фрагменты художественных произведений, кинофильмов и популярной музыки. Эти элементы воспринимаются как общепринятые истины, облегчающие внедрение желаемого месседжа в сознание потребителя. К примеру, библейские аллюзии «Пусть ваш дом станет крепостью любви»; цитаты классиков: «Мы живем лишь однажды, как сказал Достоевский (в действительности это фраза принадлежит другому автору, но подобная практика типична для рекламных текстов)»; фразы из любимых фильмов: «Будьте уверены, вас ждет успех!». Ко второй группе можно отнести обращение к самолюбию потенциального покупателя. Еще одна эффективная техника заключается в льстивом обращении к чувству собственного

достоинства клиента. Люди склонны воспринимать положительные оценки собственной персоны и охотно соглашаются с предложением, подкрепляющим самооценку. Например: Вы заслуживаете лучшего! Только избранные выбирают... Ваша красота заслуживает самого качественного ухода! Третья группа – использование псевдонаучных аргументов. Часто встречаются апелляции к научным данным и экспериментальным подтверждениям, повышающим доверие к информации. Несмотря на отсутствие реальных доказательств эффективности рекламируемого товара, такие техники эффективно работают на повышение продаж. Примером могут служить фразы вроде: «Научно доказано, что витамины нашей серии повышают иммунитет» либо «Лабораторные испытания подтверждают уникальную эффективность препарата». Также значительную популярность получили термины и выражения, пришедшие из научно-популярных публикаций и вошедшие в обиходную речь: нанопротекторы, наноэффекторы, кислородная косметика, витамины для мозга, иммунные комплексы. Хотя многие из этих нововведений вызывают сомнения с точки зрения доказательной медицины, они нашли широкое применение, удовлетворяя потребности общества в ощущении здоровья и уверенности в будущем.

Понимание философских сторон развития языка невозможно без глубокого осмысления когнитивных основ коммуникативного акта. Светлана Александровна Песина акцентирует внимание на том, что речь должна восприниматься как целенаправленный процесс воздействия, направленный на достижение конкретных целей. Она поясняет: «В философии языка человек, взаимодействующий с языковыми зна-

ками, рассматривается как автор события. То есть отношение “человек-знак” имеет антропоцентрическую природу, поскольку знаки не существуют сами по себе, подобно предметам, они являются “человеческим” продуктом, призванным удовлетворить человеческие потребности. Для того, чтобы понять знак, необходимо его интерпретировать. Верная интерпретация обусловлена учётом окружающего контекста, а также тем, что субъект должен обладать достаточным объёмом культурно обусловленных фоновых знаний, включая как общественный, так и личностно-индивидуальный опыт» [7, с. 205]. Таким образом, интерпретация любого языкового сигнала подразумевает глубокое знание культурных традиций, социального окружения и индивидуального опыта. Понимание языка требует учитывать не только грамматические правила, но и социальный контекст, культурные предпочтения, исторический опыт народа и индивидуальные характеристики говорящего.

Когнитивные свойства медиатекста непосредственно отражают мотивационную структуру восприятия мира человеком. Современные ученые выделяют ряд базовых мотивов, характеризующих мировоззрение личности, проявляющихся в различных медийных источниках. Среди них выделяются эмоциональные, рациональные, социальные, глорические (связанные с чувством гордости и престижа) и эстетические мотивации. Каждому типу мотивации соответствует особая форма лингвистического выражения. Примером эмоционального мотива, отражающего стремление к уникальности и выделенности, могут служить многочисленные рекламные слоганы, использующие числительные «один», «первый». Например, текст рекламы

спортивного магазина гласит: «Магазин спортивных товаров “В движении” – номер один для тех, кто стремится быть первым и на стадионе, и в жизни». Такое стремление к первенству и уникальности встречается повсеместно в медийных текстах, реализуя желание каждого человека отличаться от других и достигать успеха. Другие типы мотивов тоже находят свое проявление в текстах массовой коммуникации, демонстрируя разнообразие внутренних устремлений аудитории.

Таким образом, полноценное понимание философских аспектов языка медиатекстов возможно только при комплексном подходе, учитывающем культурные особенности общества и индивидуально-психологические черты личности. Дальнейшее успешное развитие исследований в области медиатекстов потребует активного сотрудничества с представителями смежных наук, изучающих вопросы культуры, психологии и философии.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1963. 255 с.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. – М.: НЛО, 1996. 352 с.
3. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. – М.: МГУ, 2015. 116 с.
4. Колодяжный В.Н. Формирование коммуникативных компетенций журналиста. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2006.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
6. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с. С. 208-220.
7. Песина С.А. Философия языка. – М.: Флинта, 2014. 373 с.
8. Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. – М.: Мол. гвардия, 1962. 175 с.
9. Березовская А.А., Сабурова Н.А. Митигация в речи адвоката как средство воздействия (на материале избранных речей Федора Никифоровича Плевако) // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 12-19.

Speech. Poetics. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1963. 255 p.

2. Gasparov B.M. Language, Memory, Image. Moscow: NLO, 1996. 352 p.

3. Dobrosklonskaya T.G. Language of the Mass Media. Moscow: Moscow State University, 2015. 116 p.

4. Kolodyazhny V.N. Developing Communicative Competencies in Journalists. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2006.

5. Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.

6. Lotman Yu.M. Symbolism of St. Petersburg and Problems of Urban Semiotics // History and Typology of Russian Culture. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2002. 768 p. P. 208-220.

7. Pesina S.A. Philosophy of Language. Moscow: Flinta, 2014. 373 p.

8. Chukovsky K.I. Alive as Life: A Conversation about the Russian Language. Moscow: Mol. Gvardia, 1962. 175 p.

9. Berезovskaya A.A., Saburova N.A. Mitigation in a lawyer's speech as a means of action (based on selected speeches of Fyodor Nikiforovich Plevako) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 12-19.

References

1. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of Poetic

Выскребенцов Р.Ю.

Соискатель ученой степени кандидата философских наук. Военный университет имени князя Александра Невского, Москва.

Социально-философские основания легитимности политического насилия: сравнительный анализ подходов*

Аннотация. В статье сопоставляются ключевые социально-философские концепции, объясняющие, при каких условиях политическое насилие может считаться легитимным. Анализируются естественно-правовая, утилитаристская и контрактуалистская традиции, а также критические теории XX века (марксизм, критическая теория, феминистская философия, постколониальные исследования). Рассмотрена проблема соотношения моральных требований и политической необходимости в ситуациях вооруженных конфликтов. Автор обосновывает, что интегративный подход, синтезирующий разные теоретические перспективы, позволяет выработать более действенные механизмы противодействия политическому насилию.

Ключевые слова: политическое насилие, легитимность, естественное право, утилитаризм, контрактуализм, марксизм, критическая теория, мораль, вооруженный конфликт, справедливость.

Vyskrebentsov R.Y.

Candidate for the degree of Candidate of Philosophy at the Prince Alexander Nevsky Military University.

Socio-philosophical foundations of the legitimacy of political violence: a comparative analysis of approaches

Abstract. This article compares key socio-philosophical concepts explaining the conditions under which political violence can be considered legitimate. The natural law, utilitarian, and contractualist traditions are analyzed, along with 20th-century critical theories (Marxism, critical theory, feminist philosophy, postcolonial studies). The problem of the relationship between moral requirements and political necessity in armed conflicts is examined. The author argues that an integrative approach, synthesizing different theoretical perspectives, makes it possible to develop more effective mechanisms to counter political violence.

Key words: political violence, legitimacy, natural law, utilitarianism, contractualism, Marxism, critical theory, morality, armed conflict, justice.

Проблема политического насилия сопровождает человечество на всем протяжении его истории, обретая особую остроту в периоды соци-

альных потрясений, войн и радикальных преобразований. Вопрос о том, где пролегают границы легитимного применения силы, остается в социаль-

* © Выскребенцов Р.Ю., 2026.

Социально-философские основания легитимности политического насилия: сравнительный анализ подходов

но-философском дискурсе одним из самых спорных. Актуальность нашего исследования объясняется не только теоретической значимостью осмысления феномена насилия, но и практической потребностью: нужны четкие критерии его оценки в современных вооруженных конфликтах, где моральные коллизии становятся особенно сложными. Как верно замечает Д.В. Некрасов, «соотношение политики и морали в современных вооруженных конфликтах (область, где насилие проявляется более ярко) представляет собой одну из ключевых проблем философии политики, требующую комплексного анализа как классических, так и новейших теоретических подходов» [16, с. 12].

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ ведущих социально-философских концепций легитимности политического насилия, выявить их сильные стороны и ограничения, а также определить возможности синтеза для построения более адекватной теоретической модели.

Естественно-правовая традиция – от античности до Фомы Аквинского, Гроция и Локка – исходит из существования неотчуждаемых прав человека, которые предшествуют государству и не могут быть им упразднены. Согласно этой парадигме, политическое насилие становится легитимным только тогда, когда защищает естественные права граждан и не нарушает универсальных принципов справедливости.

Фома Аквинский в «Сумме теологии» (Summa Theologiae) последовательно обосновал концепцию естественного закона: государственная власть ограничена высшими божественными и природными установлениями [20]. Аквинат настаивал: правитель, применяющий насилие вопреки естественному закону, теряет право на повиновение

со стороны подданных. Гуго Гроций в фундаментальном сочинении «О праве войны и мира» (De jure belli ac pacis), впервые изданном в 1625 году, распространил принципы естественного права на международные отношения, тем самым заложив основы современного международного гуманитарного права [3]. Гроций убедительно показал: даже война подчинена моральным ограничениям, и нарушать их недопустимо. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» (Two Treatises of Government) развил идею о возникновении государства из общественного договора, заключаемого людьми ради защиты жизни, свободы и собственности [6]. Власть государства не абсолютна; она ограничена правами граждан. Если эти права нарушаются, граждане вправе сопротивляться тирании, вплоть до свержения нелегитимной власти.

В применении к политическому насилию естественно-правовой подход дает несколько критериев легитимности: во-первых, насилие допустимо лишь как самооборона, для отражения посягательств на естественные права; во-вторых, сила должна быть соразмерна угрозе, не превышать необходимого уровня; в-третьих, к насилию следует прибегать только как к крайнему средству (ultima ratio), когда все мирные способы исчерпаны.

Д.В. Некрасов, обращаясь к античной философской традиции, отмечает: «в работах античных философов формируется представление о моральных границах применения силы, которое впоследствии получает развитие в естественно-правовой доктрине» [14, с. 141]. Особую значимость здесь имеет позиция Фомы Аквинского: государство вправе применять силу для защиты граждан от внешней агрессии и поддержания внутреннего порядка, но не

должно использовать ее для подавления инакомыслия или дискриминации меньшинств.

Идеи естественного права во многом сформировали современное понимание прав человека, международного гуманитарного права и доктрины «ответственности за защиту». Всеобщая декларация прав человека, Женевские конвенции, концепция R2P – каждый из этих документов исходит из признания неотъемлемых прав и необходимости защищать людей от насилия и угнетения.

Однако и у естественно-правовой традиции есть слабые стороны. Критики, к примеру, указывают на ее абстрактность и универсализм: эти черты плохо схватывают конкретные исторические и культурные контексты. Непонятно также, кто вообще определяет содержание естественных прав, и кто может выступать их гарантом. На практике такие вопросы нередко решаются теми, кто обладает властью, – отсюда риск, что идея естественных прав превратится в простой инструмент оправдания собственных действий.

Совсем иначе подходит к проблеме утилитаризм, связанный с именами Джереми Бентама и Джона Стюарта Милля. В отличие от естественно-правовой доктрины, он не ссылается ни на априорные принципы, ни на неотъемлемые права. В «Введении в основания нравственности и законодательства» (An Introduction to the Principles of Morals and Legislation) Бентам выдвинул принцип пользы как универсальный критерий для оценки любых действий, включая государственные [1]. Для Бентама не существует естественных прав, предшествующих государству, – есть лишь те права, которые государство предоставляет гражданам, исходя из соображений общей поль-

зы. Милль в труде «Утилитарианизм» (Utilitarianism) уточнил эту позицию: он различал «высшие» и «низшие» удовольствия и подчеркивал, что индивидуальная свобода выступает условием долгосрочного общественного благополучия [10].

Как показывает Д.В. Некрасов в исследовании философии Иммануила Канта, «кантовский категорический императив, требующий рассматривать человека всегда как цель и никогда – только как средство, вступает в противоречие с утилитаристской логикой, допускающей инструментальное отношение к индивидам ради общего блага» [11, с. 541]. Это противоречие обостряется именно при оценке легитимности политического насилия.

Утилитаристы признают: насилие может оказаться необходимым злом, если оно способствует общему благу. Скажем, войну можно оправдать тогда, когда она предотвращает еще более масштабное насилие или защищает свободу и демократию. При этом требуется рациональное обоснование: польза от применения силы должна перевешивать вред. Важно учитывать не только ближайшие, но и отдаленные последствия, не только плюсы, но и минусы.

Утилитарный взгляд на легитимность политического насилия – один из самых спорных в социальной философии. Критики утверждают: он игнорирует права меньшинств и способен оправдать едва ли не любые действия, если те якобы ведут к большему благу. Как замечают Д.В. Некрасов, К.С. Петряков и Д.В. Казаков, «в условиях цифровизации вооруженных конфликтов моральные дилеммы приобретают новые измерения, когда утилитаристская логика может оправдывать применение автономных систем вооружения, несущих риски для гражданского населе-

ния» [12, с. 169].

С другой стороны, именно утилитаризм дает практическую базу для оценки легитимности насилия – он ориентируется на эмпирически проверяемые последствия. Поэтому этот подход востребован политиками и теми, кому приходится принимать решения в условиях дефицита времени и высокой неопределенности.

Контрактуализм (Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо) исходит из идеи общественного договора: люди создают государство и передают ему часть своих прав в обмен на безопасность и порядок. Легитимность власти опирается на согласие граждан, а не на божественное провидение или право сильного.

Гоббс в «Левиафане» (Leviathan) предложил наиболее радикальный вариант контрактуализма: в естественном состоянии, утверждал он, царит «война всех против всех», поэтому люди вынуждены передать все свои права суверену, который будет поддерживать мир и порядок [2]. Для Гоббса легитимность насилия практически неограничена: государство может применять силу любыми средствами, ибо альтернатива – анархия и всеобщее взаимное истребление. Руссо в трактате «Об общественном договоре» (Du contrat social) предложил более демократичную версию: суверенитет принадлежит народу в целом, а правительство лишь исполняет его волю [18]. Насилие легитимно только тогда, когда направлено на защиту «общей воли» и свободы граждан.

В контексте политического насилия контрактуализм дает следующие аргументы. Легитимность насилия определяется его соответствием условиям общественного договора. Если государство нарушает эти условия – применяет насилие против собственных граждан

– оно утрачивает легитимность, и граждане получают право на сопротивление. Необходимо создавать политические институты, которые минимизируют возможности злоупотребления властью и насилием.

Д.В. Некрасов провел интересный анализ того, как соотносятся политика и мораль в российской философской мысли допетровской эпохи. Исследователь подчеркивает: «в древнерусской традиции формируется специфическое понимание власти как служения, что накладывает силы» [13 с. 99]. Он считает, что эту традицию можно рассматривать как своеобразную версию контрактуализма – легитимность власти здесь напрямую зависит от того, насколько она отвечает моральным ожиданиям подданных. У контрактуализма и естественного права есть общее: оба подхода ограничивают государственную власть и признают право граждан на сопротивление тирании. Но контрактуализм, в отличие от естественного-правовой доктрины, опирается не на абстрактные принципы, а на идею согласия граждан – именно в нем основа легитимности. Критики же говорят о гипотетичности контрактуализма: он якобы не способен объяснить реальную историю возникновения государства и права. Плюс остается вопрос: что делать с теми, кто не согласен с условиями общественного договора и не хочет подчиняться государству?

Марксизм смотрит на проблему иначе. Насилие здесь – неотъемлемая черта классового общества и инструмент классовой борьбы. В «Манифесте Коммунистической партии» (1848) прямо сказано: «целью коммунистов является свержение господства буржуазии и завоевание пролетариатом политической власти». Насилие предстает не как моральная проблема, а как истори-

ческая необходимость: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя». В «Капитале» Маркс дает экономическое обоснование этого тезиса: возникновение капитализма, по его словам, сопровождалось «кровавым законодательством» против экспроприированных крестьян [7].

Б.К. Мартыненко, анализируя марксистское понимание насилия, подчеркивает: «Маркс и Энгельс были абсолютно убеждены в том, что современный господствующий класс – буржуазия – не способен обеспечить необходимый уровень условий существования для угнетенных» [9 с. 18]. Отсюда следует, что насильственное ниспровержение существующего строя рассматривается как необходимое условие социального освобождения.

В марксистской концепции можно выделить несколько ключевых принципов понимания насилия: 1) насилие имеет экономические основания; 2) применение насилия требует материального обеспечения; 3) причина насилия – присвоение продуктов чужого труда; 4) насилие само по себе ничего не создает, оно лишь охраняет эксплуатацию; 5) любое политическое насилие укоренено в экономических предпосылках; 6) производственные отношения определяют политические отношения насилия [9 с. 19].

Как подчеркивает Д.В. Некрасов, анализируя российскую философскую традицию, «вопрос о соотношении морали и политики в марксизме приобретает специфическое звучание: революционное насилие рассматривается не как моральная проблема, а как историческая необходимость, что снимает

традиционную этическую дилемму» [13 с. 101]. Это положение важно для понимания марксистской трактовки легитимности политического насилия. XX век – с его мировыми войнами, тоталитарными режимами, геноцидом, этническими чистками – поставил перед человечеством новые вызовы, потребовавшие расширения теоретических горизонтов и поиска новых инструментов анализа политического насилия. В ответ на эти вызовы возникли критические подходы, предлагающие более нюансированный взгляд.

Критическая теория (Франкфуртская школа) видит в политическом насилии проявление властных отношений, пронизывающих все сферы общественной жизни. Адорно, Хоркхаймер, Маркузе исходили из марксистской традиции, но расширили ее, включив в анализ культурные, идеологические, психологические факторы доминирования и подавления. Хабермас развил эти идеи, сосредоточившись на проблеме коммуникативного действия и публичной сферы. Он утверждал: политическое насилие возникает там, где диалог и взаимопонимание становятся невозможными, а публичная сфера подавляется властью. Как отмечает Д.В. Некрасов, «в условиях современных вооруженных конфликтов, где информационное противоборство приобретает ключевое значение, идеи критической теории о роли дискурса в легитимации насилия становятся особенно актуальными» [16 с. 89].

Постколониальная теория трактует политическое насилие как наследие колониализма, проявление глобального неравенства и эксплуатации. Франц Фанон в «Проклятых землях» исследовал психологические последствия колониализма, утверждая, что насилие может стать способом освобождения от пси-

хологического гнета, восстановления достоинства и идентичности. Эдвард Саид в «Ориентализме» проанализировал дискурс, с помощью которого Запад оправдывал колониализм и поддерживал свое господство.

Сравнительный анализ рассмотренных подходов позволяет выявить как принципиальные различия в понимании природы и границ легитимного насилия, так и точки возможного синтеза.

Ключевое различие между классическими подходами – в основаниях оценки легитимности насилия. Естественное право и контрактуализм исходят из принципиальной ограниченности государственной власти: для первого границей служат неотъемлемые права человека, для второго – условия общественного договора. Утилитаризм, напротив, раздвигает эти границы до предела, делая легитимность насилия функцией его последствий. Марксизм радикализирует эту логику, рассматривая насилие не как исключение, а как конститутивный элемент классового общества, который может быть преодолен только через революционное насилие. Критические подходы XX века, в свою очередь, показывают, что сама постановка вопроса о легитимности насилия может быть формой идеологической маскировки властных отношений.

Однако при всех различиях есть и важные точки пересечения. Все рассмотренные подходы сходятся в одном: насилие в определенных ситуациях может получить моральное оправдание (пусть критерии у каждого свои). Кроме того, все они так или иначе стремятся ограничить применение насилия – даже если предлагаемые механизмы не совпадают. И в конечном счете каждая из этих концепций ориентирована на достижение мира и справедливости, хотя само понимание мира и справед-

ливости порой бывает прямо противоположным.

Вместо того чтобы выбирать один подход как «истинный», продуктивнее попробовать их интегрировать. Интеграция позволяет преодолеть ограниченность каждой из традиций – и возможна она при условии, что мы признаем многоуровневую природу политического насилия.

На макроуровне, когда речь идет о фундаментальных принципах, ограничивающих применение силы, ключевую роль сохраняет естественно-правовая традиция с ее акцентом на неотъемлемых правах человека. Именно на этом базируются современное международное гуманитарное право и доктрина ответственности за защиту. На мезоуровне – уровне политических институтов и процедур – контрактуализм предоставляет инструментарий для анализа того, как институциональные механизмы могут снизить риски злоупотребления насилием. На микроуровне конкретных политических решений утилитаризм дает практические критерии для оценки последствий применения силы; без этого любое решение рискует остаться абстрактным морализаторством.

Критические подходы XX века при этом работают как теоретическая «прививка» от наивного универсализма. Они напоминают: любые, даже самые благие принципы могут быть инструментализованы властью; у насилия всегда есть гендерное измерение; современная политическая теория несет в себе наследие колониального мышления, и его необходимо преодолевать.

Из всего сказанного можно сделать несколько выводов. Проблема легитимности политического насилия – одна из центральных в социальной философии, и ее осмысление требует обращения к широкому спектру традиций:

от классического естественного права до критических подходов XX века. У каждого направления есть свои плюсы и минусы. Естественное право обосновывает неотъемлемые права человека, но страдает абстрактностью. Утилитаризм дает практические критерии оценки, однако рискует игнорировать права меньшинств. Контрактуализм акцентирует роль согласия, но остается гипотетическим. Марксизм раскрывает экономические основания насилия, зато оправдывает его как историческую необходимость. Критические подходы расширяют горизонты понимания, но иногда впадают в релятивизм. Современные вооруженные конфликты и цифровизация ставят перед социально-философской мыслью новые вопросы. Как точно зафиксировано в литературе, цифровизация боевых действий порождает моральные дилеммы, связанные с автономными системами вооружения, дистанционными средствами поражения и информационно-психологическими операциями [12, с. 171]. Все это подводит к необходимости интеграции разных теоретических подходов – чтобы одновременно учитывать универсальные этические принципы и конкретный историко-культурный контекст, последствия применения силы и права вовлеченных сторон, структурные факторы и субъективные переживания.

Социально-философские идеи влияют на политику по-разному: они формируют мировоззрение политиков, определяют программы партий и движений, сказываются на законодательстве и правоприменительной практике, а также влияют на общественное мнение. Применительно к проблеме политического насилия такие идеи играют особую роль – они помогают осмыслить феномен, оценить его легитимность

и выработать стратегии противодействия.

Список литературы

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / Иеремия Бентам; пер. с англ. Б.Г. Капустина. – М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
2. Гоббс Т. Левиафан / Томас Гоббс; пер. с англ. А. Гутермана. – М.: Мысль, 2001. 478 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира / Гуго Гроций; пер. с лат. А.Л. Саккетти. – М.: Ладомир, 1994. 868 с.
4. Зурабян Р. Р. Разновидности и структура политического насилия / Р.Р. Зурабян // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2 (31). С. 67-73.
5. Каспэ С.И. Определяя политическое зло / С.И. Каспэ // Политика. 2014. № 3 (74). С. 6-23.
6. Локк Дж. Два трактата о правлении / Джон Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – М.: Социум, 2021. 494 с.
7. Маркс К. Капитал: в 3 т. / Карл Маркс. – М.: Политиздат, 1983–1986.
8. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / Карл Маркс, Фридрих Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419-459.
9. Мартыненко Б.К. Почему в политике применяется насилие? (марксистское понимание) / Б.К. Мартыненко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010. № 13 (84). С. 17-21.
10. Милль Дж.С. Утилитаризм / Джон Стюарт Милль // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1971. Т. 3. С. 605-606.
11. Некрасов Д.В. Мораль, политика, война в философии Иммануила Канта / Д.В. Некрасов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 541-542.
12. Некрасов Д.В. Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах / Д.В. Некрасов, К.С. Петряков, Д.В. Казаков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 12-1. С. 167-172.
13. Некрасов Д.В. Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи / Д.В. Некрасов // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 7 (64). С. 98-102.
14. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в контексте войны в работах античных философов / Д. В. Некрасов // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 140-142.
15. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в современных вооруженных конфликтах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Некрасов Дмитрий Владимирович. – Москва, 2024. 20 с.
16. Некрасов Д.В. Соотношение политики и морали в современных вооруженных конфликтах: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Некрасов Дмитрий Владимирович. – Москва, 2024. 171 с.
17. Поляков Д.Б. Анархизм, постанархизм и проблема насилия / Д.Б. Поляков // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 102-109.
18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Жан-Жак Руссо; пер. с фр. А.Д. Хаютина. – М.: Канон-пресс, 1998. 416 с.
19. Сальников Е.В. Экстремизм и социально-по-

литическое насилие в государстве / Е.В. Сальников // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3(25). С. 268-273.

20. Фома Аквинский. Сумма теологии / Фома Аквинский. – М.: Savin Publishing House, 2007. Ч. 1. 872 с.

21. Есякова О.А., Иванов З.А., Федорова В.И. Экономическая эффективность технологии переработки упаковки tetra-pak // Альманах «Крым». 2026. № 53. С. 30-46.

References

1. Bentham I. Introduction to the Foundations of Morality and Legislation / Jeremy Bentham; translated from English by B.G. Kapustin. Moscow: ROSSPEN, 1998. 415 p.

2. Hobbes T. Leviathan / Thomas Hobbes; translated from English by A. Guterman. Moscow: Mysl', 2001. 478 p.

3. Grotius G. On the Law of War and Peace / Hugo Grotius; translated from Latin by A.L. Sacchetti. Moscow: Ladomir, 1994. 868 p.

4. Zurabyan R.R. Types and Structure of Political Violence / R.R. Zurabyan // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2012. № 2 (31). P. 67-73.

5. Kaspe S.I. Defining Political Evil / S.I. Kaspe // Polity. 2014. № 3 (74). P. 6-23.

6. Locke J. Two Treatises of Government / John Locke; translated from English by E.S. Lagutina, Yu.V. Semanova. – Moscow: Socium, 2021. 494 p.

7. Marx K. Capital: in 3 volumes / Karl Marx. – Moscow: Politizdat, 1983–1986.

8. Marx K. Manifesto of the Communist Party / Karl Marx, Friedrich Engels // Marx, K., Engels, F. Works. 2nd ed. – Moscow: Gospolitizdat, 1955. Vol. 4. P. 419-459.

9. Martynenko B.K. Why is Violence Used in Politics? (Marxist understanding) / B.K. Martynenko // Scientific Bulletin of Belgorod State University. 2010. № 13 (84). P. 17-21.

10. Mill J.S. Utilitarianism / John Stuart Mill // Anthology of World Philosophy: in 4 volumes. – Moscow: Mysl, 1971. Vol. 3. P. 605-606.

11. Nekrasov D.V. Morality, Politics, War in the Philosophy of Immanuel Kant / D.V. Nekrasov // Eurasian Law Journal. 2022. № 9 (172). P. 541-542.

12. Nekrasov D.V. Moral Dilemmas of Simulacra: The Impact of Digitalization on Ethics in Armed Conflicts / D.V. Nekrasov, K.S. Petryakov, D.V. Kazakov // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2023. Vol. 12. № 12-1. P. 167-172.

13. Nekrasov D.V. Features of the Interpretation of Morality and Politics in Russian Philosophical Thought of the Pre-Petrine Era / D.V. Nekrasov // The Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. № 7 (64). P. 98-102.

14. Nekrasov D.V. The Relationship between Politics and Morality in the Context of War in the Works of Ancient Philosophers / D.V. Nekrasov // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. № 6. P. 140-142.

15. Nekrasov D.V. The Relationship between Politics and Morality in Modern Armed Conflicts: Dissertation Abstract for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences / Dmitry Vladimirovich Nekrasov. Moscow, 2024. 20 p.

16. Nekrasov D.V. The Relationship between Politics and Morality in Modern Armed Conflicts: Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences / Dmitry Vladimirovich Nekrasov. Moscow, 2024. 171 p.

17. Polyakov D.B. Anarchism, Post-Anarchism, and the Problem of Violence / D.B. Polyakov // Intelligence. Innovations. Investments. 2021. № 4. P. 102-109.

18. Rousseau, J.-J. On the Social Contract / Jean-Jacques Rousseau; translated from French by A.D. Khayutin. Moscow: Canon-Press, 1998. 416 p.

19. Salnikov, E.V. Extremism and Sociopolitical Violence in the State / E.V. Salnikov // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2013. № 3 (25). P. 268-273.

20. Thomas Aquinas. Summa Theologica / Thomas Aquinas. – Moscow: Savin Publishing House, 2007. Part 1. 872 p.

21. Esyakova O.A., Ivanov Z.A., Fedorova V.I. Economic efficiency of tetra-pak packaging recycling technology // Almanac "Crimea". 2026. № 53. P. 30-46.

Григоренко В.Р.

Аспирант. Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации.

Модернизация как ценностная инновация и проблема российского общества*

Аннотация. Цель статьи заключается в том, чтобы определить основные ценностные противоречия, возникающие в процессе модернизации российского общества, и рассмотреть модернизацию как особый тип ценностной инновации. Автор анализирует классические и современные теории модернизации, выделяя в них ценностное измерение, а также исследует специфику российской цивилизационной идентичности, которая выступает как фактор, трансформирующий заимствуемые инновации. Новизна исследования заключается в обосновании того, что успешная модернизация в России возможна не через простое копирование западных ценностных образцов, а через их творческую адаптацию и формирование синтетических ценностных гибридов, соответствующих национальному культурному коду. Делается вывод, что модернизация как ценностная инновация сталкивается в российском обществе с глубокими культурно-антропологическими ограничениями, однако при выработке сбалансированной стратегии, учитывающей как инновационные, так и традиционные ценности, она может стать драйвером позитивного социального развития.

Ключевые слова: ценностные инновации, модернизация, российское общество, традиционные ценности, культурный код, социальная философия, аксиология.

Grigorenko V.R.

Graduate student. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Modernization as a value innovation and a problem of Russian society

Abstract. The article aims to define the main value contradictions arising in the process of modernization of Russian society and to consider modernization as a special type of value innovation. The author analyzes classical and modern theories of modernization, highlighting their value dimension, as well as examines the specifics of Russian civilizational identity, which acts as a factor transforming borrowed innovations. The novelty of the study lies in substantiating that successful modernization in Russia is possible not through simple copying of Western value patterns, but through their creative adaptation and the formation of synthetic value hybrids that correspond to the national cultural code. It is concluded that modernization as a value innovation faces deep cultural and anthropological limitations in Russian society; however, with a balanced strategy that takes into account both innovative and traditional values, it can become a driver of positive social development.

Key words: value innovations, modernization, Russian society, traditional values, cultural code, social philosophy, axiology.

* © Григоренко В.Р., 2026.

Модернизация как ценностная инновация и проблема российского общества

Введение.

Постановка проблемы и ее научная актуальность.

Проблемой настоящего исследования является противоречие между необходимостью ценностной инновации, обусловленной процессами модернизации, и устойчивостью традиционной ценностно-нормативной системы российского общества.

Современная эпоха характеризуется ускорением социальных изменений, где модернизация выступает не только как технологический или экономический процесс, но и как глубокое ценностное преобразование. Внедрение новых институтов, форм хозяйствования и политических практик неизбежно сталкивается с ценностными основаниями общества, которые обладают высокой степенью инерционности. Для России, пережившей несколько «волн» модернизации (петровскую, советскую, постсоветскую), эта проблема обретает особую остроту. Каждая попытка импорта ценностных моделей сопровождалась аккультурацией, сопротивлением или парадоксальной трансформацией заимствований. По этой причине осмысление модернизации именно как ценностной инновации и анализ связанных с ней российских социокультурных проблем заслуживает глубокого философского анализа.

Задачи.

– определить теоретическую сущность модернизации как ценностной инновации в категориях социальной философии;

– выявить основные ценностные конфликты, сопровождающие модернизационные процессы в России;

– определить, как российская цивилизационная идентичность трансформирует внедряемые ценностные инно-

вации.

Методы.

В исследовании используются следующие методы:

– системный: для анализа модернизации как комплексного явления, включающего технологические, социальные и ценностные аспекты;

– историко-генетический: для определения эволюции ценностных оснований российского общества в ходе модернизационных циклов;

– сравнительный: для сопоставления ценностных инноваций в России и других обществах, переживавших модернизацию;

– герменевтический: для интерпретации смыслов, вкладываемых в базовые ценности различными социальными группами.

Теоретическая база.

Теоретическую базу исследования составляют, во-первых, классические и современные теории модернизации. Это, прежде всего, работы У. Ростоу [26], С. Хантингтона [20], Ш. Эйзенштадта [27], а также критические концепции «множественных модернов» (Ш. Эйзенштадт, П. Вагнер) [22, 27]. Важное значение имеют труды по аксиологии и социальной философии, включая исследования ценностных систем М. Вебера [3], П. Сорокина [15], Р. Инглхарта [23].

Вторая группа работ представлена исследованиями российской цивилизационной идентичности и специфики российских модернизаций. Здесь следует выделить труды классиков евразийства (П.Н. Савицкий [11], Н.С. Трубецкой [17]), работы современных авторов: А.С. Ахиезера [1], В.Г. Федотовой [19], О.А. Митрошенкова [9], Б.И. Капустина [6]. Проблема ценностных расколов в российском обществе анализируется в исследованиях Н.И. Лапина [7],

М.К. Горшкова [4], Ж.Т. Тощенко [16].

Третью группу составляют труды, посвященные культурной памяти и механизмам передачи ценностей (Ю.М. Лотман [8], А. Ассман [21]), а также работы по философии инноваций (Й. Шумпетер [28], Э. Роджерс [25]).

Таким образом, накоплен значительный объем литературы как по теории модернизации, так и по российской аксиологической динамике. Все это создает основу для исследования модернизации как ценностной инновации в контексте российского общества.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты, в частности выявление механизмов ценностной адаптации инноваций и диагностика аксиологических барьеров модернизации, могут использоваться в лекционных курсах по социальной философии, политологии, государственному управлению, а также при разработке стратегий социально-экономического развития и культурной политики.

Обсуждение и результаты.

Понятие «модернизация» традиционно трактуется как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному, а затем и постиндустриальному. Однако в рамках социально-философского подхода недостаточно рассматривать модернизацию лишь как технологическую или институциональную трансформацию. Ключевое измерение модернизации – ценностное. Модернизация предполагает сдвиг в системе базовых ценностей: от коллективизма и патернализма к индивидуализму и ответственности, от сакрализации традиции к инновационной открытости, от иерархичности

к эгалитаризму. Именно поэтому модернизацию правомерно определить как *ценностную инновацию* – то есть внедрение в общественное сознание новых ценностных паттернов, которые замещают или существенно трансформируют прежние.

Однако ценностные инновации принципиально отличаются от технологических. Если новый станок или цифровая платформа могут быть импортированы и запущены в эксплуатацию относительно быстро, то внедрение ценности индивидуальной автономии, толерантности к неопределенности или достиженческой мотивации требует смены глубинных ментальных установок, формирующихся поколениями. Именно здесь и возникает главная проблема российского общества. Россия на протяжении своей истории неоднократно предпринимала попытки «догоняющей модернизации», причем каждая такая попытка сопровождалась масштабным ценностным импортом: петровские реформы несли с собой ценности западного рационализма и секуляризма, советская модернизация – ценности классовой солидарности и индустриального коллективизма, постсоветские реформы 1990-х гг. – ценности либерализма, индивидуализма и потребительства.

Каждый из этих этапов демонстрировал сходную закономерность: импортируемые ценности вступали в противоречие с укорененными в российской культуре базовыми установками. Каковы же эти установки? Исследователи (А.С. Ахиезер [1], В.Г. Федотова [19]) выделяют такие черты, как «расколотость» российского ценностного сознания (дихотомия «традиция – либерализм»), приоритет патернализма и этатизма, ценность общинности (соборности) над индивидуальной авто-

номией, а также особое отношение к труду не как к самостоятельной ценности, но как к «служению» или средству выживания. При этом российское общество демонстрирует парадоксальную гибридность: внешние формы модерна (высокотехнологичные устройства, глобальные коммуникации) сосуществуют с архаичными ценностными паттернами (недоверие к формальным институтам, ориентация на «ручное управление», персонализм власти).

Особый интерес представляет механизм трансформации ценностных инноваций в российской социокультурной среде. Заимствуя западные ценности, российское общество нередко переосмысляет их до неузнаваемости. Например, ценность индивидуальной свободы на российской почве часто трансформируется не в ответственность и автономию, а в «волю» как вседозволенность, соединенную с социальной пассивностью. Ценность демократии подменяется «суверенной демократией» или воспринимается как технология легитимации элит. Это явление можно обозначить как *ценностная инверсия*: инновация сохраняет номинацию, но лишается своего исходного аксиологического содержания.

Можно ли в такой ситуации говорить о невозможности модернизации в России? Представляется, что нет. Однако успешная модернизация требует отказа от линейной модели («догоним и перегоним Запад») в пользу модели *ценностного синтеза*. Это означает, что инновации не должны имплантироваться как чужеродные тела, а должны быть переведены на язык отечественной культурной традиции. Например, ценность инновационной активности может быть увязана с традиционной ценностью «служи-

ния» (служение Отечеству через технологическое лидерство). Ценность индивидуальной ответственности – с ценностью «общинного попечения», формируя тем самым модель «ответственной автономии». Исторические примеры такого синтеза есть: советская модернизация 1930-х гг., при всем ее идеологическом давлении, сумела соединить ценности индустриализма и коллективизма с архетипами «мира-общины». Другой пример – феномен «русского космизма», соединивший научно-технический прогресс с глубинными этико-религиозными смыслами.

Современный этап, характеризующийся цифровой трансформацией и турбулентностью глобального миропорядка, требует новой модели ценностной инновации. Ей не может быть ни вестернизация, ни изоляционистский «поворот к традиции». Необходима стратегия *избирательной аккультурации*: заимствуются те ценности и институты, которые работают на технологическое и социальное развитие, но проходят через фильтр национального культурного кода, видоизменяясь и адаптируясь. При этом традиционные ценности не отрицаются, а переинтерпретируются как ресурс стабильности и идентичности.

Важно подчеркнуть, что данный процесс не может быть исключительно «сверху» (государственно-бюрократическим). Успешная ценностная инновация требует «низовой» работы в сферах образования, медиа, искусства, локальных сообществ. Именно здесь формируется то, что Э. Гидденс называл «аксиологической компетентностью» – способность рефлексивно относиться к ценностям, выбирать и комбинировать их.

Заключение.

Модернизация как ценностная инновация занимает центральное место в трансформации российского общества. Вместе с тем прямое заимствование ценностных образцов, выработанных в иных цивилизационных контекстах (прежде всего западноевропейском), сталкивается с глубокими культурно-антропологическими барьерами. Российское общество демонстрирует не просто сопротивление инновациям, но их ценностную инверсию, когда формально заимствованные ценности наполняются противоположным содержанием.

Выход из этой ситуации лежит не в отрицании модернизации и не в слепом копировании, а в стратегии ценностного синтеза. Эта стратегия предполагает творческую адаптацию инноваций через их корреляцию с традиционными смыслами и архетипами. Исторический опыт России показывает, что такие синтезы возможны, хотя и требуют длительного времени и рефлексивных усилий от элит и гражданского общества. При этом наиболее адекватной философской рамкой для осмысления происходящего выступает не линейная теория модернизации, а концепция «множественных модернов», допускающая различные ценностные конфигурации при сохранении общих институциональных ядер [22, 27].

Дальнейшим направлением исследования могло бы стать изучение конкретных механизмов ценностного синтеза в отдельных сферах (образование, наука, бизнес, публичная политика), а также сравнительный анализ ценностных инноваций в России и других незападных обществах (Китай, Индия, страны исламского мира).

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. – М.: Новый хронограф, 1998.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.
3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. – М.: Новый хронограф, 2015.
4. Капустин Б.И. Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
5. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2003.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992.
7. Митрошенков О.А. Философия и ценности современного мира. – М.: Проспект, 2019.
8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.
9. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
10. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). – М.: Новый хронограф, 2015.
11. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995.
12. Федотова В.Г. Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.
13. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004.
14. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. с нем. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
15. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1. P. 1-29.
16. Inglehart R. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
17. James P., Tulloch J., Mandaville P., Steger M. Globalization and Culture. In 4 vol. Los Angeles – L. – New Delhi: Sage, 2010.
18. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. № 23. P. 421-437.
19. Pieterse J.N. Globalization and Culture: Global Mélange. Lanhan: Rowman&Littlefield, 2009.
20. Ratzel F. Politische Geographie. München – Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1897.
21. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
22. Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 1–12. Oxford: Oxford Univ. Press, 1934–1961.
23. Wagner P. Modernity: Understanding the Present. Cambridge: Polity Press, 2012.
24. Гаева А.В. Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты // *Культура Мира*. 2026. Том 14. Вып. 1. (№ 52). С. 204-218.
25. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

References

1. Akhiezer A.S. Russia: A Critique of Historical Experience, in 3 volumes. Moscow: Novy Khronograf, 1998.
2. Weber M. Protestant Ethic and the Spirit of

Capitalism / Translated from German. Moscow: Progress, 1990.

3. Gorshkov M.K. Russian Society as It Is. Moscow: Novy Khronograf, 2015.

4. Kapustin B.I. Critique of Political Philosophy: Selected Essays. Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010.

5. Lapin N.I. Russia's Paths: Sociocultural Transformations. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2003.

6. Lotman Yu.M. Selected Articles, in 3 volumes. Tallinn: Alexandra, 1992.

7. Mitroshenkov O.A. Philosophy and Values of the Modern World. – Moscow: Prospect, 2019.

8. Savitsky P.N. The Continent of Eurasia. – Moscow: Agraf, 1997.

9. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / Translated from English. – Moscow: Politizdat, 1992.

10. Toshchenko Zh.T. The Centaur Problem (An Essay on Philosophical and Sociological Analysis). – Moscow: Novy Khronograf, 2015.

11. Trubetskoy N.S. History. Culture. Language. – Moscow: Progress, 1995.

12. Fedotova V.G. Good Society. – Moscow: Progress-Tradition, 2010.

13. Huntington S. The Third Wave. Democratization at the End of the 20th Century / Translated from English. – Moscow: ROSSPEN, 2004.

14. Schumpeter J. The Theory of Economic Development / Translated from German. – M.: Directmedia Publishing, 2008.

15. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1-29.

16. Inglehart R. Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

17. James P., Tulloch J., Mandaville P., Steger M. Globalization and Culture. In 4 vol. Los Angeles – L. – New Delhi: Sage, 2010.

18. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. № 23. P. 421-437.

19. Pieterse J.N. Globalization and Culture: Global Mélange. Lanhan: Rowman&Littlefield, 2009.

20. Ratzel F. Politische Geographie. München – Leipzig: Verlag von R. Oldenbourg, 1897.

21. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

22. Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 1–12. Oxford: Oxford Univ. Press, 1934–1961.

23. Wagner P. Modernity: Understanding the Present. Cambridge: Polity Press, 2012.

24. Gaeva A.V. Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite // *Culture of World*. 2026. Vol. 14. Issue 1. (№ 52). P. 204-218.

25. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // *Etnosotium and international culture*. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Ефимова Л.Н.

Кандидат филологических наук, доцент, кафедры иностранных языков № 2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Шехирева Н.А.

Кандидат педагогических наук, доцент, кафедры иностранных языков № 2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Абрамцева Е.Г.

Старший преподаватель, кафедры иностранных языков № 2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Актуальность «отмены человека»: этико-философские идеи К.С. Льюиса в условиях кризиса традиционных ценностей*

Аннотация. Клайв Стейплз Льюис – английский писатель и христианский философ, который на протяжении всей творческой карьеры обращался к анализу этико-моральных проблем человечества. В данной статье анализируется философский контекст статьи «Человек отменяется»: роль человека в современном мире, нравственные принципы и христианская добродетель, на которые должен опираться человек в повседневной деятельности – ключевые вопросы, которые отражены в философской антропологии автора. Выход из морального кризиса должен основываться, по мнению автора эссе, на следовании принципам естественной морали и ценностным идеалам христианства. В данном исследовании проблемы морали и образования, сформулированные в статье 1942 года, сопоставляются с современными реалиями. Всеобъемлющее влияние искусственного интеллекта на жизнь человека вытесняет из его мировоззрения такие нравственно-моральные категории как добродетель, долг, совесть, достоинство, доброта. Сфера образования, которая сегодня подвергается влиянию цифровизации, также нуждается в повышении роли человека в воспитательном процессе. Это в еще большей степени актуализирует проблемы, затронутые К.С. Льюисом в прошлом столетии.

Ключевые слова: гуманизация образования, нравственно-этические нормы, нравственные ценности, моральные принципы, система ценностей, человечность, моральный выбор.

Efimova L.N.

Associate Professor, PhD. in Philology. Plekhanov Russian University of Economics.

Shekhireva N.A.

Associate Professor, PhD. in Pedagogy. Plekhanov Russian University of Economics.

Abramtseva E.G.

Senior Teacher. Plekhanov Russian University of Economics.

The relevance of the ‘the abolition of man’: the ethical and philosophical ideas of C.S. Lewis in the context of the crisis of traditional values

* © Ефимова Л.Н., Шехирева Н.А., Абрамцева Е.Г., 2026.

Актуальность «отмены человека»: этико-философские идеи К.С. Льюиса в условиях кризиса традиционных ценностей

Abstract. Clive Staples Lewis is an English writer and Christian philosopher who spent his entire career addressing the ethical and moral issues of humanity. This article analyzes the philosophical context of the article "The Abolition of Man": the role of man in the modern world, moral principles and Christian virtue on which man should rely in the daily activities viz. the key issues that are echoed in the author's philosophical anthropology. In the opinion of the author of the essay, a way out of the moral crisis should be based on adhering to the principles of natural morality and values of Christian ideals. In this study, the issues of morality and education defined in the 1942 article are compared with contemporary realities. The complete influence of artificial intelligence on human life dislodges such moral categories as virtue, duty, conscience, dignity, kindness from his philosophy of life. The field of education, which today is influenced by digitalization, also needs to increase the human role in the educational process. These issues raised by C.S. Lewis in the last century take on an increasing importance.

Key words: humanization of education, moral code and ethics, moral values, moral principles, value system, humanity, moral choice.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в нем проводится комплексный анализ проблем, затронутых в эссе Клайва Стейплза Льюиса «Человек отменяется». Британский писатель поднимает вопросы морали, человечности и образования, которые и в настоящее время являются предметом исследования ученых в области философии, социологии, психологии, антропологии и других социально-гуманитарных наук. К.С. Льюис анализирует место человека в постоянно меняющемся мире, его влияние на окружающий мир (как благотворное, так и негативное) во время глобального политического кризиса – эссе было написано в 1942 г., когда человечество проходило через трагические этапы своего развития. На сегодняшний день вопросы роли человека и морального выбора также являются актуальными, так как пренебрежение моральными принципами, о которых предупреждал британский писатель, может привести к «отмене человека». Это связано с тем, что повсеместное распространение искусственного интеллекта вытесняет человека из многих сфер жизнедеятельности, в связи с чем такие этиче-

ские категории как доброта, совесть и милосердие отходят на второй план. В связи с этим важно поддерживать исследовательский интерес к ценностным проблемам современного человечества.

Цель данной статьи – рассмотреть философско-аксиологический (ценностный) аспект эссе К.С. Льюиса «Человек отменяется» для выявления морально-нравственной проблематики творчества писателя. Основными методами исследования являются метод филологического и философского анализа, дискурс-анализ, диалектический метод, метод дедукции и анализа, которые позволяют точно проанализировать эссе «Человек отменяется» не только с точки зрения филологической, но и философской ценности.

Основные результаты исследования. На основе анализа эссе Клайва Стейплза Льюиса «Человек отменяется» автором сформулированы следующие выводы. Английский писатель ставит перед читателем проблему влияния образования и мышления на облик современного человека. Вся деятельность человека, в том числе и образовательная, должна опираться на мощный морально-нравственный фундамент, отказ от которого привел

человечество к глобальным трагическим последствиям. Основной фактор благотворного и созидательного развития человечества в будущем – следование принципам естественной морали и ценностным идеалам христианства.

Материалы статьи представляют практическую ценность не только для филологов, но и для исследователей других социально-гуманитарных дисциплин: психологии, антропологии, социологии и др. Теоретические выводы, полученные в результате анализа, могут быть использованы на практике и применяться в современном образовательном процессе (на всех уровнях отечественной системы образования).

Постановка проблемы

В рамках исследуемой темы необходимо рассмотреть особенности жанровой структуры эссе «Человек отменяется»; обозначить роль морального начала в философском анализе автора; проанализировать, как Льюис интерпретирует философско-нравственную сущность основных онтологических вопросов; раскрыть проблематику эссе в контексте представлений о современной морали.

Одним из самых значительных произведений, которое выявляет реалии образовательной среды и их трагические последствия для подрастающего поколения и общества в целом является эссе К. С. Льюиса «Человек отменяется» (1942), которое является одним из самых значительных произведений Льюиса и имеет непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме. Год написания этого эссе связан с наступлением фашизма по всей Европе, который сопровождался чудовищными преступлениями против человечества.

Эти события имели объективные причины, и они крылись в той извра-

щенной идеологической направленности, которым была заражена та часть общества Европы, которая поддерживала эту идеологию.

Но она возникла не на пустом месте. Ей предшествовало навязывание людям псевдоморальных ценностей, которые и взрастили поклонение иным приоритетам, где отсутствует нравственность, а правильным является лишь субъективное мнение отдельно взятых лиц, которые и являлись «вдохновителями» безумных идей.

В своем трёхчастном эссе Льюис делает попытки осмысления причин, вследствие которых прижилась философия поощрения субъективных ценностей при полном исключении объективных. Её поначалу слабые ростки постепенно проросли в сознании как подрастающего, так и более старшего поколения. Согласно справочному источнику, «субъективизм – убеждение в полной субъективности не только оценок, но и описаний, отказ от требования стремиться к максимальной объективности в каких-то отдельных или даже во всех областях – науки, морали, искусства» [10].

Книга Льюиса направлена на защиту традиционных ценностей и морально-нравственных устоев при резком осуждении философии субъективизма.

Методы

При написании данной статьи использовались метод филологического и философского анализа, дискурс-анализ, диалектический метод, метод дедукции и анализа.

Анализ последних исследований и публикаций

За последнее десятилетие анализ эссе К.С. Льюиса «Человек отменяется» проводится отечественными исследо-

вателями в области процессов гуманизации образования (Артамонова Т.А., Басманов Н.А., Волощенко Е.М., Дмитриева Д.А., Дружков Я.М.). Научный интерес зарубежных исследователей направлен в большей степени на морально-этическую и христианскую проблематику творчества писателя (Эдит М. Хампфри, Питер Шапли, Дж. Джо-зеф и др.).

Основные результаты исследования

Книга состоит из трёх частей. **I часть. Человек бесчувственный. II часть. Путь. III Часть. Человек отменяется.**

В первой части эссе «Человек бесчувственный» Льюис размышляет о «Зеленой книге», написанной для старшеклассников, и раскрывает суть трёх ловушек, в которые могут попасться те люди, кто примет на веру всё то, что написано в этой незамысловатой книге. Её авторы, названные писателем Титом и Каем, повествуют о поэзии Кольриджа и о красотах водопада, и вполне естественно, как замечает Льюис, что и поэтическое произведение английского писателя, и необыкновенное природное явление вызывают эмоции при соприкосновении с прекрасным, однако и Тит, и Кай, говоря об их величии, дают им однозначную оценку, при этом «отрицают романтизм мировоззрения более раннего поколения», которое считало, что произведения эпохи романтизма вызывают глубокие эмоции, способные пробудить высокие эмоциональные и эстетические переживания [8]. Таким образом, отвергая полезность и важность эмоционального восприятия любых форм искусства, авторы книги выражают идеи модной в то время философии субъективизма, суть которой заключалась в том, что эмоции человека непосредственно связаны с

его предпочтениями.

По мнению Льюиса, в этой оценке кроется пустота и субъективное мнение отдельного человека. Однако именно такие высказывания не имеют ничего ценного для учащихся, так как они являются пустыми, и они вскоре могут не вспомнить, о каком произведении английского писателя или природном явлении идёт речь. Но они, Тит и Кай, идут дальше и в четвертом разделе книги они учат школьников, как нельзя писать.

При этом они приводят рекламу, в которой речь идет о круизе, позволяющем увидеть красоты и полюбоваться ими. Скучность сведений такого рода состоит в том, что ученикам не дают обширной информации об этом круизе и не приводят цитат ни из одного художественного исторического или поэтического произведения, которые могли бы заинтересовать учеников.

Для Льюиса очевидно, что общечеловеческие чувства у авторов книги и к окружающему пространству, и к настоящему проявлению чувств и эмоций, не имеют ничего общего с тем, как к этому надо относиться.

Отвлечение детей от эмоций, считая их ненужными и неэффективными для развития интеллекта ребёнка, может привести к тому, что дети навсегда лишатся ощущения радости от знакомства с тем или иным явлением, с его историческими и культурными составляющими и последствия от «выбивания» из их сознания эмоционального восприятия изучаемого ими мира культур, будь то живопись или литературное произведение, могут привести их «к пониманию собственного желания и интересов... и не дать сбить себя с пути «сентиментальными обращениями к внешнему миру» [8, с. 143].

Авторы «Зеленой книги», по мне-

нию Льюиса, глубоко убеждены в том, что мир и так излишне чувствительный и поэтому надо всё более обращать внимание на рациональный подход к жизни. Как преподаватель он хорошо понимал, насколько важно заложить в учениках истинные ценности, не лишая их полноценного глубокого восприятия. В пропаганде бесчувственности, которой так пестрит «Зеленая книга», Льюис усматривает большую опасность в том, что навязывание таких псевдо-ценностей может привести к одурманиванию общества, которое будет кишеть жестокосердными бездушными людьми со всеми вытекающими последствиями [8].

И, наконец, по мнению Льюиса, существует и третья ловушка, суть которой состоит в том, что сами авторы подвергают сомнению ценность подлинных чувств и при этом навязывают свои, искусственно созданные ценности.

Разъясняя ошибочность позиции авторов зеленой книги, Льюис обращает внимание на то, что раньше люди судили о том или ином явлении с точки зрения его восприятия - хорошо или плохо, принимая многое как данность. В качестве примера он цитирует строки из стихотворений Кольриджа и Шелли [8].

Помимо поэтических примеров, Льюис проводит параллель с высказыванием о добродетели блаженного Августина, а также и цитату о цели воспитания из Аристотеля и Платона, показывая тем самым, что в человеке надо воспитывать всю гамму чувств, которые могут возникать по отношению к тому или иному жизненному явлению [8]. В добавление к греческим философам, Льюис ссылается на основные положения индуизма и буддизма о существовании общего для всех «порядка

мироздания, о добре и ритуалах», согласно которому все нравственно-этические нормы, существующие в обществе, подчинены одному источнику и всё исходит от него. Китайцы называют нормы, определяющие развитие мира, «величайшим словом Дао» [8].

Суммируя постулаты как древнегреческих, так и восточных философов о строении мироздания и установленном в нём порядке, Льюис приходит к заключению, что, во-первых, ошибка Кая и Тита, авторов «Зеленой книги», заключается в том, что они не приняли очевидное, а именно, соотношение между «чувством и разумом» [8].

Льюис видит перед Титом и Каем два пути решения проблемы:

1. либо они отвергнут все, что связано с эмоциональной сферой человека;
2. либо они идут до конца в своей лжи и будут продолжать навязывать молодому поколению свои взгляды и приоритеты [8].

Судя по содержанию «Зеленой книги» и Тит, и Кай выбрали первый путь, пытаясь как-то философски обосновать свои воззрения. Но первый путь, по мнению Льюиса, ничуть не циничнее чем второй, потому что они оба ведут к нравственной деградации молодого поколения, так как в их мировоззрении не присутствует универсальный нравственно-этический фундамент.

Льюис с горечью констатирует, что в современном обществе всё больше насаждается прагматизм и субъективизм, что в дальнейшем может привести к забвению нравственных ценностей и, в обмен на них, происходит культивирование равнодушия и чистого прагматизма [8].

По глубокому убеждению Льюиса, именно разум способствует «управлению страстями» и чтобы не впасть в искушения, необходим баланс между

сердцем и разумом. И этот посредник и есть универсальный нравственный закон, суть которого Льюис подробно изложил в своём религиозно-философском трактате «Просто Христианство» (1941-1943 гг.).

Отрицание эмоций и универсальных ценностей может привести к катастрофическим последствиям, а именно, возвращению бесчувственного человека, который будет способен на самые невероятные безнравственные поступки, о чём Льюис напишет в фантастическом романе «Космическая Трилогия».

Вторую часть эссе Льюис называет «Путь». В нём он делает попытки объяснить, в чём же состоит несостоятельность и даже вред субъективных ценностей, которые проповедуют авторы «Зеленой книги», при этом Льюис вовсе не отрицает наличие у Тита и Кая традиционных ценностей, в то же время констатируя, что авторы книги верили в те ценности, которые были модными в 20-30 годы XX века среди элит, суть которых заключалась в рациональности каждого поступка или явления и при этом отрицалась их эмоциональная составляющая. Более того, отрицая чувственное восприятие действительности, они не лишены сентиментальности, но поддерживают ценности «реалистичные», игнорируя при этом «чувственность, набожность и сексуальные запреты» [8].

Жертвенность ради других людей как таковая может иметь место, но мотивация для этого сугубо рациональная. При этом естественные человеческие качества, такие как совесть, моральные принципы, сострадание и другие полностью отсутствуют, и вместо них имеет место обыкновенный расчёт. И если речь идёт о выборе между своей жизнью и жизнью того человека, за которого её надо отдать, то решение при-

нимается в пользу сохранения своей жизни [8].

По глубокому убеждению Льюиса, в данном случае речь идёт о подмене ценностей, где «альтруизм подменяется эгоизмом» и он считается более приемлемым и адекватным. Выбор человека совершить или не совершить альтруистический поступок зависит от его выбора, который является «ни рациональным, ни иррациональным», а определяет «промежуточное звено, которое связано с нравственным осмыслением совершаемого поступка» [8].

Другим важным моментом подмены понятий Льюис считает потворство инстинктам, что само по себе в высочайшей степени безнравственно, но именно этим оправдываются все низкие поступки, которые связаны, в том числе, и с порочным поведением.

Развивая тему отношения к инстинкту в современном обществе, Льюис констатирует, что существующая подмена понятий не только не будет способствовать оздоровлению обстановки в обществе, но может привести к тому, что люди начнут следовать своим инстинктам, не подвергая анализу как их самих, так и последствий, которые они могут вызвать.

Приводя разные примеры того, как следование инстинкту вытесняет здравый смысл, Льюис приходит к заключению, что новая система ценностей не может быть привязана ни к одному инстинкту и не может служить базисом для создания современной системы ценностей.

На основе своих рассуждений об инстинктах и системе ценностей, Льюис делает вывод, что система общепринятых нравственных ценностей существует с тех пор, как стоит мир. Она может называться либо общепринятым законом жизни, или Дао, и именно она

является единственной уникальной, универсальной системой ценностей и её отвержение может привести к постепенной моральной и нравственной деградации человека. Причиной тому служит то, что человек в силу своей греховной природы способен легко приспособиться к новой системе ценностей и забыть все, что раньше для него было определяющим в его жизни. В связи с этим Льюис приходит к заключению, что даже если и останутся «крупницы Дао», то это не спасёт человечество от моральной деградации, поскольку, отвергая Дао, люди отвергнут все общепринятые ценности и постепенно будут жить по новым безнравственным законам, где долг, справедливость, супружеская верность, доброе отношение к родителям, патриотизм будут преданы забвению.

Таким образом, новая идеология искусственно созданных ценностей приведет к хаосу как в сознании самих людей, так и в обществе в целом.

Льюис нигде не делает намёки и не упоминает ни об Апокалипсисе, ни о временах, которые ему предшествуют, но из всех его рассуждений, подкрепленными личными наблюдениями о навязывании псевдо-ценностей молодому поколению, он убеждается в том, что они не только разрушат привычный мир молодых людей, но и сделают их носителями новой бесчеловечной идеологии, с чем столкнулось человечество в годы II мировой войны в борьбе против фашизма.

Рассуждая о незыблемости общепринятых моральных ценностей, Льюис открывает полемику либо об их неизменности, либо об их эволюции, поскольку всё изменчиво в этом мире. По его убеждению, ценности не изменяются, но сам человек может изменить себя так, чтобы соответствовать

общепринятым моральным нормам, поскольку «Дао допускает изменения изнутри» – так как изменения нравственного закона возможны только с согласия этого закона. Таким образом, мы можем это понять так, что только Бог может этот нравственный закон [9] или отменить, или обновить для живущих на Земле [8].

Льюис утверждает, что всякое пренебрежение общепринятыми правилами недопустимо, как и вопросы о том, кем и как установлены эти правила и пренебрежительное отношение к их выполнению. Общепринятый нравственный закон постигается не только умом, но и сердцем, что явно чуждо авторам «Зеленой книги», которые полностью исключили любое эмоциональное восприятие и поддерживали философию субъективизма.

Защищая традиционные ценности, Льюис делает оговорку на то, что он не выступает в данном случае как защитник христианства, хотя он безоговорочно верит в Бога и «более того, в Христа» [8]. Он пытается объяснить читателю важность сохранения общепринятых нравственных ценностей и следование им, предупреждая о катастрофических для общества последствиях, если Дао будет полностью отвергнуто, а вместо него будет поклонение прогрессу и зыбким искусственно созданным новым правилам жизни, которые приведут к «отмене человека». Это Льюис делает попытку донести до читателя также в третьей главе своего эссе, которую он назвал «**Человек отменяется**».

Предваряется третья часть цитатой из произведения Джона Беньяна, которая недвусмысленно настраивает на тему третьей главы эссе Льюиса, которая используется как метафора двусмысленности и лицемерия. Именно эти негативные качества проявляются

у ряда представителей человеческого общества, отрицающих вековые нравственные устои. Кроме того, в данной главе речь идёт о злободневной проблеме взаимоотношения человека и природы, которую Льюис излагает почти в каждом своём сочинении. Заключительное эссе даёт ответ на вопрос, что может произойти с человеком, если «встретятся мотивы и возможности», о которых говорилось в первых двух главах эссе.

Могут возникнуть «делатели», которые будут пытаться формировать ценности и эмоции на свой лад, пренебрегая универсальными нравственными категориями, заложенными в ДАО, и формируя свои собственные. При этом технический прогресс будет использоваться исключительно в корыстных целях, что в конечном итоге будет способствовать созданию расы «обусловленных».

Третья глава начинается тем, что человек возмнил себя властелином природы и считает себя вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

Как отмечает один из критиков, одним покорением природы дело не кончится и человек пойдёт дальше.

Речь идёт не только о пренебрежительном отношении к природе, но также и о том, что человек может использовать природу во зло, как это делали герои романа «Космическая трилогия», являясь сотрудниками ГНИИЛи, оправдывая свои действия требованиями прогресса, которые не только старались подчинить себе природу, но также и сознание человека, путём разного рода манипуляций и спекулятивных психологических техник, включая запугивание, шантаж, ложь.

Льюис обращает внимание на то, что власть, которую человек устанавливает над природой может в дальнейшем

обернуться властью, которая осуществляется одним человеком над другим «с помощью природы в качестве инструмента», поскольку эта власть «будет эффективно ограничивать влияние прошлого и контролировать возможности будущего» [8].

Льюис утверждает, что во все времена воспитатели вкладывали в учеников частицу или большую часть своего мировоззрения и приводит примеры воспитания в различных философских и культурных системах, а именно у Платона, у Локка и у Элиот, делится своим опасением о том, что идеологи новой морали, где отрицаются все традиционные ценности, будут стремиться сделать, воспитать молодое поколение таким, как им угодно [8].

Льюис размышляет о том, что несмотря на одиозность некоторых методов воспитания, они сохранили приверженность Дао и прививали своим воспитанникам всё лучшее, что было у них благодаря их опыту и знаниям. Главным их устремлением было воспитать человека, у которого есть понятие о нравственности и морали. В отличие от таких наставников, новоявленные воспитатели стремятся внушить молодому поколению искусственно созданные ценности и, более того, контролировать их воплощение в жизнь, о чём Льюис написал в психологическом триллере «Мерзейшая мощь», в последней части «Космическая трилогия» (1938-1945).

Как и сотрудники института ГНИИЛи, пытающиеся установить контроль над природой, в которой видят только выгоду и корысть, так и радители философии субъективизма, одержимые желанием главенствовать над природой, в том числе и над человеком, нисколько не беспокоятся о будущем поколений, которым они навязывают свою фило-

софию, а словно упиваются собственной гордыней и самовозвеличиванием, что, по мнению Льюиса, говорит о них не как о плохих людях, а о нелюдях.

Для Льюиса очевиден тот факт, к чему могут привести удачные попытки ряда учёных победить природу, подчиняясь своим собственным правилам и понятиям и следуя своим импульсам, заботой о количестве, а не о качестве и не подозревая в связи со своим мировоззрением, что природа сама по себе живая и также может страдать, как и человек.

Льюис подчёркивает, что, когда человек снимает с себя ответственность, он превращается в безвольное существо, не способное самостоятельно мыслить. И существует только одна возможность избежать моральной деградации – это следовать законам Дао во всех жизненных проявлениях. Любая власть, которая не будет связана с традиционными нравственными ценностями, может стать тиранической. Для неё будет нормой расправляться с теми, кто мыслит нравственными категориями, потому что это будет идти вразрез с идеологией, которая насаждает совсем обратное в духе философии Бэкона, который считает, что распространение могущества человека на весь мир – это и есть цель науки [8].

По глубокому убеждению Льюиса, отречение от Дао приведёт к отмене человека как существа не только мыслящего, но и духовного, со всеми вытекающими последствиями.

Эссе Льюиса вызвало не только большой резонанс в английской критике, но также актуально и сегодня.

В недавнем прошлом в мире появилось движение под названием *трансгуманизм*. Как пишет в своей статье Луков А.В. «трансгуманизм – это современная философская доктрина, утверждающая,

что человек не сохраняет свои природные качества по мере своего развития и под воздействием генной инженерии. Превращается в существо, подобное вещи, которое в зависимости от обстоятельств, имеет различные интеллектуальные, креативные физические и другие свойства». По определению трансгуманистов, «это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдание, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека» [7].

Льюис предвидел то, что может произойти с человечеством в ближайшем будущем, что находит своё подтверждение в ряде событий, а также и в указах в 21 веке. Примечателен и тот факт, что в последнее время появляется всё больше публикаций об эссе Льюиса.

Так, J. Joseph A. Konn, автор статьи «Что осталось от книги Льюиса «Человек отменяется» спустя 80 лет?», пишет, что в 2022 году президент Байден подписал указ о развитии биотехнологий, в котором говорится, что «для достижения наших общественных целей Соединенные штаты должны быть способны писать схемы для клеток и предсказуемо программировать биологию, также как и мы пишем программное обеспечение и программируем компьютер» [12].

Далее автор приводит пример из поэмы Гёте «Фауст», где главный персонаж был ослеплён за вред, причиненный им в погоне за властью [12].

Автор считает эссе Льюиса «Человек отменяется» глубоко философским произведением, где речь идёт о

добре и зле, о проблемах современного воспитания и о будущих событиях **апокалипсического** характера. В своём эссе автор утверждает непреложность существования Высшего Разума, от которого отвернулись многие учёные, что может привести в далеком будущем к вырождению людей как индивидуальной личности с душой, сотворённой Богом для каждого человека. Ценность данной книги состоит также и в том, что она раскрывает суть и последствия неправильно обучения школьников, в которых с детства закладываются навязанные основы субъективизма, которые дадут о себе знать, когда бывшие ученики войдут во взрослую жизнь.

Идеи совершенствования человека посредством технического прогресса в современном мире и в будущем имели место как в публицистике, так и в кинематографическом творчестве. Это значит, что тенденции отказа от человеческой индивидуальности в пользу технократического «совершенного существа» тревожили многих творческих людей во всех сферах искусства.

Так, в 1974 году в Советском Союзе выходит фильм «Отроки во Вселенной», в котором один из героев недвусмысленно даёт понять, к чему может привести амбициозное и бездумное использование технологий. Он предупреждает о том, что человек не только может потерять свою идентичность, но также превратиться в существо, исполняющее любые приказы при помощи робота-исполнителя и робота-вершителя, которые считали, что «полное счастье нам мешают обрести муки творчества, чувство неудовлетворенности собой, сострадание к другим, доброта, совесть. Они решили лишить нас этого счастья».

О засилье искусственного интел-

лекта и его катастрофических последствиях при неумелом использовании неоднократно говорил в своих выступлениях и предприниматель Илон Маск, предупреждая человечество о вреде чрезмерного увлечения и повсеместного внедрения этого технического новшества [13].

Таким образом, можно смело сказать о том, что опасения, выраженные Льюисом в своих сочинениях, напрямую связаны с вызовами современного общества.

В своей рецензии на эссе Льюиса «Человек отменяется» другой автор, Nathana Bright, обращает внимание на то, что в этом трёхчастном эссе представлена критика современного духа, которую можно найти в современных учебниках, где люди глумятся над вековыми традиционными ценностями или добродетелями из Библии и над путём к Богу вместо того, чтобы смиренно учиться мудрости путём изучения Божественного откровения в подлинных источниках [11].

Это небольшое эссе не такое большое и развернутое, как религиозно-философский трактат «Просто христианство», однако оно даёт нам понять ту истину, что базовые нравственные категории не могут являться творением человека, а даны свыше в качестве Божественного Откровения и за каждый неправильный выбор человек несёт ответственность [11].

Как отмечает один из критиков, Льюис задолго предвидел события, которые мы наблюдаем сегодня, а именно, «этический мотивизм, порой непрекращаемый авторитет науки и всё более широкое использование технологий государствами как контроль над населением», что противоречит данному Богом праву человека на свободу выбора при полном соблюдении закона [11].

Подчёркивая важное значение эссе «Человек отменяется», Эдит М. Хампрфи утверждает, что хотя три эссе Льюиса и не аргументируются в пользу христианства, однако они дают понять причины полного и осознанного восприятия нравственных ориентиров молодым поколением [11].

Склонность современного молодого поколения к «релятивизму» и «прагматизму» не даёт возможность «впустить свет» [6, с. 143]. В добавление к этой проблеме существует и другая, на которую, по мнению критика, обращает внимание Льюис, и связана она с тем, что уость мышления некоторых «благочестивых христиан», не допускающих мысли, что любое осмысленное понимание действительности может встречаться и вне Церкви [6, с. 145].

И в доказательство своей точки зрения автор указывает на тот факт, что в своём эссе Льюис приводит цитаты не только Блаженного Августина, но также и греческих философов – Платона, Аристотеля, и даосскую философию, которые также в своём роде являются ключиком к пониманию основополагающих и фундаментальных Божественных истин.

Нельзя не согласиться с философом Мартином Бубером (Martin Buber), в том, что в своём эссе Льюис призывает относиться к науке на «Ты», а не как «Оно», которое имеет личную причастность к природе, к любви, к Истине, а не стремление к власти. Именно современные реалии диктуют такого рода настрой к изменениям, которые необходимо принять человечеству, и поэтому, по глубокому убеждению Льюиса, «крайне важно, чтобы мир вернулся к Дао», то есть к подлинным нравственным ценностям [14].

Идеи, заложенные в эссе «Человек отменяется», нашли своё воплощение в

романе «Космическая трилогия» (1938-1945).

Заключение

К.С. Льюис в эссе «Человек отменяется» поднимает вопросы, которые не потеряли свою актуальность по сей день. Автор охватывает ряд философских проблем: онтологические, антропологические и аксиологические. Извечные вопросы бытия переплетаются с ролью человека в ценностной системе мира: мышление и образование – это основополагающие инструменты воздействия человека на окружающую его реальность. Для выхода из глобального кризиса, охватившего человечество в 1942 г., автор эссе предлагает возродить христианскую добродетель, которая должна являться фундаментом человеческой деятельности. Естественная мораль, этические принципы и нравственные ценности – основа для возрождения человечества.

Проблемы, транслируемые британским писателем, актуальны и сегодня. Вопрос гуманизации образовательного процесса в условиях цифровизации представляет собой исследовательский интерес среди современных ученых. Традиционные ценности и морально-нравственные ценности не должны отходить на второй план в век искусственного интеллекта. В связи с этим этические принципы, освещенные в эссе К.С. Льюиса, представляют собой практический интерес и по сей день.

Список литературы

1. Артамонова Т.А. Универсальные педагогические ценности и проблема их признания (по работе К.С. Льюиса «Человек отменяется...») // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2021. № 3. С.9 1-95.
2. Басманов Н.А. Религиозная антропология К.С. Льюиса // Всероссийская студенческая научная конференция. Том Выпуск I. Нижегородская духовная семинария. 2019. С. 26-30.
3. Волощенко Е.М. О проблеме нравственного выбора в обществе (по работе К.С. Льюиса «Человек

отменяется...») // Материалы XX научно-практической конференции обучающихся. Омск, 2021. С. 203-206.

4. Дмитриева Д.А. О некоторых проблемах педагогической этики (на примере работы К.С. Льюиса «Человек отменяется...») // Материалы XI Международной научно-практической конференции. Балашиха, 2020. С. 70-72.

5. Дружков Я.М. Антропологическое видение оценочных высказываний в эссе К.С. Льюиса «Человек отменяется...») // Материалы докладов и выступлений студентов и аспирантов Международной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. 2017. С. 25-27.

6. Эдит М. Хампфри. Ввысь и вглубь. Христианские беседы с К.С. Льюисом. / пер. диакона Петра (Лонгана); под ред. Н. Холмогоровой. – М.: Никея, 2022. 368 с.

7. Луков В.А. Трансгуманизм. Энциклопедия Гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 245-252. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm/viewer>

8. Льюис К.С. Человек отменяется // URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-otmenyaetsya/> (Дата обращения: 14.11.2025)

9. Православная энциклопедия // URL: <https://azbyka.ru/nravstvennyj-zakon> (Дата обращения: 03.02.2026)

10. Философский словарь // URL: <https://terminy.info/philosophy/philosophical-dictionary/subektivizm> (Дата обращения: 14.11.2025)

11. Book Review The Abolition of Man, 2016. // URL: <https://edgeinducedcohesion.blog/2016/04/08/book-review-the-abolition-of-man/>

12. J. Joseph A. Konm What Does C. S. Lewis's "The Abolition of Man" Have to Say After 80 Years? // URL: <https://www.thegospelcoalition.org/reviews/abolition-man/>

13. Elon Musk tells Tucker potential dangers of hyper-intelligent AI // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a2ZBEC16yH4>

14. Peter Shakly The Abolition of Man, work by Lewis. // URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Abolition-of-Man>

15. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

Students and Postgraduates of the International Scientific-Practical Conference. Peoples' Friendship University of Russia. 2017. P. 25-27.

6. Edith M. Humphreys. Upward and Downward: Christian Conversations with C.S. Lewis. / translated by Deacon Peter (Longan); edited by N. Kholmogorova. – Moscow: Nikeya, 2022. 368 p.

7. Lukov V.A. Transhumanism. Encyclopedia of the Humanities. 2017. № 1. P. 245-252. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm/viewer>

8. Lewis C.S. "Man Is Abolished" // URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-otmenyaetsya> (11.14.2025)

9. Orthodox Encyclopedia // URL: <https://azbyka.ru/nravstvennyj-zakon> (02.03.2026)

10. Philosophical Dictionary // URL: <https://terminy.info/philosophy/philosophical-dictionary/subektivizm> (11.14.2025)

11. Book Review The Abolition of Man, 2016. // URL: <https://edgeinducedcohesion.blog/2016/04/08/book-review-the-abolition-of-man/>

12. J. Joseph A. Konm What Does C. S. Lewis's "The Abolition of Man" Have to Say After 80 Years? // URL: <https://www.thegospelcoalition.org/reviews/abolition-man/>

13. Elon Musk tells Tucker potential dangers of hyper-intelligent AI // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a2ZBEC16yH4>

14. Peter Shakly The Abolition of Man, work by Lewis. // URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Abolition-of-Man>

15. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

References

1. Artamonova T.A. Universal Pedagogical Values and the Problem of Their Recognition (Based on C.S. Lewis's "Man Is Abolished...") // Philosophical, Sociological, and Psychological-Pedagogical Problems of Modern Education. 2021. № 3. P. 91-95.

2. Basmanov N.A. Religious Anthropology of C.S. Lewis // All-Russian Student Scientific Conference. Volume I. Nizhny Novgorod Theological Seminary. 2019. P. 26-30.

3. Voloshchenko E.M. On the Problem of Moral Choice in Society (Based on C.S. Lewis's "Man Is Abolished...") // Proceedings of the XX Scientific and Practical Conference of Students. Omsk, 2021. P. 203-206.

4. Dmitrieva D.A. On Some Problems of Pedagogical Ethics (Based on C.S. Lewis's "Man Is Abolished...") // Proceedings of the XI International Scientific-Practical Conference. Balashikha, 2020. P. 70-72.

5. Druzhkov Ya. M. Anthropological Vision of Evaluative Statements in C.S. Lewis's Essay "Man Is Abolished" // Proceedings of the Reports and Presentations of

Карюк Н.Н.

Аспирант факультета философии, богословия и религиоведения. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского».

Самосуверенная цифровая идентичность: автономия субъекта и новые формы уязвимости в блокчейн-среде*

Аннотация. Статья посвящена философско-антропологическому анализу самосуверенной цифровой идентичности в условиях блокчейн-инфраструктуры. Рассматривается изменение цифровой субъектности, связанное с управлением атрибутами, ключами доступа и проверяемыми удостоверениями. Особое внимание уделяется автономии субъекта, инфраструктурной зависимости, цифровой компетентности, проблеме доверия и новым формам уязвимости в цифровой культуре.

Ключевые слова: самосуверенная идентичность, цифровая субъектность, блокчейн, децентрализованные идентификаторы, цифровой суверенитет, доверие, уязвимость, право кода, цифровая культура, философская антропология.

Karyuk N.N.

Postgraduate student of the Faculty of Philosophy, Theology and Religious Studies, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky".

Self-sovereign digital identity: subject autonomy and new forms of vulnerability in the blockchain environment

Abstract. The article presents a philosophical and anthropological analysis of self-sovereign digital identity within blockchain infrastructure. It examines the transformation of digital subjectivity associated with the management of attributes, access keys, and verifiable credentials. Special attention is paid to subject autonomy, infrastructural dependence, digital competence, trust, and new forms of vulnerability in digital culture.

Key words: self-sovereign identity, digital subjectivity, blockchain, decentralized identifiers, digital sovereignty, trust, vulnerability, rule of code, digital culture, philosophical anthropology.

Введение

Вопрос о том, как человек удостоверяет своё присутствие в цифровой среде, приобрёл принципиально иное измерение с распространением децентрализованных технологий. Традиционные системы цифровой идентификации: государственные реестры,

корпоративные платформы, социальные сети функционируют как централизованные операторы, хранящие персональные данные и определяющие условия доступа к ним, порядок их использования и возможность их изменения. Субъект в таких системах занимает позицию, при которой его цифро-

* © Карюк Н.Н., 2026.

Самосуверенная цифровая идентичность: автономия субъекта и новые формы уязвимости в блокчейн-среде

вая идентичность в значительной мере опосредована инфраструктурами, поддерживающими её хранение, обработку и предъявление. Логика подобной зависимости хорошо описана в концепции надзорного капитализма Шошаны Зубофф: персональные данные становятся сырьём для экономических операций, совершаемых без ведома и согласия субъекта¹. Критика этой модели породила запрос на альтернативные архитектуры управления идентичностью, среди которых наибольшее внимание привлекла концепция самосуверенной цифровой идентичности.

Понятие Self-Sovereign Identity вошло в академический и технологический дискурс благодаря работе Кристофера Аллена, сформулировавшего в 2016 году десять принципов, на которых должна основываться подлинно суверенная модель цифровой идентичности². Среди этих принципов – контроль субъекта над собственными данными, возможность их переносимости, минимизация объёма раскрываемых сведений, защита от цензуры и централизованного управления. Технологической основой для реализации подобной архитектуры стали блокчейн-платформы и стандарты децентрализованных идентификаторов (Decentralized Identifiers, DID), разработанные и стандартизированные консорциумом W3C³. Совокупность этих инициатив образует экосистему, в которой субъект получа-

ет возможность самостоятельно управлять криптографическими ключами, создавать и предъявлять верифицируемые удостоверения и взаимодействовать с цифровой средой, не прибегая к посредничеству централизованных операторов идентификации.

Степень разработанности данной темы в академической литературе неравномерна. Технические аспекты SSI, архитектуры систем, протоколы взаимодействия, сравнительный анализ существующих реализаций, представлены достаточно широко⁴. Этическое и правовое измерение проблемы разрабатывается в работах Георгия Ишмаева, анализирующего вопросы собственности, приватности и этики в системах управления идентичностью на базе блокчейна⁵, а также в исследованиях Янис Кэлл, рассматривающей блокчейн-контроль и постгуманистического субъекта данных⁶. Социально-философское осмысление блокчейна как нарративной технологии предложено Вим Рейерсом и Марком Кукелбергом⁷. Вместе с тем философско-антропологический аспект SSI – трансформация

4 См.: Schardong F., Custódio R. Self-Sovereign Identity: A Systematic Review, Mapping and Taxonomy // *Sensors*. 2022. Vol. 22, № 15. Article 5641; Soltani R., Nguyen U. T., An A. A Survey of Self-Sovereign Identity Ecosystem // *Security and Communication Networks*. 2021. Vol. 2021. Article ID 8873429.

5 См.: Ishmaev G. Blockchain Technology as an Institution of Property // *Metaphilosophy*. 2020. Vol. 51. № 3. P. 487–506; Ishmaev G. Sovereignty, Privacy, and Ethics in Blockchain-Based Identity Management Systems // *Ethics and Information Technology*. 2021. Vol. 23, № 3. P. 239–252.

6 См.: Käll J. A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. 2017. Vol. 18, № 5. P. 1145–1162; Käll J. Blockchain Control // *Law and Critique*. 2018. Vol. 29, № 2. P. 133–140.

7 См.: Reijers W., Coeckelbergh M. The Blockchain as a Narrative Technology: Investigating the Social Ontology and Normative Configurations of Cryptocurrencies // *Philosophy & Technology*. 2018. Vol. 31, № 1. P. 103–130.

1 См.: Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs, 2019.

2 См.: Allen C. *The Path to Self-Sovereign Identity* [Электронный ресурс]. 2016. // URL: <http://www.lifewithalacrity.com/2016/04/the-path-to-self-sovereign-identity.html> (Дата обращения: 12.06.2026).

3 См.: W3C. *Decentralized Identifiers (DIDs) v1.0: Core Architecture, Data Model, and Representations* [Электронный ресурс]. 2022. // URL: <https://www.w3.org/TR/did-core/> (Дата обращения: 12.06.2026).

субъектности, изменение форм ответственности и уязвимости, переосмысление доверия – остаётся недостаточно систематически разработанным, особенно в русскоязычной философской литературе. Отдельные технические аспекты суверенной идентичности рассматриваются в работах А.С. Акутина и А.В. Бровко⁸, однако философско-антропологического измерения они не затрагивают.

Настоящая статья ориентирована на аналитическое рассмотрение модели SSI без заранее заданной апологетической или критической оценки. Цель состоит в том, чтобы проанализировать, каким образом переход к самосуверенной цифровой идентичности трансформирует понимание субъекта цифровой культуры: его автономии, ответственности, уязвимости и отношения к доверию. Для этого в статье последовательно рассматриваются SSI как феномен цифровой культуры, изменение способов подтверждения личности в блокчейн-среде, содержание автономии субъекта в данной модели, специфика возникающих форм уязвимости, трансформация механизмов доверия, различие между безопасностью системы и безопасностью человека, а также более широкие философско-антропологические следствия описываемых процессов.

Основная часть

1. Самосуверенная идентичность как феномен цифровой культуры

Понятие идентичности в цифровой среде не сводится к простому переносу

классических философских концепций личности в новый контекст. Цифровая идентичность представляет собой специфическую конфигурацию атрибутов, данных, взаимодействий и следов, которая формируется в процессе участия субъекта в информационной инфраструктуре. Лукиано Флориди, анализируя трансформацию человека в условиях инфосферы, указывает, что граница между он-лайн и офф-лайн существованием становится всё менее отчётливой: человек конституирует себя в том числе посредством своего цифрового присутствия, и это присутствие приобретает онтологическое значение, выходящее за пределы инструментального понимания технологий⁹. В этом контексте вопрос о том, кто контролирует цифровые атрибуты субъекта, получает измерение, связанное с достоинством, автономией и самоопределением.

Самосуверенная цифровая идентичность позиционируется как ответ на ситуацию, при которой управление цифровыми атрибутами субъекта сосредоточено у третьих лиц. Принципы, сформулированные Алленом, предполагают, что идентичность должна существовать независимо от какой-либо централизованной организации, что субъект должен иметь полный контроль над своими данными и что раскрытие информации должно осуществляться только с его согласия и в том объёме, который он сам считает необходимым¹⁰. Эти принципы были концептуально поддержаны Sovrin Foundation, разработавшей инфраструктуру для

8 См.: Акутин А.С., Бровко А.В. Система суверенной личности на основе распределенного реестра данных // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2021. № 4 (91). С. 5–12; Акутин А.С., Бровко А.В. Децентрализованный реестр данных в технологии суверенной личности // Инженерный вестник Дона. 2023. № 7.

9 См.: Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014.

10 См.: Allen C. The Path to Self-Sovereign Identity [Электронный ресурс]. 2016. // URL: <http://www.lifewithalacrity.com/2016/04/the-path-to-self-sovereign-identity.html> (Дата обращения: 12.06.2026).

практической реализации SSI и опубликовавшей собственный свод принципов¹¹. Существенным следствием такого подхода является переосмысление самой природы идентичности: она всё чаще описывается как совокупность атрибутов и процедур, которыми субъект управляет самостоятельно.

Данный сдвиг имеет культурное измерение. Вим Рейерс и Марк Кукелберг рассматривают блокчейн как нарративную технологию, то есть как систему, конструирующую определённый способ понимания социальной реальности, в данном случае реальности, в которой доверие, верификация и идентичность мыслятся через призму распределённости, криптографической защиты и отсутствия центрального авторитета¹². SSI вписывается в этот нарратив и одновременно его усиливает, предлагая конкретный образ субъекта – того, кто является единственным распорядителем своего цифрового «я». Этот образ несёт в себе определённые нормативные предпосылки: он отдаёт приоритет индивидуальной автономии, соотносится с либертарианскими ценностями в отношении данных и предполагает, что субъект в состоянии и обязан нести ответственность за управление собственной цифровой идентичностью.

2. Блокчейн и изменение способов подтверждения личности

Исторически верификация личности осуществлялась через институциональное посредничество. Государство удостоверяло гражданина посредством документов; банк подтверждал клиента

через внутренние реестры; университет фиксировал академические достижения в бумажных и электронных архивах. Общей чертой всех этих форм была асимметрия: институт располагал данными, субъект предъявлял требование, институт подтверждал или отказывал. Блокчейн предлагает иную техническую логику. Сатоши Накамото в исходном манифесте биткойна сформулировал идею системы, позволяющей двум сторонам совершать верифицируемые транзакции без участия доверенного посредника¹³. Этот принцип, изначально относившийся к финансовым операциям, был впоследствии распространён на область управления идентичностью.

В архитектуре SSI, основанной на стандартах W3C, децентрализованный идентификатор (DID) представляет собой строку, зарегистрированную в распределённом реестре и связанную с криптографическим ключом, которым управляет сам субъект¹⁴. Верифицируемые удостоверения (Verifiable Credentials) – цифровые аналоги документов – выдаются эмитентами, хранятся в цифровом кошельке субъекта и предъявляются верификаторам по требованию. При этом верификация происходит криптографически: проверка подлежит математически подтверждённая связь документа с ключом эмитента и ключом субъекта. Акутин и Бровко, анализируя техническую архитектуру систем суверенной личности, описывают распределённый реестр как механизм, обеспечивающий целостность и неизменность данных

11 См.: Sovrin Foundation. Principles of Self-Sovereign Identity [Электронный ресурс]. 2020. // URL: <https://sovrin.org/principles-of-ssi/> (Дата обращения: 12.06.2026).

12 См.: Reijers W., Coeckelbergh M. The Blockchain as a Narrative Technology: Investigating the Social Ontology and Normative Configurations of Cryptocurrencies // *Philosophy & Technology*. 2018. Vol. 31, № 1. P. 103-130.

13 См.: Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс]. 2008. // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (Дата обращения: 12.06.2026).

14 См.: W3C. Decentralized Identifiers (DIDs) v1.0: Core Architecture, Data Model, and Representations [Электронный ресурс]. 2022. // URL: <https://www.w3.org/TR/did-core/> (Дата обращения: 12.06.2026).

без необходимости централизованного хранения¹⁵. Данная модель принципиально меняет топографию верификации: вместо обращения к институту субъект предъявляет криптографическое доказательство.

Этот сдвиг имеет значение, выходящее за пределы технической архитектуры. Ишмаев, рассматривая блокчейн как институт собственности, указывает, что в подобных системах право на объект или атрибут конституируется через обладание ключом, а не через запись в государственном реестре или решение суда¹⁶. Применительно к идентичности это означает, что сама возможность цифрового действия субъекта – совершения транзакции, подтверждения атрибута, предъявления удостоверения – определяется наличием у него соответствующего криптографического ключа. Ник Ланд в своём философском анализе биткойна фиксирует эту же логику, описывая криптографию как систему, в которой цифровые объекты принадлежат тому, кто доказывает знание приватного ключа, – без апелляции к какому-либо внешнему арбитру¹⁷. Это наблюдение Ланда важно для анализа SSI как определённой онтологии цифрового действия: обладание ключом становится условием субъектности в данной среде.

3. Автономия субъекта в SSI-системах

Автономия в контексте SSI понимается прежде всего как практическая способность субъекта управлять своими цифровыми атрибутами: создавать

идентификаторы, хранить удостоверения, принимать решения о раскрытии данных и отзывать выданные разрешения. Это понимание автономии отличается от классического философского концепта, связанного с самозаконодательством разума: речь идёт о функциональной независимости субъекта от внешних операторов данных, отличной от кантовского понимания автономии как самозаконодательства разума. Вместе с тем указанный аспект не является чисто техническим. Floridi подчёркивает, что контроль над информационными атрибутами личности непосредственно связан с возможностью самоопределения в инфосфере: тот, кто лишён контроля над своими данными, лишён и части своей информационной идентичности¹⁸.

Автономия в SSI-модели реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов. Во-первых, субъект сам генерирует и хранит криптографические ключи, что исключает возможность их аннулирования или изменения третьей стороной. Во-вторых, верифицируемые удостоверения хранятся в цифровом кошельке субъекта, вне баз данных эмитентов. В-третьих, принцип минимизации данных позволяет предъявлять доказательство наличия определённого атрибута без раскрытия удостоверения целиком – например, подтверждение совершеннолетия без раскрытия точной даты рождения. Этот механизм, известный как доказательство с нулевым разглашением (zero-knowledge proof), сохраняет функциональную верификацию при минимальном раскрытии данных. Sovrin Foundation описывает данную возможность как ключевую характери-

15 См.: Акутин А.С., Бровко А.В. Децентрализованный реестр данных в технологии суверенной личности // Инженерный вестник Дона. 2023. № 7.

16 См.: Ishmaev G. Blockchain Technology as an Institution of Property // Metaphilosophy. 2020. Vol. 51. № 3. P. 487-506.

17 См.: Land N. Crypto-Current: An Introduction to Bitcoin and Philosophy // Sum. 2018. № 10.2.

18 См.: Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014.

стику подлинной самосуверенности¹⁹.

Существенным следствием является то, что автономия в SSI-системах реализуется через определённую архитектуру и набор условий, которые должны быть выполнены. Субъект автономен постольку, поскольку он обладает работающим цифровым кошельком, понимает принципы управления ключами, имеет доступ к инфраструктуре, поддерживающей используемые стандарты, и оперирует в среде, признающей предъявляемые им удостоверения. Эта обусловленность автономии инфраструктурными и компетентностными факторами требует уточнения: то, что позиционируется как суверенитет субъекта, в действительности является суверенитетом, опосредованным совокупностью технических, социальных и институциональных условий.

4. Уязвимость субъекта: ключи доступа, цифровой след, инфраструктурная зависимость, техническая компетентность

Расширение автономии субъекта в SSI-модели сопровождается появлением форм уязвимости, качественно отличных от тех, что характерны для централизованных систем. В традиционных системах идентификации риски сосредоточены на стороне оператора: утечка базы данных, несанкционированный доступ к корпоративным реестрам или решение государственного органа об ограничении доступа к данным затрагивают многих пользователей одновременно. В SSI-архитектуре ответственность за сохранность идентификационных данных смещается к самому субъекту, и это смещение влечёт за собой специфические риски.

Наиболее очевидная форма уязвимости связана с управлением приватными ключами. Потеря ключа означает утрату контроля над всеми связанными с ним идентификаторами и удостоверениями. В отличие от забытого пароля, который может быть восстановлен через механизм сброса, приватный ключ в криптографической системе не имеет аналога «восстановления учётной записи» – по крайней мере, в той мере, в какой система соответствует своим собственным декларируемым принципам децентрализации. Ишмаев указывает, что в системах, основанных на принципе «обладание ключом как основание права», утрата ключа равнозначна утрате самого права, будь то право на финансовый актив или право на цифровую идентичность²⁰. Данный процесс сопровождается смещением модели безопасности: система математически надёжна, но человек, взаимодействующий с ней, остаётся уязвимым – через фишинг, социальную инженерию, вредоносное программное обеспечение или простую забывчивость.

Помимо ключевого управления, существенной формой уязвимости является зависимость от инфраструктуры. SSI-экосистема предполагает функционирование множества взаимосвязанных компонентов: блокчейн-узлов, поддерживающих реестр DID; эмитентов удостоверений, придерживающихся совместимых стандартов; верификаторов, принимающих предъявляемые удостоверения; разработчиков кошельков, обеспечивающих безопасное хранение ключей. Сбой в любом из этих звеньев затрагивает субъекта, даже если его собственные ключи не скомпрометированы. Schardong и Custódio

19 См.: Sovrin Foundation. Principles of Self-Sovereign Identity [Электронный ресурс]. 2020. // URL: <https://sovrin.org/principles-of-ssi/> (Дата обращения: 12.06.2026).

20 См.: Ishmaev G. Blockchain Technology as an Institution of Property // Metaphilosophy. 2020. Vol. 51. № 3. P. 487-506.

в систематическом обзоре SSI-экосистемы фиксируют отсутствие единого стандарта совместимости между различными реализациями как одно из ключевых ограничений существующих систем²¹. Soltani, Nguyen и An указывают на проблему масштабируемости и устойчивости реестров к атакам как на нерешённые технические вопросы, непосредственно влияющие на надёжность идентичности субъекта²². Это означает, что суверенитет субъекта над собственными данными существует в рамках экосистемы, устойчивость которой зависит от множества внешних факторов.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о цифровом следе и ограниченности представлений об анонимности в блокчейн-среде. В публичном дискурсе блокчейн нередко ассоциируется с анонимностью, что требует уточнения. Для большинства блокчейн-систем корректнее говорить о псевдонимности: транзакции связаны с адресами, а связь адреса с конкретной личностью устанавливается только через дополнительные данные. Применительно к SSI ситуация ещё более сложна: DID-документ, зарегистрированный в публичном реестре, содержит публичный ключ, который может стать основой для корреляции различных транзакций и взаимодействий субъекта. Кэлл, рассматривая блокчейн-контроль и постгуманистического субъекта данных, указывает, что попытка мыслить право на забвение применительно к блокчейну наталкивается на принципиальное противоре-

чие: неизменность реестра как гарантия доверия и право субъекта на удаление данных о себе находятся в структурном напряжении²³. В SSI-архитектуре это напряжение получает частичное техническое решение: сам DID может быть деактивирован, при сохранении исторических транзакций, связанных с ним, в реестре. Субъект, стремящийся к максимальному контролю над своим цифровым следом, получает возможность управлять раскрытием данных, при сохранении ограничений, связанных с их историческим существованием в распределённом реестре.

Наконец, существенной формой уязвимости является требовательность SSI-модели к цифровой компетентности субъекта. Управление криптографическими ключами, понимание принципов работы верифицируемых удостоверений, ориентация в интерфейсах цифровых кошельков – всё это предполагает уровень технической грамотности, который в настоящее время не является универсальным. Данный аспект проявляется в том, что декларируемая инклюзивность модели – её применимость для любого субъекта вне зависимости от гражданства, институциональной принадлежности или социального статуса – зависит от реального распределения цифровых компетенций. Пользователь, не способный управлять своими ключами, фактически вынужден делегировать это управление посреднику, что возвращает инфраструктурную зависимость в ином виде.

5. Трансформация доверия: от институциональных форм к протоколу, коду и распределённой инфраструктуре

Проблема доверия занимает цен-

21 См.: Schardong F., Custódio R. Self-Sovereign Identity: A Systematic Review, Mapping and Taxonomy // *Sensors*. 2022. Vol. 22. № 15. Article 5641.

22 См.: Soltani R., Nguyen U.T., An A. A Survey of Self-Sovereign Identity Ecosystem // *Security and Communication Networks*. 2021. Vol. 2021. Article ID 8873429.

23 См.: Käll J. A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. 2017. Vol. 18. № 5. P. 1145-1162.

тральное место в анализе SSI. Никлас Луман, разрабатывая социологическую теорию доверия, показал, что доверие является механизмом редукции сложности: оно позволяет субъекту действовать в условиях неопределённости, принимая будущее поведение других как более или менее предсказуемое²⁴. В традиционных системах идентификации доверие организовано институционально: субъект доверяет государственному органу, удостоверившему его личность, потому что существуют правовые механизмы, обеспечивающие ответственность этого органа. Институциональное доверие предполагает апелляцию к авторитету, подкреплённому социальными санкциями.

Кевин Вербах описывает блокчейн как новую архитектуру доверия, в которой этот механизм перемещается с институционального уровня на уровень протокола²⁵. В блокчейн-среде доверие к транзакции или к верифицированному атрибуту опирается на математические свойства криптографических алгоритмов и на консенсусный механизм распределённого реестра, снижая значение репутации или юридической ответственности оператора. Это изменение имеет принципиальный характер: протокол действует по заранее заданной формальной логике, отличной от логики человеческого или институционального решения. Верифицируемое удостоверение в SSI-системе криптографически подписано эмитентом; его подлинность проверяется через математическое доказательство без обязательного обращения к базе данных.

Вместе с тем данный процесс сопровождается смещением предмета

доверия и сохранением доверия как социально значимого отношения. Субъект, взаимодействующий с SSI-системой, доверяет не банку или государству, но криптографическому алгоритму, программному коду кошелька, корректности реализации стандарта, устойчивости блокчейн-сети к атакам большинства и честности эмитентов удостоверений. Каждый из этих элементов представляет собой самостоятельный объект доверия, способность субъекта верифицировать который в большинстве случаев ограничена. Лоренс Лессиг в своей концепции «кода как права» указывал, что программный код регулирует поведение в цифровой среде столь же эффективно, как и законы в физическом мире, с той существенной разницей, что его нормативное содержание не является очевидным для пользователя и не проходит процедуры демократической легитимации²⁶. В контексте SSI это означает, что нормы, встроенные в код кошелька или в протокол верификации, определяют, что субъект может и чего не может сделать со своей идентичностью, при том что сам субъект, как правило, не читал исходный код и не участвовал в принятии технических решений, лежащих в его основе.

Примавера де Филиппи и Аарон Райт развивают эту идею в концепции «rule of code», указывая, что блокчейн-системы создают правовой порядок, параллельный государственному праву: смарт-контракты исполняются автоматически, без возможности апелляции, усмотрения или исправления ошибок²⁷. Применительно к SSI это означает, что правила управления иден-

24 См.: Luhmann N. Trust and Power. Chichester: Wiley, 1979.

25 См.: Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. Cambridge, MA: MIT Press, 2018.

26 См.: Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999.

27 См.: De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.

тичностью, закодированные в протоколе, обладают нормативной силой вне зависимости от того, осознаёт ли субъект их содержание и согласен ли с ним. Возникает необходимость различать два уровня нормативности: тот, который субъект принимает явно – при регистрации в системе, – и тот, который встроен в инфраструктуру и действует имплицитно. Алгоритмическая нормативность, о которой применительно к цифровым режимам управления писал и Мишель Фуко в контексте анализа дисциплинарных практик²⁸, приобретает в блокчейн-среде специфическую форму: субъект не надзирается наблюдателем, но ограничивается математически.

6. Безопасность системы и безопасность человека как разные уровни анализа

Ключевое концептуальное различие, необходимое для философско-антропологического анализа SSI, – это различие между безопасностью криптографической системы и безопасностью человека как участника этой системы. Блокчейн-сети и криптографические протоколы, лежащие в основе SSI, могут быть технически надёжны – устойчивы к взлому, обеспечивать целостность данных, гарантировать невозможность их несанкционированного изменения. Данный уровень безопасности описывается математическими и информационно-техническими методами и относится к характеристикам системы как таковой. Безопасность человека в этой системе – иной предмет анализа.

Субъект, взаимодействующий с SSI-инфраструктурой, подвержен угрозам, которые не могут быть нейтрализованы криптографическими методами. Социальная инженерия, направленная

на получение доступа к приватному ключу, эксплуатирует доверчивость или неосведомлённость человека наряду с техническими факторами. Вредоносное программное обеспечение, перехватывающее ключи на уровне операционной системы, функционирует ниже уровня, на котором работают гарантии блокчейна. Компрометация устройства хранения ключей означает, что математически безупречная система оказывается уязвимой через её единственное человеческое звено. Этот разрыв между техническими гарантиями системы и реальной защищённостью субъекта является одним из центральных напряжений в экосистеме SSI.

Указанный аспект проявляется и в более широком контексте. Зубофф показывает, что в условиях надзорного капитализма данные о человеке используются способами, которые он не предвидит и не может контролировать²⁹. SSI предлагает технический ответ на эту проблему, но не решает её полностью: субъект, получив контроль над тем, какие данные он раскрывает верификатору, не получает контроля над тем, как верификатор использует полученные данные после верификации. Архитектура SSI регулирует момент передачи данных, но не их последующую судьбу – за исключением тех случаев, когда соответствующие ограничения закодированы в смарт-контракте. Это означает, что самосуверенность в данной модели является частичной: субъект суверенен в отношении раскрытия, но не в отношении использования.

Данную проблему можно сформулировать иначе: безопасность системы является необходимым, но недостаточным условием безопасности субъекта.

28 См.: Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard, 1975.

29 См.: Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs, 2019.

Между технической надёжностью инфраструктуры и реальной защищённостью человека располагается область, определяемая его компетентностями, практиками, социальным окружением и способностью ориентироваться в технически сложной среде. Философско-антропологический анализ требует удерживать оба уровня одновременно и не сводить безопасность субъекта к безопасности системы, в которой он участвует.

7. Философско-антропологические последствия SSI для понимания субъекта, ответственности и цифрового суверенитета

Модель самосуверенной цифровой идентичности предполагает определённый образ субъекта – компетентного, автономного, способного принимать информированные решения о раскрытии данных и несущего ответственность за управление своей цифровой идентичностью. Этот образ имеет нормативное содержание: он задаёт стандарт, которому субъект должен соответствовать, чтобы эффективно функционировать в SSI-экосистеме. Возникает необходимость различать описательный и нормативный уровни: SSI описывает определённую техническую архитектуру и одновременно предписывает определённую форму субъектности.

Кэлл, анализируя постгуманистического субъекта данных, указывает, что в цифровых системах субъект всё чаще конструируется через совокупность атрибутов и процедур, что требует пересмотра традиционных правовых концепций личности³⁰. В SSI этот процесс приобретает явную форму: субъект буквально определяется своими DID, ключами и удостоверениями. Эта техноло-

гическая конструкция субъектности не является нейтральной: она предполагает, что идентичность исчерпывается верифицируемыми атрибутами, и оставляет за скобками аспекты личности, не поддающиеся формализации и верификации. Вопрос о том, что остаётся от субъекта за пределами его цифровых атрибутов, приобретает в этом контексте конкретный философско-антропологический смысл.

Проблема ответственности в SSI-модели структурируется иначе, чем в традиционных системах. В централизованной архитектуре ответственность за корректность данных и за последствия их использования распределена между оператором системы и субъектом. В SSI ответственность за управление ключами и за корректность предъявляемых удостоверений полностью возлагается на субъекта. Это смещение ответственности является обратной стороной расширения автономии: тот, кто обладает контролем, несёт и ответственность за последствия его осуществления. Данная модель предполагает, что субъект в состоянии нести эту ответственность – что он обладает необходимыми компетенциями, имеет доступ к надёжным инструментам и не находится в ситуации, при которой риски управления ключами непропорционально велики относительно его ресурсов. Эти предпосылки не являются универсально выполненными.

Понятие цифрового суверенитета, к которому апеллирует модель SSI, требует содержательного уточнения. Суверенитет в политической философии обозначает верховную власть, не обусловленную иной властью. Применительно к цифровой идентичности это понятие переносится в контекст, в котором «верховная власть» субъекта над данными ограничена множеством

³⁰ См.: Käll J. A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // German Law Journal. 2017. Vol. 18. № 5. P. 1145-1162.

факторов – техническими стандартами, устойчивостью инфраструктуры, совместимостью реализаций, законодательными требованиями к верификации личности в конкретных юрисдикциях. Ланд, рассматривая автономию криптографического протокола, описывает её как самодостаточность, достигаемую через отделение от государственных и корпоративных посредников³¹. Эта перспектива описывает идеальный тип, но не реальную практику: субъект SSI взаимодействует с системой через устройства, произведённые корпорациями, через интернет-соединения, контролируемые провайдерами, через интерфейсы, разработанные третьими лицами. Его суверенитет реален в той мере, в какой он способен ориентироваться в этих условиях.

Флориди предлагает концептуальный ресурс для осмысления этой ситуации: в инфосфере субъект конституирует себя через информационные отношения, и его свобода определяется способностью управлять этими отношениями³². В рамках такого подхода SSI является значимым шагом в направлении расширения информационной свободы субъекта – при условии, что инфраструктурные и компетентностные предпосылки этой свободы выполнены. Там, где они не выполнены, декларируемый суверенитет остаётся формальным, а реальное управление идентичностью воспроизводит формы зависимости, от которых была призвана освободить данная модель.

Заключение

Проведённый анализ позволяет

сформулировать несколько выводов, касающихся философско-антропологического значения модели самосуверенной цифровой идентичности. SSI представляет собой не просто техническое решение задачи управления данными, но специфическую конфигурацию цифровой субъектности, в которой изменяются структура автономии, формы уязвимости, механизмы доверия и распределение ответственности.

Переход от институционально подтверждённой идентичности к идентичности как совокупности криптографически верифицируемых атрибутов меняет отношения субъекта с инфраструктурой его цифрового присутствия. Субъект получает большую степень контроля над раскрытием данных, но принимает на себя ответственность за управление ключами и за ориентацию в технически сложной среде. Криптографический ключ становится условием цифрового действия: без него субъект лишён возможности взаимодействовать с системой, предъявлять удостоверения и подтверждать атрибуты.

Автономия в SSI-модели является обусловленной: она реализуется при выполнении ряда инфраструктурных, компетентностных и социальных условий. Там, где эти условия не выполнены, декларируемая самосуверенность сопровождается изменением характера зависимости – от централизованного оператора – к зависимости от инфраструктуры, протоколов, стандартов и собственных технических возможностей субъекта. Это требует более трезвой оценки модели без отождествления технической архитектуры с гарантированной свободой.

Трансформация доверия от институциональных форм к протоколу и коду описывает реальный сдвиг, сопровождающийся не устранением,

31 См.: Land N. *Crypto-Current: An Introduction to Bitcoin and Philosophy* // *Sum*. 2018. № 10.2.

32 См.: Floridi L. *The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

но перераспределением объектов доверия. Субъект, не доверяющий государственному банку, доверяет теперь математическому алгоритму, реализации кошелька и сети узлов – также требующим интерпретации и проверки, хотя подчиняющимся иной логике. Нормативное содержание кода, встроенное в протоколы SSI, действует как регулятор поведения вне зависимости от осознанного согласия субъекта – что подтверждает релевантность концепций Лессига и де Филиппи для данной области.

Наконец, различие между безопасностью системы и безопасностью человека остаётся принципиальным для понимания реальной защищённости субъекта в SSI-среде. Математическая надёжность криптографического протокола требует дополнения анализом защищённости человека, взаимодействующего с этим протоколом через несовершенные интерфейсы, в условиях неполной информации и при наличии социальных угроз, плохо описываемых техническими моделями безопасности. Это различие обнаруживает необходимость философско-антропологического дополнения к техническому анализу SSI: понимание того, каким должен быть субъект, чтобы данная модель работала так, как декларируется, является важным вопросом наряду с описанием самой архитектуры.

Список литературы

1. Акутин А.С., Бровко А.В. Система суверенной личности на основе распределенного реестра данных // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2021. № 4 (91). С. 5-12.
2. Акутин А.С., Бровко А.В. Децентрализованный реестр данных в технологии суверенной личности // Инженерный вестник Дона. 2023. № 7.
3. Allen C. The Path to Self-Sovereign Identity. 2016. // URL: <http://www.lifewithalacrity.com/2016/04/the-path-to-self-sovereign-identity.html> (Дата обращения: 12.05.2026).
4. De Filippi P., Hassan S. Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is

Code // First Monday. 2016. Vol. 21. № 12.

5. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. 312 p.
6. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Info-sphere is Reshaping Human Reality. – Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
7. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. – Paris: Gallimard, 1975. 360 p.
8. Ishmaev G. Blockchain Technology as an Institution of Property // Metaphilosophy. 2020. Vol. 51. № 3. P. 487-506.
9. Ishmaev G. Sovereignty, Privacy, and Ethics in Blockchain-Based Identity Management Systems // Ethics and Information Technology. 2021. Vol. 23. № 3. P. 239-252. – DOI: 10.1007/s10676-020-09563-x.
10. Käll J. A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // German Law Journal. 2017. Vol. 18. № 5. P. 1145-1162. – DOI: 10.1017/S2071832200022288.
11. Käll J. Blockchain Control // Law and Critique. 2018. Vol. 29. № 2. P. 133-140. – DOI: 10.1007/s10978-018-9227-x.
12. Land N. Crypto-Current: An Introduction to Bitcoin and Philosophy // Šum. 2018. № 10.2.
13. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. – New York: Basic Books, 1999. 297 p.
14. Luhmann N. Trust and Power. – Chichester: Wiley, 1979. 228 p.
15. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (Дата обращения: 12.05.2026).
16. Reijers W., Coeckelbergh M. The Blockchain as a Narrative Technology: Investigating the Social Ontology and Normative Configurations of Cryptocurrencies // Philosophy & Technology. 2018. Vol. 31. № 1. P. 103-130.
17. Schardong F., Custódio R. Self-Sovereign Identity: A Systematic Review, Mapping and Taxonomy // Sensors. 2022. Vol. 22. № 15. Article 5641. – DOI: 10.3390/s22155641.
18. Soltani R., Nguyen U. T., An A. A Survey of Self-Sovereign Identity Ecosystem // Security and Communication Networks. 2021. Vol. 2021. Article ID 8873429. 26 p. – DOI: 10.1155/2021/8873429.
19. Sovrin Foundation. Principles of Self-Sovereign Identity. 2020. // URL: <https://sovrin.org/principles-of-ssi/> (Дата обращения: 12.05.2026).
20. W3C. Decentralized Identifiers (DIDs) v1.0: Core Architecture, Data Model, and Representations. 2022. // URL: <https://www.w3.org/TR/did-core/> (Дата обращения: 12.06.2026).
21. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 264 p.
22. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. 691 p.
23. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

References

1. Akutin A.S., Brovko A.V. "A Sovereign Identity System Based on a Distributed Data Ledger" // Bulletin of the Saratov State Technical University. 2021. № 4 (91). P. 5-12.
2. Akutin A.S., Brovko A.V. "A Decentralized Data Ledger in Sovereign Identity Technology" // Engineering Bulletin of the Don. 2023. № 7.

3. Allen C. The Path to Self-Sovereign Identity. 2016. // URL: <http://www.lifewithalacrity.com/2016/04/the-path-to-self-sovereign-identity.html> (12.05.2026).
4. De Filippi P., Hassan S. Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code is Law to Law is Code // *First Monday*. 2016. Vol. 21. № 12.
5. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018. 312 p.
6. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Info-sphere is Reshaping Human Reality. – Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
7. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. – Paris: Gallimard, 1975. 360 p.
8. Ishmaev G. Blockchain Technology as an Institution of Property // *Metaphilosophy*. 2020. Vol. 51. № 3. P. 487-506.
9. Ishmaev G. Sovereignty, Privacy, and Ethics in Blockchain-Based Identity Management Systems // *Ethics and Information Technology*. 2021. Vol. 23. № 3. P. 239-252. – DOI: 10.1007/s10676-020-09563-x.
10. Käll J. A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. 2017. Vol. 18. № 5. P. 1145-1162. – DOI: 10.1017/S2071832200022288.
11. Käll J. Blockchain Control // *Law and Critique*. 2018. Vol. 29. № 2. P. 133-140. – DOI: 10.1007/s10978-018-9227-x.
12. Land N. Crypto-Current: An Introduction to Bitcoin and Philosophy // *Sum*. 2018. № 10.2.
13. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. – New York: Basic Books, 1999. 297 p.
14. Luhmann N. Trust and Power. – Chichester: Wiley, 1979. 228 p.
15. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (12.05.2026).
16. Reijers W., Coeckelbergh M. The Blockchain as a Narrative Technology: Investigating the Social Ontology and Normative Configurations of Cryptocurrencies // *Philosophy & Technology*. 2018. Vol. 31. № 1. P. 103-130.
17. Schardong F., Custódio R. Self-Sovereign Identity: A Systematic Review, Mapping and Taxonomy // *Sensors*. 2022. Vol. 22. № 15. Article 5641. – DOI: 10.3390/s22155641.
18. Soltani R., Nguyen U. T., An A. A Survey of Self-Sovereign Identity Ecosystem // *Security and Communication Networks*. 2021. Vol. 2021. Article ID 8873429. 26 p. – DOI: 10.1155/2021/8873429.
19. Sovrin Foundation. Principles of Self-Sovereign Identity. 2020. // URL: <https://sovrin.org/principles-of-ssi/> (12.05.2026).
20. W3C. Decentralized Identifiers (DIDs) v1.0: Core Architecture, Data Model, and Representations. 2022. // URL: <https://www.w3.org/TR/did-core/> (12.06.2026).
21. Werbach K. The Blockchain and the New Architecture of Trust. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 264 p.
22. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – New York: PublicAffairs, 2019. 691 p.
23. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // *Etnosotsium and international culture*. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Кузнецова-Фетисова Л.Е.*Независимый исследователь. Российский государственный социальный университет.***Особенности легитимации иррациональных форм знания в современной России***

Аннотация. Статья исследует стратегии легитимации иррациональных форм знания в современной России на материале публичных самоописаний практиков мантико-магического комплекса. Показано, что эзотерический дискурс в публичном пространстве опирается на три базовые модели обоснования авторитета, создавая современный гибридный тип самообоснования. Тем самым статья уточняет механизмы признания неинституциональных форм религиозности и расширяет инструментарий религиоведческого анализа.

Ключевые слова: иррациональное знание, мантико-магический комплекс, легитимация, медиадискурс, М. Вебер, нарратив, коммерциализация, эзотерический дискурс.

Kuznetsova-Fetisova L.E.*Independent researcher. Russian State Social University.***Legitimation strategies of irrational knowledge in contemporary Russia**

Abstract. The article explores the legitimation strategies of irrational forms of knowledge in contemporary Russia based on public self-descriptions of mantic-magical practitioners. It demonstrates that public esoteric discourse relies on three basic models of authority, creating a modern hybrid type of self-justification. Thereby, the article clarifies the recognition mechanisms of non-institutional religiosity and expands the tools of religious studies analysis.

Key words: irrational knowledge, mantic-magical complex, legitimation, media discourse, M. Weber, narrative, commercialization, esoteric discourse.

Эзотерическая отрасль в современной России давно превратилась в сектор с многомиллиардным оборотом. Так, по данным поставщика виртуальных онлайн-касс AtolOnline¹ в 2024 году спрос на мантико-магические атрибуты и практики увеличился на 34% по сравнению с 2023 годом, а в 2025 году вырос еще на 50% [1]. Объем рынка мантико-магических услуг в России в 2024

году оценивается примерно в 2,4 трлн рублей; том же году россияне потратили 2,1 трлн рублей на еду, а сумма всех чеков в столовых, кафе и ресторанах страны составляет 2,35 трлн рублей за год [2].

«Коммерсантъ», со ссылкой на опрос 2023 года от IFORS Research, утверждает, что каждый третий владелец малого или среднего бизнеса верит в действенность оккультных практик, а почти две трети хотя бы раз обращались к гадал-

¹ Исследование проводилось на основе обезличенных данных продаж АТОЛ Онлайн по 5,7 млн чеков за 2024–2025 годы.

* © Кузнецова-Фетисова Л.Е., 2026.

Особенности легитимации иррациональных форм знания в современной России

кам. Бизнесмены прибегают к «помощи высших сил» при решении вопросов найма, управления персоналом, установления новых контактов, анализа рынка и выстраивания отношений с партнерами [3].

Все эти разнородные данные демонстрируют, что эзотеризм стал заметным и динамично развивающимся компонентом социальной и экономической жизни России. При этом остается недостаточно изученным, как в секуляризованном обществе легитимируются типы знания, иррациональные с точки зрения науки, и какие механизмы обеспечивают их признание аудиторий.

В статье предпринимается попытка выявить и типологизировать стратегии легитимации иррационального знания в современной России на материале медиатекстов и публичных самоописаний современных носителей иррационального знания. Автор эксплицирует модель легитимации иррационального знания, что расширяет методологические возможности религиоведения при анализе неинституциональных форм религиозности.

Для уточнения категориального аппарата необходимо разграничить используемые понятия. В широком смысле мы определяем эзотерику как «тайное знание, которое имеет иррациональную компоненту, уходящую корнями в глубины человеческой психики и апеллирующее к мистическому опыту, находящемуся вне пределов рационального и тем более научного анализа» [4, с. 5]. Для целей операционализации в рамках данного исследования выделяется более узкое по отношению к эзотерике понятие мантико-магического комплекса. Под ним понимается совокупность практик (гадательных, ритуальных, прогностических) и способов их описания, объединенных допуще-

нием о доступе к скрытой информации или силам вне процедур рациональной и научной верификации.

В таком контексте иррациональное знание выступает как гносеологический фундамент данного комплекса: это тип представлений, обосновываемый не логическим доказательством, а апелляцией к дару, откровению, посвящению или особой чувствительности носителя.

Под легитимацией иррационального знания понимается совокупность коммуникативных, риторических, символических и, в отдельных случаях, институциональных практик, посредством которых носитель такого знания обосновывает свое право выступать от его имени и претендовать на доверие аудитории.

Для целей своей легитимации современные носители иррационального знания прибегают к прагматическому нарративу. Ж.-Ф. Лиотар утверждает: «нарративное знание.... не придает большого значения вопросу своей легитимации; оно подтверждает самое себя через передачу своей прагматики и потому не прибегает к аргументации или приведению доказательств» [5, с. 74-75]. По мысли Лиотара, именно эта особенность нарратива делает его подходящей основой для легитимации любого знания.

Согласно определению В.Н. Поруца, успех или неудача иррационального предсказания влияет не на развитие знания в целом, а лишь на доверие к способностям носителя такого знания, на его авторитет [6, с. 332]. В традиционном обществе фундаментом авторитета носителя иррационального знания служила включенность практика в локальный социальный контекст. Сведения о семейной и личной предыстории, обстоятельствах обретения «дара» и эффективности его применения осно-

вывались на длительном коллективном наблюдении, передавались в рамках устной традиции и считывались потребителем как абсолютно достоверные, не требующие дополнительных доказательств.

Однако процессы медиатизации трансформируют привычную систему «рейтинга» носителей иррационального знания. В условиях современного общества, характеризующегося отсутствием прямого контакта с практиком и невозможностью получения отзывов «из первых рук», механизмы признания смещаются в плоскость медийного конструирования образа.

В современном медиапространстве описания практик мантико-магического комплекса вынужденно мимикрируют под традиционные способы легитимации, перенимая функцию верификации авторитета предсказателя в условиях анонимного общества. Медийные нарративы компенсируют утрату прямого общинного признания, реконструируя эффект доверия через специфическую структуру текста, которая заменяет собой отсутствующий социальный контекст.

Подобные тексты, представляющие собой продукт сращения эзотерического дискурса с массовой рекламой и СМИ, можно отнести к так называемому коммерциализированному эзотерическому дискурсу². Основной целью здесь выступает привлечение новых последователей и клиентов. Это определяет форму подачи материалов: они обладают выраженной прагматической направленностью, доступны даже неподготовленному читателю и создают позитивный образ рекламируемого товара, услуги или специалиста. Данная

цель достигается двумя путями. С одной стороны, создатели таких текстов используют максимально понятные и привлекательные для массовой аудитории термины; анализируя подобные материалы, мы можем оценить, что именно потенциальный потребитель находит убедительным и заслуживающим доверия. С другой стороны, именно этот дискурс, будучи широко представленным в информационном пространстве, в наибольшей степени формирует представления среднестатистического члена социума об эзотерике в целом [7, с. 420].

В рамках настоящего исследования были проанализированы публичные тексты, в которых носитель иррационального знания (либо представляющий его медиаресурс) конструируют образ компетентного практика мантико-магического комплекса и обосновывают его право на доверие аудитории. Выбор публичных самоописаний на коммерческих сайтах обусловлен тем, что в них механизмы легитимации представлены в наиболее концентрированном и наглядном виде. В отличие от внутренних текстов закрытых сообществ, такие материалы изначально ориентированы на внешнюю аудиторию и потому вынуждены прямо отвечать на вопрос, почему данному носителю знания следует доверять.

Эмпирический корпус настоящего исследования составили 153 текста мантико-магического комплекса, опубликованные в 2020–2026 годах на коммерческих и медийных интернет-ресурсах. В качестве основных источников информации выступили: сайт крупнейшей в России и СНГ службы эзотерических консультаций «Astro7» [8]; сайт популярного российского телешоу «Битва экстрасенсов» [9]; сайт газеты частных объявлений «Авито» из разде-

² В публикации 2018 г. данный тип дискурса рассматривался в рамках более широкого понятия «параэзотерика», прагматическим проявлением которого выступает коммерциализированный эзотерический дискурс.

Таблица 1.

Тип легитимации	Родовой	Образовательный	Инициатический
Исторический аналог	народная магия, язычество	эзотеризм	шаманизм
тип авторитета по М.Веберу	традиционный	рационально- легальный	харизматический

Человек часто не только не ищет этой возможности, но и сопротивляется ей. Легитимность такого носителя знания опирается на восприятие его как «избранного». Вебер подчеркивает, что харизматический авторитет характеризуется через непосредственное, почти мистическое воздействие личности на последователей, подтверждая право практикующего говорить «от имени знания» исключительно силой своего дара и «чудесных» доказательств.

Пример:

«Поначалу она долго сопротивлялась, не хотела принимать свои способности, пока не пережила клиническую смерть, причем два раза. После трагического случая, Зулия поняла, что нельзя сопротивляться predetermined событиям, каждый должен выполнять то, что предназначено свыше»[9]⁵.

Генезис выявленных типов легитимации позволяет соотнести их с тремя историческими направлениями мантико-магических практик. Родовой тип детерминирован традициями язычества и народной магии; образовательный – репрезентирует интеллектуальную традицию эзотеризма и герметизма; инициатический же тип закономерно восходит к архаическому комплексу шаманизма. Сводные результаты сопоставительного анализа типов легитимации, исторических направлений мантико-магических практик и типов господства по М. Веберу представлены в таблице 1:

⁵ https://www.vokrug.tv/person/show/zulihad_radjabova/ (Дата обращения 2.04.2026).

Вывод:

Выявленные родовой, образовательный и инициатический типы легитимации представляют собой теоретические модели, которые в реальном медиадискурсе практически не встречаются в чистом виде. В публичных самоописаниях российских практиков мантико-магического комплекса элементы этих типов закономерно сочетаются, формируя гибридные стратегии конструирования доверия в анонимной среде. Преимущество между историческими направлениями мантико-магических практик и веберовскими типами господства доказывает, что эзотерический медиадискурс воспроизводит глубоко укорененные в культуре механизмы легитимации. Можно предположить, что именно интеграция подобных прагматических нарративов обеспечивает жизнеспособность современного российского мантико-магического комплекса: синтез разных оснований позволяет транслировать иррациональное знание как самовалидирующийся феномен, верифицирующий личный авторитет носителя, и одновременно адаптировать его к логике секуляризованного рынка услуг.

Список литературы

1. Спрос на магические атрибуты вырос на 50 % // АТОЛ: [сайт]. 2026. 28 янв. // URL: <https://www.atol.ru/company/news/spros-na-magicheskie-atributy-vyros-na-50/> (Дата обращения: 01.04.2026).
2. Окультизм услуги (рынок России) // TAdviser: [сайт]. 2026. // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9E%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BB>

%D1%8C%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8) (Дата обращения: 02.04.2026).

3. Бутрин, Д. Как карты таро лягут: четверть российского малого бизнеса видит смысл в эзотерических практиках / Д. Бутрин // Коммерсантъ: [сайт]. 2023. 11 окт. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6267279> (Дата обращения: 02.04.2026).

4. Дискурсы эзотерики (философский анализ): сборник статей / ответственный редактор Л. В. Фесенкова. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 160 с.

5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; перевод с французского Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии; – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.

6. Порус В.Н. Предсказание / В.Н. Порус // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под редакцией В.С. Стёпина. – Москва: Мысль, 2001. Т. 3: Н. С. С. 332.

7. Кузнецова-Фетисова Л.Е. Структура эзотерического дискурса в современной России: ядро, периферия, паразитотерика / Л.Е. Кузнецова-Фетисова // Практическая философия: от классики до информационного социума: сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, 27–28 сентября 2018 г.) / под научной редакцией Л.В. Басовой, К.А. Маркелова. – Астрахань: Издатель Сорокин Р. В., 2018. С. 417–420.

8. Astro7. Онлайн-сервис консультаций тарологов, астрологов и экстрасенсов: [сайт]. 2009–2026. // URL: <https://astro7.com/> (Дата обращения: 02.04.2026).

9. Новая битва экстрасенсов: [официальная страница телешоу] // ТНТ: [сайт]. 2004–2026. // URL: <https://bitvaextrasensov.tnt-online.ru/> (Дата обращения: 02.04.2026).

10. Предложения по запросу «гадание» в разделе «Услуги» // Авито: [сайт]. 2007–2026. // URL: https://www.avito.ru/all/predlozheniya_uslug?context=H4sIAAAAAAAAA_wEmANn_YToxOntzOjE6InkiO3M6MTY6IIVPMk44Sm5BOXA4VklqVU0iO3O06HI0JgAAAA&q=%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (Дата обращения: 02.04.2026).

11. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология / М. Вебер; пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Гл. III: Типы господства. С. 197–233.

12. Ворожцова А.А. «Маленькая Венеция» на берегах Ориноко: к вопросу о происхождении и эволюции топонима «Венесуэла» // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 97–102.

tices / D. Butrin // Kommersant: 2023. October 11. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6267279> (April 2, 2026).

4. Discourses of Esotericism (Philosophical Analysis): A Collection of Articles / Editor-in-Chief L.V. Fesenkova. – Moscow: Editorial URSS, 2001. 160 p.

5. Lyotard J.-F. The State of Postmodernism / J.-F. Lyotard; translated from French by N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; – St. Petersburg: Aleteia, 1998. 160 p.

6. Porus V.N. Prediction / V.N. Porus // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / edited by V.S. Stepin. – Moscow: Mysl, 2001. Vol. 3: N. P. 332.

7. Kuznetsova-Fetisova L.E. The Structure of Esoteric Discourse in Contemporary Russia: Core, Periphery, Para-Esotericism / L.E. Kuznetsova-Fetisova // Practical Philosophy: From Classics to Information Society: Collection of Materials from the All-Russian Conference (Astrakhan, September 27–28, 2018) / edited by L.V. Baeva, K.A. Markelov. – Astrakhan: Publisher R.V. Sorokin, 2018. Pp. 417–420.

8. Astro7. Online consultation service for tarot readers, astrologers, and psychics: 2009–2026. // URL: <https://astro7.com/> (02.04.2026).

9. New Battle of Psychics: [official TV show page] // TNT: 2004–2026. // URL: <https://bitvaextrasensov.tnt-online.ru/> (02.04.2026).

10. Offers for the query “fortune telling” in the “Services” section // Avito: 2007–2026. // URL: https://www.avito.ru/all/predlozheniya_uslug?context=H4sIAAAAAAAAA_wEmANn_YToxOntzOjE6InkiO3M6MTY6IIVPMk44Sm5BOXA4VklqVU0iO3O06HI0JgAAAA&q=%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (Accessed: 02.04.2026).

11. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Vol. I. Sociology / M. Weber; translated from German under the editorship of L. G. Ionin. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – Chapter III: Types of Domination. P. 197–233.

12. Vorozhtsova A.A. ‘Little Venice’ on the banks of the Orinoco: the origin and evolution of the toponym ‘Venezuela’ // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 97–102.

References

1. Demand for magical attributes has grown by 50% // ATOL: 2026. January 28. // URL: <https://www.atol.ru/company/news/spros-na-magicheskie-atributy-vyrosta-50-/> (April 1, 2026).

2. Occult services (Russian market) // TAdviser: 2026. // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9E%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%83%D1%81%D0%B-B%D1%83%D0%B3%D0%B8_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9E%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%83%D1%81%D0%B-B%D1%83%D0%B3%D0%B8_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8) (02.04.2026).) (02.04.2026).

3. Butrin D. How the Tarot Cards Fall: A Quarter of Russian Small Businesses Sees Meaning in Esoteric Prac-

Новиков П.А.

Аспирант кафедры социально-гуманитарные дисциплины, Пензенский государственный университет, г. Пенза.

Преодоление отчуждения личности в романе В. Гюго «Отверженные»: к методологии социально-философского анализа*

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу трансформации личности Жана Вальжана в романе В. Гюго «Отверженные» через призму западноевропейской философии XX века. Предмет исследования – механизм преодоления «порочного круга травмы», при котором социальное отчуждение и искаженное восприятие реальности самовоспроизводятся. Методологическую основу составляет интегративный подход, объединяющий диалогическую онтологию М. Бубера, экзистенциализм С. Кьеркегора и Ж.-П. Сартра, постструктуралистский анализ власти М. Фуко, концепцию «homo sacer» Дж. Агамбена и этику Другого Э. Левинаса.

В работе вводится авторская метафора уробороса для обозначения патологической замкнутости травмированного сознания, в отличие от его юнгианской трактовки. Показано, как дисциплинарные механизмы сводят героя к «голой жизни» (zoë) и объективируют его в модуле «Я-Оно» по Буберу. Результатом анализа выступает интерпретация встречи Вальжана с епископом Бьенвеню как события, разрывающего этот круг. Епископ реализует отношение «Я-Ты», совершает акт онтологического признания, который в терминах Левинаса является ответом на зов Лица (visage), а с точки зрения экзистенциализма – катализатором «подлинного выбора» и «скачка веры», преодолевающего «плохую веру» и отчаяние.

Выводы статьи подчеркивают, что трансформация Вальжана представляет собой не пассивное изменение, а акт сопротивления биополитическому исключению, возвращающий субъектность через диалог с Другим и устремленность к Абсолюту. Предложенный интегративный подход может быть применен к анализу иных социальных ситуаций преодоления стигматизации и кризиса идентичности.

Ключевые слова: Философия литературы, социальная философия, феноменология Другого, экзистенциализм, постструктурализм, проблема идентичности, гуманизм и антигуманизм, этика и мораль.

Novikov P.A.

Postgraduate student, Department of Social Sciences and Humanities, Penza State University, Penza.

Overcoming the alienation of the individual in V. Hugo's novel 'les misérables': toward a methodology of socio-philosophical analysis*

Abstract. This article offers a philosophical analysis of Jean Valjean's transformation in Victor Hugo's *Les Misérables* through the lens of 20th-century Western philosophy. The subject of the study is the mechanism of overcoming the "vicious circle of trauma," in which social alienation and distorted perception of reality become self-perpetuating. The methodological framework integrates the dialogical ontology of Martin Buber, the existentialism of Søren Kierkegaard and Jean-Paul Sartre, the poststructuralist analysis of power by Michel Foucault, Giorgio Agamben's

* © Новиков П.А., 2026.

Преодоление отчуждения личности в романе В. Гюго «Отверженные»: к методологии социально-философского анализа

concept of homo sacer, and Emmanuel Levinas's ethics of the Other.

The paper introduces the author's metaphor of the Ouroboros (the serpent eating its own tail) to denote the pathological closure of a traumatized consciousness, in contrast to its Jungian interpretation. It is shown how disciplinary mechanisms reduce the protagonist to "bare life" (zoë) and objectify him in Buber's mode of "I-It." The analysis interprets Valjean's encounter with Bishop Myriel as an event that breaks this circle. The Bishop enacts the "I-Thou" relation, performing an act of ontological recognition that, in Levinasian terms, responds to the call of the Face (visage). From an existentialist perspective, this encounter serves as a catalyst for an "authentic choice" and a "leap of faith," overcoming "bad faith" (mauvaise foi) and despair.

The article concludes that Valjean's transformation is not a passive change but an act of resistance against biopolitical exclusion, restoring subjectivity through dialogue with the Other and an orientation toward the Absolute. The proposed integrative approach can be applied to other social situations involving the overcoming of stigmatization and identity crises.

Key words: philosophy of literature, social philosophy, phenomenology of the Other, existentialism, poststructuralism, problem of identity, humanism and anti-humanism, ethics and morality.

1. Порочный круг травмы и искажённое восприятие реальности

Осознание собственной сущности человеком представляет собой фундаментальный аспект социальной философии и психологии. Тема самопознания через соотнесение с Другим и устремление к Абсолюту пронизывает содержание «Отверженных». Как отмечал Ж.-П. Сартр, «Другой – это тот, кто видит меня таким, каким я сам себя не вижу» [8, с. 252]. Жан Вальжан у Гюго изображён как индивид, травмированный обществом, полный горечи и искажённого восприятия мира. Его понимание событий и отношение к окружающим характеризуется принципом: любое чужое Я – это потенциальный враг. В свою очередь, общество воспринимает Вальжана не как жертву обстоятельств, а как закоренелого преступника. Такая взаимная отчуждённость формирует замкнутый цикл, который усиливает враждебность и стереотип «другие как угроза».

Для описания самовоспроизводящегося круга травмы предлагается метафора **уробороса** – змея, кусающего свой хвост, –: первичная травма порождает искажённое мировоззрение, которое

ведёт к социальному отчуждению, а оно, в свою очередь, становится источником новых травм. Важно подчеркнуть, что в отличие от юнгианского понимания уробороса как архетипического символа начала индивидуации и интеграции противоположностей [10, с. 45], здесь этот образ используется в авторском смысле – для обозначения патологической замкнутости, препятствующей гармоничному самопознанию. Отчуждённого человека перестают оценивать в рамках субъектных отношений, он превращается в объект.

М. Бубер в работе «Я и Ты» различает отношения Я–Оно (объективирующие) и Я–Ты (подлинные, диалогические). Философ подчёркивал: «В отношениях Я–Оно другой становится объектом, что усиливает отчуждение, в то время как Я–Ты открывает путь к подлинному познанию» [2, с. 23]. Опираясь на суждения Бубера, можно заключить, что Жана Вальжана изначально воспринимали не как субъекта, а как объект социального взаимодействия. Из-за этого происходило постепенное отчуждение и озлобление: Вальжан начал воспринимать мир как враждебный, а социум видел в нём опасного зверя. Взор Дру-

гого был сформирован установками с уже готовым выводом.

2. Встреча с епископом и внутренний конфликт

Внутренний конфликт и трансформация Жана Вальжана рельефно раскрываются в главах 10–13 первой книги романа («Фантина», часть «Падение») [3, с. 130–150]. В этих эпизодах епископ Бьенвеню сталкивается с травмированным, озлобленным человеком, которого социум толкает на нарушение закона. Даже физиологические потребности Вальжана не могут быть удовлетворены из-за стигматизации. Епископ видит в нём прежде всего личность, субъекта интерперсональных отношений, без стигмы «каторжника».

Именно субъект-субъектные отношения пробуждают в Вальжане проблеск добра. Этот процесс прорастания позитивных качеств созвучен принципам клиент-центрированной терапии К. Роджерса, где безусловное положительное отношение играет ключевую роль. Хотя Роджерс принадлежит к психологической, а не философской традиции, его концепция безусловного принятия резонирует с буберовским отношением Я–Ты, реализованное епископом. Роджерс подчёркивал: «Удивительным парадоксом является то, что когда я принимаю себя таким, какой я есть, тогда я могу измениться» [7, с. 17]. Несмотря на кражу, епископ распознаёт в Вальжане скрытый потенциал к добру, произнося слова: «Я покупаю у вас душу. Я отнимаю её у чёрных мыслей и духа тьмы и передаю её Богу» [3, с. 140]. Эти слова запускают процесс экзистенциального размышления.

Трансформация достигает кульминации в главе «Малыш Жерве». После кражи монеты у мальчика Вальжан переживает муки совести: «Что я сделал? – думал он. – Я украл! Это я,

который хотел быть честным человеком! Нет, это не я! Это не может быть я!» [3, с. 145]. Он пытается вернуть мальчика, но тщетно. Вальжан падает на землю и рыдает – «это был первый раз, когда он плакал за девятнадцать лет» [3, с. 146]. В этом эпизоде очевиден переход от отчуждения к раскаянию, внутренний диалог с собой через призму осознания содеянного. Монолог отражает разрыв между прошлым Я (травмированным, замкнутым в уроборосе) и зарождающимся новым Я, ориентированным на добродетель.

В терминах Кьеркегора, до встречи с епископом Вальжан был «непосредственным человеком» – живущим без саморефлексии, не осознающим своего отчаяния, «плывущим по течению» [5, с. 29]. Встреча с Бьенвеню и последовавший кризис пробуждают рефлексию, осознание истинного Я, что инициирует коренные изменения личности.

3. Познание Другого через призму собственного Я: диалогическая перспектива

В контексте современной религиозной социальной философии познание Другого через призму собственного Я наиболее последовательно разработано в диалогической концепции М. Бубера [2]. Бубер подчёркивает, что «основное слово Я–Ты может быть сказано только всем существом... Я–Ты устанавливается не при помощи чувств, а при помощи бытия» [2, с. 7]. В романе встреча Вальжана с епископом представляет собой именно такое событие: Бьенвеню не оценивает, не объективирует, не поучает, но обращается к Вальжану как к равному. Это акт онтологического признания, в котором ему отказывали другие. Как писал Бубер: «Я становлюсь Я, когда говорю Ты» [2, с. 8]. Вальжан, ранее замкнутый в логике Я–Оно, начинает переживать себя иначе – как

способного на ответ, существующего во взаимности.

Слова епископа: «Я покупаю у вас душу... и передаю её Богу» [3, с. 140] – это не просто прощение, а то, что Бубер обозначил бы как «встречную полноту присутствия» [2, с. 65]. Этот диалог инициирует новую форму существования Вальжана, в которой он предстаёт субъектом со свободой и ответственностью, онтологически признанным. Бубер подчёркивает, что в каждом отношении Я–Ты содержится отблеск Вечного Ты – Бога [2, с. 75]. Тем самым подлинная встреча предстаёт не только межчеловеческим, но и духовным событием. В романе этот момент выражен в религиозной символике: доброта епископа – это путь, по которому через человека говорит Бог. Вальжан переживает не только встречу с Другим, но и с самим собой в новом качестве, и с трансцендентным. Его последующее преобразование – следствие того, что он впервые был признан как Ты. Познание Другого здесь выступает не актом анализа, а становлением через соприсутствие. Идентичность героя формируется не в бегстве от прошлого, а в открытости тому, кто увидел в нём человека.

4. Познание Другого через призму власти и «голой жизни»

Постструктуралистский взгляд М. Фуко обращает внимание на то, как познание Другого опосредовано дискурсами власти и знания, которые формируют идентичность индивида. В работе «Надзирать и наказывать» Фуко описывает тюрьму как механизм дисциплинарной власти, производящий не просто наказанных, а трансформированных субъектов: «Власть производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание о нём – это продукт власти» [9, с.

290]. Общество через институты правосудия познаёт Вальжана не как индивида с травмой, а как «Другого»-преступника, навязывая идентичность через ярлыки рецидивиста.

«Дисциплина „фабрикует“ послушные тела, – пишет Фуко, – она увеличивает силы тела (в экономическом смысле полезности) и уменьшает эти же силы (в политическом смысле послушания)» [9, с. 176]. Общество видит в Жане Вальжане не личность, а «послушное тело», что усиливает его отчуждение. Дисциплинарное общество, по Фуко, нормализует: оно сравнивает, дифференцирует, иерархизирует, исключает [9, с. 203]. В романе это выражается в том, что Вальжан оказывается продуктом дискурса: «жёлтый паспорт» и клеймо каторжника формируют его социальную смерть. Вместе с тем Фуко подчёркивает возможность сопротивления: «Там, где есть власть, есть и сопротивление» [9, с. 290]. Встреча с епископом предстаёт именно таким актом: безусловное принятие разрушает паноптический надзор, позволяя герою реконструировать Я через альтернативный дискурс искупления.

Постструктуралистский дискурс расширяется концептом Дж. Агамбена «*homo sacer*», углубляющим познание Другого, где идентичность сводится к «голой жизни» – биологическому существованию без политических прав. *Homo sacer* – это индивид, исключённый из общества: «Его можно убить без наказания, но нельзя приносить в жертву» [1, с. 82]. В романе Жан Вальжан отчасти воплощает черты *homo sacer*: как бывший каторжник, он изгнан из социального и юридического порядка, его жизнь фактически не защищена. Разумеется, Вальжан не является *homo sacer* в строго агамбеновском смысле

(во Франции XIX века убийство бывшего каторжника всё же преследовалось по закону), однако социальная логика исключения, сведение человека к «голой жизни» (zoë) и лишение политического признания (bios) – полностью аналогичны. Общество познаёт его как Другого через дискурс власти: ярлыки сводят Вальжана к биологическому существованию, усиливая отчуждение; для социума он предстаёт опасным зверем. Агамбен связывает это с современными зонами исключения [1, с. 123], что перекликается с изображением тюрьмы Тулон как машины, производящей отверженных.

Таким образом, дисциплинарная власть и биополитика производят «человека без свойств» – объект, сведённый к голой жизни. Однако встреча с епископом демонстрирует предел этой власти: там, где дискурс нормы видит только преступника, диалогическое отношение возвращает субъекту его человеческое достоинство. Если Фуко объясняет, как власть конструирует тело, то Бубер и Левинас показывают, как Другой может разрушить эту конструкцию, возвращая «Я» к самому себе через признание. В этом смысле диалог выступает не просто этическим актом, но и формой сопротивления биополитическому исключению. Встреча с епископом выводит Вальжана из состояния «голой жизни», возвращая ему полноценную субъектность.

5. Экзистенциальные аспекты трансформации

Экзистенциальная аутентичность в романе проявляется в акте свободного выбора, где индивид сталкивается с абсурдом существования и принимает ответственность за своё Я. У С. Кьеркегора проблеск света в сознании Вальжана отражает «скачок веры» вопреки абсурду – переход от эстетической ста-

дии (жизнь в отчаянии) к этической, где герой выбирает себя в отношении к Другому. Кьеркегор описывает отчаяние как «болезнь к смерти», когда человек не хочет быть собой, но и не может стать другим [5, с. 29].

И действительно, до встречи с епископом Вальжан пребывал в стадии «непосредственного человека», живущего инстинктами и без саморефлексии. Кража у Малыша Жерве становится моментом кризиса: абсурдность поступка побуждает его к осознанию своего состояния, что и выступает первой попыткой понять «кто я есть».

Ж.-П. Сартр дополняет эту перспективу, подчёркивая свободу как основу существования: «Человек не только таков, каким себя мыслит, но и таков, каким хочет быть... человек есть лишь то, чем он сам себя делает» [8, с. 15]. Вальжан как «проект» самоопределяется через Другого, преодолевая «плохую веру» (mauvaise foi) – самообман, в котором он ранее скрывался за ролью преступника. «Плохая вера» – это отказ от онтологической ответственности. Противоположный полюс – «подлинный выбор», который человек совершает, осознавая свою свободу и тревогу (angoisse). Сартр пишет: «Выбирая себя, я выбираю человека» [8, с. 16]. Подлинный выбор ведёт к аутентичному существованию, при котором человек не бежит от ответственности и принимает мир таким, как он есть.

В романе встреча с епископом разрушает «плохую веру» Вальжана. Признание его как субъекта, как личности вынуждает принять свободу и ответственность, превращая травму в акт аутентичного существования. Трансформация предстаёт не пассивным процессом, а активным выбором, где Другой выступает катализатором саморефлексии.

6. Этика Другого: подход Левинаса

Диалогическую перспективу М. Бубера возможно расширить, дополнив разработками Э. Левинаса, где Другой предстаёт как трансцендентный, требующий безусловной ответственности. Левинас провозглашает этику «первой философией»: встреча с Другим предшествует онтологии и познанию. В работе «Тотальность и бесконечность» он подчёркивает, что Другой не сводим к объекту познания, а являет собой бесконечность, разрушающую эгоцентризм: «Лицо другого говорит: „Не убивай меня“» [6, с. 215]. Лицо (visage) Другого выступает призывом к ответственности, предшествующим всякому действию.

В контексте романа епископ Бьенвеню воплощает именно такую этику, усматривая в Жане Вальжане не объект наказания, а Другого, чьё Лицо вызывает к милосердию. Вальжан, травмированный системой, изначально воспринимает Другого как угрозу; однако встреча с епископом разрушает этот эгоцентризм: слова «Я покупаю у вас душу...» [3, с. 140] предстают ответом на зов Лица, пробуждая в герое осознание ответственности. Тем самым познание Другого через собственное Я превращается в этический императив, связанный с Абсолютом – Богом как бесконечным Другим. Под Абсолютом в работе понимается трансцендентное измерение, открывающееся в подлинной встрече с Другим: у Бубера это «Вечное Ты» [2, с. 75], у Левинаса – бесконечность, явленная в лице Другого [6, с. 62]. Для Вальжана таким Абсолютом становится Бог, к которому епископ возвращает его душу. Таким образом, самопознание героя оказывается укоренённым не в рефлексии, а в отношении к трансцендентному.

Левинас подчёркивает асимметрию

отношений: ответственность за Другого абсолютна и не предполагает взаимности, что перекликается с христианской темой милосердия. Для епископа выражение лица Вальжана переполняет социальные стереотипы, заставляя увидеть в нём человека, требующего этического отклика. В этот момент проявляется связь с Абсолютом, где Другой выступает посредником божественного – в духе формулы, близкой русской религиозной философии: «Каждый из нас виновен перед всеми за всех, и я больше других» [4, с. 264] (Ф.М. Достоевский). Подход Левинаса проливает новый свет на содержание романа, показывая, как познание Другого разрушает порочный круг травмы, открывая путь к этической бесконечности и подлинному самоопределению.

Заключение

Интеграция диалогической онтологии М. Бубера, генеалогии власти М. Фуко, биополитики Дж. Агамбена, экзистенциализма С. Кьеркегора и Ж.-П. Сартра, а также этики Э. Левинаса позволила интерпретировать встречу Вальжана с епископом Мириэлем как поворотное событие, разрывающее замкнутый круг отчуждения (уроборос).

Начальное состояние героя представляет собой продукт дисциплинарных механизмов, сводящих его к «голой жизни» (homo sacer) – с оговоркой, что это авторская аналогия, а не строгое следование Агамбену. В терминах Бубера, это существование в модусе Я–Оно, где социальные отношения закрепляют объективацию. Встреча с епископом, напротив, реализует событие Я–Ты – акт онтологического признания, в котором Другой предстаёт не как объект надзора, а как субъект, требующий этического отклика. В перспективе Ле-

винаса, это ответ на зов Лица, разрушающий эгоцентризм травмы.

Экзистенциальный анализ показывает, что трансформация Вальжана – не пассивное изменение, а «скачок веры» и «подлинный выбор», в котором герой принимает свободу и ответственность, преодолевая «непосредственное» существование. Другой выступает катализатором саморефлексии, позволяя перейти от отчуждения к аутентичности.

Интегративный подход позволяет увидеть в эпизоде встречи Вальжана с епископом одновременно событие диалогическое (прорыв к «Ты»), акт сопротивления дисциплинарной власти и выход из состояния «голой жизни». Похожим образом можно охарактеризовать и иные социальные ситуации, связанные с преодолением стигматизации и кризиса идентичности.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит.; предисл. Р.П. Бартта. – М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Бубер М.Я и Ты: соч. / пер. с нем.; вступ. ст. и коммент. А.В. Гульги. – М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
3. Гюго В. Отверженные: роман в 5 т. / пер. с фр. А. Кистяковского. – М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. 512 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1976. Т. 14. 480 с.
5. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / пер. с дат.; сост. и послесл. А.Д. Кравченко. – М.: Прогресс, 1995. 224 с.
6. Левинас Э. Тотальность и бесконечность: Эссе о внешности / пер. с фр.; предисл. Ж. Деррида. – М.: Рудомино, 2000. 368 с.
7. Роджерс К. Становление личности: Взгляд на психотерапию / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. В.В. Столин. – М.: Прогресс, 1994. 350 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Экзистенциализм и гуманизм. – М.: Прогресс, 1990. С. 7-84.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. 528 с.
10. Юнг К. Г. Символы трансформации: К психологии ранних веч. / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. В.В. Зеленского. – М.: Ренессанс, 1991. 456 с.
11. Постникова А.А. Применение инновационных образовательных технологий при достижении метапредметных результатов в процессе обучения младших школьников с ЗПР // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 114-121.

References

1. Agamben G., Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life / translated from Italian; foreword by R.P. Bartt. Moscow: Evropa, 2011. 256 p.
2. Buber M., I and You: works / translated from German; introduction and commentary by A.V. Gulgi. Moscow: Vysshaya shkola, 1993. 175 p.
3. Hugo V., Les Miserables: a novel in 5 volumes / translated from French by A. Kistyakovsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1958. Vol. 1. 512 p.
4. Dostoevsky F.M., The Brothers Karamazov // Complete works: in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1976. Vol. 14. 480 p.
5. Kierkegaard S. The Sickness Unto Death / trans. from dated; compiled and afterword by A.D. Kravchenko. Moscow: Progress, 1995. 224 p.
6. Levinas E. Totality and Infinity: An Essay on Appearance / trans. from French; foreword by J. Derrida. Moscow: Rudomino, 2000. 368 p.
7. Rogers K. The Formation of Personality: A View of Psychotherapy / trans. from English; general editor and introduction by V.V. Stolin. Moscow: Progress, 1994. 350 p.
8. Sartre J.-P. Existentialism is a Humanism // Existentialism and Humanism. Moscow: Progress, 1990. P. 7-84.
9. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / trans. From French by V. Naumov; edited by I. Borisova. – Moscow: Ad Marginem, 1999. 528 p.
10. Jung K.G. Symbols of Transformation: Toward a Psychology of Early Veches. / translated from German; general editor and introduction by V.V. Zelensky. – Moscow: Renessans, 1991. 456 p.
11. Postnikova A.A. Application of innovative educational technologies in achieving meta-subject results in the process of teaching primary school children with mental restriction // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 114-121.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Максимова С.Г.

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики. Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета. ORCID: 0000-0002-4613-4966

Астер Т.Н.

Аспирант кафедры социальной и молодежной политики. Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета. ORCID: 0009-0007-4150-1388

КСО и открытые инновации: как социальная ответственность формирует коллаборативные модели*

Аннотация. Статья рассматривает синергию корпоративной социальной ответственности (КСО) и открытых инноваций как фактор формирования устойчивых коллаборативных моделей. Анализируются теоретические основы и механизмы, с помощью которых КСО способствует инновациям: вовлечение стейкхолдеров, социальные инвестиции, государственно-частное партнерство. Цель настоящей статьи – исследовать, как КСО может способствовать формированию коллаборативных моделей в рамках открытых инноваций через анализ теоретических основ КСО и открытых инноваций на основе современных исследований; выявление ключевых механизмов, при помощи которых КСО стимулирует коллаборативные модели в открытых инновациях. Анализа практик применения интеграции КСО и открытых инноваций компаниями Юниливер, Тесла Инкорпорейтед, ПАО Сбербанк. Статья подчеркивает стратегическое значение КСО в усилении конкурентоспособности и устойчивого развития в условиях глобальных вызовов. Результаты качественного исследования могут быть использованы для дальнейшей экспериментальной работе по определению влияния эффективности коллаборативных моделей на успешность реализации социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность (КСО), открытые инновации, устойчивое развитие, коллаборативные модели, социальные инвестиции, государственно-частное партнерство (ГЧП), экосистемы инноваций.

Maksimova S.G.

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy. Institute of Humanities, Altai State University. ORCID: 0000-0002-4613-4966

Aster T.N.

Postgraduate Student, Department of Social and Youth Policy. Institute of Humanities, Altai State University. ORCID: 0009-0007-4150-1388

CSR and open innovation: how social responsibility shapes collaborative models

Abstract. The article analyzes the synergy between corporate social responsibility (CSR) and open innovation in shaping sustainable collaborative models. It outlines the theoretical framework

* © Максимова С.Г., Астер Т.Н., 2026.

КСО и открытые инновации: как социальная ответственность формирует коллаборативные модели

and key mechanisms: stakeholder engagement, social investment, and public-private partnerships, that drive innovation through CSR. Identified barriers include trust deficits, resource limitations, and cultural gaps. Recommended solutions involve digital platforms, performance metrics, and contextual adaptation. The study underscores CSR's strategic role in fostering value creation and enhancing business competitiveness through open innovation.

Key words: corporate Social Responsibility (CSR), Open Innovation, Collaborative Models, Stakeholder Engagement, Public-Private Partnership (PPP), Innovation ecosystems.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современности всё большую роль играет вопрос взаимодействия организаций с местными сообществами и государством. Внедрение устойчивых бизнес-моделей продиктовано возникающими проблемами по ряду направлений. Среди них возникающие проблемы экологии (наводнения, разливы нефтепродуктов, загрязнение природных водоемов, увеличение количества производственных отходов), актуальность борьбы с которыми подчеркивается в официальных документах Минприроды России¹. Кроме того, остается проблема социального неравенства, вызывающая проблемы доступа к здравоохранению уязвимых групп населения (пожилых, людей с ОВЗ, испытывающих трудности в адаптации) а также групп имеющих жесткий график работы [8]. Кроме того, немаловажной остается проблема реабилитации и адаптации участников СВО в гражданской жизни, а также помощь семьям участников СВО в интеграции пострадавшего члена семьи.² Проекты устойчивого развития реализуемые в рамках

реализации стратегии социальной ответственности бизнеса зачастую имеют своей целью помощь в решении возникающих проблем.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) определяется как добровольное обязательство компаний учитывать социальные, экологические и экономические интересы стейкхолдеров, выходя за рамки юридических требований (ISO 26000, 2010)³. КСО эволюционировала от филантропических инициатив к стратегическому инструменту, обеспечивающему конкурентные преимущества и устойчивость бизнеса [1]. Современные исследования подчеркивают, что КСО способствует созданию ценности через вовлечение стейкхолдеров, улучшение репутации и снижение рисков [9].

Открытые инновации – концепция, предложенная Г. Чесборо, предполагает использование как внутренних, так и внешних источников знаний для ускорения инновационных процессов, которая интегрирует внешние знания, полученные в ходе взаимодействия с внешними стейкхолдерами и лицензирование и распространения идей компании для дальнейшего внедрения и улучшения имеющихся разработок другими компаниями. Использование открытых инноваций приводит к

1 Резолюция IV Всероссийского съезда по охране окружающей среды [Электронный ресурс]: документ// Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. // URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/ofitsialnye_dokumenty/131936/ (Дата обращения: 29.05.2026)

2 Горина Татьяна Ивановна Специфические вызовы и проблемы семей участников СВО: результаты фокус-групповых дискуссий // Теория и практика общественного развития. 2024. № 6. С.38-50.

3 International Organization for Standardization. ISO 26000: Guidance on social responsibility [Электронный ресурс]. – Женева: ISO, 2010. // URL: <https://www.iso.org/standard/42546.html> (Дата обращения: 29.05.2026).

снижению затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, ускорению выхода продукта компании на рынок, а также способствует распространению теоретических и прикладных знаний и наработок [10]. Мы можем предполагать, что распространение информации способствует формированию открытого диалога между внутренними и внешними стейкхолдерами, более быстрой обратной связи о качестве и работе продуктов и услуг, а синергия КСО и открытых инноваций создает условия для совместного создания ценности, где социальная ответственность усиливает доверие и прозрачность, необходимые для успешного сотрудничества.

Эмпирические данные подтверждают эту синергию. Исследование на основе данных китайских компаний за 2009-2018 годы показало, что компании с высоким уровнем КСО производят больше совместных инновационных результатов, таких как патенты совместного авторства, особенно при высокой технологической способности и динамике среды. Однако для государственных предприятий эффект может быть менее выражен, что указывает на контекстную зависимость [14]. Практические примеры, такие как «План устойчивого развития» («Sustainable Living Plan») компании Юниливер (Unilever) и инициатива Тесла Инкорпорейтед (Tesla Inc.) по открытым патентам, демонстрируют, как КСО интегрируется в открытые инновации для достижения устойчивого развития и инновационного лидерства⁴⁵.

4 Unilever. Unilever sustainable living plan: Progress report [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.unilever.com/files/92ui5egz/production/16cb778e4d31b81509dc5937001559f1f5c863ab.pdf> (Дата обращения: 18.05.2025).

5 Musk E. All our patent are belong to you [Электронный ресурс] // Tesla Blog. – 2014. – 12 июня. // URL: <https://www.tesla.com/blog/>

Данная статья посвящена более подробному исследованию того, как синергия социальной ответственности бизнеса и открытых инноваций может создавать возможности для формирования коллаборативных моделей, которые объединяют бизнес, общество и государство для решения глобальных вызовов.

Цель настоящей статьи – исследовать, как КСО может способствовать формированию коллаборативных моделей в рамках открытых инноваций. Данную цель мы предполагаем реализовать через решение следующих задач:

1. Проанализировать теоретические основы КСО и открытых инноваций на основе современных исследований.

2. Выявить ключевые механизмы, через которые КСО стимулирует коллаборативные модели в открытых инновациях.

3. Рассмотреть эмпирические примеры интеграции КСО и открытых инноваций в практике компаний.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Данное исследование опирается на теоретический анализ научно-теоретических анализ исследований посвященных рассмотрению проблем устойчивого развития, корпоративной социальной ответственности и открытых инноваций. Эмпирическая часть построена на качественном анализе (кейс-стади) применения практик устойчивого развития. Для качественного исследования были выбраны компании Юниливер, Тесла Инкорпорейтед, ПАО Сбербанк. Выбор данных компаний для анализа обусловлен их доступностью верифицируемых данных из отчетов по внедрению практик социальной ответственности бизнеса, а

all-our-patent-are-belong-you (Дата обращения: 18.05.2025).

также разнообразием культурных контекстов (США, Европа, Россия).

(Unilever, Tesla Inc. и Сбербанк), представляющие разные отрасли и географические контексты. Выбор кейсов обусловлен их признанной практикой интеграции КСО и открытых инноваций, а также доступностью верифицируемых данных из официальных отчетов устойчивого развития и научных публикаций.

Для анализа использовались методы контент-анализа корпоративных отчетов, сравнительный анализ и синтез вторичных данных. Такая методология позволяет выявить общие механизмы и контекстные особенности взаимодействия КСО и открытых инноваций.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Рассмотрим теоретические основания социальной ответственности бизнеса и открытых инноваций, проанализируем их определения и эволюцию концепций.

Социальная ответственность бизнеса определяется как добровольное обязательство компаний учитывать социальные, экологические и экономические интересы стейкхолдеров, выходя за рамки юридических требований. Современные исследователи корпоративной социальной ответственности Чжао Ц., Инь С., расширяют это понимание, рассматривая КСО как инструмент интеграции целей устойчивого развития в бизнес-стратегию, ориентированную на достижение наибольшего блага внутренними и внешними стейкхолдерами. Так, устойчивые цели способствуют приращению общественного блага, а работа компании по реализации целей устойчивого развития увеличивает лояльность внешних и внутренних стейкхолдеров к компании [15].

Исследования показывают, что компании, интегрирующие социаль-

но-ориентированные проекты в свои бизнес-модели, получают доступ к новым рынкам, укрепляют лояльность клиентов и повышают инновационный потенциал через сотрудничество со стейкхолдерами [1]. Так, социальная ответственность бизнеса способствует созданию общего блага ("shared values"), где социальные и экономические цели пересекаются, что особенно важно в условиях глобальной конкуренции.

Открытые инновации же представляют собой парадигму, в которой компании используют как внутренние, так и внешние источники знаний для ускорения инновационных процессов [15]. Открытые инновации подразумевают взаимный обмен идеями, технологиями, практическими рекомендациями между университетами, поставщиками, клиентами и коммерческими организациями через создание открытых площадок взаимодействия, лицензирование внутренних технологий компании для свободного использования другими участниками рынка, открытую документацию с результатами тестирования и внедрения новых технологий [11].

Поскольку модель открытых инноваций активный обмен знаниями и технологиями, можно предположить важность площадок для улучшения коммуникации между внешними стейкхолдерами организаций. Данное предположение подтверждается исследованиями О.В. Володиной, Т.Г. Мотцовиц⁶ о роли создания экосистемы для взаимодействия внешних стейкхолдеров: цифровых платформ, хакатонов, краудсорсинга и т.д. для реализации концепции открытых инноваций⁷.

⁶ Мотовиц Т.Г. Краудсорсинг экосистема для развития бизнеса в цифровой экономике // Вестник ТОГУ. 2023. № 4 (71). С. 105-113.

⁷ Володина Н.Л. Преимущества создания цифровой экосистемы // Организатор производства. 2021. № 4. С. 104- 112

Для лучшего понимания модели открытых инноваций перейдем к анализу отличительных характеристик модели открытых инноваций. Изучая работы С.О. Новака⁸, М.Е. Портера, М.Р. Крамера посвященные исследованию закрытых и открытых инноваций, мы можем обнаружить следующие отличительные черты последних: проницаемость границ фирмы (границы фирмы прозрачны, что позволяет наладить взаимообмен знаниями, инновациями, техническим инструментарием); бизнес модель ориентирована не на создание уникального флагманского продукта, а на заимствование внешних идей для ускорения и снижение затрат на производство, внешняя коммерциализация внутренних идей (внутренние идеи используются не только для внутренних целей компании по производству уникальных продуктов, но также для дистрибуции другим участникам рынка для роста взаимообмена); лицензирование выступает не только способом развития связей между внешними стейкхолдерами, но и отдельным источником дохода для компании; коллаборативная инновационная деятельность (совместное создание несколькими коммерческими организациями материальных или иных ценностей, при котором осуществляется плотное взаимодействие на этапе создания теоретических, прикладных знаний, а также реализации ценностей); высокая способность к ассимиляции внешних знаний, управлению оттоком знаний [6].

Выведенные выше характеристики позволяют нам говорить, что стратегия открытых инноваций предполагает не только взаимообмен знаниями и техно-

логиями, но и стратегическое планирование, способность объединяться с другими компаниями для создания новых продуктов, снижение затрат на НИОКР и получение дополнительных выгод за счет продажи патентов. [6⁹].

Также с опорой на работы С.О. Новака, М.Е. Портера, М.Р. Крамера мы обнаружили ряд характеристик выгодно отличающих данную модель от модели закрытых инноваций. Так, открытость позволяет компаниям использовать широкий спектр идей и экспертизы, снизить затраты на НИОКР, ускорить производство продуктов и создание ценностей, возможность доступа к последним практическим и теоретическим разработкам. Помимо, мы можем обнаружить ограничения модели открытых инноваций по сравнению с закрытыми моделями: проблема баланса между защитой уникальных внутренних знаний и необходимостью обмена с внешними стейкхолдерами; риск утечки знаний в силу большей проницаемости границ и более плотного взаимодействия с другими организациями; сложности в управлении большим количеством внешних связей [6].

Вышеописанные подходы к пониманию социальной ответственности бизнеса и открытых инноваций позволяют нам обнаружить пересечения в данных моделях. Так обе эти модели ориентированы на активное взаимодействие с внутренними и внешними стейкхолдерами и их применение требует прозрачных границ коммерческих организаций для создания общих ценностей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Несмотря на немногочисленность исследований взаимодействия КСО и

⁸ Новак С.О. О парадигме закрытых и открытых инноваций // Вестник ИРГТУ. 2011. № 9 (56). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-paradigme-zakrytyh-i-otkrytyh-innovatsiy> (Дата обращения: 29.05.2026).

⁹ Ламберт Рей, Френц Марион Открытые и закрытые инновации: сравнительный анализ национальных практик // Форсайт. 2008. № 3. С. 16-32.

открытых инноваций, существующие эмпирические исследования социальной ответственности бизнеса подтверждают влияние программ устойчивого развития на создание общих ценностей. Так, Чжоу Ф., Ву Х., Тан З. провели анализ работы китайских компаний за 2009–2018 годы и обнаружили, что фирмы с развитой программой устойчивого развития производят больше патентов совместного авторства, особенно если у них или их партнеров есть высокий уровень технологий и динамично развивающаяся среда [14]. Следовательно, мы можем заключить, что социально-значимые инициативы бизнеса – это не только этический императив, но и стратегический инструмент для формирования коллаборативных инновационных моделей.

Перед тем, как провести анализ практических кейсов коллаборации рассмотрим модели их реализации. Так, одной из распространенных моделей является модель вовлечения стейкхолдеров. Теория стейкхолдеров Фримена [12] подчеркивает важность учета интересов всех заинтересованных сторон. Устойчивое развитие способствует созданию платформ для диалога с сообществами, поставщиками и клиентами, что обогащает инновационные процессы. Например, компании, реализующие программы КСО, привлекают локальные сообщества к разработке экологических технологий, что усиливает их социальную легитимность и открывает доступ к локальным знаниям [11].

Второй моделью, которую мы рассмотрим будет модель социальных инвестиций как драйвера инноваций. Социальные инвестиции, направленные на образование, здравоохранение и устойчивое развитие, создают благоприятную среду для инноваций. Исследования показывают, что такие ин-

вестиции повышают инновационный потенциал компаний, но требуют тщательного выбора объектов финансирования из-за высоких рисков [4]. Например, программы поддержки стартапов в области зеленых технологий, финансируемые крупными корпорациями, иллюстрируют синергию КСО и открытых инноваций.

Третьей моделью является государственно-частное партнерство (ГЧП). Оно становится важным инструментом для реализации социально-ориентированных проектов бизнеса и инновационных проектов. Как отмечают Е.М. Кравцова и В.Ю. Матвеева [4], ГЧП позволяет объединить ресурсы бизнеса и государства для решения социальных проблем, одновременно стимулируя технологические прорывы. Примером служит сотрудничество транснациональных корпораций с государственными агентствами в области возобновляемой энергетики.

Далее рассмотрим практики применения интеграции устойчивого развития и открытых инноваций разбирая кейсы Юниливер, Тесла и Сбербанк, с акцентом на результаты и метрики, отражающие влияние социально-ответственного поведения компаний на инновационные процессы. В таблице ниже представлены результаты интеграции КСО и открытых инноваций.

Как отражено в таблице выше, КСО и открытые инновации могут быть интегрированы в работу компаний для достижения устойчивого развития при помощи различных инициатив. Юниливер, один из мировых лидеров в области потребительских товаров, реализует программу «План устойчивого развития» (“Sustainable Living Plan”), которая является ярким примером интеграции программы устойчивого развития в процессы открытых инно-

Таблица 1. Сравнение кейсов компаний по интеграции КСО и открытых инноваций.

Компания	Название инициативы	Результат	Метрики
Юниливер	План устойчивого развития	Сокращение углеродного следа, рост продаж устойчивых брендов	Снижение углеродного следа на 42%, 58% продаж устойчивых брендов
Тесла Инкорпорейтед	Открытые патенты	Рост отрасли электромобилей, ускорение перехода к устойчивой энергетике	Доля электромобилей 4.6% в 2020, продажи Тесла Инкорпорейтед 367,500 в 2020
Сбербанк	Цифровизация образования	Рост инновационных экосистем, повышение устойчивости	Рост стартапов с 10 до 100 (2010–2016), увеличение активов на 30%

ваний. Данная программа направлена на сокращение экологического следа компании и улучшение социального воздействия через сотрудничество с поставщиками и некоммерческими организациями (НКО). Коллаборация с поставщиками и НКО: Юниливер активно вовлекает своих поставщиков в разработку экологичных продуктов, а также сотрудничает с НКО, такими как Всемирный фонд дикой природы для защиты водных ресурсов и международной некоммерческой организации “WaterAid” для улучшения доступа к чистой воде в развивающихся странах. Эти партнерства создают платформы для обмена знаниями и ресурсами, что является ключевым элементом открытых инноваций. Программа Юниливер привела к значительному сокращению углеродного следа Юниливер, а также к росту продаж устойчивых брендов. Например, в 2020 году компания сообщила о снижении выбросов парниковых газов на 42% по сравнению с 2010 годом, а также о том, что 58% ее продаж приходится на устойчивые продукты. Эти результаты демонстрируют, как социально-ответственное поведение бизнеса может быть интегрировано в инновационные стратегии для дости-

жения экологических и экономических целей¹⁰.

Тесла Инкорпорейтед, компания, специализирующаяся на электромобилях и возобновляемой энергии, использует стратегию открытых патентов, стимулирующую коллаборацию в отрасли. В 2014 году Илон Маск объявил, что Тесла Инкорпорейтед откажется от защиты своих патентов, чтобы ускорить переход к устойчивой энергетике. Так, данная компания предоставила доступ к своим патентам, что позволило другим компаниям, таким как Дженерал Моторс (“General Motors”) и Ниссан (“Nissan”), использовать их технологии для разработки электромобилей и солнечных панелей. Это решение было направлено на создание экосистемы, где компании могут сотрудничать для достижения общей цели – ускорения глобального перехода к устойчивой энергетике. В результате данная стратегия привела компанию к увеличению доли электромобилей на рынке с 0.2% в 2011 году до 4.6% в 2020 году, роста продаж электромобилей Тесла Инкор-

10 Unilever. Unilever sustainable living plan: Progress report [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.unilever.com/files/92ui5egz/production/16cb778e4d31b81509dc5937001559f1f-5c863ab.pdf> (Дата обращения: 18.05.2025).

порейтед с 22,477 в 2012 году до 367,500 в 2020 году¹¹.

Сбербанк, крупнейший банк России, реализует социальные программы, поддерживающие цифровизацию образования и создание инновационных экосистем. Это способствует созданию инновационных экосистем и повышению доступности образования: банк поддерживает платформы для онлайн-обучения и партнерства с образовательными учреждениями. Анализ отчетов Сбербанка за 2005–2016 годы показывает, что интеграция КСО в бизнес-процессы повысила устойчивость и инновационную активность банка. Программы поддержки стартапов и инновационных проектов – еще одна инициатива Сбербанка – позволили компании стать лидером в области цифровых технологий в России, а также способствовали формированию коллаборативных моделей. Так, произошел рост числа стартапов, поддержанных Сбербанком, с 10 в 2010 году до 100 в 2016 году, что привело к увеличению инновационных активов Сбербанка на 30% за период с 2010 по 2016 год¹².

В вышеописанных кейсах подчеркивается важность активного сотрудничества организаций для реализации практик устойчивого развития с государством (при создании государственно-частных партнерств) взаимодействия с другими коммерческими организациями и НКО, а также с обще-

ством. Исходя из полученных данных мы можем предположить что социальная ответственность бизнеса может быть успешно использована совместно с моделью открытых инноваций. Однако данное предположение требует дальнейшего исследования.

ВЫВОДЫ

После проведения анализа теоретических разработок и практики совместного применения стратегий устойчивого развития и открытых инноваций, мы можем прийти к выводу о возможности создания коллаборативных моделей с целью создания общих ценностей, внедрение инноваций через вовлечение стейкхолдеров, социальные инвестиции и государственно-частные партнерства. На примерах реализации КСО компаниями Юниливер, Тесла Инкорпорейтед и Сбербанк, можно увидеть модель социальной ответственности бизнеса реализуется не просто через самостоятельные инициативы устойчивого развития, но через активное взаимодействие с местными сообществами и другими коммерческими организациями для создания общего блага: применения инновационных разработок, обеспечивая сокращение углеродного следа и развитие инновационных экосистем. Возможности построения коллаборативных моделей требуют дальнейших экспериментальных исследований, для разработки и исследования эффективности коллаборативных моделей и поиска решения проблем дефицита доверия, ресурсных ограничений, культурных и институциональных развитий, возникающих при внедрении моделей КСО и открытых инноваций.

Список литературы

1. Астер Т.Н. Социальный капитал: история

11 Musk E. All our patent are belong to you [Электронный ресурс] // Tesla Blog. – 2014. – 12 июня. // URL: <https://www.tesla.com/blog/all-our-patent-are-belong-to-you> (Дата обращения: 18.05.2025).

12 Устойчивое развитие в стратегии российского бизнеса [Электронный ресурс]: Сборник / Российский союз промышленников и предпринимателей // URL: <https://rspp.ru/upload/iblock/c7f/ekan9gw3v07htmhs48b4qkgld6edu6rb/Sbornik-Ustoychivoe-razvitiye-v-strategii-rossiyskogo-biznesa.pdf> (Дата обращения: 29.05.2026)

развития научных представлений о феномене // Russian Economic Bulletin. 2025. Т. 8. № 5. С. 47-52.

2. Володина Н.Л. Преимущества создания цифровой экосистемы // Организатор производства. 2021. № 4. С. 104-112

3. Горина Т.И. Специфические вызовы и проблемы семей участников СВО: результаты фокус-групповых дискуссий // Теория и практика общественного развития. 2024. № 6. С. 38-50.

4. Кравцова Е.М., Матвеева В.Ю. Модели социальной ответственности бизнеса в мировой экономике // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 81-98.

5. Ламберт Р., Френц М. Открытые и закрытые инновации: сравнительный анализ национальных практик // Форсайт. 2008. № 3. С. 16-32.

6. Мотовиц Т.Г. Краудсорсинг экосистема для развития бизнеса в цифровой экономике // Вестник ТОГУ. 2023. № 4 (71). С. 105-113.

7. Новак С.О. О парадигме закрытых и открытых инноваций // Вестник ИрГТУ. 2011. № 9 (56). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-paradigme-zakrytyh-i-otkrytyh-innovatsiy> (Дата обращения: 29.05.2026).

8. Чунихина Т.Н., Черкашина А.Д. Социальные аспекты неравенства в здравоохранении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №12. С. 150-155.

9. Blažek P., Žamberský P. Corporate social responsibility and open innovation: A synergistic approach // Journal of Business Ethics. 2020. Vol. 162. № 4. P. 853-867. – DOI: 10.1007/s10551-018-3995-3.

10. Chesbrough H.W. Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. – Boston: Harvard Business Review Press, 2003.

11. Berdar M., Minochkina O., Kot L., Yevtushevskaya O., Sapachuk Y. Corporate social responsibility as a basis for innovative entrepreneurship development // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2023. Vol. 18. № 7. P. 2317-2323. – DOI: 10.18280/ijstdp.180718.

12. Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. – Boston: Pitman Publishing, 1984.

13. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. № 12. P. 78-92.

14. Zhao L., Yin C. Driving corporate social responsibility to be innovative: Insights from a systematic literature review // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2024. Vol. 31. № 5. P. 4115-4132. – DOI: 10.1002/csr.2705.

15. Zhao C., Yin S. Does ecological accountability restrain the financialization of heavily polluting enterprises? Evidence from China // Frontiers in Environmental Science. 2024. Vol. 12. Article 1400725. – DOI: 10.3389/fenvs.2024.1400725.

16. Рыбаков С.В. Между вольницей и служением: из ранней истории казачества // Альманах Казачество. 2020. № 47 (5). С. 9-19.

of Families of Social Capital Participants: Results of Focus Group Discussions" // Theory and Practice of Social Development, 2024. № 6. P. 38-50.

4. Kravtsova E.M., Matveeva V.Yu. "Models of Corporate Social Responsibility in the Global Economy" // Economics, Entrepreneurship, and Law, 2016. Vol. 6. № 1. P. 81-98.

5. Lambert, R., Frenz, M. "Open and Closed Innovations: A Comparative Analysis of National Practices." Foresight. 2008. № 3. P. 16-32.

6. Motovitz, T.G. "Crowdsourcing: An Ecosystem for Business Development in the Digital Economy." PSU Bulletin. 2023. № 4 (71). P. 105-113.

7. Novak S.O. "On the Paradigm of Closed and Open Innovations." IrSTU Bulletin. 2011. № 9 (56). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-paradigme-zakrytyh-i-otkrytyh-innovatsiy> (29.05.2026).

8. Chunikhina T.N., Cherkashina, A.D. Social aspects of inequality in health care // Humanities, socio-economic and social sciences. 2025. № 12. P. 150-155.

9. Blažek P., Žamberský P. Corporate social responsibility and open innovation: A synergistic approach // Journal of Business Ethics. 2020. Vol. 162. № 4. P. 853-867. – DOI: 10.1007/s10551-018-3995-3.

10. Chesbrough H. W. Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology. – Boston: Harvard Business Review Press, 2003.

11. Berdar M., Minochkina O., Kot L., Yevtushevskaya O., Sapachuk Y. Corporate social responsibility as a basis for innovative entrepreneurship development // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2023. Vol. 18. № 7. P. 2317-2323. – DOI: 10.18280/ijstdp.180718.

12. Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. – Boston: Pitman Publishing, 1984.

13. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84. № 12. P. 78-92.

14. Zhao L., Yin C. Driving corporate social responsibility to be innovative: Insights from a systematic literature review // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. 2024. Vol. 31. № 5. P. 4115-4132. – DOI: 10.1002/csr.2705.

15. Zhao C., Yin S. Does ecological accountability restrain the financialization of heavily polluting enterprises? Evidence from China // Frontiers in Environmental Science. 2024. Vol. 12. Article 1400725. – DOI: 10.3389/fenvs.2024.1400725.

16. Rybakov S.V. Between freedom and service: from the early history of the Cossacks // Almanac Cossacks. 2020. № 47 (5). P. 9-19.

References

1. Aster T.N. "Social Capital: The History of the Development of Scientific Concepts on the Phenomenon" // Russian Economic Bulletin, 2025. Vol. 8. № 5. P. 47-52.

2. Volodina N.L. "The Benefits of Creating a Digital Ecosystem" // Production Organizer, 2021. № 4. P. 104-112.

3. Gorina T.I. "Specific Challenges and Problems

Вознесенский И.С.

Организационный консультант. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Чапкин А.Н.

Бакалавр. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Темпоральные трансформации образования: цифровой ускоритель и социальная цена времени в постковидную эпоху*

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу трансформации образовательного времени в условиях форсированной цифровизации. Авторы рассматривают время как стратегический социальный ресурс, распределение которого усиливает социальное неравенство. Проводится сравнительный анализ темпоральных характеристик доцифровой и цифровой эпох в образовании, выявляются ключевые изменения: сжатие, фрагментация и множественность темпов обучения, а также размытие границ между личным и учебным временем. На основе теорий ускорения Х. Розы, структуризации Э. Гидденса и общества риска У. Бека обосновывается концепция «темпорального шока» как следствия экстренного перехода к дистанционным форматам. Особое внимание уделяется сценарному прогнозированию форсированных переходов в будущем и их возможных триггерах (кризисы, катастрофы, технологические прорывы). Представлен опыт внедрения курса по управлению временем в МАДИ, направленного на формирование темпорального интеллекта обучающихся. Делается вывод о необходимости перехода к гибридным темпоральным режимам обучения и создания институциональных механизмов защиты от временной перегрузки, подчеркивая, что ускорение цифровизации образования не должно становиться самоцелью.

Ключевые слова: социология времени, цифровизация образования, темпоральный ресурс, социальное неравенство, временная бедность, шоковая цифровизация, гибридное обучение, темпоральный интеллект, тайм-менеджмент, форсайт, общество риска.

Voznesensky I.S.

Organizational Consultant. Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Chapkin A.N.

Bachelor's degree. Plekhanov Russian University of Economics.

Temporal transformations of education: the digital accelerator and the social price of time in the post-COVID era

Abstract. This article provides a sociological analysis of the transformation of educational time in the context of accelerated digitalization. The authors examine time as a strategic social resource, the distribution of which exacerbates social inequality. A comparative analysis of the temporal characteristics of the pre-digital and digital eras in education is provided, identifying key changes:

* © Вознесенский И.С., Чапкин А.Н., 2026.

Темпоральные трансформации образования: цифровой ускоритель и социальная цена времени в постковидную эпоху

compression, fragmentation, and multiple learning paces, as well as the blurring of boundaries between personal and academic time. Drawing on H. Rosa's theories of acceleration, E. Giddens's structuration, and U. Beck's risk society, the concept of "temporal shock" as a consequence of the emergency transition to distance learning is substantiated. Particular attention is given to scenario-based forecasting of accelerated transitions in the future and their possible triggers (crises, disasters, technological breakthroughs). The article presents the experience of implementing a time management course at MADI, aimed at developing students' temporal intelligence. The article concludes that a transition to hybrid temporal learning modes and the creation of institutional mechanisms to protect against time overload are necessary, emphasizing that accelerating the digitalization of education should not become an end in itself.

Key words: sociology of time, digitalization of education, temporal resource, social inequality, temporal poverty, shock digitalization, hybrid learning, temporal intelligence, time management, foresight, risk society.

В социологической теории давно утвердилось понимание того, что социальное пространство многомерно: помимо экономического, культурного и символического капиталов (П. Бурдье¹), существуют и другие ресурсы, определяющие жизненные шансы индивида. Одним из таких фундаментальных, но долгое время остававшихся в тени ресурсов является время. В классической социологии, начиная с Э. Дюркгейма², время рассматривалось преимущественно как внешняя рамка, задающая ритмы коллективной жизни, однако в позднем модерне, как убедительно показал Х. Роза, время превращается в центральный показатель социальной динамики, а его дефицит становится маркером статуса и источником стресса³.

В традиционных обществах время было циклическим, привязанным к природным циклам и религиозным ритуалам. Индустриальная эпоха сделала время линейным и измеримым, подчи-

нив его фабричному гудку и конвейеру. Постиндустриальное, информационное общество, по мнению М. Кастельса, порождает «время без времени» – сетевое, фрагментированное, одновременно множественное, где прошлое, настоящее и будущее переплетаются в цифровом пространстве⁴. Именно эта трансформация радикально меняет институт образования, который веками строился на идее размеренного, поэтапного взросления и накопления знаний.

В данной статье предлагается социологический взгляд на экстренный переход к «цифровому образованию» в период пандемии COVID-19, рассматривая этот процесс не столько как технологический прорыв, сколько как темпоральный шок, обнаживший глубинную структуру социального времени и его распределения между различными группами.

Чтобы понять, почему время стало стратегическим ресурсом, необходимо обратиться к нескольким социологическим парадигмам.

Первая: время выступает как мера социального расслоения. Согласно те-

1 Бурдье П. *Формы капитала* // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.

2 Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда* / пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996.

3 Rosa H. *Beschleunigung: die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005.

4 Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

ории структуризации Э. Гидденса, повседневные практики индивидов структурированы временными правилами, которые одновременно являются и продуктом, и условием социального воспроизводства⁵. Люди с высоким социальным капиталом могут покупать время (делегировав рутинные задачи), экономить его (используя технологии) или переопределять его значение (например, творческий труд ценится не по часам, а по результату). Напротив, низшие слои общества часто попадают в ловушку «временной бедности» – вынуждены тратить непропорционально много времени на выживание, что сокращает их доступ к образованию и саморазвитию.

Вторая: ускорение и его последствия имеют разные измерения. Х. Роза в своей теории ускорения выделяет три: техническое ускорение (скорость процессов), социальное изменение (скорость смены норм и практик) и ускорение темпа жизни (субъективное ощущение нехватки времени)⁶. Он показывает, что в современных обществах возникает парадокс: несмотря на обилие средств экономии времени, его дефицит растет. Применительно к образованию это означает, что внедрение цифровых инструментов не всегда освобождает время, но часто меняет его качество, заставляя участников процесса постоянно переключаться между задачами, что снижает глубину рефлексии.

Третья: время превратилось в институциональный ресурс. Такие институты, как семья, школа, университет, традиционно выступали «хранителями» определенного темпорального порядка: расписания, календарные планы,

сроки сдачи работ. Этот порядок обеспечивал предсказуемость и позволял индивидам планировать свою жизнь. Однако цифровизация разрушает монополию институтов на управление временем, передавая эту функцию алгоритмам и самим пользователям. В результате время перестает быть внешней данностью и становится предметом индивидуального конструирования, что требует новых компетенций.

Таким образом, время в современном обществе – не просто физическая величина, а социальный ресурс, доступ к которому распределен неравномерно и который определяет конкурентоспособность индивида, организации и даже целых стран.

В доцифровую эпоху главными параметрами измерения времени были длительность и предсказуемость. До широкого распространения интернета и мобильных устройств время в системе образования обладало рядом характерных черт:

- линейность и дискретность: образовательный процесс строился как последовательная цепочка этапов: начальная школа → средняя → высшая → профессиональная деятельность; возвраты в образование, например, для переподготовки были редки и воспринимались как аномалия;

- замедленность: передача знаний требовала личного контакта, чтения бумажных книг, письменных работ; скорость усвоения определялась физическими возможностями преподавателя и студента; информация обновлялась медленно, учебники писались с расчетом на десятилетия использования;

- предсказуемость: расписания, семестры, каникулы были жестко фиксированы; обучающийся знал, что его ждет в следующем году, мог строить долгосрочные планы;

5 Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. И. Тюрина. – М.: Академический проект, 2003.

6 Rosa H. Op. cit.

– социальная синхронизация: все участники процесса двигались в одном темпе, имея одновременное начало занятий, общие экзамены, что создавало чувство общности и справедливости, поскольку все находились в равных условиях⁷;

– минимизация отвлекающих факторов: образование происходило в специально отведенном месте, где внешние, в том числе, цифровые раздражители отсутствовали, что способствовало глубокому погружению в материал.

Безусловно, уже в доцифровую эпоху существовали различия в доступе ко времени, например, дети из сельской местности тратили больше часов на дорогу, но эти отличия были относительно стабильны и не менялись скачкообразно. Время выступало как равномерно текущая субстанция, которую можно было измерить в академических часах.

С началом цифрового перехода образовательное время претерпело кардинальные изменения:

– сжатие: дистанционные форматы позволяют провести занятие в два раза короче, но с той же информационной нагрузкой за счет визуализации и мультимедиа; однако, сжатие часто идет в ущерб глубине осмысления – «пролистывание» лекции не равно ее усвоению;

– фрагментация: обучающиеся и

преподаватели работают в режиме многозадачности: проверка почты, ответы в мессенджерах, параллельный просмотр нескольких вкладок; время дробится на микроинтервалы, каждый из которых требует переключения внимания, что повышает когнитивные издержки;

– множественность темпов: в онлайн-образовании каждый учится в своем ритме: записи лекций можно смотреть с ускорением, обсуждения на форумах растягиваются на дни, а тесты с автоматической проверкой дают мгновенную обратную связь, что разрушает единый школьный ритм и порождает ситуацию, когда обучающиеся даже внутри одной группы живут в разных часовых поясах⁸;

– размытие границ: домашняя обстановка перестает быть зоной отдыха, становится продолжением аудитории; периоды учебы и личного времени накладываются друг на друга, создавая эффект «затянувшегося рабочего дня», что ведет к профессиональному выгоранию.

Социологически значимо, что эти изменения происходят неравномерно: студенты с развитыми навыками саморегуляции и цифровой грамотностью выигрывают (могут сэкономить время на организацию), тогда как менее подготовленные теряют ориентацию и оказываются в состоянии «хронического опоздания» (прокрастинация, пропуски дедлайнов). Таким образом, цифровизация не отменяет, а усиливает временное неравенство, превращая его в новое измерение социальной стратификации.

До пандемии COVID-19 цифровая трансформация образования в

7 Вознесенский И.С. Связь социальной стратификации и организации труда в темпоральном измерении // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2019. (Электронное издание комплексного распространения). С. 1081-1083; Вознесенский И.С. Цифровая экономика и человеко-ориентированный характер труда // Власть истории и история власти. Том 5. Часть 3. 2019. (№ 17). С. 279-287.

8 Вознесенский И.С. Пересечение часовых поясов: возможности и издержки деловых коммуникаций // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 1. (№ 15). С. 28-41.

большинстве стран происходила эволюционно, постепенно, по принципу «пилотных проектов» и осторожного внедрения⁹. Этот путь имел свои преимущества: во-первых, возможность обкатки образовательных технологий без стресса для всех участников; во-вторых, сохранение баланса между традиционными и новыми форматами; в-третьих, постепенное повышение квалификации преподавателей; в-четвертых, внимание к этическим и психологическим аспектам.

Пандемия заставила перейти на форсированный вариант, который можно назвать «шоковой цифровизацией». Сравним эти две модели по ряду критериев. Так, при постепенной, эволюционной цифровизации время на адаптацию занимало годы, если не десятилетия; происходили поверхностные изменения; участи педагогов в данном процессе было добровольным и мотивированным. Они могли устанавливать обратную связь с обучающимися и ощущать умеренные психологические последствия. Ускоренная, форсированная цифровизация образования изменила ситуацию. Теперь на адаптацию отводились дни или недели. Глубина изменений оказалась поистине фундаментальной. Участие педагогов в процессе перестало быть добровольным, а приобрело принудительную форму, что обернулось его стрессовым характером. Качество образовательного контента, ранее выверенное и высокое, оказалось сырым и не всегда валидным. Обратная связь с обучающимися не исчезла, но стала хаотичной из-за требований оперативности. Все это предопределило

высокий уровень тревоги и выгорания преподавателей¹⁰.

Как показывает практика, форсированная цифровизация выявила не только технические проблемы, к примеру, недостаток пропускной способности сетей, нехватку устройств, но и глубинные социальные противоречия, связанные с усиливающейся уязвимостью пожилых преподавателей, обучающихся из малообеспеченных семей и с ограниченными возможностями здоровья¹¹. Однако именно шоковый режим позволил в рекордные сроки мобилизовать ресурсы, создать тысячи новых образовательных курсов и внедрить платформы, которые при обычных условиях потребовали бы десятилетий.

Следует учитывать, что этот опыт, полученных в период пандемии, нельзя считать единичным. Триггером для столь же стремительного ускорения может стать любой из негативных сценариев, вызванных:

- экономическим кризис с резким сокращением бюджетов на содержание зданий и штата учебных заведений с их последующим массовым закрытием или виртуализацией;

- глобальным экологическим коллапсом, когда вследствие наводнений, пожаров, аномальной жары, с чем уже в 2026 г. столкнулась Западная Европа, оказывается парализована транспортная система и очные занятия во многих регионах становятся невозможными;

- крупной техногенной катастрофы, например, кибератаки на энергосеть или радиоактивного заражения,

9 Вознесенский И.С. Возможности «цифрового образования»: уроки пандемии COVID-19 // Альманах «Крым». 2021. № 25. С. 66-73; Мальцев В.А., Мальцев К.В. Пандемия и образование // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 224. № 4. С. 402-415.

10 Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В. [и др.]; под редакцией А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Издательский дом Высшей шк. экономики, 2019.

11 Терновая Л.О. Социальное взаимодействие: истоки, современность и будущие вызовы: монография. – М.: ИНФРА-М, 2026.

вынуждающей оперативно переходить на автономные цифровые формы обучения;

– технологического сингулярного прорыва, в частности, появления дешевого высокоскоростного интернета по всей планете или внедрения нейро-интерфейсов, радикально меняющего саму природу обучения;

– демографического сдвига, например, резкого увеличения числа пожилых людей, нуждающихся в переобучении, потребовавшего масштабных онлайн-программ для взрослых¹².

Перечисленные сценарии нельзя отнести исключительно к фантастике. Эксперты отмечают их приметы, обсуждают в форсайт-проектах. Однако страхи перед ними ставят заслон активной проработке вероятностей, которая важна в контексте неожиданности проявления человеческого фактора в условиях чрезвычайных ситуаций, когда может сработать психологическая неготовность, сопротивление рутине, опасение всего нового. Социология времени и риска (У. Бек, Н. Луман¹³) подчеркивает, что современное общество производит риски как побочные продукты модернизации. Цифровизация несет в себе внутреннее противоречие: она призвана повышать эффективность, но сама же создает такие новые уязвимости, как кибербезопасность, цифровое неравенство, манипуляции сознанием и др.

Социологическое прогнозирование форсированного перехода возможно

12 Вознесенский И.С. Бабушки тоже хотят учиться: Как быть? // Практики развития 1.0.: вызовы, концепции, смыслы / Ред.-сост. М. Кукушкин. – М.: Смысл, 2018. С. 176-192.

13 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-традиция, 2000; Луман Н. Общество общества. I. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Логос, 2004.

не через линейную экстраполяцию, а через сценарное моделирование и мониторинг слабых сигналов. В первую очередь можно обратиться к методам форсайта, в частности, Делфи, дорожным картам, анализу перекрестных влияний, что позволит выделить моменты, когда система становится крайне чувствительной к внешним воздействиям, которые являются точками бифуркации.

Замечаются признаки, указывающие на приближение ускорения цифровизации обучения. Прежде всего, к ним относятся: рост числа онлайн-курсов и платформ до пандемии (Coursera, edX), свидетельствующие о готовности технологической базы; увеличение доли обучающихся, использующих мобильные устройства для занятий; законодательные инициативы по признанию электронного обучения; публикации о «цифровых аборигенах» и их психологических особенностях. Анализ этих данных способствовал бы упреждающему запуску программ переподготовки педагогов, созданию резервных мощностей и отработке модели гибридного обучения в разных ситуациях.

Четко просматриваются мер, которые позволили бы системе образования не просто выживать в кризисы, а использовать цифровое ускорение как возможность для развития. Их можно разделить на институциональный и индивидуальный уровни. На первом – необходимо создание постоянно действующих «кризисных групп» по цифровой трансформации, имеющих полномочия принимать оперативные решения и финансирование. Также целесообразна разработка модульных курсов для удаленного формата, сохраняющий высокое качество обучения, формирование цифровых библиотек

и симуляторов. Внедрение систем искусственного интеллекта, проводящих мониторинг успеваемости и психологического состояния студентов, способствует превентивному выявлению групп риска. А развитие межвузовской кооперации по обмену цифровыми ресурсами укрепляет единое образовательное пространство.

На индивидуальном уровне учитываются запросы педагогов и обучающихся на освоение базовых навыков тайм-менеджмента и цифровой гигиены; развитие рефлексивных практик; участие в программах наставничества; формирование «подушек безопасности» в виде личных архивов материалов, которые могут пригодиться при внезапных изменениях.

Такая подготовка не должна быть только технической, ее необходимо вести на широкой социокультурной платформе, учитывающей изменения менталитета преподавателей и обучающихся, переосмысление роли педагога как транслятора знаний и утверждение его в качестве фасилитатора учебного времени¹⁴.

Некоторые шаги в данном направлении предпринимались в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ), где обучение управлению собственным временем было сквозной темой курса «Цифровые ресурсы и технологии в экономике и менеджменте»¹⁵.

14 Вознесенский И.С. Возможности фасилитации для оптимизации времени производственных совещаний // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13. № 6. С. 20-25.

15 Вознесенский И.С. «Цифровое образование»: новый вызов и новые возможности // Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы. Сборник материалов XVII Международной научно-практической Интернет-конференции 25 – 26 марта 2021 г. / Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» –

Обучающимся предлагалось не просто освоить сервисы (Google Календарь, Trello, Coggle), а осознанно выстроить свою временную архитектуру. Все эти упражнения не только повышают цифровую грамотность, но и формируют темпоральный интеллект – способность чувствовать время, управлять им и распределять его между разными сферами жизни. Именно такой навык, по прогнозам, станет ключевым в эпоху все ускоряющихся трансформаций.

Время можно назвать главным призом и главным риском цифрового образования. Несколько лет назад пандемия COVID-19 стала стресс-тестом для всей системы образования, показав, что время есть не просто фон, а активный агент социальных изменений. Тогда ускоренная цифровизация обучения высветила темпоральные разрывы: между теми, кто может позволить себе купить технологии и обеспечить тьюторство, и теми, кто вынужден делить один смартфон на всю семью; между теми, кто легко переключается между форматами, и теми, кто испытывает фрустрацию от смены ритма.

Социологический анализ позволяет сделать вывод, что дальнейшее развитие образования пойдет по пути гибридных темпоральных режимов, где будут сосуществовать: синхронные онлайн-занятия, имитирующие присутствие; асинхронные материалы, как записи, форумы, для самостоятельного изучения; очные интенсивные сессии для практики и социализации. При

Центр ЮНЕВОК в Российской Федерации, член сети Ассоциированных школ ЮНЕСКО. Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО (АТиСО), 2021. С. 54-57; Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Искусственный интеллект и кадровая политика: новые задачи подготовки специалистов по управлению персоналом // Альманах Казачество. 2025. № 7 (88). С. 14-23; Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Цифровая дидактика в подготовке HR-специалистов // Альманах Казачество. 2026. № 1 (90). С. 14-22.

этом ускорение цифровизации обучения не должно быть самоцелью. Следует понимать, что цена этого процесса может оказаться слишком высокой, затронуть ментальное здоровье, качество межличностных связей, глубину понимания смыслов. Не столько образовательному сообществу, сколько всему социуму необходимо время для адаптации к новому темпу, созданию институциональных механизмов защиты от «временной перегрузки», например, структур психологической помощи, новым практикам нормирования учебной нагрузки, новым качественным перерывам и новым формам академической мобильности.

Только тогда, время в образовании перестанет быть ресурсом, который у кого-то отнимают, а у кого-то добавляют. Оно должно будет предметом осознанного выбора, партнерского соглашения между всеми участниками образовательного процесса, единственным, что нельзя воспроизвести, но чем можно научиться распоряжаться.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
3. Вознесенский И.С. Бабушки тоже хотят учиться: Как быть? // Практики развития 1.0.: вызовы, концепции, смыслы / Ред-сост. М. Кукушкин. – М.: Смысл, 2018. С. 176-192.
4. Вознесенский И.С. Возможности фасилитации для оптимизации времени производственных совещаний // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13. № 6. С. 20-25.
5. Вознесенский И.С. Возможности «цифрового образования»: уроки пандемии COVID-19 // Альманах «Крым». 2021. № 25. С. 66-73.
6. Вознесенский И.С. Пересечение часовых поясов: возможности и издержки деловых коммуникаций // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 1. (№ 15). С. 28-41.
7. Вознесенский И.С. Связь социальной стратификации и организации труда в темпоральном измерении // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс,

2019. (Электронное издание комплексного распространения). С. 1081-1083.

8. Вознесенский И.С. Цифровая экономика и человеко-ориентированный характер труда // Власть истории и История власти. Том 5. Часть 3. 2019. (№ 17). С. 279-287.

9. Вознесенский И.С. «Цифровое образование»: новый вызов и новые возможности // Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы. Сборник материалов XVII Международной научно-практической Интернет-конференции 25 – 26 марта 2021 г. / Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» – Центр ЮНЕВОК в Российской Федерации, член сети Ассоциированных школ ЮНЕСКО. – Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО (АТиСО), 2021. С. 54-57.

10. Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Искусственный интеллект и кадровая политика: новые задачи подготовки специалистов по управлению персоналом // Альманах Казачество. 2025. № 7 (88). С. 14-23.

11. Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Цифровая дидактика в подготовке HR-специалистов // Альманах Казачество. 2026. № 1 (90). С. 14-22.

12. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры / пер. И. Тюрина. – М.: Академический проект, 2003. 525 с.

13. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. 430 с.

14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.

15. Луман Н. Общество общества. I. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Логос, 2004. 232 с.

16. Мальцев В.А., Мальцев К.В. Пандемия и образование // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 224. № 4. С. 402-415.

17. Терновая Л.О. Социальное взаимодействие: истоки, современность и будущие вызовы: монография. – М.: ИНФРА-М, 2026. 336 с.

18. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Уваров А. Ю., Гейбл Э., Дворецкая И. В. [и др.]; под редакцией А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Издательский дом Высшей шк. экономики, 2019. 342 с.

19. Rosa H. Beschleunigung: die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 537 p.

References

1. Beck U. Risk Society. Towards a Different Modernity / translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 381 p.
2. Bourdieu P. Forms of Capital // Economic Sociology. 2002. Vol. 3. № 5. P. 60-74.
3. Voznesensky I.S. Grandmothers Also Want to Learn: What to Do? // Development Practices 1.0: Challenges, Concepts, Meanings / Ed. M. Kukushkin. Moscow: Smysl, 2018. P. 176-192.
4. Voznesensky I.S. Facilitation Possibilities for Optimizing the Time of Production Meetings // Personnel and Intellectual Resource Management in Russia. 2024. Vol. 13. № 6. P. 20-25.
5. Voznesensky I.S. The Potential of "Digital Education": Lessons from the COVID-19 Pandemic // Almanac "Crimea". 2021. № 25. P. 66-73.

6. Voznesensky I.S. Crossing Time Zones: The Potential and Costs of Business Communications // *The Power of History and the History of Power*. 2019. Volume 5. Part 1. (№ 15). P. 28-41.
7. Voznesensky I.S. The Connection between Social Stratification and Labor Organization in the Temporal Dimension // *Social Stratification in the Digital Age: On the 130th Anniversary of Pitirim Sorokin's Birth: XIII International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2019": Collection of Materials*. – Moscow: MAKSS Press, 2019. (Electronic publication of comprehensive distribution). P. 1081-1083.
8. Voznesensky I.S. The Digital Economy and the Human-Centered Nature of Labor // *The Power of History and the History of Power*. Volume 5. Part 3. 2019. (№ 17). P. 279-287.
9. Voznesensky I.S. "Digital Education": New Challenges and New Opportunities // *Youth in the Modern World: Problems and Prospects*. Collection of materials from the XVII International Scientific and Practical Internet Conference, March 25-26, 2021 / Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations – UNEVOC Center in the Russian Federation, member of the UNESCO Associated Schools Network. – Ufa: BIST Publishing House (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, 2021. P. 54-57.
10. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Artificial Intelligence and Personnel Policy: New Tasks of Training HR Specialists // *Cossacks Almanac*. 2025. № 7 (88). P. 14-23.
11. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Digital Didactics in Training HR Specialists // *Cossacks Almanac*. 2026. № 1 (90). P. 14-22.
12. Giddens E. *The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration* / translated by I. Tyurin. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2003. 525 p.
13. Durkheim E. *On the Division of Social Labor* / translated from French by A.B. Hoffmann. Moscow: Canon, 1996. 430 p.
14. Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture* / translated from English under the scientific editorship of O.I. Shkaratan; State University Higher School of Economics. – Moscow: HSE, 2000. 606 p.
15. Luhmann, N. *The Society of Society. I. Society as a Social System* / Translated from German by A. Antonovsky. – Moscow: Logos, 2004. 232 p.
16. Mal'tsev V.A., Mal'tsev K.V. The Pandemic and Education // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020. Vol. 224. № 4. P. 402-415.
17. Ternovaya L.O. *Social Interaction: Origins, Modernity, and Future Challenges: Monograph*. – Moscow: INFRA-M, 2026. 336 p.
18. *Difficulties and Prospects of the Digital Transformation of Education* / Uvarov A.Yu., Gable E., Dvoretzskaya I.V. [et al.]; edited by A.Yu. Uvarov, I.D. Frumin. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 342 p.
19. Rosa H. *Beschleunigung: die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 537 p.

Грязнова В.Н.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики. Институт государственной службы и управления Президентской Академии.

Инкорпорация¹ государственной кадровой политики в систему государственного стратегического управления: от поиска смыслов к устойчивой амплификации² новых идей*

Аннотация. Статья посвящена концепту «государственная кадровая политика» и ее переосмыслению в эпоху цифровой трансформации и искусственного интеллекта. Доказывается, что устойчивая амплификация позволяет преобразовывать неэффективную кадровую политику в систему, где господствует непрерывная генерация новых идей, обеспечивается трансформация государственного стратегического управления к проактивной (опережающей) модели развития за счет эффективного кадрового обеспечения.

Показано, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность цифровой среды, где господствуют технологии и искусственный интеллект, вектор развития государственной кадровой политики как фундамента государственного стратегического управления, сконцентрирован на человекоцентричности [кандидатоцентричности], признании личности как главного субъекта долгосрочного и устойчивого развития во благо человека, в его интересах.

Генерирующая мысль заключается в том, что преодоление управленческих аномалий государственного стратегического управления невозможно исключительно за счет внедрения новых технологий. Необходим качественный интеллектуальный сдвиг в подготовке кадров для российского государственного управления, переход от исполнительства к субъектной профессиональности и ответственности, включающей ценностную приверженность общественному служению и общественному благу.

Обосновывается необходимость глубинных преобразований в государственной кадровой политике в контексте реализации национальных целей развития России до 2036 года и в системе мер обеспечения национальной безопасности российского государства.

Также обоснована важность сфокусированности государственной кадровой политики в стратегическом ракурсе, где превалируют видение, аналитика, преемственность и традиции, ценности, непрерывный апгрейд, высокий уровень экспертных знаний, инновации, ответственность, результативность.

Стратегический вектор государственной кадровой политики обозначен в парадигме формирования новой государственно-управленческой элиты, воспитания молодых кадров с актуализацией исторического просвещения и управления талантами, укрепления традиционных ценностей, сохранения этнокультурного многообразия и упрочения профессиональной и гражданской идентичности кадров. Актуализируется роль проектирования современной системы кадровой подготовки в условиях турбулентности внешней среды, соразмерный потребностям обеспечения технологического лидерства, социально-экономического, пространственного развития и обеспечения национальной безопасности России в стратегическом горизонте.

Ключевые слова: государственная кадровая политика как стратегия и ее трансформация в цифровой среде, государственное стратегическое управление, ценности, непрерывный апгрейд, этнокультурное многообразие, человекоцентричность.

1 Термин «инкорпорация» употребляется в смысловом значении как «включение» в систему для более эффективного достижения общих целей.

2 Термин «амплификации» употребляется в смысловом значении как «усиление», «сделать больше и более значимое», «инструмент в поиске новых путей и решений в самых разных сферах деятельности», например, через вовлеченность и мотивацию кадров, укрепление командной синергии и др.

* © Грязнова В.Н., 2026.

Инкорпорация государственной кадровой политики в систему государственного стратегического управления: от поиска смыслов к устойчивой амплификации новых идей

Gryaznova V.N.

PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Public Administration and Personnel Policy, Institute of Public Administration and Management, Presidential Academy.

Incorporation of state personnel policy into the system of state strategic management: from the search for meaning to the sustainable amplification of new ideas

Abstract. This article explores the concept of “public personnel policy” and its rethinking in the era of digital transformation and artificial intelligence. It is demonstrated that sustainable amplification enables the transformation of ineffective personnel policies into a system dominated by the continuous generation of new ideas, ensuring the transformation of public strategic management toward a proactive development model through effective staffing.

It is demonstrated that, despite the apparent paradox of a digital environment dominated by technology and artificial intelligence, the development vector of public personnel policy as the foundation of public strategic management is focused on human-centricity [candidate-centricity], recognizing the individual as the primary agent of long-term and sustainable development for the benefit of the individual and in their interests.

The underlying idea is that overcoming managerial anomalies in public strategic management is impossible solely through the introduction of new technologies. A qualitative intellectual shift is needed in the training of personnel for Russian public administration, a transition from executive function to subjective professionalism and responsibility, including a value-based commitment to public service and the public good.

The article substantiates the need for profound transformations in state personnel policy in the context of implementing Russia’s national development goals through 2036 and within the system of measures to ensure the national security of the Russian state.

The article also substantiates the importance of focusing state personnel policy on a strategic perspective, emphasizing vision, analytics, continuity and tradition, values, continuous upgrading, a high level of expert knowledge, innovation, responsibility, and effectiveness.

The strategic vector of state personnel policy is outlined within the paradigm of forming a new public administration elite, developing young personnel with the actualization of historical education and talent management, strengthening traditional values, preserving ethnocultural diversity, and strengthening the professional and civic identity of personnel. The role of designing a modern system of personnel training in the conditions of external environmental turbulence, commensurate with the needs of ensuring technological leadership, socio-economic and spatial development and ensuring Russia’s national security in the strategic horizon, is being updated.

Key words: state personnel policy as a strategy and its transformation in the digital environment, state strategic management, values, continuous upgrade, ethnocultural diversity, human-centeredness.

Концептуализация поставленного научного вопроса: что лежит в основе перемен?

В современной научной парадигме концепт «государственное стратегическое управление» формируется с учетом научных представлений [Душакова Л.А., Квинт Л.А., Крымов Б.В., Назаров В.П.,

Корнилович В.А и др. .1,5,6,7,10] и нормативного правового регулирования [ФЗ -172, Указы Президента РФ № 309, № 314, №633, № 400, № 809³ и др.].

3 Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.; Указ Президента от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях разви-

В концептуальном измерении можно констатировать устойчивость подходов к определению данного понятия и систематизации ключевых особенностей и преимуществ.

С учетом нормативного и научно-определений государственное стратегическое управление может быть представлено как основанная на стратегическом видении, ценностной компоненте, приоритетах и конкурентных преимуществах деятельность субъектов управления по целеполаганию, прогнозированию, программированию и планированию социально-экономического, пространственного и территориального развития и обеспечению национальной безопасности российского государства, осуществляемая в рамках правового поля в конструктивном взаимодействии с заинтересованными акторами [с учетом положений ФЗ №172]. В этом конструкте сущностным является умение субъектов управления проектировать будущее, основываясь на

стратегическом видении и мышлении (*управление как искусство*), умении эффективно управлять конкурентными преимуществами, ресурсами, изменениями.

Полагаем, что активность исследователей в данной предметной области, прикладной мониторинг и оценка практических результатов доказывают эффективность применяемого управленческого инструментария стратегического менеджмента и в публичном, и коммерческом секторах⁴.

В настоящее время вектор научного и практического поиска нацелен на развитие существующей методологии государственного стратегического управления, обогащение новой рефлексией в цифровой и нейросетевой среде. В то же время этот фактор сформировал запрос на разработку национальной концепции государственного стратегического управления, обоснованию российской модели, которая формируется, на наш взгляд, в парадигме обеспечения общественного блага и технологического суверенитета, цифровой экосистемы, управления на основе больших данных с четкой констатацией ценностной основы и профессионально-гражданской идентичности.

Ключевым направлением развития государственного стратегического управления выступает его кадровое обеспечение [Указ Президента РФ № 633]. Данный фактор обуславливает важность выработки единых подходов к государственной кадровой политике как стратегического инструмента

тия Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года от 07. 05. 2024// Собрание законодательства Российской Федерации от 2024 г. N 20, ст. 2584; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. №27. Ст. 5351.; Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 года № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»/ Собрание законодательства Российской Федерации №46 от 15 ноября 2021 года, ст. 7676; Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>Номер опубликования: 0001202211090019; Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // <http://pravo.gov.ru/document/0001202405080001> Номер опубликования: 0001202405080001 08.05.2024.

4 Современные практики управления проектами (2022-2024), (2023-2025). Управленческая школа «Сколково» // URL: kolkovo.ru/researches/issledovanie-sovremennye-praktiki-upravleniya-proektami-2022-2024 // URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/issledovanie-sovremennye-praktiki-upravleniya-proektami2023-2025> (Дата обращения: 10.06.2026)

устойчивого долгосрочного развития.

Феномен государственная кадровая политика» также представляется с учетом различных методологических контекстов [(Анисимов В.М., Сулемов В.М., Турчинов А.И., Пицик Н.И., Фотина Л.В.; 1, 12, 16 и др.). В расширительной семантической трактовке государственная кадровая политика – это инструмент стратегического развития, научный конструкт национального масштаба, часть многообразной социальной практики по воспроизводству и развитию кадров, кадрового потенциала, система управленческой деятельности и отношений, включающая стратегические цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности российского государства и общества, реализуемая через программно-целевой и проектный подходы. [Указ Президента РФ № 309, №400]. В то же время – это целенаправленная система мер, реализуемая субъектами власти и гражданскими институтами [модель государственно-общественного управления, Ирхин Ю.В., 13 и др.] для формирования рынка труда с вектором на обеспечение паритетного участия граждан и их образований в достижении национальных целей развития российского государства [Указ Президента РФ № 309] и амплификации их роли [Густова А.В.; 4.].

При стратегическом подходе специальными принципами государственной кадровой политики признаем:

- прозрачность, справедливость и **беспристрастное** продвижение кадров по профессиональной траектории;

- инновационность и гибкость через инструменты проектной деятельности, цифровые технологии, проактивной позиции к изменениям;

- инклюзивность и интернализация, где инклюзивность – это полноценное

включение в процессы принятия решений представителей всех этнических, национальных, языковых, религиозных и культурных групп, интернализация – меры по усвоению персоналом ценностей, целей и стандартов организации или государства;

- стратегическое видение на основе аналитики, прогнозов, моделирования, в том числе, с применением искусственного интеллекта;

- индивидуальные траектории развития кадров;

- современные оценочные технологии личностных и профессиональных качеств персонала и др.

На основе перечисленных выше принципиальных положений государственная кадровая политика как системная совокупность стратегических и тактических целей, принципов и инструментов государства по формированию, развитию и управлению кадровым потенциалом с учётом общественных интересов и задач государственного строительства задает долгосрочные направления развития (кадровая безопасность, обеспечение кадрового суверенитета, формирование интеллектуального ядра кадрового потенциала, поиск, удержание и развитие талантов, преемственность и др.), влияет на эффективность институтов, легитимность власти и качество публичных услуг.

В социологическом контексте выделяется:

- социальная справедливость и инклюзия: обеспечивается равный доступ персонала к карьерному продвижению, учитывается гендерный аспект, обеспечивается региональная сбалансированность, формируется социальная структура и рынок труда, при этом учитываются демографические изменения, миграция, спрос на компетенции, конкуренция между государственным и

частным секторами;

- особое значение придается культурно-ценностному компоненту – поддерживаются и развиваются ценности служения, лояльности; усиливается уровень доверия к государству, соблюдаются антикоррупционные нормы, повышается роль общественного мнения, актуализируется реализация принципов прозрачности, ответственности и открытости;

- наполняются новым содержанием формальные правила и нормы, меняются роли и взаимодействие формальных процедур и неформальных практик и др. с точки зрения институциональной перспективы развития ответственной бюрократии как социального института.

В научных публикациях с учетом новых вызовов определяются цели стратегической государственной кадровой политики:

- подготовка научных кадров для обеспечения технологического прорыва и экологического благополучия [7 национальных целей по Указу Президента РФ №309 и 20 национальных проектов для их достижения, реализуемых с января 2025 года⁵];

- обеспечение кадровой преемственности и управленческой мобильности;

- повышение эффективности и прозрачности при реализации кадровых технологий;

- формирование новой организационной культуры и справедливого и мотивирующего управления кадровым составом;

- цифровая трансформация кадровых процессов и отношений и др.

В этих целях с практической точки зрения предлагается набор действий, которым должен следовать руководитель:

⁵ Национальный проекты России // URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/> (Дата обращения: 06.06.2026)

- «ставьте общественные цели и этические принципы превыше технологического «блеска»;

- начинайте с проблем, а не с технологий: цифровые инструменты – средство, не цель;

- интегрируйте социологический анализ в проектирование систем: учитывайте культуру, мотивацию и неформальные практики;

- обеспечьте защиту персональных данных и аудит алгоритмов;

- обучайте управленцев и кадры работе с данными и цифровыми инструментами;

- вовлекайте гражданское общество и экспертов в оценку прозрачности и справедливости процессов⁶.

Подчеркнем, что государственная кадровая политика как социально - культурный феномен и управленческая конструкция, трансформируясь в новых реалиях, оказывает влияние на развитие всей системы социального управления.

Ее ключевая цель – формирование новой политической и административно-управленческой элиты в контексте современных реалий, кадрового потенциала российского общества с учетом национальных целей развития (нац. проекты «Кадры», «Молодежь и дети» и др.), развитие уникального профессионального кадрового ядра как конкурентного преимущества государства, органов власти, государственной и муниципальной службы, частных корпораций. Как справедливо указывается в научных источниках «В XXI

⁶ См.: например, «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях»: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием I Лапинские чтения (г. Москва, 21–22 ноября 2022 г.) / Отделение общественных наук РАН, Вологодский научный центр Российской академии наук, Институт философии Российской академии наук. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2023. – 253 с.

в. эта максима все в большей степени приобретает силу непреложного закона для успешного управления развитием, поскольку приспособиться к непредсказуемым переменам в современной социальной среде может только мобильный, адаптивный, ориентированный на постоянное развитие персонал». Такая позиция усиливает востребованность новых профессиональных и личностных качеств кадров, интегративный характер знаний, умений и навыков. Современные требования к качеству профессиональных ресурсов приобретают по своей сути революционный характер.

С учетом стратегического контекста государственная кадровая политика выступает как научно-обоснованная и ресурсообеспеченная стратегия субъектов в рамках установленной для них действующим законодательством компетенции по формированию, мобилизации, развитию и рациональному использованию кадрового потенциала общества на соответствующем этапе развития российского государства в долгосрочном горизонте планирования. Важно подчеркнуть необходимость постоянного мониторинга и оценки эффективности деятельности субъектов управления в области воспитания, подготовки, подбора, расстановки и движения кадров, анализ практики и сценариев развития рынка труда в контексте общих направлений строительства российского государства.

Особенно важно в государственной кадровой политике уделять внимание технологическому механизму ее реализации, поскольку совершенствование применения кадровых технологий позволит наполнить российский рынок труда специалистами, выступающими гарантами и проводниками человекоцентричности государства, реали-

зующими не на словах, а на деле роль суверена, способного принимать ответственные решения в условиях турбулентности. Простой пример, известная с советских времен кадровая технология наставничества позволяет не только быстро адаптироваться к особенностям и изменениям профессиональной деятельности, но и обеспечить сохранение традиций и преемственности в кадровой сфере.

С учетом современных тенденций развития полагаем важным выделить совершенствование системы подготовки кадров, способных постоянно эволюционировать в профессионально-личностном статусе [концепция спиральной динамики], быстро адаптироваться к новым угрозам и вызовам, конструировать свое личностно-профессиональное развитие.

Цифровой компонент государственной кадровой политики.

Цифровая трансформация и искусственный интеллект открывают большие возможности для повышения эффективности, прозрачности и адаптивности профессиональной деятельности, но требуют учёта социальных последствий, строгих гарантий цифровой и этической защиты, справедливости⁷.

7 Федеральная государственная информационная система «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» (ЕИСУК), Цифровая платформа «Работа в России», в федеральном сегменте которой насчитывается 14 подсистем // Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 г. № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России; мобильное приложение «Работа в ЕАЭС»; HR-экосистему полного цикла развивает компания HeadHunter, в структуру которой в числе прочего входит облачная CRM Talantix, которая первой внедрила технологии искусственного интеллекта для рекрутинга; Развитие экосистемного подхода в HR-сфере в России связано с функционированием платформы «ГосТех» и «Госуслуги» и др.

Полагаем, что цифровая трансформация государственной кадровой политики приобретает структурированный и институционально закреплённый характер. [Мартынова С.Э., Богатырева Т.Г.; 9]. В текущих реалиях она инкорпорируется в разряд приоритетных векторов государственной стратегии, причем весомость указанного направления демонстрирует устойчивую положительную динамику.

В условиях цифровой трансформации [национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»⁸] важен единый цифровой контур стратегической государственной кадровой политики, предусматривающий формирование и реализацию стратегии государства на рынке труда через инструменты прогнозного управления, кадровой аналитики и кадрового планирования, т.е. управление не “по факту отчета”, а по прогнозу, рискам и эффективности для людей⁹.

Что важно совершенствовать в условиях нейросетей и цифровых решений? Необходимо прогнозирование потребности в кадрах на основе данных и результатов; диагностика, а затем ранжирование целей государственной кадровой политики, связь каждого показателя с госпрограммой, проектом и источником финансирования; формирование единой витрины данных - интеграция данных всех участвующих/заинтересованных в формировании и реализации государственной кадровой политики субъектов; проектный контур как основа формирования и развития

кадрового потенциала государства и общества; аналитика, современные технологические решения, открытость и справедливость кадровых технологий.

Анализ современной практики применения цифровых технологий позволяет выделить основные риски и социально-политические вызовы:

- цифровое неравенство: различия в доступе и цифровой грамотности по регионам и поколениям;
- проблемы приватности и защиты персональных данных; риск утечек информации;
- сопротивление изменениям со стороны кадров;
- юридическая несопоставимость и отсутствие стандартов/регулирования и др.

Дорожная карта цифровой трансформации государственной кадровой политики может включать классический пошаговый алгоритм.

1. Диагностика: аудит существующих кадровых процессов, ИТ-инфраструктуры, компетенций и правовой среды.

2. Формирование стратегии: цели, KPI, бюджет, модель данных, принципы этики и приватности.

3. Пилотирование на примере конкретных субъектов.

4. Создание структуры управления трансформацией: центр компетенций, кросс-функциональные команды.

5. Обучение и коммуникация: программы цифровой грамотности и управление изменениями.

6. Масштабирование и интеграция: стандартизация данных, интеграция с госуслугами.

7. Оценка и корректировка: аудит алгоритмов, общественная прозрачность.

Искусственный интеллект выступает эффективным инструментом цифро-

⁸ Национальный проекты России // URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai> (Дата обращения: 10.06.2026)

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 2019 г. № 1111 «О функционировании единой цифровой платформы “Работа в России”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 35. Ст. 4875. (с изм. и доп. от 14.02.2026).

вой трансформации государственной кадровой политики. Он представляет собой совокупность программных решений и алгоритмов, способных анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности, делать прогнозы и поддерживать принятие кадровых решений. Какие направления применения искусственного интеллекта масштабируются в настоящее время в кадровой политике:

- автоматический анализ резюме и сопоставление кандидатов с требованиями вакансии;
- ранжирование кандидатов по степени соответствия должности;
- использование чат-ботов для первичного общения с соискателями;
- анализ видео интервью с применением технологий распознавания речи и текста;
- формирование индивидуальных программ адаптации;
- создание персонализированных траекторий обучения на основе анализа компетенций;
- автоматическое выявление дефицита навыков;
- формирование аналитических отчетов для руководителей;
- прогнозирование карьерного роста сотрудников;
- подбор кандидатов на руководящие должности из внутреннего кадрового резерва;
- анализ поведения сотрудников, уровня вовлеченности и удовлетворенности работой;
- обработка больших массивов кадровых данных;
- построение прогнозов потребности в персонале;
- моделирование различных сценариев развития кадровой ситуации.

Несмотря на значительные преимущества, использование искусственного

интеллекта в кадровой политике связано с рядом рисков:

- вероятность алгоритмической предвзятости при обучении моделей на исторических данных;
- угрозы конфиденциальности персональных данных кадров;
- недостаточная прозрачность некоторых алгоритмов принятия решений;
- правовые и этические вопросы использования искусственного интеллекта в трудовых отношениях.

В целом в условиях цифровой экономики искусственный интеллект становится стратегическим инструментом кадровой политики. Его применение позволяет автоматизировать HR-процессы, повышать качество кадровых решений, прогнозировать потребности в персонале и создавать более гибкую систему управления человеческими ресурсами. При этом эффективность внедрения искусственного интеллекта зависит от качества данных, соблюдения этических норм и сохранения баланса между автоматизированными решениями и человеческим участием в управлении персоналом.

Культурно - ценностное развитие и сохранение этнокультурного многообразия в государственной кадровой политике: опора на исторические традиции и общегражданскую идентичность

Обозначенный в этой части статьи тезис представляется особенно важным и значимым для формирования и реализации государственной кадровой политики. Данная проблематика широко представлена и в научных исследованиях [Борщевский Г.А., Немировский В.Г.; 2,11], анализ которых позволяет сделать вывод о том, что современный опыт интеграции традиционных духовно-нравственных ценностей в государственную кадровую политику показывает постепенный переход от общего

ценностного закрепления к прикладным управленческим механизмам.

Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России¹⁰. Закрепленными в Конституции Российской Федерации и Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹¹ традиционными ценностями являются: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов Российской Федерации»¹². Россия – многона-

циональное и многоконфессиональное государство¹³. Защита традиционных ценностей должна учитывать специфику различных культур и религий, способствуя межконфессиональному диалогу и национальному единству. [Грязнова В.Н.;3]

В публичном управлении наиболее заметным направлением последних лет стала человекоцентричная трансформация государственного управления, в рамках которой деятельность государства оценивается через способность органа власти видеть реальную жизненную ситуацию каждого конкретного человека, снижать сложность процедур и выстраивать коммуникацию без излишней административной дистанции.

В настоящее время все субъекты Российской Федерации вовлечены в федеральный проект «Государство для людей»: реализовано 38 жизненных ситуаций, более 16 000 государственных служащих прошли обучение, 1400 госуслуг прошли оценку и 2300+ региональных госуслуг оптимизированы, 11 лабораторий пользовательского тестирования открыты по всей России¹⁴. Масштаб приведённых данных показывает, что ценность уважения к человеку внедряется через организационные действия, затрагивающие проектирование услуг, обучение служащих, проверку удобства административных процедур и анализ пользовательского опыта,

10 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006 г. № 637. Статья 5796.

11 Там же.

12 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006 г. № 637.

13 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

14 Официальный сайт федерального проекта «Государство для людей». Раздел «Проект в цифрах» // URL: <https://xn--80aebcah6apa1adyldqm2sra.xn--p1ai/> (Дата обращения: 05.06.2026).

позволяя переводить духовно-нравственные ориентиры в измеримые изменения служебной практики¹⁵.

Понятие «ценности» определяется, как основополагающие нормы, которые являются общими для всех членов общества. Они детерминируются чувством совести, личными убеждениями и общественным мнением. Отражая объективную реальность, ценности направляют и определяют деятельность людей. По И. Канту «абсолютная ценность – это достоинство человеческой личности» [Большая российская энциклопедия].

Основу государственной кадровой политики должны составлять гуманистические отношения, при которых обеспечивается равенство интересов и прав, взаимоуважение и доверие, согласованность взаимодействий, культура взаимоотношений и культура мышления, умение пользоваться свободой, подчинение правилам и законам, в конечном счете, духовное нравственное обновление общества [Кибанов А.Я.]

Таким образом, государственная кадровая политика, с одной стороны, ориентирована на представления о ценностях людей, на их потребности, пожелания и цели; с другой – она должна способствовать усвоению человеком ценностей, становясь, таким образом, не только целостной и социально-эффективной, но и ценностно ориентированной. Ценностные ориентации являются важнейшей составляющей нравственно-этических основ кадровой политики государства [Волкова А.В].

Говоря о ценностной основе государственной кадровой политики важно обратить внимание и на инклюзивность как систему мер и принципов, направленных на обеспечение полноценного участия представителей всех

этнонациональных групп в публичном управлении. Она предполагает создание условий, при которых разнообразие рассматривается как ресурс развития государственного управления, повышения его эффективности и укрепления общественного единства, по сути, укреплению социальной сплоченности, снижению межэтнической напряженности, повышению легитимности государственных институтов.

Инклюзивная кадровая политика обеспечивает:

- открытость кадровых процедур;
 - прозрачные критерии подбора, отбора, найма кадров;
 - недопущение дискриминации по этническому происхождению;
 - равные возможности для участия в кадровых проектах, кадровых конкурсах, программах профессионального развития и подготовки кадров и др.
- Для внедрения принципа инклюзивности государство использует следующие механизмы:
- антидискриминационное законодательство;
 - кодексы этики государственных служащих;
 - программы подготовки кадров из различных регионов и этнических сообществ;
 - обучение межкультурной коммуникации;
 - мониторинг кадрового состава государственных органов;
 - создание каналов обратной связи для выявления случаев дискриминации.

Особенно важна инклюзивность для многонациональных государств, где устойчивость государства во многом зависит от того, насколько все группы населения чувствуют себя представленными и вовлеченными в процессы управления.

15 Там же.

Интернализация в контексте государственной кадровой политики – это процесс внутреннего усвоения персоналом ценностей, целей и стандартов организации или государства. Это важный аспект формирования корпоративной культуры в государственных структурах, способствующий повышению эффективности работы и единству командных ценностей.

Почему интернализация важна? Она способствует устойчивости кадровых изменений, влияет на формирование гражданско-патриотических убеждений,

обеспечивает вовлеченность персонала в принятие решений, развитие инициатив, меняет работу с персоналом через технологии управления знаниями, успешное управление изменениями, формирование корпоративной культуры.

Непрерывный апгрейд в государственной кадровой политике как вызов современным трансформациям на рынке труда.

Непрерывный апгрейд в государственной кадровой политике является не только важнейшим направлением управления профессиональными способностями личности, но и эффективным инструментом интеграции традиционных духовно-нравственных ценностей в управленческую и кадровую культуру. Подобный трек становится привычной практикой в реализации государственной кадровой политики. По своей сути – это процесс, в результате которого человеку удается сохранить качество и уровень своих профессиональных навыков и умений в течение всей жизни. Другими словами, недостаточно стать профессионалом один раз, необходимо постоянное профессиональное развитие.

Если мы говорим сегодня о «муль-

типрофессионалах, то это – специалисты, обладающие глубоким знанием не только своей профессии, но и смежных с ней областей, которые отличаются широким кругозором, глобальным мышлением, готовностью и умением работать в любой команде и др.» [Третьякова В.С.; 14]. В научной литературе появилось новое понятие «профессиональная многомерность», которое включает в себя овладение личностью многомерными компетенциями, имеющими интегративную и прикладную основу: «многофункциональность, многозадачность, виртуальная мобильность, синергичность».

Непрерывный профессиональный апгрейд вписывается в концепт кандидатоцентричности в государственной кадровой политике, где процесс реализации кадровых технологий превращается в партнерский диалог. Такой подход особенно важен в современных реалиях, поскольку во главу угла всех HR-процессов ставятся интересы соискателя, претендующего на свободную вакансию.

В целом отметим, что кандидатоцентричность, человекоцентричность – это императивы цифровой эпохи. Если раньше присутствие человека, клиента автоматически становилось сигналом для обращения внимания, то в цифровой среде человек находится в постоянном так называемом «шуме». И здесь кандидатоцентричность, человекоцентричность будут являться способом, с помощью которого можно пробиться сквозь этот «шум», где будет присутствовать человеческое понимание контекста [Чуб А.А., Полевая М.В.; 15].

Барьеры и окна возможностей в государственной кадровой политике как управленческого инструмента стратегического развития

Социальные барьеры развития госу-

дарственной кадровой политики – это совокупность общественных, ценностных и институциональных факторов, которые затрудняют формирование эффективной системы управления кадровым составом государственного органа или управления персоналом организации. Основные новые вызовы:

- появляется потребность в сотрудниках, умеющих работать с цифровыми сервисами, данными, ИИ и электронным документооборотом;

- быстрое устаревание знаний, поскольку профессии и компетенции меняются, необходимы адекватные меры по непрерывной профессионализации кадров;

- на рынке труда не хватает людей с необходимыми навыками, особенно в ИТ, аналитике, управлении проектами, кибербезопасности;

- государство и бизнес конкурируют за одних и тех же специалистов, поэтому важно создавать привлекательные условия работы;

- удалённая и гибридная занятость, в связи с чем новые формы работы требуют иных подходов к управлению, контролю, коммуникации и оценке результатов и др.

Что это означает для кадровой политики? Ответом на эти вызовы является постоянное совершенствование и развитие теории и практики государственной кадровой политики, наполнение ее новым содержанием, управленческим инструментарием и инновационными технологиями.

Ключевой точкой роста следует считать реализуемый в настоящее время портфель национальных проектов как инструмент трансляции стратегических целей в плоскость конкретных мероприятий, обеспеченных ресурсами и организационными механизмами. Практически все реализуемые в период

с 2019-2024гг 14 нацпроектов и новые 20 нацпроектов, старт которым был дан с января 2025 года по 2030год, содержат кадровый компонент¹⁶. Сегодня признан факт, что стратегический подход повышает эффективность управления, помогая достигать общественно значимых результатов при рациональном использовании ресурсов.

Современные вызовы государственной кадровой политики связаны с глубокими изменениями в экономике, технологиях, демографической структуре общества и системе государственного управления. Контексты изменений различны: часто на практике реализуются стратегии изменений, но таковыми мы их уже не считаем. Это реалии современной профессиональной деятельности. В том числе мы часто не учитываем глубинных изменений: демографических, цифровых, профессиональных, изменение форм занятости, развитие антикризисных и рискованных компетенций и др. Эти процессы подтверждают значимость государственной кадровой политики, наших знаний о социальной природе и социальной обусловленности человеческих возможностей, личностного и профессионального потенциала человека, их реализации в социально-трудовом процессе или государственно-служебной деятельности, в конкретной профессиональной среде.

Современная государственная кадровая политика должна быть гибкой, ориентированной на развитие человеческого капитала и способной быстро адаптироваться к изменениям внешней среды. Ее главная задача – обеспечить государство персоналом, способным эффективно решать задачи общественного развития.

¹⁶ Национальные проекты России // URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.06.2026)

Список литературы

1. Анисимов В.М. Военно-кадровая политика - сущность, содержание, гражданский контроль: Социально-философский анализ Диссер. на соискание ученой степени доктора социологических наук. – М.: 2010.
2. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Политика. Журнал политической философии и социологии политики. 2023. № 4. С. 67-93.
3. Грязнова В.Н. Ценностная основа развития профессионального капитала государственной гражданской службы в условиях изменений // Этносоциум и межнациональная культура, 2018г. № 11 (125).
4. Густова Е.В. Амплификация как один из способов решения латеральных (малых творческих) задач: значение амплификации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 12А. С. 41-49.
5. Душакова Л.А. Правовое обеспечение стратегического государственного управления (теоретико-методологические аспекты) Диссер. на соискание ученой степени доктора юридических наук. М. 2021.
6. Крымов В.Б. Стратегическое планирование в системе управления социально-экономическим развитием субъекта Российской Федерации. Диссер. на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М.: 2010.
7. Корнилович В.А. Государственное стратегическое управление: социологический подход Диссер. на соискание ученой степени доктора социологических наук. – М.: 2021.
8. Квинт В.Л. К11 Концепция стратегирования. Т. I. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2022. 132 с.
9. Мартынова С.Э., Богатырева Т.Г. Цифровые HR -платформы и экосистемы в государственном управлении // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Том 18. № 3. С. 108-130.
10. Назаров В.П. Развитие теоретических и методологических основ стратегического планирования в Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз Диссер. на соискание ученой степени доктора политических наук. – М.: 2021.
11. Немировский В.Г. Традиционные ценности в современном российском социологическом дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2025. № 1. С. 13-36.
12. Пицик Н.И. Государственная кадровая политика в органах власти и управления как социальный институт. Диссер. на соискание ученой степени доктора социологических наук. 2006.
13. Ирхин Ю.В. Глобализация: вызовы и преимущества. Итоги Всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки в Монреале // ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, 2014. № 5 (91).
14. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности [Электронный ресурс]: монография / В.С. Третьякова [и др.]; под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 142 с.
15. Чуб А.А., Полевая М.В. Концепции клиентоцентричности и человекоцентричности в кадровом менеджменте как ответ на стратегические вызовы цифровой экономики. Социально-трудовые исследования. 2025. № 60 (3). С. 185-192.
16. Фотина Л.В. Кадровая политика и кадровый аудит организации: учебник для вузов / под общей редакцией Л.В. Фотиной. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. 478 с.

References

1. Anisimov, V.M. Military Personnel Policy: Essence, Content, Civilian Control: A Social and Philosophical Analysis. Dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. Moscow: 2010.
2. Borshchevsky, G.A. Traditional Russian Values: An Institutional Analysis // Polity. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics. 2023. № 4. P. 67-93.
3. Gryaznova, V.N. The Value Basis for the Development of Professional Capital in the State Civil Service in the Context of Change // Ethnosociety and Interethnic Culture, 2018. № 11 (125).
4. Gustova, E.V. Amplification as One of the Ways to Solve Lateral (Small Creative) Problems: The Importance of Amplification // Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2024. Vol. 13. № 12A. P. 41-49.
5. Dushakova L.A. Legal Support for Strategic Public Administration (Theoretical and Methodological Aspects). Dissertation for the Degree of Doctor of Law. Moscow, 2021.
6. Krymov, V.B. Strategic Planning in the Management System of Socioeconomic Development of a Subject of the Russian Federation. Dissertation for the Degree of Doctor of Economics. Moscow: 2010.
7. Kornilovich, V.A. Public Strategic Management: A Sociological Approach. Dissertation for the Degree of Doctor of Sociological Sciences. Moscow: 2021.
8. Kvint, V.L. K11. The Concept of Strategizing. Vol. I. – St. Petersburg: North-West Management University of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022. 132 p.
9. Martynova, S.E., Bogatyreva, T.G. Digital HR Platforms and Ecosystems in Public Administration // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2023. Vol. 18. № 3. P. 108-130.
10. Nazarov V.P. Development of Theoretical and Methodological Foundations of Strategic Planning in the Russian Federation in the Context of New Challenges and Threats. Dissertation for the degree of Doctor of Political Science. Moscow: 2021.
11. Nemirovsky V.G. Traditional Values in Contemporary Russian Sociological Discourse // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology. 2025. № 1. P. 13-36.
12. Pitsyk N.I. State Personnel Policy in Government and Administration Bodies as a Social Institution. Dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. 2006.
13. Irkhin Yu.V. Globalization: Challenges and Benefits. Results of the World Congress of the International Political Science Association in Montreal // CIVIL SERVICE, 2014. № 5 (91).
14. Transprofessionalism of subjects of social and professional activity [Electronic resource]: monograph / V.S. Tretyakova [et al.]; edited by E.F. Zeer, V.S. Tretyakova. Yekaterinburg: Publishing house of the Russian state prof.-ped. University, 2019. 142 p.
15. Chub A.A., Polevaya M.V. Concepts of client-centricity and human-centricity in HR management as a response to the strategic challenges of the digital economy. Social and labor studies. 2025. № 60 (3). P. 185-192.
16. Fotina L.V. HR policy and HR audit of an organization: textbook for universities / edited by L.V. Fotina. - Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 478 p.

Нерсисян Р.С.

Эксперт в области когнитивного суверенитета и когнитивных технологий, г. Москва.

Проективное государство: понятие, архитектура, научный фундамент*

Аннотация. Статья представляет концепцию проективного государства – формирующегося типа государственности, при котором защита прав будущих поколений встроена в институциональную архитектуру власти. Исследованы исторические предпосылки, базовые принципы, институциональная архитектура, экономическое измерение и научный фундамент проективного государства. Проведён сравнительный анализ с социальным государством, экологическим государством и плановой экономикой советского типа. В статье представляется концепция проективного государства как закономерного следующего этапа эволюции государственности, добавляющего к существующим функциям государства темпоральное измерение. Показана преемственность концепции по отношению к теории правового государства, институциональной экономике и концепции устойчивого развития. Обосновано, что проективное государство является закономерным этапом эволюции государственности, а не произвольной конструкцией. Проектное государство опирается на четыре традиции, следовательно, проективное государство не изобретает новую реальность, а синтезирует достижения нескольких признанных научных школ применительно к новой проблеме – институциональной защите прав будущих поколений. На основе проведенного автором анализа прецедентов сформулированы закономерности институционального дления: тест смерти основателя, пять условий выживания (автономия, легитимность, ресурс, адаптивность, репродуктивность), парадокс жёсткости, адаптивная жёсткость, закон институциональной энтропии.

Публикация статьи приглашает читателей к дальнейшей дискуссии с автором.

Ключевые слова: проективное государство, темпоральный суверенитет, прескрипт, трансгенерационная экспертиза, межпоколенческая справедливость, Индекс негэнтропийного развития, прескриптология, проективный реализм, прескриптивный совет, темпоральные институты.

Nersesyan R.S.

Expert in the field of cognitive sovereignty and cognitive technologies, Moscow.

The projective state: concept, architecture, scientific foundation

Abstract. The article presents the concept of a projective state, an emerging type of statehood in which the protection of the rights of future generations is embedded in the institutional architecture of government. The historical background, basic principles, institutional architecture, economic dimension and scientific foundation of the projective state are investigated. A comparative analysis is carried out with a social state, an ecological state and a planned economy of the Soviet type. The article presents the concept of a projective state as a logical next stage in the evolution of statehood, adding a temporal dimension to the existing functions of the state. The continuity of the concept in relation to the theory of the rule of law, institutional economics and the concept of sustainable development is shown. It is proved that the projective state is a natural stage of the

* © Нерсисян Р.С., 2026.

Проективное государство: понятие, архитектура, научный фундамент

evolution of statehood, and not an arbitrary construction. The project state is based on four traditions, therefore, the projective state does not invent a new reality, but synthesizes the achievements of several recognized scientific schools in relation to a new problem – the institutional protection of the rights of future generations. Based on the author's analysis of precedents, the patterns of institutional formation are formulated: the death test of the founder, the five conditions of survival (autonomy, legitimacy, resource, adaptivity, reproduction), the paradox of rigidity, adaptive rigidity, the law of institutional entropy. The publication of the article invites readers to further discussion with the author.

Key words: projective state, temporal sovereignty, prescript, transgenerational expertise, intergenerational justice, Negentropic Development Index, prescriptology, projective realism, prescriptive council, temporal institutions.

Эволюция государства представляет собой последовательное расширение его функций и круга лиц, чьи интересы подлежат защите. В XVIII-XIX веках сформировалось правовое государство, ограничившее произвол власти законом и защитившее права человека. В конце XIX и первой половине XX века сложилось социальное государство, добавившее к правовым гарантиям обязательства по обеспечению благосостояния граждан. Во второй половине XX века возникло экологическое государство, признавшее защиту окружающей среды самостоятельной функцией публичной власти. Каждый из этих переходов был ответом на объективные изменения масштаба человеческой деятельности и характера возникающих рисков.

В начале XXI века человечество столкнулось с новым классом вызовов:

- климатические изменения;
- истощение невозобновляемых ресурсов;
- демографические дисбалансы;
- технологические риски, связанные с развитием искусственного интеллекта. Общей чертой этих вызовов является их темпоральная природа, а именно издержки от их игнорирования отложены во времени, тогда как издержки от их предотвращения проявляются

немедленно. Существующая архитектура государственных институтов, ориентированная на электоральный цикл и бюджетный период, структурно не способна адекватно реагировать на такие вызовы [1].

Настоящая статья представляет концепцию проективного государства как закономерного следующего этапа эволюции государственности, добавляющего к существующим функциям государства темпоральное измерение. Цель работы – дать систематическое описание понятия, архитектуры и научного фундамента проективного государства, показав его преемственность по отношению к признанным научным подходам.

Проективное государство не является произвольной конструкцией. Оно опирается на несколько признанных научных традиций.

Первая традиция – теория правового государства, восходящая к Джону Локку, Шарлю-Луи Монтескьё и Иммануилу Канту. Правовое государство ввело принцип разделения властей и связанность государства законом. Проективное государство не отменяет эти принципы, а достраивает их: к трём классическим ветвям власти добавляется четвёртое, темпоральное измерение. Легитимность темпоральных ин-

ституты основана не на выборах, а на моральном мандате перед будущими поколениями, однако их решения могут быть преодолены демократическими процедурами – квалифицированным большинством парламента или темпоральным плебисцитом.

Вторая традиция – институциональная экономика в лице Дугласа Норта и Элинора Остром. Норт показал, что институты создают стимулы, определяющие траекторию экономического и социального развития, и что неэффективные институты могут сохраняться длительное время в силу зависимости от траектории предшествующего развития [2]. Остром доказала, что общие ресурсы могут управляться устойчиво без приватизации и без государственного контроля при наличии адекватных институциональных механизмов [3]. Проективное государство применяет эти выводы к новому объекту – времени как ресурсу. Время, подобно пастбищу или водоёму, является общим ресурсом, подверженным истощению при отсутствии институциональной защиты. Прескриптивный совет, Уполномоченный и Фонд будущих поколений выполняют ту же функцию, что и институты коллективного действия у Остром, но применительно к темпоральному измерению.

Третья традиция – концепция устойчивого развития, сформулированная в докладе Брундтланд (1987) и конкретизированная в Целях устойчивого развития ООН (2015). Доклад Брундтланд определил устойчивое развитие как развитие, удовлетворяющее потребности настоящего без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои потребности [4]. ЦУР установили 17 целей и 169 задач, однако не создали институтов принуждения к их достижению. Опыт реализации

ЦУР показывает, что при отсутствии механизмов ответственности даже самые амбициозные цели остаются декларациями. Проективное государство восполняет этот пробел, создавая институты с правом вето и защищённым финансированием.

Четвёртая традиция – теория систем и кибернетика. Илья Пригожин показал, что устойчивость неравновесных систем поддерживается через постоянный обмен с окружающей средой и что сложные системы способны к самоорганизации [5, с. 180–220]. Норберт Винер обосновал, что качество управления определяется налаженностью механизмов обратной связи [6, с. 145–170]. Проективное государство применяет эти идеи: Индекс негэнтропийного развития выполняет функцию обратной связи, а трансгенерационный фильтр – функцию предохранителя, блокирующего решения с необратимыми последствиями.

Таким образом, проективное государство не изобретает новую реальность, а синтезирует достижения нескольких признанных научных школ применительно к новой проблеме – институциональной защите прав будущих поколений.

Проективное государство определяется как тип государства, делающего проектное мышление своей идеологией, проективный реализм – методологией, а осознанное историческое целеполагание – возобновляемым институциональным ресурсом.

Проективное мышление в данном контексте понимается как способность видеть будущее как пространство действия, переводить образ желаемого будущего в институциональную архитектуру и отличать проектный подход от утопического. В отличие от утопии, которая рисует идеал без объяснения

пути к нему, проективное мышление включает дорожную карту и конкретные институциональные механизмы. В отличие от прогноза, который экстраполирует существующие тренды, проективное мышление создаёт институциональные условия для изменения этих трендов.

Проективный реализм как методология определяется через критерий осуществимости, а именно через истинность теоретического положения, которое определяется его способностью породить работающий институт. Термин «проективный реализм» был введён Хансом Рейхенбахом в 1938 году как философская концепция, объясняющая, как научное познание проецирует гипотезы на мир [7]. В начале XXI века он был переосмыслен и операционализирован применительно к задачам государственного строительства [8].

Отличие проективного государства от смежных понятий проводится по нескольким линиям. От правового государства оно отличается добавлением темпорального измерения, выражающиеся в правовом государстве, которое защищает права живущих, проективное добавляет к ним права будущих поколений. От социального государства – расширением круга субъектов защиты: социальное государство защищает живущих граждан от бедности и болезней, проективное защищает ещё не рождённых от необратимого истощения ресурсов и разрушения институтов. От экологического государства – институциональной обеспеченностью: экологическое государство провозглашает цели, но не создаёт органов с правом вето на решения, противоречащие этим целям. От плановой экономики советского типа – автономией темпоральных институтов: Госплан был зависим от партии и рухнул вместе с ней, Пре-

скриптивный совет автономен и защищён от политической конъюнктуры.

Проективное государство опирается на пять базовых принципов.

Первый принцип – межпоколенческая справедливость. Он восходит к концепции ответственности перед будущими поколениями, сформулированной Хансом Йонасом в работе «Принцип ответственности» (1979). Йонас обосновал новый категорический императив: «Поступай так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с продолжением подлинно человеческой жизни на Земле» [9]. Проективное государство переводит этот моральный императив в правовую плоскость, создавая институты, обеспечивающие его соблюдение.

Второй принцип – темпоральный суверенитет. Классическая теория суверенитета, восходящая к Жану Бодену и Макс Веберу, оперирует двумя измерениями: пространственным (контроль над территорией) и силовым (монополия на легитимное насилие) [10, с. 85–130]. Проективное государство добавляет третье измерение – темпоральное, коорое выражается в способности связывать себя долгосрочными решениями, обязательными для будущих правительств, и способен блокировать действия, создающие необратимые риски для потомков.

Третий принцип – свобода выбора будущих поколений. Он означает, что нынешнее поколение не вправе предписывать потомкам образ жизни, политическое устройство или культурный выбор. Единственное легитимное ограничение – это сохранение самой возможности выбора. Этот принцип отличает проективное государство от утопических проектов, которые предписывают будущему конкретную модель общества.

Четвёртый принцип – научная обоснованность стратегических решений. Он означает, что решения с долгосрочными последствиями проходят трансгенерационную экспертизу, основанную на данных, а не на политической конъюнктуре. Этот принцип опирается на концепцию доказательной политики (evidence-based policy) и принцип предосторожности, закреплённый в Декларации Рио-де-Жанейро 1992 года [4].

Пятый принцип – институциональная автономия темпоральных органов. Он означает, что органы, представляющие будущие поколения, не зависят от текущей власти организационно, финансово и кадрово. Этот принцип основан на закономерности, выявленной прескриптологией, в которой прескрипты, не имеющие автономных институтов-хранителей, разрушаются при смене власти.

Институциональная архитектура проективного государства включает пять взаимосвязанных элементов.

Прескриптивный совет – коллегиальный орган стратегической фильтрации. Его состав: 15 экспертов, назначаемых Президентом, Советом Федерации, Государственной Думой, Общественной палатой и Российской академией наук на 12 лет с ротацией трети состава каждые 4 года и запретом переназначения. Председатель – президент РАН. Полномочия будут включать в себя: обязательную трансгенерационную экспертизу федеральных законов и программ с горизонтом последствий свыше 25 лет, право отклоняющего вето, преодолеваемого квалифицированным большинством парламента или темпоральным плебисцитом, ежегодный публичный доклад Федеральному Собранию.

Уполномоченный по правам будущих поколений – персональный ин-

ститут. Назначается Государственной Думой по представлению Президента квалифицированным большинством на 12 лет без права переназначения. После мандата вводится 5-летний запрет на занятие государственных должностей. Полномочия: рассмотрение обращений граждан, расследование угроз, приостанавливающее вето, ежегодный доклад, право законодательной инициативы и обращения в Конституционный суд.

Фонд будущих поколений – публичное юридическое лицо особого типа. Его средства не являются бюджетными и не подлежат изъятию или секвестру. Источники: отчисления от налога на добычу полезных ископаемых, доля доходной части федерального бюджета, экологические сборы, доходы от консервативного инвестирования, добровольные взносы. Управление осуществляется при помощи попечительского совета под председательством президента РАН. Контроль осуществляет Счётная палата, внешний аудит, публичная отчётность. Расходование строго по трём направлениям: содержание темпоральных институтов (не более 30%), стратегические проекты с горизонтом свыше 25 лет (не менее 50%), компенсационные программы (до 20%).

Трансгенерационный фильтр – процедура оценки стратегических решений по шести критериям: когнитивный капитал (знания, языки, научные школы), человеческий потенциал (здоровье, демография, образование), ресурсная база (невозобновляемые и возобновляемые ресурсы, биоразнообразие), технологический потенциал (компетенции, инфраструктура), институциональный потенциал (работающие институты, правовая система), свобода выбора будущих поколений (приоритетный критерий). Оценка выставляется по шкале от -3 до +3. Решение, получившее -2

или –3 хотя бы по одному критерию, блокируется. Вето может быть преодолено квалифицированным большинством парламента или вынесено на темпоральный плебисцит.

Темпоральный плебисцит – высшая инстанция. Народ голосует не как совокупность текущих избирателей, а как символический представитель цепочки поколений. Применяется для принятия прескрипта, преодоления вето и разрешения конституционных тупиков. Голосование проводится с отсрочкой не менее 6 месяцев для обеспечения информированного обсуждения [11].

Экономическое измерение проективного государства включает несколько инструментов.

Индекс негэнтропийного развития – официальный статистический показатель наравне с ВВП. Он измеряет три компонента: сложность (8 показателей, от диверсификации экономики до количества образовательных программ), упорядоченность (6 показателей, от индекса восприятия коррупции до предсказуемости бюджетной политики), осмысленность (6 показателей, от наличия долгосрочной стратегии до медийного индекса долгосрочной повестки). Все 20 показателей рассчитываются на основе открытых данных Росстата, Федеральной таможенной службы, Министерства юстиции и других ведомств. ИНР нормируется от 0 до 100. Падение в течение трёх лет подряд обязывает Правительство пересмотреть стратегический курс.

Прескриптивная биржа – институциональная платформа сочленения долгосрочного капитала и стратегических проектов, прошедших трансгенерационную экспертизу. Её принципы: обязательная экспертиза на входе, долгосрочный горизонт оценки, запрет спекуляций (минимальный срок удер-

жания – 25 лет), персонализация участников. Инструменты: темпоральные облигации (25–100 лет), обязательства перед будущим, сертификаты ИНР, Прескриптивная стабильная токенизация – цифровая валюта, обеспеченная портфелем долгосрочных активов.

Темпоральная рента – доход, извлекаемый из институциональной защиты прав будущих поколений. Её источники: предотвращение катастрофических ошибок, снижение транзакционных издержек, привлечение долгосрочного капитала, доходы Прескриптивной биржи, экспорт темпоральной надстройки, снижение стоимости государственных заимствований. В отличие от ресурсной ренты темпоральная рента не истощается, а возрастает по мере накопления прескриптивного капитала [12].

Научный фундамент проективного государства образуют три формирующиеся дисциплины.

Прескриптология – это наука о закономерностях создания, функционирования и распада долгосрочных нормативно-стратегических предписаний (прескриптов). Её центральная категория – прескрипт, определяемый пятью признаками: долгосрочный горизонт, усиленный порядок изменения, учредительный характер, морально-правовая природа, институциональная самозащита. Прескрипт отличается от закона усиленным порядком изменения и наличием автономных органов-хранителей; от стратегии – высшей юридической силой; от декларации – механизмами принуждения; от конституции – фокусировкой на темпоральном измерении.

Эмпирическую базу прескриптологии составляют исторические формы прескриптов. Религиозные каноны (Тора, Библия, Коран) действуют тысячелетиями благодаря механизмам

сакрализации, догматизации и сообществам хранителей. Конституция США (1787) действует более 230 лет благодаря краткости текста, сложной процедуре поправок и Верховному суду как интерпретатору. Кодекс Наполеона (1804) действует более 200 лет и распространён на десятки стран через добровольное заимствование. Советский Госплан, напротив, рухнул вместе с партией из-за отсутствия институциональной автономии.

На основе анализа этих прецедентов сформулированы закономерности институционального дления: тест смерти основателя, пять условий выживания (автономия, легитимность, ресурс, адаптивность, репродуктивность), парадокс жёсткости, адаптивная жёсткость, закон институциональной энтропии [13].

Метадология – это наука о проектировании парадигм. Она изучает процессы создания и смены фундаментальных рамок мышления и действия. Её метод заключается в мета-проектировании, а именно: создание новых парадигм через переопределение базовых категорий. Переход к проективному государству потребовал переопределения суверенитета (добавление третьего измерения), капитала (введение прескриптивного), ренты (введение темпоральной) и права (введение прескрипта) [14].

Темпоралогия – это наука о времени в социальных системах. Она вводит время как измерение суверенитета и обосновывает, что время является ресурсом, который может быть институционально освоен или утрачен.

Для верификации концепции проективного государства проведём её сравнение с существующими моделями.

Социальное государство, сформировавшееся в XX веке, добавило к функциям государства ответственность

за благосостояние граждан включающее: пенсионное обеспечение, здравоохранение, образование. Проективное государство не отменяет эти функции, но добавляет к ним новое измерение: защиту прав ещё не рождённых. Социальное государство защищает гражданина от бедности в течение его жизни, проективное от необратимого истощения ресурсов, которые понадобятся его потомкам. Оба типа государства расширяют круг защищаемых интересов, но в разных временных направлениях: социальное – в пределах жизни одного поколения, проективное – за его пределами.

Экологическое государство, сформировавшееся во второй половине XX века, добавило ответственность за природную среду. Проективное государство углубляет эту функцию: экологическое государство защищает природу от загрязнения, проективное от необратимого истощения в интересах будущих поколений. Различие проходит по линии институциональной обеспеченности: экологическое государство провозглашает цели и нормативы, но не создаёт органов с правом вето на решения, противоречащие этим целям. Проективное государство создаёт такие органы.

Плановая экономика советского типа, реализованная через Госплан, была первой попыткой превратить проектирование будущего в функцию государства. Проективное государство извлекает уроки из её краха. Госплан был зависим от партии и рухнул вместе с ней, в противовес этому проективное государство создаёт автономные темпоральные институты. Госплан был чрезмерно жёстким, следовательно, проективное государство использует адаптивную жёсткость. Госплан не имел измерителя устойчивости, альтер-

нативного валовым показателям, а проективное государство вводит ИНР [15].

Реализация проективного государства предполагает четыре этапа.

Первый этап (2026–2030) – пилотный Татарстан: принятие Стратегии «Татарстан-2100» в статусе конституционного закона республики, создание региональных Прескриптивного совета, Уполномоченного и Фонда будущих поколений, запуск. Прескриптивной биржи в тестовом режиме на базе Иннополиса, открытие первого Прескрипториума на базе КФУ.

Второй этап (2030–2040) – федеральное масштабирование: конституционная поправка о темпоральном суверенитете, федеральный конституционный закон «О темпоральном суверенитете и защите прав будущих поколений», создание федеральных темпоральных институтов, сеть Прескрипториумов при ведущих университетах.

Третий этап (2040–2060) – международное признание: создание Международной ассоциации темпоральных регионов, принятие Международного прескрипта прав будущих поколений, учреждение глобальных темпоральных институтов.

Четвёртый этап (2060–2100) – проективное государство как глобальная норма [11].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что проективное государство представляет собой закономерный этап эволюции государственности, а не произвольную конструкцию. Оно опирается на признанные научные подходы: теорию правового государства, институциональную экономику, концепцию устойчивого развития, теорию систем. Оно продолжает линию расширения функций государства: от правового к социальному, от социального к экологическому, от экологиче-

ского к проективному.

Его институциональная архитектура представляет Прескриптивный совет, Фонд будущих поколений, трансгенерационный фильтр, темпоральный плебисцит – спроектирован на основе познанных закономерностей институционального дления. Его экономические инструменты включают в себя: ИНР, Прескриптивную биржу, темпоральную ренту, которую операционализируют в концепцию устойчивого развития. Его научный фундамент заключен в прескриптологии, метадологии, темпоралогии и находится в стадии формирования, но уже имеет эмпирическую базу и категориальный аппарат.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую верификацию предложенной модели, сравнительный анализ с существующими национальными темпоральными институтами и разработку методологии оценки эффективности проективного государства.

Список литературы

1. Нерсисян Р.С. Темпоральная наука. – М.: Проективный реализм, 2026. 9 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. сангл. – М.: Начала, 1997. 187 с.
3. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективного действия / пер. сангл. – М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010. 224 с.
4. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. сангл. – М.: Прогресс, 1989. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. сангл. – М.: Прогресс, 1986. 432 с.
6. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. сангл. – М.: Иностранная литература, 1958. 204 с.
7. Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. – Chicago: University of Chicago Press, 1938. 424 с.
8. Нерсисян Р. С. Проективный реализм: от Рейхенбаха к Нерсисяну. – М.: Проективный реализм, 2026. 29 с.
9. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / пер. нем. – М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
10. Вебер М. Политика как призвание и профессия / пер. с нем. – М.: Риполклассик, 2018. 220 с.

11. Нерсисян Р.С. Теория проективного государства. – М.: Проективный реализм, 2026. 61 с.
12. Нерсисян Р.С. Экономика темпоральной цивилизации: монетизация проективного реализма. – М.: Проективный реализм, 2026. 10 с.
13. Нерсисян Р.С. Прескриптология: научно-методологический фундамент темпоральной цивилизации. – М.: Проективный реализм, 2026. 36 с.
14. Нерсисян Р.С. Метадология: наука о проектировании парадигм. – М.: Проективный реализм, 2026. 4 с.
15. Нерсисян Р.С. История темпорального государства и права. – М.: Проективный реализм, 2026. 82 с.
16. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 31-40.

References

1. Nersesyan R.S. Temporal Science. Moscow: Projective Realism, 2026. 9 p.
2. North D. Institutions, Institutional Change, and the Functioning of the Economy / English translation. Moscow: Nachala, 1997. 187 p.
3. Ostrom E. Managing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action / English translation. Moscow: IRISEN; Mysl', 2010. 224 p.
4. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development (WCED) / English translation. Moscow: Progress, 1989. Moscow: Progress, 1989. 376 p.
5. Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos. The New Dialogue of Man with Nature / English translation. Moscow: Progress, 1986. 432 p.
6. Wiener N. Cybernetics and Society / translated from English. – Moscow: Inostrannaya Literatura, 1958. 204 p.
7. Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. – Chicago: University of Chicago Press, 1938. 424 p.
8. Nersesyan R.S. Projective Realism: From Reichenbach to Nersesyan. – Moscow: Proektivny Realizm, 2026. 29 p.
9. Jonas G. The Principle of Responsibility. An Ethical Experience for a Technological Civilization / translated from German. – Moscow: Iris-Press, 2004. 480 p.
10. Weber M. Politics as a Vocation and Profession / translated from German. – Moscow: Ripolklassik, 2018. 220 p.
11. Nersesyan R.S. The Theory of the Projective State. – Moscow: Projective Realism, 2026. 61 p.
12. Nersesyan R.S. The Economy of Temporal Civilization: Monetizing Projective Realism. – Moscow: Projective Realism, 2026. 10 p.
13. Nersesyan R.S. Prescriptology: The Scientific and Methodological Foundation of Temporal Civilization. – Moscow: Projective Realism, 2026. 36 p.
14. Nersesyan R.S. Metadology: The Science of Designing Paradigms. – Moscow: Projective Realism, 2026. 4 p.
15. Nersesyan R.S. History of the Temporal State and Law. – Moscow: Projective Realism, 2026. 82 p.
16. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 31-40.

Павлов Г.А.

Студент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара.

Крюнкин Ю.Е.

Студент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара.

Логачева М.И.

Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара.

Искусственный интеллект в социологии: методологический прорыв или угроза валидности?*

Аннотация. В статье рассматривается, как искусственный интеллект меняет социологическое исследование: от обработки интервью и открытых ответов до анализа цифровых следов, сетевых сообществ и прогнозных моделей. Особое внимание уделяется не только техническим возможностям ИИ, но и методологическим ограничениям его применения. Алгоритмы помогают быстрее находить повторяющиеся темы, скрытые связи и слабые сигналы в больших массивах данных, однако сами по себе они не объясняют социальный смысл обнаруженных закономерностей. На основе российских и зарубежных примеров показано, что главные риски связаны с алгоритмической предвзятостью, потерей контекста, ошибочной интерпретацией цифровых следов и иллюзией объективности машинного анализа. Делается вывод, что ИИ не должен рассматриваться как замена социолога. Наиболее продуктивной является гибридная модель, при которой алгоритм расширяет поле наблюдения, а исследователь сохраняет ответственность за постановку вопроса, проверку данных и интерпретацию результатов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социология, большие данные, алгоритмическая предвзятость, цифровые методы, социальное прогнозирование, этика ИИ, машинное обучение, валидность данных.

Pavlov, G.A.

Student, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Kryunkin, Yu.E.

Student, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Logacheva, M.I.

PhD in Philology, Associate Professor, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Artificial intelligence in sociology: methodological breakthrough or threat to validity?

* © Павлов Г.А., Крюнкин Ю.Е., Логачева М.И., 2026.

Искусственный интеллект в социологии: методологический прорыв или угроза валидности?

Abstract. The article examines how artificial intelligence is changing sociological research, from the processing of interviews and open-ended survey responses to the analysis of digital traces, online communities and predictive models. The focus is not only on the technical efficiency of AI, but also on the methodological risks that arise when algorithmic results are treated as ready-made sociological knowledge. AI can reveal recurring themes, hidden links and weak signals in large datasets, yet it cannot by itself explain the social meaning of these patterns. Drawing on Russian and international examples, the article discusses algorithmic bias, loss of contextual sensitivity, misinterpretation of digital traces and the illusion of machine objectivity. The main conclusion is that AI should not be viewed as a replacement for the sociologist. Its strongest role is within hybrid research designs, where algorithms broaden the field of observation while the researcher remains responsible for the research question, data validation and interpretation.

Key words: artificial intelligence, sociology, big data, algorithmic bias, digital methods, social forecasting, AI ethics, machine learning, data validity.

Introduction

The spread of artificial intelligence in sociology is not just the arrival of another convenient research tool. It changes the situation in which sociological knowledge is produced. A researcher now works not only with questionnaires, interviews and field notes, but also with enormous volumes of digital traces: comments, posts, reactions, search behavior, online discussions and platform data. In this environment, AI looks almost indispensable because it can process what a human team would need weeks or months to read.

Still, the methodological question begins exactly at this point. Fast processing is not the same as understanding society. An algorithm may notice a correlation, sort thousands of statements into groups or detect a recurring topic, but it does not automatically know what these patterns mean for real people. It does not hear hesitation in an interview, does not recognize a local joke with certainty and does not feel the difference between open disagreement, irony and fear.

For this reason, the issue is not whether sociology should use AI or reject it. A more accurate question is where AI genuinely strengthens sociological work, and where it starts to replace social reality with a technically neat but incomplete model.

This article treats AI as a powerful instrument, but not as an independent source of sociological interpretation.

The economics of research work: what AI actually changes

The most visible advantage of AI lies in routine data processing. Sociological research contains many operations that demand time and accuracy but do not always require deep theoretical interpretation: initial coding of open-ended answers, grouping of repeated topics, search for similar statements, cleaning of textual data and preliminary classification of large online discussions. In these tasks, AI can noticeably reduce the mechanical burden on the researcher [3].

This does not make sociological thinking less important. On the contrary, it shifts attention to the parts of the study where human judgment matters most: formulating the problem, choosing the method, checking the quality of categories and explaining why the result matters. In practice, the machine can read quickly, but it cannot decide whether the categories themselves are sociologically meaningful.

Research centers already use neural network classifiers to work with spontaneous responses and public digital data. Such tools are useful, but their value de-

depends on how carefully the research design was built. If the initial categories are weak or the dataset is unbalanced, a faster algorithm will simply reproduce the same weakness at a larger scale.

Synthetic data: promise and the problem of construct validity

Synthetic data has become one of the most attractive and controversial AI-based instruments. At first glance, it offers a tempting solution: if real respondents are difficult to reach, a model can generate probable answers based on existing datasets. This may help with preliminary modeling, stress testing of hypotheses or work with closed communities where direct access is limited [4].

The problem is that synthetic data easily becomes a mirror looking at itself. If the original dataset contains bias, the model does not remove it by default. It may preserve the distortion, amplify it and present the result in a form that looks statistically confident. For example, if training data is dominated by respondents from small towns, a generated sample may overrepresent their value orientations and make them appear more common than they really are.

For sociology, this is not a minor technical issue. A synthetic respondent can imitate a probable answer, but it cannot replace the lived position of a real person. Where context, experience and social location are central to the study, generated data can only support the early stages of analysis. It cannot become the empirical foundation without additional validation.

Why interpretation cannot be handed over to an algorithm

The main limitation of AI in sociology is not calculation, but interpretation. Large language models are good at capturing statistical regularities in text. They can detect

repeated words, similar arguments and emotional markers. Yet they do not understand social meaning in the same way a researcher does. For them, sarcasm, anger, political irony, group slang and direct hostility may look dangerously similar if the context is thin.

This is especially risky in studies of digital public spheres. If an algorithm reads sarcasm as a literal statement, it can exaggerate the level of radicalization. If it misses local slang, it may label an ordinary group expression as aggression. If it analyzes a single comment outside the discussion in which it appeared, it can turn a fragment of communication into a false indicator of public opinion [1].

Interpretive validity therefore remains a human responsibility. AI can show where a difference appears, which topics are repeated and which groups speak in a similar way. But the question of why this happens still requires interviews, observation, theoretical framing and reflexive analysis. A sociologist does not merely count signals. A sociologist explains their social meaning.

AI as a working partner, not a substitute for the sociologist

Rejecting AI because of its limitations would be as one-sided as trusting it completely. There are many situations where it really expands the researcher's field of vision. It is particularly useful when the data is too large, too fast-moving or too fragmented for manual analysis: social networks, urban communities, public debates, online conflicts and platform-based communication.

AI can help identify latent groups, trace how narratives change over time and detect weak signals before they become visible in traditional surveys. For instance, an algorithm may notice that distrust toward local infrastructure begins to appear repeatedly in neighborhood chats long be-

fore it turns into formal complaints. This does not yet explain the problem, but it gives the researcher a place to look.

The most convincing model is therefore hybrid. The algorithm identifies patterns and suggests possible directions for inquiry; the sociologist checks them through qualitative and quantitative methods. In such a design, AI is not the author of the conclusion. It is a partner that helps the researcher see more, while the researcher decides what can actually be said on the basis of the data.

Russian cases: what the hybrid method shows

One illustrative field is the study of urban online communities. In projects focused on local cohesion, AI can cluster Telegram channels, public pages and comment threads by topic, intensity of interaction and linguistic markers. This makes it possible to map different types of neighborhood communication more quickly than through manual reading alone. But the semantic core of these groups - trust, solidarity, irritation, local pride or everyday mutual help - still has to be interpreted through interviews and contextual analysis [5].

A similar logic appears in the monitoring of interethnic attitudes. A neural network can process millions of comments and highlight statements that formally resemble conflict-generating language. Yet expert review may show that part of these expressions belongs to in-group humor, quotation, local slang or sarcasm. Without human verification, the algorithm could create a more alarming picture of social tension than the data actually supports [3].

These examples point to a simple but important rule: AI is valuable where there is too much material for manual analysis, but the higher the social cost of a conclusion, the stricter the human check must be.

Algorithmic bias and the illusion of objectivity

One of the strongest temptations connected with AI is the belief that algorithmic results are more objective because they are produced by a machine. The logic seems convincing: the system has no mood, no personal sympathies and no visible political position. But this appearance is misleading. An algorithm works through data, and data is always produced in a specific social environment [1].

A dataset can overrepresent active internet users and almost lose those who discuss social issues offline. It can capture the speech of younger groups better than the speech of older ones. It can reflect the architecture of a platform rather than the structure of society. In this sense, AI does not remove the classical problem of representativeness. It adds a new layer to it.

The researcher must therefore ask not only what the model has found, but also what it could not see. Who is present in the data? Who is nearly invisible? Which voices are amplified by platform activity, and which voices remain outside the digital trace? Without these questions, the result may look precise while being sociologically narrow.

The risk of flattened social categories

Another problem concerns the way AI creates social categories. Cluster analysis is useful because it turns a large and messy field into manageable groups. But social life rarely follows such clean boundaries. A person can belong at the same time to a professional network, a fandom community, a neighborhood group and a political discussion space, moving between these identities depending on the situation.

The algorithm tends to fix similarity and draw a boundary. For the researcher, this may be a helpful technical step, but

it is not yet a ready-made social category. If such groups are accepted too quickly, the analysis may make society look more rigid than it actually is. People become boxes; fluid identities become stable segments.

The task of the sociologist is not to reject classification, but to interpret it carefully. It is necessary to understand what exactly unites the people in a segment: shared interests, similar vocabulary, a common reaction to an event, or merely a coincidence of online behavior.

Temporal validity: when the model is already late

Sociological data grows old. Meanings shift, communication platforms change, public speech becomes more cautious or more open, and the same indicator may mean different things at different moments. AI makes this problem sharper because many models are trained on historical data and then applied to current or future situations [2].

In periods of relative stability, this assumption may work reasonably well. In periods of rapid change, it becomes risky. After 2022, Russian digital publics, media consumption and economic behavior changed noticeably. Some platforms changed their role, some audiences became less visible, and part of public discussion moved into more closed channels. A model trained on an earlier structure of communication may misread the present simply because the social environment has moved on.

This means that AI-based sociology must check not only the technical quality of a model, but also the freshness of the social world on which it is based. The practical question is simple: is the environment that trained the model still similar to the environment we are trying to study now?

Toward a reflexive use of AI in sociology

The limitations of AI do not make it useless. They show that digital methods require a new kind of methodological discipline. In the twentieth century, sociologists learned to discuss interviewer effects, non-response, sampling errors and the influence of question wording. Today, algorithmic bias, unstable categories and opaque training data have to be added to the same methodological conversation.

A responsible use of AI in sociology can be built on three principles. First, the origin of the data should be documented: where the dataset came from, which groups are represented in it, which features were used and which limitations are already known. Second, AI analysis should be combined with other methods, such as surveys, interviews, observation or expert review. Third, for any consequential claim, a human researcher must retain the right to question and override the algorithmic result [5].

In other words, AI requires not less methodological attention, but more. The faster the tool produces an answer, the more important it becomes to ask what exactly has been counted, sorted or classified as an answer.

Conclusion

Artificial intelligence does expand the possibilities of sociology. It helps researchers work with volumes of data that were previously almost unreachable, notice repeated themes more quickly, follow changes in digital communication and formulate new hypotheses. In this limited but important sense, AI can be called a methodological breakthrough.

At the same time, it does not replace the central part of sociological work: interpretation. Society cannot be reduced to correlations, and a digital trace cannot

automatically be treated as a complete expression of social reality. Behind every dataset there are people, contexts, silences, unequal visibility and meanings that do not always fit into the model.

The most convincing future is therefore not automated sociology without the sociologist, but a hybrid model. The algorithm helps us see more, but the final explanation must remain with the researcher. It is the human sociologist who connects data with theory, checks the limits of evidence and takes responsibility for the meaning of the result.

Список литературы

1. Chouldechova A., Roth A. Algorithmic Fairness in Sociological Research // *Annual Review of Sociology*. 2024. Vol. 50. № 2. P. 215-240.
2. Korsunova E.A. Искусственный интеллект в анализе социальных сетей: возможности и ограничения // *Социологические исследования*. 2024. № 3. С. 45-59.
3. Roshchina Ya.M., Shevchuk A.V. Гибридные методы: как ИИ меняет дизайн социологических опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024. № 1. С. 78-102.
4. Salganik M.J. *Bit by Bit: Social Research in the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press, 2023. Ch. 6. P. 185-230.
5. Отчёт Российской социологической ассоциации об использовании ИИ в социальных исследованиях, 2025. // URL: <https://www.ssa-rus.ru/ai-sociology-report-2025> (Дата обращения: 27.05.2026).
6. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // *Альманах Казачество*. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

References

1. Chouldechova A., Roth A. Algorithmic Fairness in Sociological Research // *Annual Review of Sociology*. 2024. Vol. 50. № 2. P. 215-240.
2. Korsunova E.A. Artificial Intelligence in Social Network Analysis: Possibilities and Limitations // *Sociological Studies*. 2024. № 3. P. 45-59.
3. Roshchina Ya.M., Shevchuk A.V. Hybrid Methods: How AI is Changing the Design of Sociological Surveys // *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024. № 1. P. 78-102.
4. Salganik M.J. *Bit by Bit: Social Research in the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press, 2023. Ch. 6. P. 185-230.
5. Report of the Russian Sociological Association on the use of AI in social research, 2025. // URL: <https://www.ssa-rus.ru/ai-sociology-report-2025> (27.05.2026).
6. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // *Almanac Cossacks*. 2016. № 85 (4). P. 236-244.

Степная А.А.

2 курс магистратуры, Кубанский государственный университет, Краснодар.

Коробкина М.А.

Кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар.

Формирование процессов управления талантами в организации*

Аннотация. Статья посвящена неотъемлемой части любой организации - человеческим ресурсам. В современных условиях, в условиях жесткой конкуренции и нестабильной среде, наиболее важной становится качественная сторона данного ресурса. Эффективность персонала раскрывается, в первую очередь, через их таланты. Акцент на раскрытии потенциала сегодня, становится стратегическим преимуществом и позволяет реализовать поставленные цели организации уже завтра.

Ключевые слова: таланты, подбор и удержание талантов, подбор перспективных талантливых сотрудников, управление потенциалом внутри компании.

Stepnaya A.A.

2nd-year Master's student, Kuban State University, Krasnodar.

Korobkina M.A.

PhD in Sociology, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar.

Formation of talent management processes in the organization

Abstract. This article focuses on an integral part of any organization: human resources. In today's highly competitive and volatile environment, the quality of this resource is paramount. Employee effectiveness is revealed, first and foremost, through their talents. Focusing on unlocking potential today becomes a strategic advantage and enables the organization to achieve its goals tomorrow.

Key words: talent, talent selection and retention, recruitment of promising talented employees, internal talent management.

Условия современной бизнес-среды диктуют не только профессионально подобрать новых сотрудников, но и инвестировать в их развитие. Если в компании нет новых возможностей, перспективных проектов, инновационных задач или любой точки роста, то

возникнет риск потери квалифицированного и талантливого специалиста. Содействовать развитию потенциала сотрудника, наращиванию знаний, повышению профессионализму может грамотное управление талантами. К нему можно отнести постановку целей,

* © Степная А.А., Коробкина М.А., 2026.

Формирование процессов управления талантами в организации

требующих совершенствования и повышения компетенций, дифференцированный подход к сотрудникам, поддержание ценностей корпоративной культуре, способствующей или тормозящей развития через обмен информацией, дискуссиям на предмет выполняемых функций и задач.

Динамично меняющиеся условия бизнеса, конкурентная борьба, дефицит сотрудников и другие факторы заставляют компании действовать ради своих интересов и, непременно не отставая, а даже опережая других. С другой стороны, каждая компания развивается и доходит до стадии улучшения качества продукции, услуг, старается не просто держать марку, а усовершенствовать и нарастить преимущество. Большую и не менее значимую роль отводят управлению персоналом. Под этим подразумевают вид деятельности, полностью направленной на персонал для формирования кадрового состава и поддержания его в эффективном состоянии, учитывая множество аспектов работы с людьми. Обращаясь к научным трудам, можно выделить несколько определений, одно из которых достаточно разностороннее: А.И. Мясоедов подчеркивает, что «управление персоналом – это системная целенаправленная деятельность, которая планомерно и организовано воздействует через взаимосвязанные организационно-экономические и социальные мероприятия на создание условий для нормального развития и эффективного использования кадрового потенциала для повышения результатов работы как каждого сотрудника, так и всего персонала конкретного предприятия в рыночной среде» [3]. С разных точек зрения можно рассмотреть управление персоналом и как совокупность элементов, и как комплекс мероприятий, и как ряд вза-

имосвязанных действий, однако важно выделить: цель одна – достичь результат, используя потенциал сотрудников. Отдел по управлению персоналом может формироваться различными способами, в зависимости от потребностей компаний, однако, если речь идет о стадии, когда организация наращивает преимущество, используя стратегический подход управления талантами, то, безусловно, необходима команда профессионалов, выполняющих свои обязанности безукоризненно, а это подбор перспективных талантливых сотрудников и управление их потенциалом внутри компании.

Роль подбора и управления талантами в организации крайне важна, так как это не просто функции HR отдела, а полноценный многоэтапный процесс, напрямую влияющий на успех и конкурентоспособность компании.

Подбор талантов – это процесс привлечения, отбора и найма кандидатов, обладающих необходимыми знаниями, навыками и опытом для выполнения конкретных задач. В отличие от традиционного подбора к найму, ориентированного на закрытии вакансии, подбор талантов носит стратегический характер и направлен на выявление потенциальных лидеров, новаторов и экспертов, способных внести значимый вклад в развитие компании.

Примерный алгоритм общего порядка подбора и найма талантливых сотрудников можно раскрыть через следующие описанные процедуры.

Вначале поступает заявка на определенную должность, именно на этом этапе можно сформировать профиль идеального кандидата, важно уточнить информацию по требованиям к кандидату.

Далее необходимо разместить информацию о вакансии (СМИ, интер-

нет, службы занятости), а также начать поиск кандидатов по имеющейся базе данных соискателей, которые уже сами определились со своей будущей сферой деятельности и готовы к переменам.

На следующем этапе проводится тщательный сбор, анализ резюме и анкет. В случае отбора на целевое обучение талантов будет эффективно использовать метод «мотивационное эссе». В котором кандидат сможет отразить свои интересы, сильные стороны, поделиться своим опытом, достижениями и обозначить свои прерогативы, приоритеты и цели на ближайшее и более далекое будущее.

Важно правильно использовать информацию о кандидатах, здесь поможет использование электронной базы и новые технологии, благодаря которым можно рассмотреть все данные характеристики под различными призмами, ракурсами но и сконцентрировать внимание на главном: «цифровизация процессов управления персоналом позволяет оптимизировать работу HR-специалистов, освободив их от занимающих большое количество времени рутинных операций, облегчив принятие решений на основе расчета различных статистических показателей, а основную часть усилий и времени направить на развитие персонала и заботу о его благополучии, т.е. ту работу, которую способен сделать только человек» [1].

Неоднократно упоминалась значимость обратной связи, которая может происходить через телефонные переговоры или электронную переписку, что вполне упростит и упорядочит подбор кандидатов на первых этапах.

Кроме этого, стоит уточнить информацию по резюме кандидата и убедиться в предоставленных данных или же обратное, что повлечет обоснованный

отказ. Если же информация подтвердится, то необходимо пригласить возможного будущего работника на собеседование, а после на собеседование с непосредственным руководителем. Опять же по итогам каждого собеседования важно принять решение о дальнейшем сотрудничестве или отказе соискателю. Если кандидат проходит все этапы отбора успешно, то можно закрывать вакансию, задокументировать данный процесс и согласие на трудовые отношения.

Подбор талантов или же привлечение лучших кандидатов включает множество аспектов. Важно определить потребности организации, а это четкое понимание целей, стратегии и бизнес-задач является основой для определения требуемых компетенций и профилей кандидатов, кроме этого, необходимо сформировать сильный бренд работодателя, привлекательная репутация компании как места работы, где ценят сотрудников, развивают их профессионально и предлагают интересные возможности будет популярна среди кандидатов и иметь высокий уровень лояльности у работающих сотрудников. Также стоит озаботиться и об эффективных каналах рекрутинга для охвата необходимой целевой аудитории: социальные сети, онлайн-порталы, отраслевые мероприятия. Безусловно, стоит обратить внимание и на внутренние процессы, а именно создать и выработать прозрачный и привлекательный процесс найма: четкое описание вакансии и условий, комфортное проведение собеседований, создающих положительное впечатление о компании. Помимо этого, необходимо оценивать «жесткие навыки» и «мягкие навыки», а также иметь верные представления соответствия ценностей кандидата и культуры компании. «Качественное

позиционирование компании в качестве работодателя, применение лучших онлайн-инструментов привлечения, сотрудничество с вузами, организация и проведение различных мероприятий повышают привлекательность работодателя на рынке труда и, как следствие, способствуют привлечению Hi-Po талантов» [7].

Управление талантами – это комплекс мероприятий, направленных на развитие, удержание и мотивацию талантливых сотрудников для выполнения, поставленных задач для достижения успеха. Это непрерывный процесс, охватывающий все этапы жизненного цикла сотрудника в компании. Программы адаптации помогают новым сотрудникам быстрее освоиться в организации, понять ее культуру и ценности, а также установить прочные связи с коллегами.

Неоднократно отмечалось, что возможности карьерного роста, включающего тренинги, форумы, конференции и получение разностороннего образования являются ключевыми факторами удержания не только талантов, но и рядовых сотрудников. Взаимодействие с руководством, поощрения, признание достижений способствуют повышению вовлеченности сотрудников, укреплению хорошего отношения, что также проецируется на мотивации. Регулярная оценка работы и производительности дает ощущение стабильности, основы устройства отдела и компании. Кроме этого, если руководство организации заинтересованно в своих сотрудниках, вкладывается в них ресурсы, составляет индивидуальные планы карьеры, то это позволяет для компании сохранить непрерывность управления, сохранять компетенции главных направлений работы в целом, а в глазах работников обретает хорошую репута-

цию и явное преимущество среди других работодателей.

Особенности управления талантами подчеркивает М.О. Латуха: «Данный подход предполагает необходимость грамотного управления талантливыми сотрудниками – чем более четко определены практики управления, тем более значимый результат может получить компания от деятельности такого персонала. Ряд определений позволяет выделить основные элементы системы управления талантами. Опираясь на них, можно утверждать, что управление талантами – это набор практик управления с определенным «фокусом», в котором могут быть индивиды, высокопотенциальные сотрудники или кадровый резерв» [2].

Внедрение системы управления талантами – это долгосрочный процесс, требующий постоянного мониторинга и корректировки. Ключевым фактором успеха является поддержка руководства компании и вовлечение всех сотрудников в процесс. Не существует универсального решения, каждая организация должна разработать собственную систему управления талантами, учитывающую ее специфику и стратегические цели.

Привлечение и развитие талантливых сотрудников в компании способствуют новаторским идеям, креативным решениям, ведь талант раскрывается именно через непосредственность в особой деятельности. Благодаря положительному эффекту воздействия талантливого сотрудника на деятельность организации, возрастает и укрепляется её конкурентная позиция среди остальных компаний как в производстве через инновации, так и её престиж, как работодателя. Применяя вышеперечисленные методы, оставить в стороне остальных, рядовых сотрудников не

получится, и это хорошо, так как это способствует их развитию, соответственно и организации. Стоит грамотно выделять особо ценных кадров, чтобы не возникли иные проблемы, такие как дискомфорт и конфликты в коллективе, которые тоже могут отразиться на работе.

Квалифицированные и способные сотрудники обеспечивают высокий уровень выполняемой работы. Хорошо подобранные методы для конкретной компании к управлению талантами поможет удерживать ценных сотрудников, снижая затраты на поиск и обучение новых, а за счет повышения вышеперечисленных факторов, можно добиться и улучшения финансовой устойчивости.

Основные выводы по статье:

1. Внедрение системы управления талантами становится ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность, инновационность и долгосрочный успех организации.

2. Стратегический подход к подбору, управлению развитием талантов, а также создание благоприятной рабочей среды являются ключевыми условиями для привлечения, мотивации и совершенствования как сотрудников, так и компании.

3. Результативность и эффективность этой комплексной системы можно проследить через анализ производительности, внедрение инноваций, повышения конкурентоспособности, удовлетворённости клиентов, улучшение качества продукции и услуг, снижение текучести кадров и общей картины финансовой устойчивости и репутации компании.

Список литературы

1. Егорова И.А. Трансформация роли и функций специалиста по управлению персоналом в условиях

цифровизации / И.А. Егорова // Вестник ТИУиЭ. 2024. № 2 (42). С. 35–38. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rol-i-funktsiy-spetsialista-po-upravleniyu-personalom-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (Дата обращения: 21.12.2025).

2. Латуха М.О. Управление талантливыми сотрудниками: теоретические подходы и опыт российских компаний / М.О. Латуха // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2014. № 4. С. 46–65. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantlivymi-sotrudnikami-teoreticheskie-podhody-i-opyt-rossiyskikh-kompaniy> (Дата обращения: 21.12.2024).

3. Мясоедов А.И. Концептуальные основы сущности и содержания понятия «управление персоналом» / А.И. Мясоедов // Скиф. 2020. № 1 (41). С. 12–25. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-suschnosti-i-soderzhaniya-ponyatiya-upravlenie-personalom> (Дата обращения: 03.03.2026).

4. Одегов Ю.Г., Логинова Е.В. Современные тренды в работе с персоналом: обзор современных практик / Ю.Г. Одегов, Е.В. Логинова // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 101–106. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trendy-v-rabote-s-personalom-obzor-sovremennykh-praktik> (Дата обращения: 21.12.2025).

5. Парчук Д.С. Управление талантами как современный подход к повышению эффективности деятельности организации / Д.С. Парчук // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 1 (44). С. 36–42. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-kak-sovremennyy-podhod-k-povysheniyu-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii> (Дата обращения: 02.05.2026).

6. Чудинова Н.В. Концепция управления талантами в практике организаций: ключевые проблемы и пути их решения / Н.В. Чудинова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 6-2 (112). С. 159–167. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-upravleniya-talantami-v-praktike-organizatsiy-klyuchevye-problemy-i-puti-ih-resheniya> (Дата обращения: 21.12.2025).

7. Чудинова Н.В. Карьерные предпочтения молодежи на российском рынке труда: особенности привлечения HI-Po талантов / Н.В. Чудинова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 6-2 (112). С. 168–179. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-predpochteniya-molodezhi-na-rossiyskom-rynke-truda-osobennosti-privlecheniya-hi-po-talantov> (Дата обращения: 21.12.2025).

8. Медведева О.А. Использование искусственного интеллекта в сферах учебного процесса // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 1. (№ 52). С. 311–314.

9. Матиев М.А., Костоева А.М., Янсаранова Д.М. Древний пласт ингушских обрядовых песен // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 52–62.

References

1. Egorova I.A. Transformation of the Role and Functions of an HR Specialist in the Context of Digitalization / I.A. Egorova // Bulletin of TIUE. 2024. № 2 (42). P. 35–38. / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rol-i-funktsiy-spetsialista-po-upravleniyu-personalom-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (21.12.2025).

2. Latukha M.O. Managing Talented Employees: Theoretical Approaches and Experience of Russian Companies / M.O. Latukha // Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2014. № 4. P. 46–65. // URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantlivymi-sotrudnikami-teoreticheskie-podhody-i-opyt-rossijskih-kompaniy (21.12.2024).

3. Myasoedov A.I. Conceptual foundations of the essence and content of the concept of "personnel management" / A.I. Myasoedov // Skif. 2020. № 1 (41). P. 12-25. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-suschnosti-i-soderzhaniya-ponyatiya-upravlenie-personalom> (03.03.2026).

4. Odegov Yu.G., Loginova E.V. Modern trends in working with personnel: a review of modern practices / Yu.G. Odegov, E.V. Loginova // Bulletin of Omsk State University. Series: Economics. 2016. № 4. P. 101-106. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trendy-v-rabote-s-personalom-obzor-sovremennyh-praktik> (21.12.2025).

5. Parchuk D.S. Talent management as a modern approach to improving the effectiveness of an organization / D.S. Parchuk // Vectors of well-being: economy and society. 2022. № 1 (44). P. 36-42. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-kak-sovremennyy-podhod-k-povysheniyu-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii> (02.05.2026).

6. Chudinova N.V. The Concept of Talent Management in Organizational Practice: Key Problems and Solutions / N.V. Chudinova // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. № 6-2 (112). P. 159-167. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-upravleniya-talantami-v-praktike-organizatsiy-klyuchevye-problemy-i-puti-resheniya> (21.12.2025).

7. Chudinova N.V. Career preferences of young people in the Russian labor market: features of attracting HI-Po talents / N.V. Chudinova // Economy and business: theory and practice. 2024. № 6-2 (112). P. 168-179. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-predpochteniya-molodezhi-na-rossiyskom-rynke-truda-osobennosti-privlecheniya-hi-po-talantov> (21.12.2025).

8. Medvedeva O.A. Use of artificial intelligence in the field of educational process // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 1. (№ 52). P. 311-314.

9. Matiev M.A., Kostoeva A.M., Yanarsanova D.M. The ancient layer of Ingush ritual songs // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 52-62.

Щёлоков Д.В.*Кандидат социологических наук, Государственный университет управления.***Методологические основания аналитического изучения социальных трансформаций***

Аннотация. Существование общества проявляется в различных аспектах социальной реальности. Одним из таковых являются социальные институты, организуемые для упорядочения отношений в различных областях бытия. Одним из следствий подобных процессов становятся трансформации данных элементов по причине изменяющихся внешних условий. Сложность природы возникновения и механизмов развития социальных трансформаций детерминируют специфику их изучения. Таковая отражена в совокупности теоретических взглядов, объединяемых в подходы. Они выражают особенности интерпретации обозначенной проблематики. Формируемые на такой основе методы познания способствуют объективному выделению значимых параметров. Соответствующие аспекты существования и развития институциональных трансформаций способствуют организации концептуальных контуров их анализа. Это позволяет упорядочить применяемую логику и, при необходимости, расширить совокупность и содержание используемых методов.

Ключевые слова: социальные институты, трансформации, анализ, методология, аспекты функционирования, механизмы развития, логика исследования.

Schelokov D.V.*Candidate of Sociological Sciences, State University of Management.***Methodological foundations of analytical study of social transformations**

Abstract. The existence of society manifests itself in various aspects of social reality. One of these aspects is the social institutions that are organized to regulate relations in various areas of existence. As a result of these processes, these elements undergo transformations due to changing external conditions. The complexity of the nature of the emergence and mechanisms of development of social transformations determines the specifics of their study. This is reflected in a set of theoretical views that are combined into approaches. These approaches express the specific interpretation of the identified issues. The methods of cognition formed on this basis contribute to the objective selection of significant parameters. The methods formed on their basis contribute to the objective identification of significant parameters. The relevant aspects of the existence and development of institutional transformations contribute to the organization of conceptual frameworks for their analysis. This allows you to organize the logic you use and, if necessary, expand the set and content of the methods you use.

Key words: social institutions, transformations, analysis, methodology, aspects of functioning, development mechanisms, and research logic.

* © Сторчак М.В., 2026.

Сакральные сюжеты гражданской религии в СССР

Введение

Будучи наукой об обществе социология изучает различные аспекты его существования. Таковые представляются как статическими, так и динамическими состояниями его бытийности в целом и отдельных элементов. Каждое из них описывается количественными или качественными характеристиками, что формирует разностороннюю картину. Первая группа представляет объективные данные, отражающие состояния взаимодействующих элементов, объемы задействованных при этом ресурсах и времени, затраченного в процессе достижения значимых целей и т.п. Вторая группа объединяет критерии, содержательно раскрывающие процессы, развивающиеся между элементами социума в ситуативном контексте. Количественные изменения данных критериев за некоторое время представляются объективным основанием для фиксирования факта трансформаций и их содержания.

Многочисленные примеры из истории демонстрируют актуальность процессной модели интерпретации социального бытия. В её рамках получает объективное обоснование рационализация общественной деятельности. Это нашло отражение в результативности модели целенаправленной деятельности, планировании совместных действий. Одним из следствий этого явилось возникновение организованной формы реализации повседневных отношений. Её постепенное развитие сформировало такой элемент общественного порядка как *социальные институты* – упорядоченная совокупность норм, правил, ценностей и процедур, позволяющих удовлетворить общественные потребности. Таковые не являются жесткими конструкциями, зафиксированными в определен-

ной форме. Они трансформируются под влиянием различных факторов, как правило, в направлении поддержания общественного порядка. Описание механизма данных процессов зависит от оснований их интерпретации.

Интерпретации понятия “социальная трансформация”

Затронутая проблематика находит отражение в трудах различных мыслителей. Их совокупность, существующую на современном этапе развития науки, правомерно разделить на шесть групп. Следует заметить, что сущностно все они являются равнозначными. Первая группа объединяет работы, направленные на выявление и формулирование предельных оснований трансформаций. Сюда включены труды как древнегреческих мыслителей (Гесиод, Гераклит, Платон, Аристотель), так и идеи немецких философов И. Канта [9] и Ф. Гегеля [3] относительно сути и первопричин изменений. Вторая группа содержит совокупность трактовок трансформаций через призму исторических процессов в контексте преобладающих матриц социальных установок. Обозначенный аспект акцентирован в произведениях философов и историков А. Тойнби, К. Ясперса [28], К. Поппера [20], Ж.-П. Сартра [22], Э. Гуссерля [4], М. Фуко [25] и других мыслителей XX в., центрировавших проблематику системности подобных процессов в контексте норм, правил и форм общественного взаимодействия.

С развитием социологии как самостоятельной области знания формировались теории, отражающие её специфику. В контексте их содержания правомерно говорить о следующих группах. Третья группа (по порядку изложения в нашей статье) объединяет работы в области социологического

детерминизма таких философов, экономистов и историков как О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс [16], Ф. Энгельс [27], М. Ковалевский, Ф. Тённис. В их трудах актуализировалась значимость общественных сил, человеческих желаний и устремлений для возникновения и развития соответствующих процессов.

Четвертая группа работ фокусирует внимание на структурных и культурных аспектах трансформационных процессов. Продолжая идеи социологического эволюционизма Э. Дюркгейм [6], М. Вебер [2], Г. Зиммель [9] связывали, в разных коннотациях, данные процессы с морально-интеллектуальными аспектами человеческого бытия, выражаемыми в повышении упорядоченности общественных отношений. В рамках неоклассической социологии сформировалась пятая группа, объединяющая произведения Т. Парсонса [19], Р. Мертона [17], Н. Смелзера [24], К. Полани [20], Н. Лумана [15] и отражающая аспект системности общественных отношений и значимость их информационной компоненты как источника трансформаций. Шестая группа, представляющая собственно социологию трансформаций, трактующую такие процессы как следствие нарушений социального порядка по причине столкновения с новой информацией о миропорядке. Следствием этого представляется практическая необходимость корректировки поведения как отдельных индивидов, так и различных социальных объединений через изменения норм, правил, законов и форм взаимодействия.

Седьмая группа объединяет работы, содержащие осмысление трансформационных процессов в контексте динамических условий XX в. Таковые направляют развитие общественных

отношений в сторону глобализации, поскольку национальные особенности невелируются. Это происходит по причине их слабой функциональности в новых условиях. Будучи изложенными в трудах Ж. Бодрийяра, Ж.-Ф. Лиотара, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, Дж. Ритцера, И. Валлерстайна обозначенная проблематика актуализирует значимость быстрых трансформаций норм и ценностей для эффективности деятельности в динамических условиях.

Одним из существенных аспектов трансформаций является противоречие между наличествующим и желаемым состояниями общественных отношений. Это делает конфликт силой, вызывающей и поддерживающей соответствующие процессы. Объединяясь в восьмую группу, идеи Р. Дарендорфа [5], Л. Козера [12], К. Боулдинга представляют противоречия между наличествующим порядком и новыми условиями как причину, детерминирующую характер трансформаций.

Поскольку социальные трансформации возникают и развиваются в социальных институтах, то данная проблематика стала объектом осмысления для представителей институционализма. Представляя собой девятую группу, объединяющую идеи относительно условий возникновения и развития социальных трансформаций, совокупность составляющих её трактовок основывается на идеях Т. Веблена, Дж. Комманса, Г. Минза [18]. Их рассуждения основываются на представлениях о трансформации инстинктивных действий в упорядоченную систему отношений под влиянием объективных условий. Они создают неудобства для наличествующего порядка и снижают эффективность реализации общественных отношений. Следовательно, целью социальных трансформаций являются

сущностные изменения правил, норм, практик взаимодействия в направлении соотношения их с актуальными потребностями.

Влияние на формирование подходов к анализу социальных трансформаций оказали эмпирические данные о функционировании финансово-экономических систем и основанные на них прогнозы. Одноименный десятый подход основывается на идеях У. Митчела, Р. Коуза [13], Д. Норта и Дж. Гелбрейта. Согласно им, причиной выхода социальной системы из равновесия является неравномерное распределение финансовых средств. В результате изменяется поведение социальных субъектов в направлении снижения издержек и повышения устойчивости системы норм и правил распределения ресурсов.

В отечественной социологии осмысление проблематики трансформаций получило актуальность в связи с процессами конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. На основании их всестороннего анализа В.А. Ядов, в рамках активистского подхода, выделил значимые условия формирования и реализации таких процессов [7]. Сопоставляя с этими идеями, А.Г. Здравомыслов интерпретировал причины изменений как результат влияния “сверху вниз” на основе “запросов снизу” [8]. В тоже время, Н.И.Лапин детерминировал подобные процессы как комплексное эволюционное преобразование в рамках конкретно-исторического контекста [14]. В противовес этой позиции Т.И. Заславская рассматривала трансформации как радикальные и относительно быстрые преобразования, влияющие на господствующий порядок [7]. В обозначенном контексте интересна позиция Н.И.Иконникова, считавшего, что трансформации представляются ответом социальной системы на развитие

экспансионистской культурной политики. Р.И. Капелюшников предполагает, что трансформации, как системные явления, заключаются в обновлении правил взаимодействий, чье содержание детерминировано тематикой соответствующей общественной сферы [11]. В подобном контексте анализирует общественные процессы В.В. Радаев [22]. Интерпретируя социальный институт как достаточно гибкую структуру, он обнаруживает проявление этого в рамках практических действий. Таковые трансформируются в направлении повышения результативности, проявляющейся в новых схемах взаимодействия.

Изложенное объективно показывает всю сложность проблематики анализа социальных трансформаций. Это предполагает конкретизацию обозначенного элемента социальной реальности именно в рамках социологической трактовки для акцентирования её общественных аспектов.

Институциональная трансформация как объект аналитического изучения

Совокупность изложенных трактовок трансформаций правомерно сгруппировать по механизмам их развития. Это позволяет выделить эволюционные, революционные (дискретные) и волнообразные формы их существования. Содержания трактовок интерпретируют обозначенные процессы как объективную часть повседневного бытия, имеющую не всегда явные причины. Именно этот аспект предполагает изучение социальных трансформаций аналитическим сепарированием на значимые элементы.

Указанная позиция способствует выделению следующих составляющих. Объекты - аспекты социальной жизни, существующие вне зависимости от

воли и желания конкретных индивидов и оказывающие влияние на их поведение посредством изменения внешних условий. Субъекты – индивиды и их различные объединения, реагирующие на стимулы социальной системы совершением отдельных действий или их совокупности. Существенную роль при этом играют стимулы – различные по форме и содержанию сигналы, посылаемые социальной системой входящим в неё элементам для совершения последними необходимых действий. Их ожидаемым итогом представляется упрочнение социальной системы, что связано с различными по масштабам и содержанию трансформациям. Не меньшее значение имеет траектория предшествующего развития – последовательность этапов (состояний) пройденных социальной системой до начала наблюдения. Её анализ позволит выявить основные тенденции, направления развития и характер отношений между составляющими социальной системы.

Обозначенные базовые элементы аналитического изучения институциональных трансформаций, а также сущностное содержание последних детерминируют информационное наполнение показателей их успешности. Таковые являются объективно фиксируемыми объемами затрат значимых ресурсов, необходимых для достижения актуальных целей. Представляясь следствием сложности внешнего окружения, данные показатели отражают содержание ценностей, находящихся в основе действий элементов системы. Их совокупность, а также взгляды и идеи на социальную реальность в контексте господствующей культуры представляют идеологию – еще один элемент анализа социальных трансформаций.

Важным аспектом представляется специфика непосредственно задейство-

ванных элементов. Таковыми являются не только ценности, нормы, правила и т.п., но и индивиды, реализующие их на практике. Одним из следствий этого является упорядочение взаимодействий. Индивиды, вне зависимости от степени участия в объединениях, обладают сознанием и волей, что влияет на их поведение. Это есть дополнительный фактор риска при анализе социальных трансформаций, поскольку они могут быть приняты индивидами полностью, частично или вовсе отвергнуты.

Важным аспектом трансформаций представляется их процессная природа. Это детерминируется сущностью социальных структур в рамках которых происходят взаимодействия из-за наличия у элементов социума актуальных потребностей. Таковые будучи противоречиями между желаемым и наличествующим порядком, становятся силой, запускающей процессы изменений. Для снижения возникающих неопределенностей формируются социальные институты, функционирование и состояния которых представляются информативным аспектом для анализа. Подобное актуализирует значимость функционально-деятельностного подхода, что предполагает интерпретацию трансформаций как естественных состояний общественных структур.

Влияние различных условий на социальные трансформации

Содержательный аспект социальных изменений представляется сложным механизмом, поскольку является соединением внешнего и внутреннего воздействий на наличествующий социальный порядок. В результате социальный институт претерпевает не только преобразования устоявшегося порядка, но и, в некоторых случаях, лежащих в его осно-

ве норм и ценностей. Обозначенный процесс успешен, когда развивается в рамках планирования, учитывающего специфику внутренних и внешних факторов.

В обозначенном контексте проблематика интерпретации трансформационного механизма раскрывается в следующих подходах:

- Телеологический – быстрый переход социальной системы от первоначального состояния к более соответствующему внешним условиям;

- Абсолютизированный эволюционизм – последовательная смена состояний социальной системы без ущерба наличествующему порядку;

- Генетический подход – основанные на изначальном плане постепенные изменения с учетом особенностей культуры социума;

- Переход через заимствование – трансформация элементов одного социума посредством заимствования аналогичных элементов, но более высокого качества, из другого социума.

Любой из обозначенных подходов актуализирует вопрос о последствиях влияния. Направление развития институциональных трансформаций и их содержание детерминируются не только характером воздействия, но и целями развития. Содержание и сила первого испытывают влияние второго, поскольку являются элементом управляемого воздействия как комплексного явления. Оно также должно учитывать общую тенденцию развития общества и особенности исторического момента.

В результате такого влияния получают значимость новые материальные и нематериальные ценности, воздействующие на структуру потребления и поведения. Формирующаяся при этом ценностная структура детерминирует приоритетность новых элементов. Ре-

ализуемая в их контексте равновесная модель содержит множество аспектов существования социума.

Современное общество в целом и российское – в частности, характеризуется сложной социальной структурой и нелинейностью развития. Следствием этого являются различные конфликты. В их условиях одним из наиболее эффективных способов повышения качества целенаправленного воздействия является разработка моделей трансформаций. Формулируемые при этом меры влияния должны способствовать отбору наиболее существенных и перспективных механизмов.

Будучи процессным явлением, социальные трансформации представляются непрерывными из-за постоянного воздействия на общество внешних факторов. Они кумулятивны по действию имплицитных причин и трансцендентны как часть более сложного общественного процесса (прогресса или регресса). С позиции феноменологии они проявляются в переходные периоды как единство изменений процессов и объектов в границах конкретного социума.

Значимым аспектом социальных трансформаций представляется переход на новый технологический уклад. Это предполагает господство новых отношений, основанных на информации, свободе действий, возросшей социальной ответственности. В таких условиях происходит изменение модели властных отношений – снижение сакрализации при росте прагматического аспекта есть следствие несоответствия наличествующей архитектуры отношений актуальному историческому контексту.

Методы изучения институциональных трансформаций

В рамках специфики обозначенной

проблематики очевидно, что институциональные трансформации представляют собой сложные и масштабные явления, затрагивающие разнообразные аспекты жизни социума. Причиной этого оказывается объективная необходимость подстраивания общества под новые внешние условия. Если подобное не произойдет, то социум будет разрушен различными диссонансами (социальный, культурный, когнитивный и т.п.). Развиваясь во многих областях человеческих взаимоотношений, они вбирают соответствующую специфику, детерминирующую содержание методов их изучения.

Обозначенные основания позволяют выделить следующие группы методов, на которых основывается анализ социальных трансформаций:

- Общенаучные – совокупность логико-эвристических приемов и философско-аксиологических принципов, способствующих выявлению общих закономерностей развития наблюдаемых процессов;

- Социально-гуманитарные – методы познания социальной реальности, основанные на логике гуманитарных наук и соответствующих приемах получения объективной информации;

- Специально-научные – приемы изучения процессов в отдельных сферах общественной жизни, чья внутренняя логика детерминируется спецификой исследуемых процессов;

- Универсальные сравнения – сопоставления нескольких изучаемых объектов для выделения общих и различающихся черт. При этом формируются значимые критерии сравнения, являющиеся существенными аспектами объектов исследования.

Значимым параметром является исторический контекст, в условиях которого происходят изучаемые транс-

формации. Это накладывает специфику на их содержание, что влияет на выбор метода и параметров изучения. При этом важными факторами представляются интересы различных социальных групп, агентов влияния и содержание господствующей идеологии.

Существенным аспектом проблематики наполнения и порядка применения методов анализа институциональных трансформаций представляется понимание механизмов их функционирования. Их целостность детерминируется содержанием и направленностью связей между составляющими элементами, что отражается на реализации функций. Таким образом, значимой частью анализа трансформаций представляется изучение содержания норм и правил взаимодействия, а также ценностей, находящихся в их основе.

Раскрытие функционального аспекта трансформационных механизмов предполагает однозначное определение природы и специфики границ их воздействия. В соответствии с этим выявляются содержание и характер отношений субординации и координации агентов и субъектов, пределы положительного эффекта от системы сдержек и противовесов, динамика взаимодействий внутренней и внешней сред.

Концептуально-методологические аспекты изучения проблематики

Изложенное объективно раскрывает сложность социальных трансформаций, поскольку таковые затрагивают множество сторон общественной жизни. Определяясь содержанием и механикой кризиса предшествующего уклада отношений, трансформационные процессы отличаются и уровнем социальных рисков. Возникая под влиянием внешних факторов, они развиваются в контексте порядка, детерминируемого

архитектурой отношений в социуме.

С процессных позиций социальная трансформация непрерывна в границах конкретного общества, кумулятивна по механизмам воздействия иницирующих оснований и транзитивна относительно уровней структурной организации.

С позиций феноменологии социальная трансформация представляется явлением переходного периода и трактуемая как единство изменений объектов и процессов в границах социальной системы. Будучи следствием целенаправленной деятельности, она подчиняется законам естественного развития.

Синергетика актуализирует значимость фактора исторической случайности. При этом человеческий фактор наделяется функциональной нагрузкой, что способствует толкованию институциональных трансформаций как многомерных процессов. Их результатом становится усложнение социальных систем из-за повышения самоорганизации. В точках бифуркации такие механизмы изменяют порядок социальной системы, формируя альтернативные сценарии институциональных трансформаций.

Трансформационные процессы затрагивают и культуру. Будучи тесно связанной с повседневным укладом, она формирует социокультурную сферу отношений. Совокупность развивающихся в ней процессов представляется комплексным преобразованием общественного порядка, что делает их исход сложно предсказуемым.

Значимым аспектом затронутой проблематики представляется наличие сознания и воли у индивидов – мельчайших элементов трансформационных взаимодействий. Это предполагает возможность влияния на данный аспект социальной реальности. Такая

позиция актуализирует психологический аспект социальных трансформаций, выражаемый в механизме оценки наличествующей ситуации.

Изложенное не исчерпывает концептуально-методологическую сложность анализа социальных трансформаций. Они подчиняются более многоаспектным механизмам, что ставит под сомнение трактовку естественности социальной динамики. В таком контексте проблема взаимодействия между элементами социума, структурной детерминантностью, человеческими желаниями и возможностями получает новое толкование. Это предполагает разработку новых теоретико-методологических оснований для максимально объективного изучения заявленной проблематики с позиций социологии.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр., общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 2001.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: АСТ, 2023.
3. Гегель Ф. Философия права. – М.: АСТ, 2024.
4. Гуссерль Э. Феноменология времени. – М.: Рипол Классик. 2019.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политической свободы. – М.: РОССПЭН, 2002.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996.
7. Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8-22.
8. Здравомыслов А.Г., Лапин Н.И. и др. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М.: URSS, 1996.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. – М.: Strelka Press. 2018.
10. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: К вечному миру // Жемчужины истории политической и правовой мысли. – Алматы. ВШП. 1999.
11. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе Российского мониторинга экономического положения о здоровье населения). – М.: Фонд "Либеральная миссия", 2010.
12. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. – М.: Идея-пресс, 2000.
13. Коуз Р. Природа фирмы. – М.: Дело, 2001.
14. Лапин Н.И. Социокультурная трансформа-

ция России: Либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. с.32-39.

15. Луман Н. Теория общества // Фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-ПРЕСС – Ц, 1999.

16. Маркс К. Капитал. Пер. с нем. С. Алексеева. – М.: АСТ, 2023.

17. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Прогресс, 1966. с.299 – 313.

18. Минз Г. Корпоративная революция в Америке. New York, Collier Books. 1964.

19. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1997.

20. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002.

21. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. / Пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: Культурная инициатива, 1992.

22. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российский общество. Изд-во Высшая школа экономики, 2019.

23. Сартр Ж-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии // Пер. с фр. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000.

24. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1998.

25. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

26. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. – М.: Аг Маргинем Пресс, 2023.

27. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ., под ред. проф. В.А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996.

28. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Пер. с нем. – М.: Азбука, 2019.

29. Ясперс К. Философия. Кн. 3: Метафизика. – М.: Канон+, 2012.

30. Ренкас А.В. Особенности развития циркулярной экономики в зарубежных странах: анализ институциональных реформ // Альманах «Крым». 2026. № 54. С. 143-149.

References

1. Bourdieu P. Practical Meaning / Translated from French, general editor and afterword by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology. St. Petersburg: Aletheia, 2001.

2. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Moscow: AST, 2023.

3. Hegel F. Philosophy of Law. Moscow: AST, 2024.

4. Husserl E. Phenomenology of Time. Moscow: Ripol Classic, 2019.

5. Dahrendorf, R. Modern Social Conflict: An Essay on Political Freedom. Moscow: ROSSPEN, 2002.

6. Durkheim E. On the Division of Social Labor. Moscow: Canon, 1996.

7. Zaslavskaya T.I., Yadov V.A. Social Transformations in Russia in the Era of Global Change // Sociological Journal. 2008. № 4. P. 8-22.

8. Zdravomyslov A.G., Lapin N.I., et al. Dynamics of Values of the Population of Reformed Russia. Moscow: URSS, 1996.

9. Simmel G. Big Cities and Spiritual Life / Translated from German. Moscow: Strelka Press. 2018.

10. Kant I. The Idea of General History in a Cosmo-Civil Plan: Towards Eternal Peace // Pearls of the History of Political and Legal Thought. Almaty: Higher School of Economics, 1999.

11. Kapelyushnikov R.I., Lukyanova A.L. Transformation of Human Capital in Russian Society (Based on the Russian Monitoring of the Economic Situation of Population Health). Moscow: Liberal Mission Foundation, 2010.

12. Kozer L. Functions of Social Conflict / Translated from English. Moscow: Idea-Press, 2000.

13. Coase R. The Nature of the Firm. – Moscow: Delo, 2001.

14. Lapin N.I. "The Sociocultural Transformation of Russia: Liberalization versus Traditionalization" // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2000. Vol. III. № 3. P. 32-39.

15. Luhmann N. "The Theory of Society" // Fundamental Problems / Ed. by A.F. Filippov. – Moscow: CANON-PRESS-C, 1999.

16. Marx K. "Capital". Translated from German by S. Alekseeva. – Moscow: AST, 2023.

17. Merton R. "Social Structure and Anomie" // Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories) / Translated from French by E.A. Samarskaya. – Moscow: Progress, 1966. P. 299–313.

18. Means G. "The Corporate Revolution in America". New York, Collier Books. 1964.

19. Parsons T. The System of Modern Societies / Translated from English. Moscow: Aspect-Press. 1997.

20. Polanyi K. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time. St. Petersburg: Aletheia, 2002.

21. Popper K. The Open Society and Its Enemies. In 2 vols. / Translated from English, edited by V.N. Sadovsky. Moscow: Cultural Initiative, 1992.

22. Radaev V.V. Millennials: How Russian Society is Changing. Higher School of Economics, 2019.

23. Sartre J.-P. Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology // Translated from French by V.I. Kolyadko. Moscow: Respublika. 2000.

24. Smelser N. Sociology: Translated from English. – Moscow: Phoenix, 1998.

25. Sorokin P. Man. Civilization. Society. – Moscow: Politizdat, 1992.

26. Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison / Translated from French. – Moscow: Ag Marginem Press, 2023.

27. Sztompka P. Sociology of Social Change / Translated from English, edited by prof. V.A. Yadov. – Moscow: Aspect-Press, 1996.

28. Engels F. The Origin of the Family, Private Property, and the State / Translated from German. – Moscow: Azbuka, 2019.

29. Jaspers K. Philosophy. Book 3: Metaphysics. – Moscow: Canon+, 2012.

30. Renkas A.V. Features of the development of the circular economy in foreign countries: analysis of institutional reforms // Almanac "Crimea". 2026. № 54. P. 143-149.

Культурология

Cultural Studies

Яковлев А.А.

Аспирант. Московского государственного академического художественного института имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств.

Истоки появления советского плаката*

Аннотация. В данной статье рассматриваются истоки появления советского плаката как вида искусства. Предлагается проследить историю возникновения слова «плакат» в России начиная с Петровских времен и до 20-х годов XX века. Предлагается обширный исторический взгляд на значение слова «плакат», его видоизменение с течением времени. Приводятся исторические сведения о предвестниках российского плаката. Говорится о влиянии французских мастеров на формирование художественного плаката и зарождении нового вида графического искусства в России, которое стало возможным с появлением литографии. Также в статье определены главные предпосылки для возникновения советского плаката и отражены сведения о развитии данного вида изобразительного искусства в период гражданской войны и в начале формирования советского государства. Показана роль лубочных картинок в формировании плакатного искусства. Делается акцент на художественных приемах и практиках советского плаката, сформированных и встроенных в канву текущих событий эпохи и являвшихся существенным инструментом конструктивного коммуникативного взаимодействия. В центре внимания – зарождение ключевых плакатных догм от Петра I до Маяковского и Родченко, а также сам плакат, как фундамент художественной агитации государства.

Ключевые слова: плакат, афиша, литография, графика, лубок, авангард, конструктивизм.

Yakovlev A.A.

PhD student. Moscow State Academic Art Institute named after V.I. Surikov at the Russian Academy of Arts.

The origins of the soviet poster

Abstract. This article examines the origins of the Soviet poster as an art form. It is proposed to trace the history of the word “poster” in Russia from the time of Peter the Great to the 20s of the twentieth century. An extensive historical look at the meaning of the word “poster” and its modification over time is offered. Historical information about the precursors of the Russian poster is given. It talks about the influence of French masters on the formation of the artistic poster and the emergence of a new type of graphic art in Russia, which became possible with the advent of lithography. The article also identifies the main prerequisites for the emergence of the Soviet poster and reflects information about the development of this type of fine art during the Civil war and at the beginning of the formation of the Soviet state. The role of splint images in the formation of poster art is shown. The emphasis is placed on the artistic techniques and practices of the Soviet poster, formed and embedded in the canvas of the current events of the era and which were an essential tool for constructive communicative interaction. The focus is on the emergence of key poster dogmas from Peter the Great to Mayakovsky and Rodchenko, as well as the poster itself as the foundation of the state’s artistic agitation.

Key words: poster, affiche, lithography, graphics, lubok, avant-garde, constructivism.

* © Яковлев А.А., 2026.

Истоки появления советского плаката

Большая российская энциклопедия трактует слово «плакат» как «объявление, афиша, вид изобразительного искусства». При этом даёт ссылку на происхождение этого слова от немецкого «plakat», которое в свою очередь происходит от французского «placard». Немецкий словарь толкует слово «plakat» как большой лист с изображением или фотографией с информацией, а французский словарь определяет значение «placard» как 1) стенной встроенный шкаф; 2) объявление, афиша, плакат.

Существует еще одно значение слова «плакат», отличное от вышеупомянутых. Норвежско-русский словарь толкует слово «plakat» как объявление, официальное распоряжение (вывешиваемое для всеобщего сведения) [1]. При этом советская историческая энциклопедия определяет слово «плакаты», как название государственных законов в средневековых Нидерландах, ссылаясь на голландское слово «plakkaat», которое в свою очередь происходит от позднелатинского placatum – объявление. [2]. Нам интересен этот факт тем, что одно из первых документальных упоминаний слова «плакат» в России встречается в официальном печатном издании 1717 года (год правления Петра I). Документ имеет очень длинное название: «Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи царь и повелитель всероссийскии и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов, во время сеи пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной, с толь великим разлитием крови христианской, и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христиан-

ских и политических народов более ведена. Все безпристрастия фундаментально из древних и новых актов и трактатов, також и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истинною. Так что в потребном случае может все, а имянно: первое оригинальными древними, меж коронами Россиискою, и Шведскою поставленными трактатами, грамотами, и канцеляриискими протоколами, також многое и безпристрастными гисториями, с стороны Россииской доказано, и любопытным представлено быть; с соизволения его царского величества всероссийского, собрано, и на свет издано, в царствующем Санктпитебурхе лета Господня 1716 года, а напечатано 1717». Автор документа – П.П. Шафиров, русский дипломат петровского времени, вице-канцлер. На основании исторических фактов, воинских трактатов, канцелярских протоколов и других юридически значимых на тот момент воинских документов П.П. Шафиров обосновывал право России на широкий выход в Балтийское море, при этом автор возлагал на шведов ответственность за длительность и жестокость военных действий в период Северной войны 1700-1721 гг. В описании доказательной базы Шафиров использует отсылку на «плакат» как на государственный документ: «...Король Шведской... послал только некоторую часть войска своего в границы Российские, почитая Россию уже за побежденную, а сам пошел против Короля Польского, и повелев от себя плакаты к подданным Его Царского Величества за своим подписанием и печатью написанные выдавать приводя онных к возмущению против Государя своего. ...для доказательства таких в свете политичном и мною ниже... прилагается с такого одного плаката копия, из которых несколько и оригинальных

за Королевской приписанием и печатью...» [3].

Из данного отрывка можно понять, что в России начала XVIII века под плакатом подразумевался некий официальный документ, подписанный высшими чинами государства, а значит, содержание плаката и для государственных служащих, и для простого народа являлось неопровержимым руководством к действию в повседневной жизни.

Подтверждением этого может служить ещё одно историческое упоминание слова «плакат» в напечатанном в Санкт-Петербурге при Сенате в июле 1724 года издании «Как полковник имеет поступать с дистриктом, или уездом, определенным на его полк». Документ определяет инструкцию по действиям офицерского состава во время расположения рот и полков на местности, ссылаясь при этом на пункты печатного «плаката» указа Его Императорского Величества. [4].

Опираясь на эти источники, можно предположить, что контекст слова «плакат» близок по содержанию определениям, данным в норвежском и голландском языках, где «плакатом» назывались официальные распоряжения, королевские указы. Учитывая, что до Петра I в печатных российских изданиях не встречаются упоминания слова «плакат», мы можем предположить, что, возможно, это слово Петр I привез из своего многолетнего путешествия по Голландии и Норвегии и ввел его в официальный обиход в период масштабных преобразований военного и морского дела. Многие Петровские реформы осуществлялись на голландский манер. Всё лучшее, что впечатлило Петра I в Европе, он старался применить в России. Так, познакомившись в Амстердаме с голландским купцом Яном Тессингом, русский император в 1698

году способствовал созданию первой русской типографии в Амстердаме для «печатания... земных и морских карт, чертежей, листов, портретов, математических, архитектурных и всяких по военной части книг...» [5], учебных пособий и прочих официальных инструкций на русском языке для дальнейшей продажи в России. Вполне можно допустить, что подобное деловое сотрудничество сподвигло Петра I позаимствовать слово «плакат» из норвежского языка в значении «официальное распоряжение» и применить его при написании государственных документов от своего имени. К тому же, в типографии Тессинга непосредственным куратором процесса печати был русский переводчик Илья Федорович Копиевский, что не маловероятно могло способствовать заимствованию слова «плакат» из норвежского языка в значении «официальный документ».

Косвенным доказательством данного предположения может служить изданное в 1793 году собрание М.Д. Чулкова - «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы», где слово «плакат» выступает как юридический термин и применяется к документу «О сборе подушном и о прочем» от 26 июня 1724 г. [6], который подписан Петром I. История появления этого документа описана М.М. Богословским в «Областной реформе Петра Великого (провинция 1719-27 гг.)», изданной в 1902 г. императорским обществом истории и древностей российских при Московском Университете. Содержание документа касалось расквартирования по всей России военных полков, что в то время составляло большую проблему. Для ее решения в 1724 году в Сенате был определен порядок сбора подушной подати и регулирования

отношений полкового начальства к провинциальной администрации и местному населению. Свод этих правил назывался «плакатом» и был издан в 1724 г. Русский историк М. М. Богословский определяет этот документ как законодательный акт. [7].

Таким образом, ссылаясь на вышеописанные факты, можно сделать вывод, что первоначально в России под словом «плакат» понимали государственный документ, имеющий юридическую силу, а значит, обязательный для применения военными, государственными чиновниками и простым народом. Имея законодательную силу, регулируя отношения разных ведомств и народа, Петровский Плакат 1724 г имел огромную социальную и общественную значимость. В связи с этим можем предположить, что в обществе формировался определенный пиетет перед словом «плакат».

Дальнейшую трансформацию значения слова «плакат» в России XIX века можно проследить по словарям того времени. Так, российский писатель и энциклопедист А.Д. Михельсон при составлении своего сборника «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» в 1866 году указал определение слова «плакат» в следующем изложении: «Плакат, немец. Placa, латин. placatum, отъ латин. placare, умиловать. Билет крестьянина для его отлучек из места постоянного жительства» [8]. К уже ранее рассмотренному значению слова «плакат» как официального юридического документа добавляется значение от латинского - «милость». Можем предположить, что подобный документ представлял собой своеобразную льготу для крестьянина и свидетельствовал о снисхождении к нему.

Это определение сохраняется и в

1901 г, на что указывает русский писатель и просветитель А.Н. Чудинов в своем издании «Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка», объясняя слово «плакат» как «вид на жительство, выдаваемый из уездного казначейства податному сословию для отлучек из постоянного места жительства», опираясь уже только на немецкое происхождение данного слова. [9].

Таким образом, в России к началу XX века документально подтверждается устоявшееся понимание слова «плакат», как государственного документа, определяющего регламент законопослушных действий. Текст плаката воспринимали, как инструкцию и руководство к действию, которую нельзя было нарушать.

Наряду с распространением слова «плакат» в значении «официальный документ» до начала XX века в России можно наблюдать другую ветвь развития семантики данного слова. Её истоком являются два явления: русский лубок и французские афиши.

В XVI-XVII веках в России был развит такой вид народного творчества, как лубок. Лубок – вид графики, исполняемый в технике ксилографии, гравюры на меди, литографии. Сюжеты лубочных картинок весьма просты и доступны, исполнены зачастую в повествовательной манере, в примитивном стиле и с использованием красочных рисунков и надписей, изображенных на одном листе. Тематика лубка разнообразна: от эпизодов повседневной жизни до батальных сцен, чаще всего романтического и сатирического содержания.

Изобретение в 1798 году немецким типографом Алоизом Зенефельдером литографии стало отправной точкой в развитии европейского плакатного

искусства. В 1816 году в Париже была основана литографическая мастерская. Цветные уличные афиши, изготовленные с помощью литографии в новом стиле модерн (обобщенный рисунок, цветовой контраст, особая композиция, выразительные линии, разнообразие шрифтов), привлекали большое внимание парижан. Этот способ печати позволял массово производить уличные рекламные плакаты – многоцветные листы бумаги с текстом, чем активно и пользовались французские торговцы, артисты, певцы, владельцы развлекательных заведений и т.д.

Литография успешно развивалась в последующие несколько десятилетий, парижские афиши того времени стали частью культурного наследия Франции. Ю.Я. Герчук в своей книге «История графики и искусства книги» пишет: «Около середины XIX появились на улицах Парижа довольно большие листы, отпечатанные литографией... подписанные... громкими именами иллюстраторов и карикатуристов. Большей частью они рекламировали, выходившие из печати книги с собственными рисунками.» [10].

Перенимая новаторский опыт французских книготорговцев, российские типографии стали выпускать литографские извещения о печатании книг, являвшиеся, своего рода, рекламой новых изданий. По сути, подобный маркетинговый ход дал импульс развитию красочному рекламному плакату, авторами которых были сами же иллюстраторы рекламируемых книг.

Это были, в основном, не просто увеличенные иллюстрации, а произведения со специфической композицией и текстом, предназначенные для уличного просмотра. Ю.Я. Герчук отмечает, что практику рекламировать выход в свет книг посредством художественно-

го плаката переняли в России из Франции, и приводит пример рекламного изображения первого выпуска «Ста рисунков к «Мертвым душам» А.А. Агина (1846 год) [10]. Искусствовед Бабурина Нина Ивановна в своей книге «Русский плакат: Вторая половина XIX – начало XX века» также ссылается на литографию А.А. Агина «Сто рисунков к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1846) как на первую известную русскую художественную афишу [11]. На ней изображена толпа людей, впереди неё несколько человек, обернутых почти в полный рост листами бумаги. На одном из них, помещённом в центре, можно рассмотреть титульный лист книги А. Агина «Сто рисунков к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» [12].

Этот сюжет, исполненный в виде уличной рекламы, размещенной не-

Рис. 1. Титульный лист книги «Сто четыре рисунка к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»», А.А. Агин. 1892 г.

посредственно на самом человеке, стал прародителем российского плаката. Однако Н.И. Бабурина обращает внимание, что известны две гравюры, напечатанные на бумаге, сюжет которых типичен для русского лубка начала XIX века. Жанровые сценки этих гравюр могут трактоваться как реклама шляп. Исходя из этого, Н.И. Бабурина делает вывод: «Эти самые ранние из известных нам гравированных афиш, по существу, обозначают первую веху в истории, а точнее – предыстории плаката» [13]. Более того, Бабурина считает, что предшественниками плаката в России можно считать помимо печатной афиши ещё и художественную вывеску [14]. Великий русский художник К. С. Петров-Водкин в своей книге «Пространство Эвклида» упоминал о таком мастере, как «живописец-вывесочник», а также отмечал особенности

вывесочного дела в России XIX века: «Вывесочное дело в таком виде, в каком оно создано у нас, явление чисто русское. Обилие разноязычных народностей и подавляющая неграмотность требовали предметной рекламы, разъясняющей направление для спроса. До перехода вывески на живописное изображение вывешивались на воротах домов и торговых помещений самые предметы сбыта или ремесленного производства... предметную» [15]. Таким образом, живописная вывеска способствовала развитию изобразительности этого вида рекламы в России, а значит, и развитию композиционных и цветовых решений, использованию многообразных художественных образов.

Во второй половине XIX века с развитием российской печати, торговли и промышленности появляется большой спрос на литографии с рекламирующими сюжетами, где информационная составляющая изобилует текстами и многообразием шрифтов, а в художественном исполнении доминирует новый стиль – модерн. Но в отличие от европейского модерна, где преобладала живопись Средневековья и эпохи Возрождения, зарождающийся русский модерн включал в себя и элементы художественных и декоративных русских промыслов. Первой в России рекламной компанией была «Центральная контора объявлений торгового дома Л. Метцель и Ко», учрежденная в 1878 году в Москве по адресу Мясницкая улица, дом 22, с.1.

Российская реклама XIX века размещалась не только в прессе, но и на обертках и упаковках конфет. На самой знаменитой в Москве кондитерской фабрике «Эйнемъ» обертки конфет изготавливались в виде условных, силуэтных и схематичных рисунков, сопровождаемых небольшим текстом.

Рис. 2. Обертка конфет «Товарищество Эйнемъ. Москва. Карамель “Русские поговорки. При сытости помни голод, при богатстве – убожество”», 1898 г.

Впоследствии, с развитием технологии печати, появилась возможность создавать более сложные и многоцветные изображения. Тогда к созданию конфетных оберток стали привлекать лучших художников того времени: М. Врубеля, И. Билибина, Л. Бакста, Бенуа.

По инициативе Общества поощрения художеств в 1897 году в Санкт-Петербурге открылась первая в России Международная выставка художественных афиш. Манера их исполнения в стиле модерн была заимствована у знаменитого французского художника Анри Тулуз-Лотрека, чьи афиши Мулен Руж стали культурным достоянием Франции.

Говоря о росте популярности художественных афиш, нельзя не упомянуть работу В. Серова, созданную в 1909 году для гастролей в Париже труппы С. Дягелева. Н.И. Бабурина указывает, что она «по-настоящему плакатна», это «...одно из немногих, если не единственное в дореволюционные годы» произведение «плакатного жанра, которое получило признание современников и имело шумный успех» [16]. Образ балерины, обозначенной тонкими линиями силуэта и полупрозрачной балетной пачкой, передан в характерной хореографической позе на пуантах. Условность и изящество линий создают ощущение легкости танцевальных движений.

После проведения Международной выставки художественных афиш в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», изданном в Российской империи акционерным издательским обществом «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон» (Петербург) в 1890-1907 годах, появляется словарная статья: «Плакат художественный – украшенные рисунками объявления о театральных представлениях, публичных балах, концертах..,

о вышедших в свет новых изданиях, о промышленных предприятиях.., продажных товарах и т. п., печатанные литографическим способом...», чаще всего в огромном формате, и расклеиваемые на улицах...» [17]. Это определение сформулировал редактор отдела изящных искусств энциклопедического словаря А.И. Сомов в своей сопровождающей статье. Имея 22-летний стаж работы хранителем Императорского Эрмитажа, Сомов А.И. отмечал стилистические и композиционные особенности художественного плаката и разъяснял, как зарождался этот вид искусства: от текстовых объявлений, обрамленных орнаментом в виде виньеток до настоящего произведения искусства с минимальным текстовым наполнением. Этот перелом Сомов связывал с бурным развитием французской литографии и её влиянием на русское графическое искусство. И, действительно, огромные плакаты, вывешиваемые на стены домов, привлекали красочностью и яр-

Рис. 3. Открытка «Художник В.А. Серов. Балерина А. Павлова в балете «Сильфиды». 1909. Рисунок для плаката русских спектаклей в Париже.» 1962 г.

кими образами не только искушенных в живописи парижан, но и русских мастеров, несмотря на то что климатические условия России не располагали к широкому применению подобного способа уличной рекламы.

В статье А.И. Сомова также перечислены основные принципы художественного плаката: свободная фантазия художника, индивидуальность, явственное изображение форм в общем определенном контуре без подробностей, использование однообразной краски с разной интенсивностью, но с минимизацией оттенков, соблюдение гармоничного живописного впечатления.

Можно констатировать, что определение «плаката художественного» в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» отражает суть французских театральных афиш и рекламных торговых вывесок. Вместе с этим Сомов предлагает и другой взгляд на художественный плакат. Он характеризует его как мимолетное, временное явление и называет «эфемерным произведением искусства» [17]. Возможно, А.И. Сомов ориентировался на точку зрения директора Дрезденской галереи профессора Карла Вёрмана, чью книгу «История искусства всех времен и народов» в 1903 году он переводил на русский язык. Описывая китайскую живопись, К. Вёрман отмечал: «Как ни обширны были иногда свитки с картинами знаменитых китайских живописцев, назначенные для вешания на стены, как ни много ясности, изящества в пределах китайского стиля обнаруживают эти изображения, - стиль этот, которому теперь подражают у нас в плакатах и афишах, может быть назван скорее художественно-ремесленно-декоративным, чем серьезно-живописным» [18]. Таким образом, появление в Европе в

конце XIX века специфического художественного стиля настенных плакатов берет истоки (со ссылкой на К. Вёрмана), в том числе, и в традициях китайской живописи.

Помимо сказанного, следует добавить, что в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» рядом с термином «плакат художественный» размещено и определение термина «плакатный паспорт», лексическое значение которого трактуется как официальный документ и идет ссылка на Петровский законодательный Плакат 1724 г. о предотвращении возможности уклоняться от платежа подушной подати, а также об установлении особых правил об отлучках крестьян.

Итак, к началу XX века в России сформировалось два направления использования слова «плакат»: 1. официальный документ, 2. художественное произведение. Синтез смысловых нагрузок этих направлений стал основополагающим в зарождающемся новом формате графического искусства, где идейная составляющая художественного произведения являлась диалоговым окном между государством и населением.

Основываясь на вышеперечисленные факты, можем предположить, что специфика русского плаката начала XX века стала формироваться, с одной стороны, в результате сублимации, развития в России с Петровских времен значения слова «плакат», а с другой стороны, благодаря синтезу заимствованных на французский манер иллюстрированных извещений о печатанье книг, рекламных и театральных афиш, коммерческих вывесок, печатных объявлений, лубочных листков. Она включила в себя не только стилистические и композиционные особенности по форме исполнения, но и особое отношение населения к изобразительному плакату

как к важному информационному посылу от государства.

К началу XX века русский плакат, как жанр графического искусства, по форме и стилистическому исполнению, по функциональному содержанию начинает приобретать черты того плаката, который привычен нам в современном понимании значения этого слова, а именно: четкая визуальная концепция информационного посыла, использование художественных метафор, разнообразие стилистических приемов и техник изобразительного искусства. К этому времени плакат в России стилистически исполнялся в традициях русской сатирической графики, карикатур из журналов, книжной иллюстрации, русского лубка.

С началом Первой мировой войны 1914 года в России возникла потребность в освещении происходящих событий. Русский художник, историк искусства В.А. Денисов в своей исследовательской книге «Война и лубок» (1916) пишет: «...только раздались на границе первые боевые выстрелы, сейчас же звонким эхом они отразились в лубке и в тысячи, сотни тысяч ярко расцвеченных оттисков полетели с печатного станка в глубины России, обгоняя газеты и правительственные сообщения» [19]. Отмечая повальную безграмотность деревни, В.А. Денисов акцентирует внимание на востребованности лубочной картинки, как информационного носителя военных новостей: «...деревня... уже видела немца в каске, в синей одежде, (тогда, как «своих» лубок заботливо облакает в защитный цвет...» [19]. Визуальный ряд более доступен для деревенского жителя, поэтому лубочные картинки с близкими простому народу образами и графическими формами, имели огромную популярность. «В красном углу под иконами... будут

долго висеть эти листки-повести о подвигах ... своих героев, пока не почернеют от избыточной копоти...» [20]. Сюжеты военного лубка брались из реальных событий войны, «.. и нет такого события или подвига, которые бы не отразились бы в одном, а то и в нескольких листах» [21].

Популярность, простота, доступность, массовость, информативность, а также пропагандистская и агитационная роль военного лубка – это те составляющие, которые впоследствии будут характерны и для советского плаката. Наиболее яркое заимствование лубочного стиля проявилось в плакатах «Окон сатиры РОСТА» (1919-1921), которые с помощью простых, лаконичных рисунков информировали граждан о происходящих событиях на фронте гражданской войны и в мире. Автор-

Рис. 4. Плакат «Бой под Львовом». Литография Иванова. Москва. 1914-1916 гг.

ство первого плаката Окон РОСТА принадлежит М.М. Черемных.

Деятельность «Окон РОСТА» одобрялась на высоком государственном уровне. Так, литературовед И.С. Эвентов в своей книге «Маяковский-плакатист» пишет, что в марте 1921 года В.И. Ленин, беседуя со студентами ВХУТЕМАСа, отметил, что «Маяковский уже около года неплохо ведет РОСТУ» [22]. Трафареты рассылались в периферию, на фронты. Окна размножались по трафаретам, вырезанным из промасленного картона. «Порой бумаги не хватало и плакаты трафаретились прямо на стенах, на заборах и даже на тротуарах». Такой способ донесения плакатного искусства в массы стал прародителем современных граффити, которые в большинстве своем пользуются трафаретными заготовками.

Рис. 5. Плакат «Для чего нам нужен донецкий бассейн». Художник - Апсит А.П., 1919 г.

Исследователь революционного плаката, директор «Музея изящных искусств» (1929–1932) (ныне – Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина) В.П. Полонский в своей монографии «Русский революционный плакат» называл его «живописным памятником» и «созданием русского искусства» [23], а также предсказал (в чем он и не ошибся) большое будущее плакатному искусству: «... плакат далеко не исчерпал заложенных в нем возможностей. Золотой век его ещё впереди» [23]. Революционные перемены в стране породили новый вид искусства, которому отводилась огромная художественно-просветительская роль.

В.П. Полонский различает два направления в живописном оформлении революционных плакатов 20-х годов XX века. Первое – это традиционная живопись, где плакат выглядит, как очаровательная картина, приятная для глаз зрителя. Сторонниками этого направления было поколение старых иллюстраторов, получивших свое образование в дореволюционное время. Они использовали натуралистическую живопись, лубочные образы. Яркие представители этого направления – А.П. Апсит, Василий и Константин Спасских.

Второе направление живописного оформления революционных плакатов противоположно первому – это уход от натуралистической манеры, своеобразие плакатных форм, острота и оригинальность, выразительность и яркость цвета, отход от живописных канонов. Новые формы плакатного изображения проявлялись «с помощью условной трактовки, схематизма, стилизации, шаржа. «Этот “условный” плакат был переходной формой от литографии “старой” школы к более “экспрессионистской” трактовке плаката. Он не свободен от некоторых приемов старины,

но в нем имеются уже элементы того нового “городского”, динамического понимания плаката...” [24]. Наиболее значительными художниками-плакатистами переходной формы «условного плаката» этого периода были Дени, А. Радаков, Н. Кочергин.

Наряду с активным развитием художественного плаката периода гражданской войны развивалось и другое направление, где понятие «плакат» использовался как информационный объект (без иллюстраций). Так, с первых дней революционных перемен информационно-массовые инструменты социума, в том числе и плакатные, были взяты под контроль государства. Для распространения информации по телеграфным каналам 7 сентября 1918 г. было организовано Российское телеграфное агентство (РОСТА). Для распространения текущей информации о событиях в стране и в мире использовались телеграммы РОСТА, объединенные в печатный бюллетень, а также выпускались печатные листы, в краткой и

Рис. 6. Плакат «Неграмотный – тот же слепой, всюду его ждут неудачи и несчастья». Художник – А.А. Радаков, 1920 г.

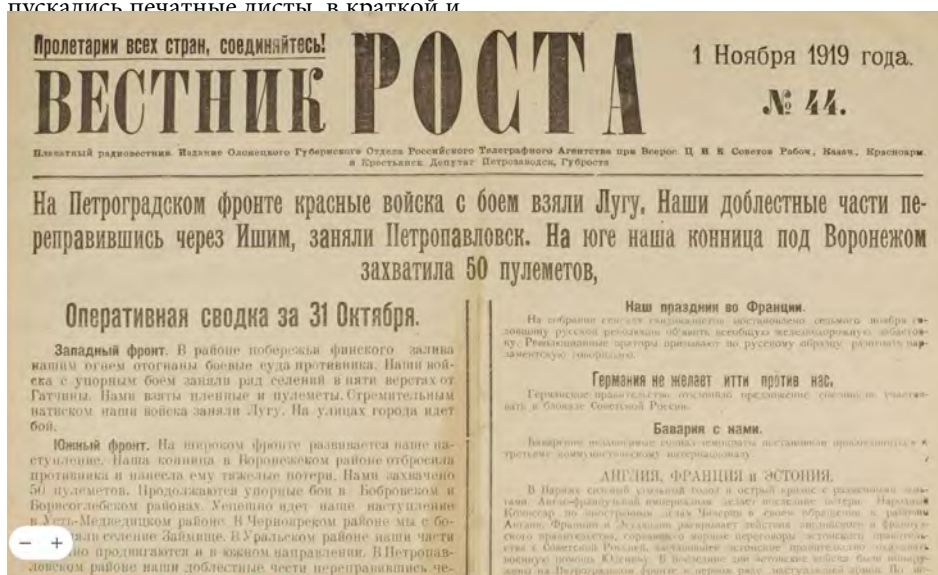

Рис. 7. Газета: плакатный радиовестник «Вестник РОСТА», издание Олонечко-го губернского отделения РОСТА, Петрозаводск, выпуск № 44, 01 ноября – 1919 г.

сжатой форме передающие свежие новости. Одно из таких изданий в формате «Плакатного радиовестника» именовалось «Вестник РОСТА». Все средства массовой информации обязаны были перепечатывать полученные по каналам РОСТА декреты советского правительства и последние новости. По сути, слово «плакатный» в данном случае имело такую же смысловую нагрузку, как государственная инструкция к обязательному применению, что созвучно Петровским временам. По форме плакатные радиовестники напоминали газетные листы с печатными заметками, на которых отсутствовали какие-либо рисунки. В дальнейшем, в советское

время были широко распространены государственные плакаты-инструкции с исчерпывающим тематическим текстом и обилием иллюстраций.

Бурному развитию государственной рекламы в России способствовал принятый на 14-й день после Октябрьской революции 1917 года – 20 ноября 1917 года – декрет «О введении государственной монополии на объявления». Он вводит монополию на печатание за плату объявлений в периодических изданиях печати. Далее, в конце 1921 г., при Центропечати, находившейся в составе Народного комиссариата почт и телеграфов РСФСР, была создана рекламная контора Госанонс. За основу организации (технологии и формы работы) была выбрана дореволюционная Центральная контора объявлений Торгового Дома Л. и Э. Метцль и К.. В дальнейшем, в начале 1922 г., при газете «Экономическая жизнь», органе Совета Труда и Оборона Совнаркома РСФСР, была организована контора подписки и объявлений «Двигатель». Эта организация также взяла за образец дореволюционное рекламное дело торгового дома Л. и Э. Метцль. «Двигатель» имел представительства во всех регионах страны. Публикация рекламных объявлений происходила на едином листе бумаги, где блоки в стиле газетных объявлений размещались на фоне графических тематических рисунков. Вариации шрифтов и изображений привлекали внимание. Именовался такой печатный лист – «Плакатный указатель».

Плакатные указатели содержали частично иллюстративное изображение рекламных текстов различных компаний и фирм. Функционально это был своеобразный официальный каталог организаций на одном плакатном листе. Цветовые решения подбирались

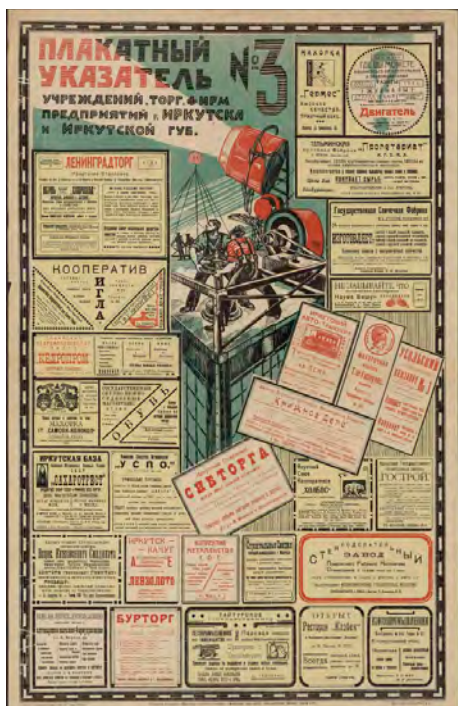

Рис. 8. Плакатный указатель «Плакатный указатель №3: Учреждений, торг. фирм предприятий г. Иркутска и Иркутской губ.». Иркутское отделение конторы «Двигатель» при газете «Экономическая Жизнь», 1924 (Иркутск).

таким образом, чтобы контрастом выделялись рекламные блоки с текстом, создавая единую визуальную картинку. Обилие текста в плакатных указателях делали их более информативными, визуальные образы в них были вторичными. При этом в классическом советском плакате наоборот: текст минимален, делается акцент на визуальное изображение. Таким образом, советский плакат может рассматриваться, в большинстве случаев, не столько как рекламно-информационный объект, сколько художественный.

29 декабря 1922 года в Москве на конференции делегаций от съездов Советов РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР был подписан Договор об образовании СССР. Документ был утверждён 30 декабря 1922 года I-м Всесоюзным съездом Советов и подписан главами делегаций. Вместе с образованием СССР в стране стали создаваться и крупные торгово-промышленные государственные организации, которые начали активно использовать рекламу для продвижения своей продукции. В связи с этим художественный плакат стал играть одну из ведущих ролей в жизни страны.

Ярким примером этого явления может служить Моссельпром (1922–1937) – хозрасчётная торгово-промышленная организация, объединявшая крупные государственные фабрики и заводы пищевой промышленности. С целью рекламы продукции Моссельпром в первые годы своего существования сотрудничал с объединением «ЛЕФ» («Левый фронт искусств», главной целью которого была борьба с мещанством в искусстве. Лидер «ЛЕФа» В.В. Маяковский получал от Моссельпропа заявки на изготовление рекламы.

Реализовали эту рекламную кампанию в основном В.В. Маяковский

(написание текстов) и А.М. Родченко (исполнение рисунков). Огромную заинтересованность государства в данном тандеме для создания государственной рекламы можно проследить по сохранившимся распискам от А.М. Родченко в получении денежных средств за исполнение рисунков для Моссельпрома.

Художественный уровень рекламы данного творческого тандема был оценен на мировом уровне. Моссельпромовские плакаты «Папиросы Ира», «Трёхгорное пиво», «Печенье „Красный октябрь“», папиросы «Червонец», конфетные обёртки «Наша индустрия», «Красная Москва» и «Новый вес» и другие работы Маяковского и Родченко были награждены серебряными медалями на выставке в Париже в 1925 г. Подобный успех был достигнут за счет

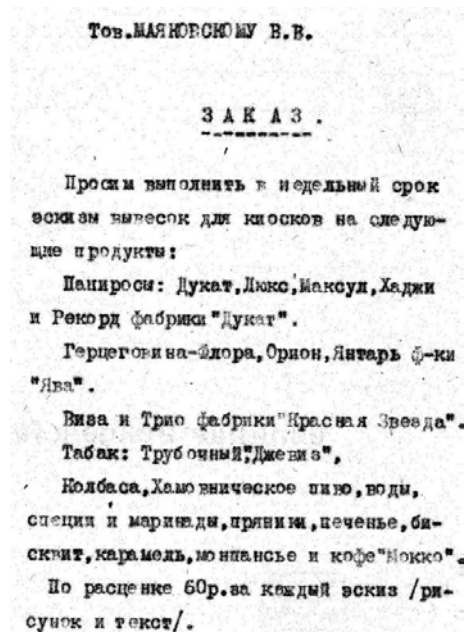

Рис. 9. Копия письма-заказа Моссельпрома В.В. Маяковскому на выполнение эскизов вывесок для киосков на папиросы, колбасу, пиво, воды, специи, маринады, кондитерские изделия. 1925 г.

нового художественного взгляда на искусство графики.

Советский и российский искусствовед А.Н. Лаврентьев в своей статье так описывает новаторство А. Родченко в создании единого графического стиля для заказчика: «...сквозные приемы: восклицательные знаки и стрелки как знаки: «Внимания!» рубленый брусковый шрифт, вплетенный в общую геометрическую структуру композиции, условное, схематичное изображение товара, элементарные цветовые сочетания: черный, красный, зеленый, желтый и синий» [25]. Это было впервые, когда советское графическое искусство смогло официально заявить о себе на мировой арене в рамках Международной Выставки декоративных искусств

в 1925 г. (в Париже). Новые идеи конструктивизма и взгляд на графику вызвали фурор не только среди зрителей выставки, но и среди участников из других стран. Главным популяризатором новаторства советского плакатного искусства за рубежом можно считать А.М. Родченко.

Невероятный успех обеспечило использование авангардного направления художественного стиля с отходом от правил и традиций. Сочетание различных геометрических фигур, стрелок, шрифтов – всё это было инструментом для конструирования композиции плакатов, где контрастность двух-трёх цветов выстраивала очередность визуального ряда для зрителя. Этот стиль был узнаваемым, доступным для понимания абсолютно всем слоям населения, удобен для массового производства плаката. Новизна, простота и лаконичность стиля делали его универсальным на тот момент времени для повсеместного художественного применения, когда основной задачей являлся отход от буржуазного модерна с его обилием декоративных элементов. Это была громкая заявка о себе на международной арене, доказывающая, что Великая Октябрьская революция не убила искусство, а, наоборот, дала новую ступень в развитии и понимании изобразительного искусства, в том числе и плакатного, определяя направления развития и новые тенденции в будущем. Так зарождался советский плакат на бумаге и в сознании людей.

Рис. 10. Расписка А.М. Родченко в получении от В.В. Маяковского 95 червонцев за выполнение рисунков к рекламным плакатам Моссельпрома (папиросы, столовое масло, макароны, хлеб, печенье, шоколад и пр.). 1923 г.

Список литературы

1. Норвежско-русский словарь. Составитель В.Д. Аракин. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1963. С. 511.
2. Советская историческая энциклопедия. Раздел: «Паде – Проц», слово «Плакаты». Интернет-источник «Энциклопедиум» // URL: <https://enc.biblioclub.ru/Termin/1510484> (Дата обращения: 16.06.2026)
3. Шафиров П.П. Разсуждение какие законные

причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссийский и протчая, и протчая, и протчая: к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих potentatov, во время сей пребывающей войны, более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной, с толь великим разлитием крови христианской, и разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политичных народов более ведена: Все безпристрастия фундаментально из древних и новых актов и трактатов, також и из записок о воинских операциях описано, с надлежащею умеренностию и истинною. Так что в потребном случае может все, а имянно: первое оригинальными древними, меж коронами Российскою, и Шведскою поставленными трактатами, грамотами, и канцелярийскими протоколами, також многое и безпристрастными гисториями, с стороны Российской доказано, и любопытным представлено быть; с соизволения его царского величества всероссийского, собрано, и на свет издано, в царствующем Санктпитебурхе лета Господня 1716 года, а напечатано 1717» Санкт-Петербург, 1717. С. 62.

4. Указ Петра I от 26 июня 1724 г. «Как полковник имеет поступать с дистриктом, или уездом, определенным на его полк». Санкт-Петербург, Печать при Сенате, 1724 г. Разделы 2,3,4,5,16,20.

6. Статья «Выдана жалованная грамота голландцу Яну Тессингу на открытие в Амстердаме частной типографии», 20.02.2024 г. Интернет-источник «Президентская библиотека» // URL: <https://www.prilib.ru/history/619039> (Дата обращения: 16.06.2026)

7. Чулков М.Д. Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы: часть первая по азбучному порядку; часть вторая по старшинству годов, месяцев и числа от Уложения, или с 1757 года. Москва. При Университетской типографии у В. Огорокова, 1793. С. 419.

8. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого (провинция 1719-1727 гг.). Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском Университете. Москва. 1902. С. 359-362.

9. Михельсон А.Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. Москва. Собственное издание автора. 1866 г.. 6-е издание. Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. С. 591.

10. Чудинов А.Н. Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка. Санкт-Петербург. Типография Исидора Гольдберга, 1901. С. 1442.

11. Герчук Ю.Я. История графики и искусства книги. Учебное пособие для студентов ВУЗов. Москва, издательство Аспект-пресс, 2000. С. 253.

12. Бабурина Н.И. Русский плакат: Вторая половина XIX – начало XX века. Ленинград, «Художник РСФСР», 1988. С. 113.

13. Агин А.А. Альбом рисунков «Сто четыре рисунка к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»». Предисловие - Николай Лесков. 2-е издание Санкт-Петербург. - Д.Д. Федоров, 1892. Первый рисунок.

14. Бабурина Н.И. Русский плакат: Вторая половина XIX – начало XX века. Ленинград, «Художник РСФСР», 1988. С. 9.

15. Бабурина Н.И. Русский плакат: Вторая половина XIX – начало XX века. Ленинград, «Художник

РСФСР», 1988. С. 7.

16. Петров-Водкин К.С. Пространство Эвклида. Моя повесть. Часть II. Искусстники. Интернет-источник: Яндекс-Книги. // URL: <https://books.yandex.ru/books/gTeolarP/read-online> (Дата обращения: 16.06.2026)

17. Бабурина Н.И. Русский плакат: Вторая половина XIX – начало XX века. Ленинград, «Художник РСФСР», 1988. С. 86.

18. Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. Том 23. С. 798.

19. Карл Верман. История искусства всех времен и народов. Том I. Искусство дохристианских и нехристианских народов. Перевод, с немецкого А.И. Сомова, Санкт-Петербург. Книгоиздательское товарищество Просвещение. 1903.Стр.702.

20. Денисов В.А. Война и лубок. Петроград, издание «Нового журнала для всех», 1916. С. 1.

21. Денисов В.А. Война и лубок. Петроград, издание «Нового журнала для всех», 1916. Стр. 2.

22. Денисов В.А. Война и лубок. Петроград, издание «Нового журнала для всех», 1916. С. 3.

23. Эвентов И.С. Маяковский-плакатист. Ленинград-Москва. «Искусство», 1940. С. 38.

24. Полонский В.П. Русский революционный плакат. Москва. Госиздат, 1925. С. 3.

25. Полонский В.П. Русский революционный плакат. Москва. Госиздат, 1925. С. 86.

26. Лаврентьев А.Н. Статья «Родченко и Степанова. Творцы конструктивизма». Интернет-источник: Журнал «Наше Наследие». 2015. № 115. // URL: <https://nasledie30.tmweb.ru/podshivka/11506.php> (Дата обращения: 16.06.2026)

27. Иващенко Т.С., Тарасов И.Е. Документальное кино в учебном краеведении (на примере сериала «Исторические хроники Югры») // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 181-192.

References

1. Norwegian-Russian Dictionary. Compiled by V.D. Arakin. State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. Moscow, 1963. P. 511.

2. Soviet Historical Encyclopedia. Section: "Pade - Prots," word "Posters." Online source "Encyclopedium" // URL: <https://enc.biblioclub.ru/Termin/1510484> (June 16, 2026)

3. Shafirov P.P. A discussion of the legitimate reasons His Imperial Majesty Peter the Great, Tsar and Ruler of All Russia, etc., had for starting the war against King Carol XII of Sweden in 1700, and which of these two Potentates, during this war, showed more moderation and inclination toward reconciliation, and who, during its continuation, with such a great spilling of Christian blood and the devastation of many lands, is guilty; and from which belligerent countries that war, according to the rules of Christian and political peoples, is more conducted. All impartial fundamentals from ancient and modern acts and treaties, as well as from notes on military operations, are described with due moderation and truth. So that in the necessary case everything is possible, namely: firstly, with original ancient treaties, charters, and chancery protocols established between the crowns of Russia and Sweden, as well as many impartial histories, from the Russian side, proven, and presented to be of interest; with the permission of His Tsarist Majesty of All Russia, collected, and published, in the reigning St. Petersburg in the year of the Lord 1716, and printed 1717" St. Petersburg, 1717. P. 62.

4. Decree of Peter I of June 26, 1724, "How a Colonel Should Deal with the District, or Uyezd, Assigned to His Regiment." St. Petersburg, Seal of the Senate, 1724. Sections 2, 3, 4, 5, 16, 20.
5. Article "A Charter Patent Issued to Dutchman Jan Tessingh for Opening a Private Printing House in Amsterdam," February 20, 2024. Internet source "Presidential Library" // URL: <https://www.prilib.ru/history/619039> (June 16, 2026)
6. Chulkov M.D. Legal Dictionary, or a Collection of Russian Laws, Temporary Institutions, Courts, and Reprisals: Part One in Alphabetical Order; Part Two in Order of Years, Months, and Dates from the Code, or since 1757. Moscow. At the University Printing House of V. Okorokov, 1793. P. 419.
7. Bogoslovsky M.M. The Regional Reform of Peter the Great (Province 1719-1727). Published by the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Moscow. 1902. P. 359-362.
8. Mikhelson A.D. 30,000 Foreign Words That Came Into Use in the Russian Language, with Explanations of Their Roots. Moscow. Author's own publication. 1866. 6th edition. Explanations of all foreign words that have come into use in the Russian language, with explanations of their roots. P. 591.
9. Chudinov A.N. Reference Dictionary of Spelling, Etymology, and Explanatory Language of the Russian Literary Language. St. Petersburg: Isidor Goldberg Printing House, 1901. P. 1442.
10. Gerchuk Yu.Ya. History of Graphics and Book Art. A Textbook for University Students. Moscow: Aspect-Press, 2000. P. 253.
11. Baburina N.I. Russian Poster: Second Half of the 19th – Early 20th Century. Leningrad: "Khudozhnik RSFSR," 1988. P. 113.
12. Agin A.A. Album of Drawings, "One Hundred and Four Drawings for N.V. Gogol's Poem "Dead Souls." Preface by Nikolai Leskov. 2nd Edition. St. Petersburg: D.D. Fedorov, 1892. First drawing.
13. Baburina N.I. Russian Poster: Second Half of the 19th – Early 20th Century. Leningrad, "Khudozhnik RSFSR," 1988. P. 9.
14. Baburina N.I. Russian Poster: Second Half of the 19th – Early 20th Century. Leningrad, "Khudozhnik RSFSR," 1988. P. 7.
15. Petrov-Vodkin K.S. Euclidean Space. My Story. Part II. Artists. Online source; Yandex Books. // URL: <https://books.yandex.ru/books/gTeolarP/read-online> (June 16, 2026)
16. Baburina N.I. Russian Poster: Second Half of the 19th – Early 20th Century. Leningrad, "Khudozhnik RSFSR," 1988. P. 86.
17. Encyclopedic Dictionary. Publishers: F.A. Brockhaus (Leipzig), I.A. Efron (St. Petersburg). St. Petersburg, I.A. Efron's Tipo-Lithography, 1898. Volume 23. P. 798.
18. Karl Wehrman. History of Art of All Times and Peoples. Volume I. Art of Pre-Christian and Non-Christian Peoples. Translated from German by A.I. Somov, St. Petersburg. Prosveshchenie Publishing Company. 1903. P. 702.
19. Denisov V.A. War and Lubok. Petrograd, published by "Novoy Zhurnal dlya Vseh," 1916. P. 1.
20. Denisov V.A. War and Lubok. Petrograd, published by "Novoy Zhurnal dlya Vseh," 1916. P. 2.
21. Denisov V.A. War and Lubok. Petrograd, "Novy Zhurnal dlya Vseh" (New Magazine for Everyone), 1916. P. 3.
22. Eventov I.S. Mayakovsky the Poster Artist. Leningrad-Moscow. "Iskusstvo" (Art), 1940. P. 38.
23. Polonsky V.P. Russian Revolutionary Poster. Moscow. Gosizdat, 1925. P. 3.
24. Polonsky V.P. Russian Revolutionary Poster. Moscow. Gosizdat, 1925. P. 86.
25. Lavrentyev A.N. Article "Rodchenko and Stepanova. Creators of Constructivism." Online source: "Our Heritage" Magazine. 2015. № 115. // URL: <https://nasledie30.tmweb.ru/podshivka/11506.php> (16.06.2026)
26. Ivaschenko T.S., Tarasov I.E. Documentary films in educational regional studies (based on the example of the TV series "Historical Chronicles of Yugra") // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 181-192.

Чу Лумяо

Аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0000-3452-3895

Эстетические категории китайской традиции в контексте исламской каллиграфии*

Аннотация. Статья посвящена исследованию эстетических категорий китайской художественной традиции в контексте исламской каллиграфии Китая. Актуальность работы обусловлена ростом интереса к транснациональным художественным практикам и недостаточной разработанностью эстетических оснований китайской исламской каллиграфии, которая чаще рассматривается в историческом или декоративно-прикладном аспекте. Цель исследования заключается в выявлении роли китайских эстетических категорий в формировании визуально-пластической специфики исламской каллиграфии Китая. Материалами исследования стали труды по китайской эстетике, теории каллиграфии, исламскому искусству и визуальной культуре Китая. Методологическую основу составили сравнительно-типологический, формально-стилистический, семиотический и культурологический подходы. В ходе исследования установлено, что китайская исламская каллиграфия представляет собой самостоятельную художественную систему, сформированную в результате взаимодействия арабской и китайской художественных традиций. Выявлено влияние категорий гармонии, пустоты, ритма, естественности и «живого движения» на организацию композиции, характер линии и пространственную структуру каллиграфического текста. Доказано, что художественный синкретизм проявляется не только на формальном уровне, но и в трансформации принципов художественного мышления. Сделан вывод о формировании особого визуального языка, сочетающего исламскую знаковую традицию с эстетическими принципами китайского искусства.

Ключевые слова: китайская исламская каллиграфия, китайская эстетика, исламское искусство, художественный синкретизм, визуальная культура, каллиграфия, эстетика линии, китайское искусство.

Chu Lumiao

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0000-3452-3895

Aesthetic categories of the Chinese tradition in the context of Islamic calligraphy

Abstract. The article examines the aesthetic categories of the Chinese artistic tradition in the context of Islamic calligraphy in China. The relevance of the study is determined by the growing scholarly interest in transnational artistic practices and the insufficient exploration of the aesthetic foundations of Chinese Islamic calligraphy, which is more often analyzed from historical or decorative perspectives. The purpose of the research is to identify the role of Chinese aesthetic categories in shaping the visual and plastic specificity of Islamic calligraphy in China. The research materials include works on Chinese aesthetics, calligraphy theory, Islamic art, and the visual culture of China. The methodological framework is based on comparative-typological, formal-stylistic, se-

* © Чу Лумяо, 2026.

Эстетические категории китайской традиции в контексте исламской каллиграфии

miotic, and cultural approaches. The study demonstrates that Chinese Islamic calligraphy constitutes an independent artistic system formed through the interaction of Arabic and Chinese artistic traditions. The influence of the categories of harmony, emptiness, rhythm, naturalness, and “living movement” on composition, line structure, and spatial organization of the calligraphic text is revealed. It is proved that artistic syncretism manifests itself not only at the formal level but also in the transformation of artistic thinking. The article concludes that a distinctive visual language emerged through the synthesis of the Islamic sign tradition and the aesthetic principles of Chinese art.

Key words: Chinese Islamic calligraphy, Chinese aesthetics, Islamic art, artistic syncretism, visual culture, calligraphy, line aesthetics, Chinese art.

Введение

В последние десятилетия в гуманитарном знании заметно усилился интерес к транснациональным художественным практикам, возникающим на пересечении различных культурных и религиозных традиций. Одним из наиболее показательных примеров подобного синтеза является исламская каллиграфия Китая, сформировавшаяся в результате длительного взаимодействия арабской письменной культуры и китайской эстетической системы. В отличие от классической арабской каллиграфии, ориентированной преимущественно на геометрическую упорядоченность и каноничность письма, китайская исламская каллиграфия постепенно включила принципы китайской художественной традиции: внимание к ритму линии, категории пустоты, пластике жеста и внутренней динамике формы [11; 15; 23]. Несмотря на возрастающий интерес к китайскому исламскому искусству, эстетические основания данного феномена до настоящего времени остаются изученными фрагментарно. Большинство исследований сосредоточено либо на истории ислама в Китае [26; 27], либо на материальной и декоративной специфике каллиграфии [11; 21].

Историография проблемы включает несколько направлений. Исламская каллиграфия рассматривается в трудах

Ш. Блэр, Т. Буркхардта, О. Грабара [11; 12; 17]. Теоретические аспекты китайской эстетики и каллиграфии разработаны в исследованиях Е.В. Завадской, В.В. Малявина, Фу Шэня, Ван Юэпина [3; 5; 15; 23]. Вопросы межкультурного художественного синтеза затрагиваются в работах К. Клунаса и Гао Минлу [13; 16]. Отдельную группу составляют исследования китайского ислама и мусульманских сообществ Китая [26; 27].

Научная новизна статьи заключается в том, что китайская исламская каллиграфия впервые рассматривается через систему эстетических категорий китайской художественной традиции. При этом внимание акцентируется не только на внешнем влиянии китайского искусства, но и на трансформации самих принципов художественного мышления. Объектом исследования выступает китайская исламская каллиграфия как художественная система, предметом – эстетические категории китайской традиции в художественном языке исламской каллиграфии Китая. Цель статьи состоит в выявлении роли китайских эстетических категорий в формировании визуально-пластической специфики данной традиции. Для достижения цели поставлены задачи: определить ключевые эстетические категории китайской традиции; выявить механизмы их адаптации в исламской каллиграфии; проанализировать вли-

ание китайской эстетики на композицию, ритм и линию; определить специфику художественного синкретизма.

Материалы и методы

Материалами исследования стали труды по китайской эстетике и теории каллиграфии, исследования исламского искусства, а также работы, посвящённые визуальной культуре Китая и проблемам художественного синкретизма. Особое значение имели исследования Е.В. Завадской, В. . Малявина, Фу Шэня и Ван Юэпина, раскрывающие специфику китайского понимания линии, ритма и пластики письма [3; 5; 15; 23]. Для осмысления исламской каллиграфической традиции использовались работы Ш. Блэр, Т. Буркхардта и О. Грабара [11; 12; 17].

Методологическую основу статьи составляет комплекс взаимодополняющих подходов. Сравнительно-типологический метод применяется для сопоставления принципов китайской и исламской эстетических систем и выявления механизмов их взаимодействия. Формально-стилистический анализ позволяет исследовать особенности линии, композиции и ритмической организации каллиграфии как визуально-пластической структуры. Семиотический подход, опирающийся на труды Ю.М. Лотмана и У. Эко [9; 30], используется для анализа каллиграфии как знаковой системы, в которой письмо одновременно выполняет текстовую и изобразительную функции. Культурологический подход даёт возможность рассматривать китайскую исламскую каллиграфию как результат длительного межкультурного взаимодействия и художественной адаптации.

Результаты и обсуждение

Категория гармонии в китайской

исламской каллиграфии

Одной из ключевых эстетических категорий китайской художественной традиции является гармония, понимаемая не как механическое равновесие элементов, а как динамическое согласование различных частей внутри единой структуры. В китайской эстетике гармония связана с представлением о внутренней соразмерности и непрерывности движения, благодаря чему художественная форма воспринимается как органически целостная система [3; 5]. Именно эта установка оказала существенное влияние на развитие исламской каллиграфии в Китае, где арабская графика постепенно адаптировалась к принципам китайского визуального мышления.

В классической исламской каллиграфии композиция традиционно строится на точной пропорциональности букв, геометрической упорядоченности и строгом соблюдении канона письма [11; 21]. Китайская художественная традиция предлагает иной принцип организации формы, при котором особое значение приобретают пластическая текучесть линии, ритмическое равновесие и соотношение заполненного и незаполненного пространства [15; 23]. В результате арабская графема в китайской исламской каллиграфии начинает восприниматься не только как носитель текста, но и как самостоятельный визуально-пластический элемент.

Принцип гармонизации особенно заметен в организации композиционного пространства. В китайской каллиграфической культуре важна не изолированная форма отдельного знака, а взаимодействие всех элементов внутри единой структуры. Как отмечает Ф. Чэн, китайское искусство строится на соотношении «пустого» и «полного», где незаполненное пространство становит-

ся активной частью композиции [29]. Подобное понимание пространства постепенно трансформирует и исламскую каллиграфическую практику Китая. Арабские надписи начинают включаться в более свободную композиционную систему, в которой значимым становится не только сам текст, но и ритм его распределения в пространстве.

Гармония проявляется также в особом соотношении частей и целого. В китайской эстетике отдельный элемент не обладает полной автономией и воспринимается через его связь с общей структурой произведения [13]. Поэтому линия, изгиб или ритмический повтор в исламской каллиграфии Китая подчиняются не только логике письма, но и задаче достижения визуального единства. Подобная тенденция приводит к смягчению жёсткой геометрии арабского письма: формы становятся более пластичными, а композиция – менее статичной. При этом речь не идёт об утрате исламской традиции. Арабская каллиграфическая традиция в китайской культурной среде не теряет своей основы, но начинает существовать в другой художественной системе координат. Письмо здесь воспринимается не только как способ передать текст, но и как движение, которое имеет собственный ритм, направление и пластическую выразительность.

Особенно заметно это в отношении к линии. В китайской эстетике линия – это не просто внешний контур знака. Через неё передаются энергия, движение руки и внутреннее состояние мастера [15]. Поэтому в исламской каллиграфии Китая большее значение получают непрерывность письма, мягкость переходов и связь между отдельными элементами. Линия перестаёт быть только очертанием буквы: она начинает передавать ритм, напряжение

и эмоциональный оттенок. Именно на этой основе складывается особая художественная целостность китайской исламской каллиграфии, где арабская графическая традиция соединяется с китайским представлением о гармоническом равновесии.

Категория пустоты и пространственная организация

Одной из ключевых категорий китайского искусства является пустота. Однако её нельзя понимать как простое отсутствие формы. В китайской художественной традиции пустота выступает как активное пространство, без которого образ не получает внутренней завершённости. В китайской живописи и каллиграфии пустота работает как полноценный элемент композиции: она направляет взгляд, задаёт ритм восприятия, усиливает внутреннее движение произведения и помогает выстроить связь между видимым и подразумеваемым [3; 29]. Подобное понимание пространства существенно повлияло на развитие исламской каллиграфии Китая, изменив традиционные принципы организации арабского текста.

Для классической исламской каллиграфии характерно стремление к плотности и завершённости композиции. Текстовое пространство обычно подчинено задаче максимальной визуальной связанности элементов, а пустые участки воспринимаются преимущественно как нейтральный фон [11; 21]. В китайской художественной традиции ситуация иная: незаполненное пространство становится равноправной частью композиции и вступает в активное взаимодействие с линией. Как отмечает Ф. Чэн, китайская эстетика исходит из идеи взаимозависимости «пустого» и «полного», где отсутствие изображения обладает собственной выразительностью [29]. Именно такое понимание

постепенно меняет пространственную организацию китайской исламской каллиграфии.

Наиболее ясно это видно в отношении к паузам внутри композиции. Под влиянием китайской живописи и традиции шуфа промежутки между элементами текста уже не выглядят как обычные интервалы, нужные только для отделения одного знака от другого. Они начинают работать как часть ритма. Пауза не прерывает движение линии, а как будто даёт ему «воздух»: позволяет сохранить ощущение дыхания, плавности и внутренней связи между элементами. Поэтому композиция становится менее жёсткой и замкнутой, в ней появляется больше подвижности и открытости. В этом смысле исламская каллиграфия Китая сближается с китайской пейзажной живописью, где пустые участки пространства помогают создать ощущение глубины, текучести и свободного развития формы [13; 22].

Не менее важно и то, как текст соотносится со свободным пространством. В китайской исламской каллиграфии значение имеет не только сама графема, но и её положение внутри композиции. Отсюда возникают более свободные, иногда асимметричные построения, где пустота уже не воспринимается как пассивный фон. Она направляет взгляд, задаёт темп восприятия и участвует в создании общего визуального ритма. Подобная тенденция связана с китайским пониманием художественной формы как процесса, а не статичного объекта [5]. Пространство здесь не фиксирует изображение, а создаёт условия для его внутреннего развёртывания.

Категория пустоты влияет и на восприятие сакрального содержания текста. В исламской традиции каллиграфия тесно связана с идеей божественного слова, однако в китайском контексте

эта сакральность начинает выражаться не только через сам текст, но и через характер пространственной организации. Незаполненное пространство создаёт необходимую дистанцию для созерцания и делает восприятие более медитативным. Поэтому в китайской исламской каллиграфии пустота уже не служит обычным фоном. Она становится самостоятельной частью художественного высказывания и участвует в построении смысла.

Линия и ритм как эстетические категории

В китайской художественной традиции линия понимается не только как средство построения формы. Она связана с внутренним состоянием мастера, с движением руки и с той энергией, которая проявляется в самом акте письма. Если в западной традиции линия часто мыслится прежде всего как контур, то в китайской эстетике она воспринимается как живая форма в процессе становления [3; 15]. Такое понимание заметно повлияло на исламскую каллиграфию Китая: арабское письмо здесь постепенно стало более пластичным, свободным и ритмически подвижным.

Особое место в китайской каллиграфии занимает динамика мазка. В традиции шуфа линия передаёт не только готовую форму знака, но и само движение кисти, которое к этой форме привело. Ван Юэпин подчёркивает, что каллиграфический знак в китайской культуре воспринимается как след телесного действия, сохраняющий энергию жеста [23]. Поэтому в исламской каллиграфии Китая постепенно меняется само ощущение письма. Линия становится мягче, переходы между элементами – более плавными, а толщина мазка – менее однообразной. В таком контексте арабская графема уже не воспринимается только как знак текста. Она стано-

вится пластической формой, в которой важны движение, ритм и внутренняя напряжённость.

С этим тесно связана и ритмическая организация композиции. В китайской эстетике ритм возникает из чередования напряжения и паузы, движения и остановки, плотных и более свободных участков [5]. Этот принцип заметно влияет на пространственное построение исламской каллиграфии Китая. Повторы, направление линий и расстояния между знаками создают не просто порядок размещения текста, а целую систему визуального движения. Ритм здесь становится самостоятельным выразительным средством. Поэтому каллиграфический текст воспринимается не как последовательность отдельных символов, а как единый поток письма, в котором каждый элемент связан с общим движением формы.

Пластичность линии тесно связана с телесностью письма. В китайской традиции каллиграфия рассматривается как практика, объединяющая физическое движение, дыхание и внутреннюю концентрацию художника [29]. Это понимание сохраняется и в китайской исламской каллиграфии. Характер линии здесь зависит не только от канонов письма, но и от особенностей движения руки, темпа мазка и степени свободы жеста. Подобная телесная природа письма усиливает выразительность формы и придаёт каллиграфии черты живого процесса.

С понятием телесности тесно связана и категория энергии линии. В китайской эстетике линия обладает внутренней силой, соотносимой с понятием *ци* – жизненной энергии, пронизывающей художественную форму [3; 23]. В исламской каллиграфии Китая эта идея проявляется в стремлении сохранить ощущение непрерывного движения и

внутреннего напряжения линии. Даже при сохранении канонических арабских форм письмо приобретает большую динамичность и эмоциональную насыщенность. В результате линия начинает выполнять не только знаковую, но и эмоционально-выразительную функцию. Через неё передаются внутреннее движение, напряжение и состояние духовной сосредоточенности. Именно поэтому ритм и пластика линии становятся одной из главных основ художественной специфики китайской исламской каллиграфии.

Естественность и принцип «живого движения»

Одной из важных категорий китайской эстетики является принцип естественности – *цзыжань*. Он связан с представлением о свободном, но внутренне закономерном развёртывании формы. В китайской художественной традиции естественность не означает случайность или произвольную импровизацию. Речь скорее идёт о согласованности движения с внутренним состоянием мастера и с природным ритмом, который должен ощущаться в самой форме [5; 29]. Для каллиграфии это особенно существенно: письмо здесь понимается не как механическое выведение знаков, а как продолжение жеста, дыхания и духовной сосредоточенности художника. Поэтому сам процесс письма оказывается почти столь же важным, как и итоговая форма. Эта установка заметно повлияла на исламскую каллиграфию Китая, изменив отношение к линии, мазку и графической структуре.

В классической арабской каллиграфии, напротив, большое значение имеют точность канона, устойчивость пропорций и строгость графического строя [11; 21]. При всей выразительности арабского письма оно ориенти-

ровано на сохранение нормативной формы и её узнаваемости. Китайская каллиграфическая традиция смещает акцент: важна не столько идеальная повторяемость знака, сколько способность линии сохранять ощущение живого движения. Фу Шэнь подчёркивает, что китайская каллиграфия является не только техникой письма, но и искусством энергии жеста [15]. Поэтому при взаимодействии двух художественных систем исламская каллиграфия Китая постепенно отходит от исключительно геометрической организации и получает большую пластическую свободу.

Категория цзыжань особенно ясно проявляется в характере линии. В китайской эстетике линия не должна выглядеть механически выверенной или искусственно застывшей. Напротив, ценится внутренняя естественность, при которой движение кисти сохраняет признаки живого импульса [23]. В китайской исламской каллиграфии это выражается в более свободных переходах между элементами письма, изменении ритма мазка и отказе от чрезмерной симметрии. Линия начинает восприниматься не как неподвижный контур, а как процесс непрерывного становления формы.

С принципом естественности тесно связана телесность письма. В китайской традиции каллиграфический жест зависит от дыхания, положения тела и внутренней концентрации художника [3]. Поэтому письмо становится не только способом фиксации текста, но и формой духовной практики. Это понимание сохраняется и в исламской каллиграфии Китая, где движение кисти приобретает более созерцательный характер. Значение приобретает не только готовый визуальный результат, но и сам акт письма – как форма внутренней собранности, дисциплины и сосредото-

ченного движения.

Отказ от механистичности замечен и в том, как понимается завершенность композиции. В ряде арабских каллиграфических традиций особенно важны симметрия, точные пропорции и геометрическое равновесие. Китайская эстетика подходит к этому иначе: для неё композиционная «правильность» не обязательно связана с полной симметрией. Напротив, асимметрия, лёгкое смещение формы, изменение темпа и плотности могут восприниматься как признаки живого движения [13]. Поэтому в китайской исламской каллиграфии композиция становится более подвижной и внутренне динамичной. Небольшие отклонения, разная толщина линии, смена скорости письма уже не выглядят как отступление от нормы. Они включаются в художественную ткань произведения и усиливают его выразительность.

Принцип «живого движения» показывает, что в китайской исламской каллиграфии меняется не только внешний облик письма. Более существенно то, что иначе начинает пониматься сама художественная форма. Она воспринимается уже не как неподвижная графическая схема, а как след движения, жеста и внутреннего состояния мастера. Поэтому речь идёт не о простом заимствовании отдельных элементов китайской традиции, а о более глубокой перестройке художественного мышления: письмо становится процессом, связанным с телесным действием, духовной сосредоточенностью и естественным развёртыванием линии.

Художественный синкретизм как эстетическая система

Проведённый анализ позволяет рассмотреть китайскую исламскую каллиграфию не как механическое соединение арабской и китайской традиций,

а как самостоятельную эстетическую систему. Она сложилась в результате длительного межкультурного взаимодействия, в котором обе традиции не просто сосуществовали, а постепенно меняли способы художественного выражения. В научной литературе подобные явления нередко описываются через категорию синкретизма, однако в данном случае речь идёт не о внешнем совмещении отдельных визуальных признаков, а о более глубокой трансформации принципов художественного мышления [16]. Китайская исламская каллиграфия формирует собственный визуальный язык, в котором арабская графическая структура переосмысливается через категории китайской эстетики.

Одним из важнейших признаков этого синкретизма становится изменение статуса каллиграфического знака. В классической исламской традиции письмо прежде всего связано с функцией передачи сакрального текста и подчинено нормам канонической графики [11; 19]. В китайской художественной культуре каллиграфия изначально обладает более широкой эстетической автономией и воспринимается как форма визуально-пластического искусства [3; 15]. В результате арабская графема в китайском контексте постепенно утрачивает исключительно текстовую функцию и начинает существовать как художественный образ. Подобная трансформация приводит к формированию нового типа визуальности, где знак одновременно остаётся носителем смысла и становится элементом пластической композиции.

Синкретический характер проявляется и в понимании пространства. Китайская эстетика, основанная на взаимодействии пустоты и формы, существенно меняет традиционную организацию исламского каллиграфического

текста [29]. Пространственные паузы, асимметрия и свободное распределение элементов начинают играть активную композиционную роль. При этом китайская исламская каллиграфия не отвергает исламскую традицию, а переосмысливает её в соответствии с другой визуальной системой. Поэтому рассматривать её лишь как производную форму арабской каллиграфии было бы неверно: со временем она вырабатывает собственные художественные принципы и особый способ организации формы.

Особенно заметны изменения в понимании линии и движения. В китайской каллиграфии линия связана не только с очертанием знака, но и с внутренней энергией, жестом и физическим движением художника [23]. В китайской исламской каллиграфии канонические особенности арабского письма сохраняются, однако сама линия становится более гибкой, ритмически изменчивой и пластически насыщенной. За счёт этого возникает особая визуальная выразительность, основанная на соединении исламской знаковой традиции с китайским представлением о «живом движении».

Подобный синкретизм затрагивает не только формальные стороны искусства, но и само восприятие каллиграфии. В арабской традиции центральное место занимает сакральность текста, тогда как китайская эстетика усиливает созерцательный и медитативный аспект визуальной формы [5; 12]. Каллиграфия начинает восприниматься как пространство внутреннего ритма, сосредоточенности и духовного переживания. В результате возникает особый художественный опыт, где эстетическое и сакральное существуют не раздельно, а как взаимосвязанные элементы единой системы.

Китайская исламская каллиграфия, таким образом, представляет собой не промежуточный вариант между двумя культурами, а самостоятельный художественный феномен. Её своеобразие определяется не простым заимствованием отдельных элементов китайской эстетики, а глубокой переработкой принципов организации формы, пространства и движения. Именно поэтому в рамках данной традиции складывается новый визуальный язык, в котором исламская каллиграфия сохраняет связь со своим религиозным основанием, но одновременно приобретает иные пластические и эстетические качества.

Заключение

1. Установлено, что китайская исламская каллиграфия развивается под заметным влиянием китайской художественной традиции, в которой каллиграфия понимается не только как способ записи текста, но и как самостоятельная визуально-пластическая практика. В результате арабская графическая система приобретает новые художественные свойства, связанные с ритмом, пластикой линии и особенностями пространственной организации формы.

2. Выявлено, что категория гармонии существенно влияет на композиционное построение китайской исламской каллиграфии. Внимание к соотношению частей и целого, динамическому равновесию и внутренней цельности композиции трансформирует традиционные принципы арабского письма и делает визуальную структуру более пластичной и подвижной.

3. Доказано, что категория пустоты в китайской эстетике изменяет организацию каллиграфического пространства. Незаполненные участки начинают выполнять активную художественную

функцию, участвуя в создании ритма, визуальной паузы и внутренней динамики произведения.

4. Определено, что линия и ритм в китайской исламской каллиграфии приобретают самостоятельное эстетическое значение. Линия начинает восприниматься как выражение движения, телесного жеста и внутренней энергии художника, а ритмическая организация письма становится одним из ключевых средств художественной выразительности.

5. Установлено, что принцип естественности (*цзыжань*) способствует отказу от механистичности письма и усиливает значение живого движения в каллиграфической практике. Это приводит к большей вариативности формы и к усилению связи между визуальной структурой письма и духовным состоянием каллиграфа.

6. Китайская исламская каллиграфия представляет собой самостоятельную эстетическую систему, сформированную в результате глубокой переработки исламской каллиграфической традиции в контексте китайской художественной культуры. Художественный синкретизм в данном случае проявляется не только на формальном уровне, но и в изменении принципов восприятия пространства, линии и визуального образа.

Список литературы

1. Алексеев В.М. Китайская литература: Избранные труды. – М.: Восточная литература, 2002. 511 с.
2. Виноградова Н.А. Искусство Китая. – М.: Изобразительное искусство, 1988. 456 с.
3. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. – М.: Искусство, 1975. 440 с.
4. Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 1999. 416 с.
5. Малявин В.В. Китайское искусство: Принципы. Школы. Стили. – М.: Астрель, 2004. 432 с.
6. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. – М.: Алетея, 2003. 352 с.
7. Роули Дж. Принципы китайской живописи /

пер. с англ. – М.: Наука, 1989. 160 с.

8. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Азбука-классика, 2005. 544 с.

9. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Семiosфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159-179.

10. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. – М.: Языки славянских культур, 2007. 792 с.

11. Blair S. Islamic Calligraphy. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 682 p.

12. Burckhardt T. Art of Islam: Language and Meaning. – Bloomington: World Wisdom, 2009. 224 p.

13. Clunas C. Art in China. – Oxford: Oxford University Press, 1997. 272 p.

14. Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. Islamic Art and Architecture 650–1250. – New Haven: Yale University Press, 2001. 344 p.

15. Fu Shen. Chinese Calligraphy. – New Haven: Yale University Press, 1999. 240 p.

16. Gao Minglu. Total Modernity and the Avant-Garde in Twentieth-Century Chinese Art. – Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 432 p.

17. Grabar O. The Mediation of Ornament. – Princeton: Princeton University Press, 1992. 320 p.

18. Murck A., Fong W. Words and Images: Chinese Poetry, Calligraphy, and Painting. – New York: Metropolitan Museum of Art, 1991. 280 p.

19. Nasr S.H. Islamic Art and Spirituality. – Albany: State University of New York Press, 1987. 215 p.

20. Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 4: Physics and Physical Technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 780 p.

21. Safadi Y.H. Islamic Calligraphy. – London: Thames and Hudson, 1978. – 216 p.

22. Sullivan M. The Arts of China. – Berkeley: University of California Press, 2008. 368 p.

23. Wang Yueh-Ping. The Dao of Chinese Calligraphy. – New York: Columbia University Press, 2005. 312 p.

24. Xiong Bingming. The Chinese Written Character as a Medium of Aesthetic Contemplation // Contemporary Chinese Thought. 2003. Vol. 34. № 2. P. 34-45.

25. Yasuhiko Moriguchi. Arabic Calligraphy in China: A Cultural and Artistic Synthesis // Journal of Islamic Art Studies. 2018. Vol. 7. № 1. P. 55-72.

26. Lipman J N. Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China. – Seattle: University of Washington Press, 1997. 352 p.

27. Gladney D.C. Muslim Chinese: Ethnic Nationalism in the People's Republic. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 480 p.

28. Frankel H. The Flowering Plum and the Palace Lady: Interpretations of Chinese Poetry. – New Haven: Yale University Press, 1976. 286 p.

29. Cheng F. Empty and Full: The Language of Chinese Painting. – Boston: Shambhala, 1994. 224 p.

30. Eco U. A Theory of Semiotics. – Bloomington: Indiana University Press, 1976. 354 p.

References

1. Alekseev V.M. Chinese Literature: Selected Works. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 511 p.

2. Vinogradova N.A. Art of China. Moscow: Fine Art, 1988. 456 p.

3. Zavadskaia E.V. Aesthetic Problems of Painting in Old China. Moscow: Iskusstvo, 1975. 440 p.

4. Kravtsova M.E. History of Chinese Culture. St. Petersburg: Lan, 1999. 416 p.

5. Malyavin V.V. Chinese Art: Principles. Schools. Styles. Moscow: Astrel, 2004. 432 p.

6. Maslov A.A. China: Bells in the Dust. Wanderings of a Magician and an Intellectual. Moscow: Aleteya, 2003. 352 p.

7. Rowley J. Principles of Chinese Painting / translated from English. – Moscow: Nauka, 1989. 160 p.

8. Torchinov E.A. Religions of the World: Experience of the Beyond. Psychotechnics and Transpersonal States. – St. Petersburg: Azbuka-Classik, 2005. 544 p.

9. Lotman Yu.M. Semiotics of Culture and the Concept of Text // Lotman, Yu.M. Semiosphere. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. pp. 159-179.

10. Ivanov Vyach. Vs. Selected Works on Semiotics and History of Culture. Vol. 4. – Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. 792 p.

11. Blair S. Islamic Calligraphy. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 682 p.

12. Burckhardt T. Art of Islam: Language and Meaning. – Bloomington: World Wisdom, 2009. 224 p.

13. Clunas C. Art in China. – Oxford: Oxford University Press, 1997. 272 p.

14. Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. Islamic Art and Architecture 650–1250. – New Haven: Yale University Press, 2001. 344 p.

15. Fu Shen. Chinese Calligraphy. – New Haven: Yale University Press, 1999. 240 p.

16. Gao Minglu. Total Modernity and the Avant-Garde in Twentieth-Century Chinese Art. – Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 432 p.

17. Grabar O. The Mediation of Ornament. – Princeton: Princeton University Press, 1992. 320 p.

18. Murck A., Fong W. Words and Images: Chinese Poetry, Calligraphy, and Painting. – New York: Metropolitan Museum of Art, 1991. 280 p.

19. Nasr S.H. Islamic Art and Spirituality. – Albany: State University of New York Press, 1987. 215 p.

20. Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 4: Physics and Physical Technology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1962. 780 p.

21. Safadi Y.H. Islamic Calligraphy. – London: Thames and Hudson, 1978. – 216 p.

22. Sullivan M. The Arts of China. – Berkeley: University of California Press, 2008. 368 p.

23. Wang Yueh-Ping. The Dao of Chinese Calligraphy. – New York: Columbia University Press, 2005. 312 p.

24. Xiong Bingming. The Chinese Written Character as a Medium of Aesthetic Contemplation // Contemporary Chinese Thought. 2003. Vol. 34. № 2. P. 34-45.

25. Yasuhiko Moriguchi. Arabic Calligraphy in China: A Cultural and Artistic Synthesis // Journal of Islamic Art Studies. 2018. Vol. 7. № 1. P. 55-72.

26. Lipman J N. Familiar Strangers: A History of Muslims in Northwest China. – Seattle: University of Washington Press, 1997. 352 p.

27. Gladney D.C. Muslim Chinese: Ethnic Nationalism in the People's Republic. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 480 p.

28. Frankel H. The Flowering Plum and the Palace Lady: Interpretations of Chinese Poetry. – New Haven: Yale University Press, 1976. 286 p.

29. Cheng F. Empty and Full: The Language of Chinese Painting. – Boston: Shambhala, 1994. 224 p.

30. Eco U. A Theory of Semiotics. – Bloomington: Indiana University Press, 1976. 354 p.

Чжан Вэй*Профессор, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (КНР).***Бренд работы единого фронта приграничного университета как инструмент культурного возрождения этнических районов: кейс Хэйхэского Университета***

Аннотация. В статье анализируется бренд работы единого фронта Хэйхэского университета «И» лу тунсин» («Искусство на общем пути») как форма участия приграничного вуза в культурном возрождении этнических районов Северо-Восточного Китая. Актуальность исследования определяется особой ролью университетов приграничья: они одновременно готовят кадры, поддерживают локальное наследие, создают культурные продукты, включают студентов в общественную практику и выстраивают взаимодействие между государственными институтами, школами, местными сообществами и носителями нематериальной культуры. Цель статьи - раскрыть организационную логику модели «1246», показать ее ценностное основание, ресурсные контуры, направления деятельности и условия устойчивого развития. Исследование выполнено в формате качественного кейс-анализа на основе открытых материалов Хэйхэского университета, публикаций о реализации проекта, нормативных документов по работе единого фронта и аналитического обобщения практик художественного образования, общественного служения и сохранения этнического наследия. Научная новизна состоит в рассмотрении брендового подхода как воспроизводимой управленческой конструкции, эффективность которой зависит от межфакультетской координации, локального партнерства, участия носителей традиции и фиксации результатов проектной работы.

Ключевые слова: пр приграничный университет, работа единого фронта, культурное возрождение, этнические районы, Хэйхэский университет, модель «1246», нематериальное культурное наследие, общественное служение.

Zhang Wei*Professor of Heihe University, Heihe, China.***United front work brand of a border university as an instrument of cultural revitalization in ethnic areas: the case of Heihe University**

Аннотация. The article analyzes the United Front work brand of Heihe University, «Yi Lu Tong Xin» («Art on the Common Path»), as a form of participation of a border university in cultural revitalization of ethnic areas in Northeast China. The study reveals the organizational logic of the «1246» model, its value basis, resource circuits, areas of activity and conditions of sustainable development. The research is based on qualitative case analysis, open materials of Heihe University, publications on the project, documents on United Front work and analytical generalization of practices in art education, social service and preservation of ethnic heritage. The article shows that the brand is not limited to cultural events; it combines educational, artistic, research and social-service functions of the university.

Key words: border university, united front work, cultural revival, ethnic areas, Heihe University, 1246 model, intangible cultural heritage, public service.

* © Чжан Вэй, 2026.

Бренд работы единого фронта приграничного университета как инструмент культурного возрождения этнических районов: кейс Хэйхэского Университета

Данная статья представляет собой результаты фундаментального научно-исследовательского проекта провинциальных высших учебных заведений, проведенного Департаментом образования провинции Хэйлуцзян «Исследование теоретических инноваций единого фронта Коммунистической партии Китая со времени XVIII Всекитайского съезда КПК» (номер проекта: 2021-KYYWF-0703).

Введение

Приграничный университет занимает особое место в системе высшего образования и регионального развития. Он работает не только с учебными программами, но и с пространством границы, локальной идентичностью, межкультурным обменом, подготовкой кадров для территории и сохранением культурной памяти местных сообществ. Для северо-восточных районов Китая, где исторически взаимодействуют разные этнические группы и где заметна роль российско-китайского приграничья, университетская культурная деятельность приобретает не вспомогательное, а стратегическое значение. В докладе на XX съезде КПК региональное развитие, культурное строительство и модернизационный проект представлены как взаимосвязанные направления государственной политики [2].

Хэйхэский университет расположен в провинции Хэйлуцзян на российско-китайском приграничье. Его образовательная и общественная миссия связана с подготовкой специалистов для региона, поддержкой местного развития и участием в культурной коммуникации. В открытых материалах университета бренд «И лу тунсин» представлен как проект работы единого фронта, построенный на художественном образовании, общественном служении и вовлечении университетских ресурсов в культурное возрождение приграничья [10].

Научный интерес к данному кейсу объясняется тем, что брендовая форма

работы единого фронта позволяет рассмотреть не отдельное мероприятие, а целостную организационную схему. В ней объединяются ценностная цель, факультетские возможности, местные партнеры, художественные практики, образовательные задачи и поддержка этнического наследия. Для анализа приграничного университета важно учитывать и более широкий контекст китайской модели модернизации, в которой государственное управление, региональное развитие и культурная политика рассматриваются как взаимозависимые процессы [5].

Цель исследования – систематизировать опыт Хэйхэского университета и раскрыть модель «1246» как инструмент культурного возрождения этнических районов. Для достижения цели рассматриваются предпосылки создания бренда, ресурсная структура проекта, содержание практических направлений, социальные и образовательные эффекты, а также риски, которые необходимо учитывать при масштабировании подобной практики.

Методология исследования

Исследование выполнено в логике качественного кейс-анализа. Такой подход позволяет раскрыть внутреннюю организацию конкретной практики: как формируется ресурсная коалиция, какие участники включаются в проект, каким образом художественные и образовательные действия соотносятся с задачами единого фронта, какие признаки указывают на устойчивость бренда. Кейс-анализ в данном случае

продуктивнее статистического сравнения, поскольку модель «1246» важна не числом мероприятий само по себе, а способом соединения университетских ресурсов с потребностями приграничных этнических территорий.

Источниковую базу составили официальные материалы Хэйхэского университета о бренде «И лу тунсин», сообщения о проектных мероприятиях, публикации китайских информационных ресурсов, нормативные документы по работе единого фронта, материалы о сохранении выдающейся традиционной китайской культуры и нематериального наследия. Нормативная рамка задается «Положением о работе единого фронта Коммунистической партии Китая» [6] и учебным руководством по важным идеям Си Цзиньпина об организации работы единого фронта новой эпохи [8].

Для анализа культурного блока привлечены документы о наследовании и развитии выдающейся традиционной китайской культуры [7], а также материалы Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, разъясняющие значение проекта наследования традиционной культуры в период «14-й пятилетки» [9]. Применялись институциональный анализ, анализ проектной логики, содержательная группировка мероприятий и оценка практики по качественным признакам: устойчивость партнерств, межфакультетская координация, участие студентов, создание культурных продуктов, включение носителей традиции и наличие общественного эффекта.

Количественные сведения, содержащиеся в открытых материалах проекта, используются осторожно. Они позволяют обозначить масштаб активности, но не заменяют внутренней проектной отчетности. Поэтому основной акцент

сделан на механизме организации работы и условиях, при которых университетский бренд переходит из статуса разовой акции в устойчивую форму общественно-культурного взаимодействия.

Приграничный университет как субъект культурного возрождения

Культурное возрождение этнических районов не ограничивается праздничными выступлениями или внешним воспроизведением фольклорных форм. Оно включает передачу языка и ремесленных навыков, создание современных культурных продуктов, подготовку молодых участников традиции, развитие местных брендов, повышение культурной самооценки жителей, укрепление межэтнического взаимодействия и расширение доступа сельских территорий к образовательным ресурсам.

В приграничных территориях эти возможности приобретают дополнительное значение. Граница формирует особое пространство идентичности: здесь важны не только вопросы экономического развития, но и представления о Родине, исторической памяти, культурной безопасности, межкультурном обмене и участии молодежи в жизни территории. Идея многоединства китайской нации, разработанная Фэй Сяотуном, помогает рассматривать локальные этнические культуры не как изолированные фрагменты, а как элементы общей культурной структуры [4, с. 17].

Хэйхэский университет строит бренд работы единого фронта на основе художественных направлений: изобразительного искусства, дизайна, музыки, медиа и гуманитарных дисциплин. Такой выбор имеет практическое основание. Искусство легче вовлекает местных жителей, чем формальные лекционные

форматы; оно переводит ценностные задачи в язык образов, концертов, выставок, настенных росписей, дизайна упаковки, видеоматериалов и образовательных мастерских. Благодаря этому работа единого фронта получает не только организационный, но и эмоционально-коммуникативный канал.

Организационная логика модели «1246»

Модель «1246» представляет собой не формальную нумерацию, а проектную схему, связывающую ценностное основание, ресурсное обеспечение, целевые ориентиры и практические действия. В официальном сообщении Хэйхэского университета отмечено, что бренд был создан с опорой на позиционирование «укорениться в Хэйхэ и служить местному развитию», на школьный дух «воспитания людей для охраны границы» и на культурную функцию университета [10]. Эти элементы позволяют понять, почему художественный бренд был выбран именно для приграничного вуза.

В практическом плане модель по-

казывает, что культурное возрождение не возникает из одной художественной акции. Оно требует устойчивой связи между ценностной задачей, ресурсной коалицией, конкретной территорией и образовательной включенностью студентов. Именно эта связка отличает бренд «И лу тунсин» от обычного набора выездных мероприятий.

Ресурсная интеграция и региональное партнерство

Многие университетские культурные проекты зависят от отдельной кафедры или инициативной группы. В таких случаях мероприятие может быть ярким, но неустойчивым. В модели Хэйхэского университета эта слабость преодолевается через межфакультетскую и межведомственную координацию. Художественные направления создают визуальные и музыкальные продукты; гуманитарные дисциплины обеспечивают историко-культурное осмысление; медийные специальности помогают документировать и распространять результаты; педагогические практики включают студентов в работу

Таблица 1. Структура модели «1246» бренда работы единого фронта Хэйхэского университета.

Элемент модели	Содержание	Функция в проекте
1	Ценностное ядро: укрепление осознания общности китайской нации	Задаёт общий смысл культурно-образовательных и общественных мероприятий
2	Два контура ресурсов: внутривузовский и региональный	Объединяет факультеты, студентов, местные власти, школы и носителей наследия
4	Четыре цели: художественное просвещение, творчество, сохранение наследия, общественное служение	Переводит идеологическую рамку в задачи развития территории
6	Шесть направлений: изучение, чтение, фотосъёмка, художественное и музыкальное творчество, охрана наследия	Формирует набор повторяемых практик совместной работы

с детьми и подростками.

Официальные материалы показывают, что к декабрю 2024 г. Хэйхэский университет был представлен как один из четырех вузов провинции Хэйлунцзян, приглашенных для обмена опытом по созданию брендов работы единого фронта на провинциальном совещании, в котором участвовали представители 78 вузов [10]. Этот факт важен не как формальное признание, а как показатель перехода проекта с уровня локальной инициативы на уровень демонстрационной практики.

На региональном уровне проект связан с этническими волостями и поселениями Северо-Восточного Китая. Именно на местном уровне культура сохраняется не как абстрактное наследие, а как живая практика: язык, песни, ремесла, рисунок, костюм, семейная память, хозяйственные навыки, праздник и повседневный уклад. Исследования о совершенствовании системы большого единого фронта в вузах подчеркивают значение координации ресурсов и устойчивых каналов участия [3, с. 37]. Проблематика брендового подхода к работе единого фронта также требует учитывать риск превращения проекта в отчетную форму, не связанную с реальными потребностями территории [1].

Партнерская схема «вуз – местная власть – школа – сообщество – носители наследия» позволяет распределить ответственность и одновременно избежать изоляции проекта внутри университетской среды. В таком формате студенты получают практику работы с реальными культурными материалами, преподаватели – пространство для прикладных исследований и методических разработок, местные сообщества – дополнительные образовательные и художественные ресурсы, а органы власти –

механизм культурного сопровождения сельского развития.

Практические направления бренда «И лу тунсин»

Направление совместного изучения связано с лекциями, беседами, полевыми практиками и включением студентов в жизнь местных сообществ. Его значение состоит в переносе образовательной работы из аудитории в пространство территории. В таких условиях студенты не только усваивают теоретические положения о межнациональном единстве и культурной общности, но и видят, как эти положения соотносятся с жизнью конкретного поселения, школы, семьи, творческого коллектива.

Совместное чтение работает с языковой и исторической памятью. Акции чтения, конкурсы эссе, работа с детской литературой и тематическими текстами позволяют соединять общенациональный культурный язык с локальной историей. Для этнических районов это важно потому, что дети и подростки получают возможность воспринимать собственную территорию не как периферию, а как часть общей культурной картины.

Фотографические и видеопроекты фиксируют повседневность приграничных сел: труд, быт, праздники, природную среду, лица жителей, локальные обычаи и визуальные особенности территории. Визуальный материал выполняет не только презентационную функцию. Он формирует архив, который может использоваться в учебных курсах, выставках, медиапроектах и публичном представлении региона.

Художественное творчество соединяет эстетическую и практическую задачи. Настенные росписи, оформление сельской среды, создание живописных работ, разработка упаковки местных

продуктов и использование этнических мотивов в дизайне помогают формировать узнаваемый образ территории. Публикации о проекте отмечают участие студентов и преподавателей в настенной росписи сельских пространств, где художественная практика связывалась с темой красивой деревни и сельского возрождения [12]. Для таких работ особенно важно согласование с местными жителями, чтобы этнический образ не превращался в поверхностный декоративный знак.

Музыкальное направление строится на концертах, школьных занятиях, исполнении песен и танцев, участии университетских творческих коллективов в жизни местных поселений. В июне 2025 г. открытые материалы зафиксировали выезд бренда «И лу тунсин» в поселок Хайсин города Бэйань, где прошла серия мероприятий 校地共建 и концертная программа, включавшая двенадцать номеров [11]. Такой формат показывает, как художественная практика становится каналом общественного взаимодействия.

Охрана наследия является наиболее содержательным направлением проекта. Она связана с изучением языка, ремесел, танцев, песен, изделий из березовой коры и других элементов нематериальной культуры. Для устойчивого результата одних показательных выступлений недостаточно. Необходимы документирование материалов, создание учебных разработок, участие молодых жителей, консультации с носителями традиции, формирование локальных архивов и включение собранного материала в образовательный процесс университета.

Результаты и признаки проектной устойчивости

Результаты брендового проекта це-

лесообразно рассматривать через несколько признаков проектной зрелости. Первый признак – институционализация: наличие устойчивых партнерских площадок, повторяемость практик, включение мероприятий в учебные и воспитательные планы. Второй – образовательный эффект: участие студентов в реальных проектах, появление исследовательских тем, курсов, творческих работ и методических материалов. Третий – культурный эффект: современная презентация локальных традиций, вовлечение носителей наследия и создание культурных продуктов. Четвертый – социальный эффект: расширение взаимодействия между университетом, школами, местными властями и жителями.

Открытые материалы проекта указывают на проведение более пятидесяти мероприятий по доставке художественных программ в сельскую местность, приглашение наследников провинциального нематериального культурного наследия, создание курсов, организацию форумов и подготовку исследовательских заявок [10]. Эти сведения позволяют говорить о заметном масштабе работы, но для дальнейшего научного развития темы необходимо дополнять их проектными отчетами, интервью, отзывами жителей, перечнями созданных образовательных и художественных продуктов.

Наиболее убедительный результат модели состоит в переходе от односторонней помощи к совместному созданию. Местная культура не только демонстрируется, но и становится материалом для обучения, исследования, творчества и общественного служения. Университет получает практическую базу, студенты – опыт участия в региональном развитии, местные сообщества – дополнительные культурные и образовательные ресурсы. Взаимность тако-

го обмена делает бренд устойчивее, чем разовые выездные мероприятия.

Демонстрационный потенциал и ограничения масштабирования

Опыт Хэйхэского университета может быть полезен другим приграничным и региональным вузам, но переносить его нужно не как готовый набор мероприятий, а как принцип организации. Демонстрационный потенциал заключается в наличии ценностного ядра, ресурсной интеграции, связи с местными потребностями, междисциплинарности, участии носителей культуры, образовательной включенности студентов и постоянной обратной связи с территорией.

Первое ограничение связано с кадрами. Художественно-культурный бренд требует преподавателей, способных работать не только в аудитории, но и в полевых условиях: с местными администрациями, школами, детьми, носителями традиций, общественными организациями. Второе ограничение – формализация. Если бренд превращается в отчетную единицу, мероприятия начинают проводиться ради количества, а не ради культурного результата. Третье ограничение – этическое. Работа с этническим наследием требует уважения к источнику традиции, согласования с местными сообществами и отказа от декоративного присвоения символов.

Еще одна проблема связана с исследовательской фиксацией результатов. Многие университетские практики остаются в новостных сообщениях и не превращаются в научные данные. Для развития проекта необходимы базы материалов, описание методик, интервью с участниками, отзывы жителей, фиксация изменений в образовательных продуктах, публикация результатов в научных изданиях. Только при такой

работе бренд получает не только общественную видимость, но и исследовательскую ценность.

Заключение

Бренд «И лу тунсин» Хэйхэского университета показывает, что работа единого фронта в приграничном вузе может быть организована через художественное образование, творчество, сохранение наследия и общественное служение. Модель «1246» связывает ценностное ядро, ресурсную интеграцию, целевые ориентиры и практические направления, благодаря чему университетская деятельность выходит за пределы разовой культурной акции.

Научная значимость кейса состоит в том, что он демонстрирует управленческую логику культурного возрождения: локальное наследие становится объектом изучения, материалом творчества, ресурсом образования и основой социального взаимодействия. Устойчивость проекта зависит от межфакультетской координации, подтвержденной проектной отчетности, участия местных носителей культуры, этического использования этнических символов и оценки результатов не только по числу мероприятий, но и по качеству созданных связей.

Для приграничных вузов данный опыт показывает: бренд работы единого фронта должен строиться не вокруг названия, а вокруг воспроизводимой системы действий. Сначала определяется реальная потребность территории, затем формируется ресурсная коалиция, проектируются образовательные и культурные продукты, после чего бренд получает публичное оформление. Такой порядок снижает риск формализма и повышает вклад университета в культурное развитие этнических районов.

Список литературы

1. Ма Вэйнань. Реальные дилеммы и решения в вопросе брендинга работы Единого фронта в университетах / Ма Вэйнань, Лю Вэньлянь // Журнал Социалистической академии Шаньси. 2025. № 2.
2. Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированной социалистической страны: доклад на XX съезде КПК / Си Цзиньпин. – Пекин: Издательство народов, 2022.
3. Сяо, Цзин. Исследование пути совершенствования модели работы единого фронта в университетах в новую эпоху / Сяо Цзин // Журнал Социалистической академии Шэньси. 2025. № 3. С. 37.
4. Фэй Сяотун. Модель плюралистического единства китайской нации / Фэй Сяотун // Журнал Пекинского университета (издание по философии и социальным наукам). 1989. № 4. С. 3-21.
5. Чжэн, Юннань. Китайская модель: опыт и вызовы / Чжэн Юннань. – Пекин: CITIC Press, 2016.
6. ЦК КПК. Положение о работе единого фронта Коммунистической партии Китая. 2020. // URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/zyygwj/202101/t20210106_816208.shtml (Дата обращения: 14.06.2026).
7. Генеральная канцелярия ЦК КПК и Генеральная канцелярия Государственного совета. Мнения по реализации проекта сохранения и развития выдающейся традиционной китайской культуры. 2017. // URL: https://www.xinhuanet.com/politics/2017-01/25/c_1120383155.htm (Дата обращения: 14.06.2026).
8. Отдел работы Единого фронта ЦК КПК. План изучения важных идей Си Цзиньпина о эффективной работе Единого фронта партии в новую эпоху. Отдел работы Единого фронта ЦК КПК. – Страница: Дата: 2023.
9. Национальная комиссия по развитию и реформам. Глоссарий терминов в «Плане» 14-й пятилетки, № 156: Проект сохранения и развития выдающейся традиционной китайской культуры. / Национальная комиссия по развитию и реформам. 24.06.2026 // URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfgzh/202112/t20211224_1309421.html (Дата обращения: 14.06.2026).
10. Хэйхэский университет. Наш университет выступил с докладом об обмене опытом на встрече по обмену опытом и отчетности о достижениях в создании бренда объединенного фронта провинциальных университетов / Хэйхэский университет. 29.06.2024 // URL: <https://www.hhxy.edu.cn/info/1038/19673.htm> (Дата обращения: 14 июня 2026).
11. Бренд объединенного фронта «Творческое путешествие вместе» Хэйхэского университета выходит на рынок города Хайсин, Бэйань [Электронный ресурс] // China News Network Heilongjiang News. 26 июня 2025. // URL: <https://www.hlj.chinanews.com.cn/hljnews/2025/0626/149075.html> (Дата обращения: 14 июня 2026).
12. «Художественное путешествие вместе» Университета Хэйхэ помогает строить красивые деревни [Электронный ресурс] // China News Network Heilongjiang News. 2024. 26 сентября. // URL: <https://www.hlj.chinanews.com.cn/hljnews/2024/0926/140242.html> (Дата обращения: 14.06.2026).

References

1. Ma Weinan. «The Real Dilemmas and Solutions in Branding United Front Work in Universities» / Ma Weinan, Liu Wenliang // Journal of the Shanxi Socialist Academy.

2025. № 2.

2. Xi Jinping. «Holding High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics, Unitedly Struggle for the All-Round Construction of a Modernized Socialist Country: Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China» / Xi Jinping. Beijing: People's Publishing House, 2022.
3. Xiao, Jing. «Research on Improving the Model of United Front Work in Universities in the New Era» / Xiao Jing // Journal of the Shaanxi Socialist Academy. 2025. № 3. P. 37.
4. Fei Xiaotong. «A Model of Pluralistic Unity of the Chinese Nation» / Fei Xiaotong // Journal of Peking University (Philosophy and Social Sciences Edition). 1989. № 4. P. 3-21.
5. Zheng, Yongnian. The Chinese Model: Experience and Challenges / Zheng Yongnian. Beijing: CITIC Press, 2016.
6. CPC Central Committee. Regulations on the United Front Work of the Communist Party of China. 2020. // URL: https://www.mee.gov.cn/zcwj/zyygwj/202101/t20210106_816208.shtml (14.06.2026).
7. General Office of the CPC Central Committee and the General Office of the State Council. Opinions on the Implementation of the Project for the Preservation and Development of Outstanding Traditional Chinese Culture. 2017. // URL: https://www.xinhuanet.com/politics/2017-01/25/c_1120383155.htm (June 14, 2026).
8. United Front Work Department of the CPC Central Committee. Study Plan for Xi Jinping's Important Thought on Effective United Front Work in the New Era. United Front Work Department of the CPC Central Committee. – Page: Date: 2023.
9. National Development and Reform Commission. Glossary of Terms in the 14th Five-Year Plan, № 156: Project for Preserving and Developing Outstanding Traditional Chinese Culture. / National Development and Reform Commission. June 24, 2026 // URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfgzh/202112/t20211224_1309421.html (June 14, 2026).
10. Heihe University. Our university made a report on the exchange of experience at the meeting on sharing experience and reporting on achievements in building the united front brand of provincial universities / Heihe University. June 29, 2024 // URL: <https://www.hhxy.edu.cn/info/1038/19673.htm> (June 14, 2026).
11. The united front brand «Creative Journey Together» of Heihe University enters the market of Haixing City, Bei'an // China News Network Heilongjiang News. June 26, 2025. // URL: <https://www.hlj.chinanews.com.cn/hljnews/2025/0626/149075.html> (June 14, 2026).
12. Heihe University's «Artistic Journey Together» Helps Build Beautiful Villages // China News Network Heilongjiang News. 2024. September 26. // URL: <https://www.hlj.chinanews.com.cn/hljnews/2024/0926/140242.html> (June 14, 2026).

Цуй Гэ

Аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0006-2355-4585

Эволюция кинотанца: от первобытных экспериментов к современным интерпретациям*

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу эволюции кинотанца как синтетической формы искусства, возникшей на пересечении хореографии и кинематографа и трансформировавшейся в условиях медиакультурных изменений XX–XXI веков. Цель исследования – выявить основные этапы развития кинотанца и определить закономерности трансформации экранной телесности, пространственно-временной организации движения и роли зрителя. Методологическую основу составляют историко-культурный анализ, сравнительно-типологический метод, семиотический подход и медиаанализ. В статье прослеживается переход от аттракционной фиксации танца в раннем кино к формированию концепции «хореографии для камеры» в авангардной практике, дальнейшей медиатизации через телевидение и клиповую культуру, а также к цифровой дематериализации тела в условиях CGI, motion capture и онлайн-платформ. Особое внимание уделяется трансформации статуса телесности – от материального присутствия к алгоритмически конструируемой форме, а также изменению роли зрителя в условиях медиаконвергенции и сетевой культуры. Делается вывод о том, что кинотанец функционирует как индикатор медиакультурных сдвигов и отражает переход от репрезентации движения к его симуляции и цифровому моделированию. Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием VR-танца и AI-хореографии, актуализирующих постгуманистические интерпретации экранной пластики.

Ключевые слова: кинотанец, screendance, экранная хореография, медиатизация танца, digital dance, телесность, монтаж, клиповая культура, виртуальная реальность.

Cui Ge

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0006-2355-4585

The evolution of the film dance: from primitive experiments to modern interpretations

Abstract. The article is devoted to a cultural analysis of the evolution of cinematic dance as a synthetic art form that arose at the intersection of choreography and cinematography and transformed in the context of media cultural changes of the XX–XXI centuries. The purpose of the study is to identify the main stages of the development of film dancing and to determine the patterns of transformation of on-screen physicality, spatial and temporal organization of movement and the role of the viewer. The methodological basis consists of historical and cultural analysis, comparative typological method, semiotic approach and media analysis. The article traces the transition from the attraction fixation of dance in early cinema to the formation of the concept of “choreography for the camera” in avant-garde practice, further mediatization through television and clip culture, as well as to the digital dematerialization of the body in terms of CGI, motion capture and online platforms. Special attention is paid to the transformation of the status of physicality from

* © Цуй Гэ, 2026.

Эволюция кинотанца: от первобытных экспериментов к современным интерпретациям

a material presence to an algorithmically constructed form, as well as to the changing role of the viewer in the context of media convergence and network culture. It is concluded that the movie dance functions as an indicator of media and cultural shifts and reflects the transition from the representation of the movement to its simulation and digital modeling. The prospects for further research are related to the development of VR dance and AI choreography, actualizing posthumanistic interpretations of screen plasticity.

Key words: film dance, screendance, screen choreography, mediatization of dance, digital dance, corporeality, editing, clip culture, virtual reality.

Эволюция кинотанца представляет собой показательную модель трансформации художественного языка в условиях медиакультурных сдвигов XX–XXI веков. Актуальность темы обусловлена междисциплинарным характером явления, находящегося на пересечении хореографии, кинематографа и медиаискусства. Кинотанец выступает формой синтеза телесной пластики и экранной оптики, в которой движение перестает быть исключительно сценическим событием и становится продуктом кинематографического конструирования. Как отмечает Эрин Бриннер, скринденс формируется там, где «движение и камера вступают в диалог равноправных соавторов» [4]. В условиях цифровизации визуальной культуры данная форма приобретает особую значимость, отражая изменения в понимании телесности, пространственности и зрительского восприятия.

Степень научной разработанности проблемы демонстрирует устойчивый интерес зарубежных исследователей к феномену денсфильм и скринденс. Теоретические основания направления представлены в работах Дугласа Розенберга [28], Катрин Митчелл [26], а также в сборниках под редакцией Эрин Бриннер и Дугласа Розенберга. В их исследованиях кинотанец рассматривается как самостоятельная художественная практика, а не как документация сценического танца. В русскоязычном

культурологическом дискурсе проблема разработана фрагментарно и чаще затрагивается в контексте анализа авангардного кино или медиаперформанса. Это обуславливает необходимость комплексного историко-культурного анализа эволюции формы.

Особую сложность представляет терминологическая неоднородность. В англоязычной традиции употребляются понятия *dance film*, *screendance*, *video dance*, тогда как в российской практике закрепились термины «кинотанец», «экранный танец», «танец для камеры». Дуглас Розенберг подчеркивает, что скринденс не сводится к «переносу танца на экран», а предполагает «создание движения средствами кинематографа» [28]. Следовательно, терминологическая точность напрямую связана с пониманием онтологии жанра.

Объектом исследования является кинотанец как культурный феномен экранного искусства. Предметом – историческая и эстетическая трансформация форм взаимодействия танца и кинематографа от ранних экспериментов до цифровых практик.

Цель статьи – выявить основные этапы эволюции кинотанца и определить культурологические закономерности его развития. Для достижения цели предполагается решение следующих задач: 1) уточнить понятийно-терминологический аппарат исследования; 2) проанализировать ранние формы

экранной фиксации танца; 3) выявить особенности формирования самостоятельного жанра кинотанца во второй половине XX века; 4) охарактеризовать влияние цифровых технологий на трансформацию экранной хореографии; 5) определить культурное значение кинотанца в контексте современной медиареальности.

Методологическую основу исследования составляют историко-культурный анализ, сравнительно-типологический метод, семиотический подход и медианализ экранных практик. Комплексное применение данных методов позволяет рассматривать кинотанец как динамическую систему, в которой телесность, пространство и монтаж образуют единую семиотическую структуру.

Научная новизна работы заключается в систематизации этапов развития кинотанца в логике культурной эволюции медиума, а также в интерпретации цифровых форм скринденса как продолжения исторической линии авангардных экспериментов, а не как принципиально нового феномена.

Теоретические основания исследования кинотанца

Современный культурологический анализ кинотанца опирается на разграничение смежных, но не тождественных понятий: *dance film*, *screendance* и *video dance*. Термин *денсфильм* традиционно используется для обозначения кинопроизведения, в котором танец выступает структурообразующим элементом драматургии. В ряде исследований он применяется в широком смысле, включая как художественные фильмы с хореографической доминантой, так и авторские короткометражные проекты [26]. Однако данное понятие сохраняет связь с кинематографической формой как первичной.

Понятие *видеоденс* возникло в контексте развития видеотехнологий 1970–1980-х годов и связано с экспериментами хореографов и медиа-художников, использовавших портативные камеры и видеомонтаж как инструмент пластической композиции. По наблюдению Дугласа Розенберга, видео открыло «возможность радикальной перестройки пространственно-временной логики движения» [29], что позволило танцу выйти за пределы театральной сцены.

Наиболее продуктивным для современного дискурса является термин *скринденс*, закрепившийся в академической среде в начале XXI века. В редакционном предисловии к сборнику *The Oxford Handbook of Screendance Studies* Эрин Бриннер определяет скринденс как «хореографию, создаваемую для экрана и через экран» [5]. В данном случае экран рассматривается не как носитель, а как соучастник художественного процесса. Таким образом, скринденс фиксирует автономию формы по отношению к сценическому прототипу.

В российском культурологическом поле используется термин «кинотанец», который целесообразно понимать как обобщающее обозначение экранной хореографической практики, интегрирующей кинематографические средства (кадрирование, монтаж, ракурс, глубину резкости) в саму структуру движения. Кинотанец функционирует как синтетическая форма искусства, в которой взаимодействуют пластическая композиция, визуальная драматургия и медиатехнологии. В отличие от сценического танца, где зритель фиксирован в единой точке восприятия, экранное пространство конструируется посредством смены планов и монтажных связей, формируя множественность перспектив.

Соотношение театрального и экранного пространства определяется различием онтологического статуса действия. Если сценическое пространство предполагает непрерывность и телесную сопричастность, то экранное пространство является фрагментарным и опосредованным. Как подчеркивает Ноэль Кэрролл, кино способно «пересобрать движение» посредством монтажа [6], создавая новую кинестетическую реальность. Следовательно, кинотанец следует рассматривать не как фиксацию перформанса, а как специфическую форму культурной репрезентации телесности, обусловленную логикой медиума.

Кинематограф радикально преобразует природу хореографического высказывания, переводя движение из режима сценической непрерывности в режим экранной композиции. В этом контексте камера перестает быть инструментом фиксации и выступает соавтором хореографии. Как отмечает Жиль Делёз, кино не воспроизводит движение, а «производит образ-движение» [10]. Применительно к кинотанцу это означает, что траектория камеры, выбор плана и динамика кадра становятся структурными элементами пластической партитуры. Движение тела проектируется с учетом оптики, а сама хореография конструируется через взаимодействие с техническим аппаратом. Соавторство камеры проявляется в возможности изменения масштабов восприятия: крупный план фрагментирует тело, выявляя микроресты и мускульную работу; общий план организует пространственную геометрию движения; мобильная камера создает эффект сопричастности. Таким образом, пластика распределяется между телом исполнителя и кинематографическим ракурсом. По наблюдению Вивиан

Собчак, кинематограф формирует «телесный способ видения», при котором зритель переживает движение как кинестетический опыт [31]. В кинотанце этот эффект усиливается за счет ритмической корреляции монтажа и телесной динамики.

Монтаж выступает ключевым механизмом создания новой пластической драматургии. В отличие от сценической композиции, основанной на временной непрерывности, экранная хореография допускает разрывы, повторы, наложения и пространственные скачки. Делёз характеризует монтаж как способ «синтаксиса движения» [11], позволяющий соединять разнородные фрагменты в единую кинематографическую мысль. В кинотанце монтаж может усиливать ритм, деформировать временную протяженность или создавать иллюзию невозможного движения. Тем самым формируется особая хореография кадра, где пластическая логика определяется не только телом, но и монтажной структурой.

Телесность в кинотанце приобретает медиально опосредованный характер. Лора Маркс подчеркивает, что экранное изображение обладает «гаптическим измерением», способным вызывать ощущение тактильной близости [25]. В хореографическом контексте это означает смещение акцента с демонстрации техники на чувственную материальность движения. Кинематографическая оптика не просто отображает тело, а трансформирует его статус – от физического присутствия к визуальному событию. Следовательно, кинотанец следует рассматривать как форму художественного мышления, в которой движение становится результатом взаимодействия телесной энергии и медиальной конструкции.

Первобытные и ранние формы экранной фиксации танца

Ранний кинематограф конца XIX – начала XX века формировался в логике так называемого «кино аттракционов», концептуализированного Томом Ганнингом [20]. В данной парадигме движение являлось не средством повествования, а самостоятельным зрелищным событием, ориентированным на непосредственное воздействие на зрителя. Танец, как наиболее экспрессивная форма организованного движения, органично вписался в структуру ранних кинематографических программ. Короткие фильмы студии Эдисона и братьев Люмьер фиксировали танцевальные номера как демонстрацию кинематографической способности воспроизводить динамику тела. В этих работах движение выступало доказательством технической новизны медиума. Андре Годро отмечает, что раннее кино еще не обладало устойчивой нарративной системой и функционировало как «серия автономных зрелищных актов» [18]. Танец в данном контексте не раскрывал психологической глубины персонажа, а демонстрировал сам феномен пластической изменчивости.

Особое значение имели фильмы с участием танцовщиц «серпантинного танца», где вращение тканей и игра света усиливали визуальный эффект. Здесь телесность приобретала декоративно-спектаклярный характер: тело становилось носителем оптической игры. Как подчеркивает Ванесса Тулмин, подобные номера сочетали цирковую эстетику, иллюзионизм и ориенталистские мотивы [32]. Экзотизация танца – через костюм, пластику, стилизацию «восточных» мотивов – усиливала эффект инаковости и подчеркивала зрелищную природу кинематографа.

Экранная фиксация танца в этот период характеризуется фронтальной композицией и статичностью камеры. Однако даже при отсутствии монтажной сложности кино трансформировало восприятие движения: зритель получал возможность повторного просмотра и фрагментарного анализа телесной динамики. Лора Малви, анализируя раннее кино, указывает на формирование «скопического режима», в котором тело становится объектом визуального интереса [27]. В танцевальных фильмах это приводило к усилению акцента на пластической выразительности и гендерной телесности.

Так, ранние формы экранной фиксации танца функционировали как пространство демонстрации движения и визуального аттракциона. Танец служил медиуму доказательством его способности воспроизводить и усиливать телесную динамику, закладывая предпосылки для дальнейшей автономизации кинотанца как художественной формы.

Рубеж 1920–1930-х годов ознаменовал переход от демонстративной фиксации движения к осмыслению кино как автономного пространства хореографического мышления. В авангардной практике движение перестает быть объектом показа и становится принципом структурирования кинематографической формы. Ключевую роль в формировании концепции «хореографии для камеры» сыграла Майя Дерен, чьи фильмы 1940-х годов теоретически и эстетически продолжают эксперименты межвоенного авангарда.

В работе *A Study in Choreography for Camera* (1945) Дерен демонстрирует принципиально иной подход к экранной пластике: движение танцовщика не ограничено сценическим пространством, а «перетекает» между локация-

ми благодаря монтажу. В программном эссе «Cinematography: The Creative Use of Reality» она утверждает, что кино способно «создавать пространственно-временную непрерывность, невозможную в театре» [12]. Тем самым камера и монтаж превращаются в инструменты композиции движения.

Монтаж в авангардном кино функционирует как продолжение пластической логики. В отличие от повествовательного кинематографа, где монтаж подчинен драматургии сюжета, здесь он формирует кинестетическую структуру произведения. П. Адамс Ситни рассматривает фильмы Дерен как пример «поэтического монтажа», в котором повтор, ритмическая симметрия и пространственные скачки создают особую хореографию кадра [30]. Движение разворачивается не только внутри кадра, но и между кадрами, формируя иллюзию трансгрессии физических границ. Авангард расширяет представление о телесности как стабильной категории. Кинематограф становится пространством метаморфоз тела: посредством склейки, двойной экспозиции и ракурсной деформации тело утрачивает фиксированность и приобретает множественные модусы существования. Как подчеркивает Лора Маркс, экспериментальное кино активизирует «ощущение телесной нестабильности», вовлекая зрителя в процесс чувственного переживания образа [25]. В этом контексте тело в кинотанце предстает не объектом созерцания, а динамической формой, конструируемой медиумом.

Таким образом, авангардный период заложил теоретические основания кинотанца как самостоятельной художественной практики. Концепция «хореографии для камеры» утвердила принцип, согласно которому кинематограф не воспроизводит движение, а соз-

дает новую пластическую реальность, основанную на монтажной организации пространства и времени.

Формирование жанра кинотанца во второй половине XX века

Во второй половине XX века телевидение стало ключевым фактором институционализации экранного танца. В отличие от авангардных экспериментов, ориентированных на художественные сообщества, телевизионное производство обеспечило массовый доступ к хореографическому изображению и сформировало новые режимы восприятия движения. Джон Эллис характеризует телевидение как медиум «домашнего взгляда», предполагающий регулярность, фрагментарность и адаптацию содержания к повседневному просмотру [16]. В этих условиях танец перестает быть исключительным событием и включается в потоковое медиапространство.

Массовизация экранной хореографии связана с появлением специализированных программ, трансляций балетных постановок, музыкальных шоу и варьете. Телевидение стандартизирует визуальный язык танца: многокамерная съемка, прямой монтаж в эфире, крупные планы исполнителей становятся устойчивыми приемами репрезентации. По наблюдению Джейн Десмонд, медиатизация танца приводит к «реорганизации телесного кода в соответствии с требованиями экрана» [13]. Хореография начинает проектироваться с учетом телевизионной рамки, а сценическая композиция адаптируется под формат кадра. Параллельно формируются новые форматы – телебалет, музыкальный фильм для телевидения, клиповая эстетика. Развитие видеозаписи позволило осуществлять постмонтажную обработку, что усилило роль

режиссера в создании пластической драматургии. Телевизионная среда стимулировала сокращение хореографических фрагментов, усиление ритмической динамики и интеграцию танца в жанры развлекательного контента. Как подчеркивает Филипп Ауслендер, медиатизированный перформанс существует в условиях «взаимного влияния живого и записанного» [1], где граница между сценическим и экранным становится проницаемой.

Так телевидение не только расширило аудиторию кинотанца, но и трансформировало его структурные характеристики. Массовое вещание закрепило практику адаптации движения к экранному формату, способствовало развитию новых жанровых форм и подготовило почву для последующей клиповой и цифровой эстетики. Экранная хореография окончательно выходит за пределы элитарного художественного пространства и становится элементом повседневной визуальной культуры.

Взаимодействие современного танца и кинематографа во второй половине XX – начале XXI века характеризуется переходом от адаптации сценического материала к созданию самостоятельных экранных интерпретаций хореографии. Особое место в этом процессе занимает творчество Пины Бауш, чья эстетика танцтеатра радикально изменила представление о сценической телесности и ее медиальной репрезентации. Исследователи отмечают, что театр Бауш строится на фрагментарности, повторе и экспрессивной телесной памяти [7], что делает его пластический язык принципиально кинематографичным.

Экранная театрализация в контексте работ Бауш связана с переносом сценической интенсивности в пространство кадра без утраты эмоциональной плотности. Фильм Вима Вендерса «Pina»

(2011) стал важной вехой в истории кинотанца, предложив новую модель кинематографического присутствия танца. Использование 3D-технологии позволило реконструировать пространственную глубину постановок и подчеркнуть телесную материальность движения. В «Pina» камера не иллюстрирует спектакль, а «погружает зрителя внутрь хореографического пространства» [7]. Документальная форма в данном случае не противопоставляется художественности, а трансформируется в гибридный жанр. Вендерс сочетает фрагменты сценических спектаклей с вынесением танца в урбанистические и природные ландшафты, тем самым расширяя рамки танцтеатра. По наблюдению Эрин Бриннер, подобная стратегия формирует «расширенное поле хореографии», в котором экран становится активным участником композиции [4]. Документальность обеспечивает сохранение авторской интонации, тогда как кинематографическая режиссура создает самостоятельную визуальную драматургию.

Современный танец в кино демонстрирует отказ от простого архивирования сценического действия. Экранная версия становится новым произведением, где пластическая структура перерабатывается средствами монтажа, ракурса и пространственного смещения. Тем самым формируется модель синтетического произведения, сочетающего элементы перформанса, документального свидетельства и авторского кино. Взаимодействие современного танца и кинематографа подтверждает, что экран способен не только фиксировать, но и переосмысливать сценическую реальность, создавая новую форму присутствия тела в культуре визуальных медиа.

Формирование клиповой культуры

в 1980–1990-е годы стало важным этапом в трансформации кинотанца, связав его с индустрией массовых медиа. Запуск канала MTV в 1981 году институционализировал музыкальное видео как самостоятельный формат, в котором танец превратился в центральный элемент визуальной репрезентации поп-культуры. Как отмечает Эндрю Гудвин, музыкальное видео характеризуется «постнарративной структурой», где визуальный ряд подчинен ритму и музыкальной динамике [19]. В этом контексте пластика тела становится основным носителем экспрессии и маркетингового образа. MTV-эпоха закрепила принцип фрагментарного монтажа, ускоренного темпа и визуальной аттрактивности. Танец функционирует как медиаспектакль, в котором хореография проектируется с учетом крупного плана, динамической камеры и эффектного монтажа. Кэрл Верналлис подчеркивает, что клиповая эстетика строится на «интенсивной аудиовизуальной синхронизации», усиливающей телесную выразительность [33]. В результате возникает особая форма экранной пластики, ориентированная на краткость, повторяемость и зрелищность.

Музыкальные фильмы и клипы способствовали коммерциализации пластики. Танец становится частью брендинга артиста и инструментом формирования узнаваемого имиджа. Ричард Дайер, анализируя феномен звездной репрезентации, отмечает, что тело исполнителя в массовой культуре выступает «носителем сконструированной идентичности» [15]. В клиповой культуре хореография подчиняется логике потребления: она должна быть воспроизводимой, тиражируемой и визуально эффектной. При этом клиповая форма расширяет технические возмож-

ности экранного танца. Использование компьютерной графики, сложных монтажных переходов и пространственных трансформаций создает иллюзию сверхфизических возможностей тела. По наблюдению Генри Дженкинса, медиаконвергенция усиливает взаимодействие аудиторий и экранных практик [22], что проявляется в распространении танцевальных трендов и их репликации в цифровой среде.

Музыкальные фильмы и клиповая культура утвердили модель танца как медиаспектакля, интегрированного в систему массового производства образов. Коммерциализация пластики не уничтожила художественный потенциал кинотанца, но изменила его функциональный статус, превратив движение в элемент культурной индустрии и глобального визуального обмена.

Кинотанец в эпоху цифровых технологий

Цифровая революция конца XX – начала XXI века изменила не только способы производства изображения, но и онтологический статус экранного тела в кинотанце. В рамках диджитал денс движение перестает быть исключительно результатом физического действия исполнителя и становится продуктом алгоритмической обработки, программируемой среды и интерфейсного взаимодействия. Лев Манович подчеркивает, что цифровые медиа основаны на принципах числовой репрезентации, модульности и вариативности, что делает изображение «поддающимся бесконечной трансформации» [24]. Для экранной хореографии это означает возможность радикального пересмотра границ телесности и пространственно-временной логики движения.

Использование CGI (computer-generated imagery) расширяет пласти-

ческий диапазон за пределы биомеханических ограничений человеческого тела. Цифровая графика позволяет изменять анатомию, нарушать законы гравитации, создавать множественные проекции фигуры или интегрировать ее в полностью виртуальные среды. Стив Диксон характеризует цифровой перформанс как формирование «гибридного тела», существующего между живым действием и его медиальной симуляцией [14]. В кинотанце CGI становится не декоративным эффектом, а инструментом композиции движения, где пластическая структура создается в постпродакшене так же активно, как и на этапе съемки.

Технология захвата движения усиливает процесс дематериализации и реконструкции тела. Сенсорная фиксация кинетических данных переводит жест в цифровую модель, способную к дальнейшему модифицированию. Марк Хансен отмечает, что в цифровой культуре тело функционирует как «узел аффективных потоков», циркулирующих между биологическим и техническим уровнями [21]. В контексте кинотанца

захват движения позволяет сохранять индивидуальный ритм и динамику исполнителя, одновременно трансформируя их в виртуальном пространстве, что создает новую форму пластической авторефлексии.

Диджитал денс тесно связан с медиаперформансом, где тело вступает в интерактивное взаимодействие с алгоритмами, сенсорными системами и проекционными средами. Хореография здесь становится результатом коэволюции человеческого и технического агентности, а экран выполняет функцию интерфейса этой взаимосвязи.

В рамках постгуманистической теории Розы Брайдотти цифровая телесность интерпретируется как модель «деконструированного субъекта», выходящего за пределы антропоцентрической парадигмы [3]. Экранный танец в цифровой среде демонстрирует переход от репрезентации движения к его симуляции и алгоритмическому воспроизводству. Тело превращается в изменяемую конфигурацию данных, способную к множественным воплощениям. Тем самым диджитал денс фор-

Таблица 1. Сравнительная схема «Театральный танец – Кинотанец – Digital dance».

Параметр	Театральный танец	Кинотанец	Digital dance
Пространство	Сценическое, единое	Конструируемое монтажом	Виртуальное, гибридное
Время	Непрерывное	Монтажное, фрагментированное	Алгоритмически модифицируемое
Телесность	Материально присутствующая	Опосредованная кадром	Данные/аватар/гибрид
Зритель	Со-присутствующий	Опосредованный экраном	Интерактивный, иммерсивный
Авторство	Хореограф + исполнитель	Хореограф + режиссер	Человек + алгоритм
Повторяемость	Уникальный перформанс	Воспроизводимый	Бесконечно тиражируемый

мирует новую парадигму кинотанца, в которой пластика возникает на пересечении биологического движения, технического кода и виртуального пространства.

Сравнительные характеристики сценической, экранной и цифровой хореографии представлены в табл. 1.

Развитие онлайн-платформ в 2000–2020-е годы радикально изменило институциональные и эстетические условия существования кинотанца. Появление цифровых сервисов сформировало распределенную медиасреду, в которой производство и распространение экранной хореографии перестало зависеть от профессиональных студий и фестивальных структур. Генри Дженкинс описывает подобные процессы как переход к «культуре участия», где пользователи одновременно выступают авторами и аудиториями [22]. В контексте скринденс это означает демократизацию доступа к созданию и циркуляции хореографических образов.

Социальные сети функционируют как новая сцена, лишенная пространственной фиксированности и институциональной иерархии. Алгоритмическая логика платформ влияет на формирование визуального языка: вертикальный формат кадра, краткая продолжительность роликов, акцент на мгновенной выразительности. По наблюдению Ника Коулдри и Андреаса Хеппа, медиатизация повседневности приводит к «переплетению медиа и социальной практики» [8], что проявляется в превращении танца в элемент ежедневной цифровой коммуникации.

Изменение зрительского восприятия связано с ускорением ритма потребления и фрагментацией внимания. Джонатан Крэри указывает на трансформацию режима внимания в условиях 24/7-капитализма, где визу-

альные образы конкурируют за кратковременный фокус зрителя [9]. Кинотанец как онлайн-форма адаптируется к этим условиям: композиция строится на мгновенном эффекте, ритмической синхронизации с популярными аудиотреками и визуальной лаконичности. Пластика редуцируется до запоминающихся жестов и повторяемых комбинаций, способных к вирусному распространению. Одновременно происходит переосмысление авторства и статуса произведения. Распространение челленджей и ремиксов создает сетевую форму хореографии, где оригинал и вариации сосуществуют в горизонтальной структуре. По наблюдению Дэвида Джозелита, цифровая циркуляция образов формирует «сетевую эстетику», основанную на повторе и тиражировании [23]. В скринденс это приводит к появлению коллективной пластической памяти, закрепляемой алгоритмами платформ.

Кинотанец в онлайн-среде принимает форму краткого видеосообщения, где временная компактность становится эстетическим принципом. Короткий формат не означает упрощение выразительности, а задает новые условия композиции: высокая плотность движения, мгновенная драматургическая кульминация, визуальная завершенность в пределах нескольких секунд. Таким образом трансформируются не только способы производства, но и сама природа экранной хореографии, интегрируясь в структуру цифровой повседневности.

Культурологическая интерпретация эволюции кинотанца

Эволюция кинотанца демонстрирует переход от репрезентативной фиксации движения к активному конструированию экранной реальности.

Если ранний кинематограф использовал танец как доказательство технической способности воспроизводить динамику, то последующие этапы развития медиума превратили движение в материал композиционного моделирования. В логике, описанной Жаном Бодрийяром, современная визуальная культура функционирует в режиме симуляции, где изображение не отражает реальность, а производит ее [2]. Кинотанец в цифровую эпоху становится пространством такой симуляции: движение не просто фиксируется, а проектируется средствами монтажа, алгоритмов и виртуальных сред. Экран формирует автономную онтологию, в которой пластическая структура возникает как результат медиального конструирования.

Трансформация телесности является ключевым индикатором этих изменений. В традиционном сценическом танце тело сохраняет материальную целостность и пространственную непрерывность. Экранная хореография, напротив, допускает фрагментацию, масштабирование, ускорение, замедление и техническое преобразование фигуры. Кинематограф формирует «опосредованную телесность», переживаемую через медиум и создающую особый тип кинестетического опыта [31]. В цифровой среде этот процесс усиливается: тело становится пластичной конфигурацией данных, подверженной модификации и тиражированию. Роза Брайдотти интерпретирует подобные процессы как признаки постгуманистической парадигмы, в которой субъект утрачивает антропоцентрическую устойчивость и включается в сеть технологических взаимодействий [3]. Кинотанец визуализирует этот сдвиг, демонстрируя гибридные, виртуализированные и рас-

пределенные формы движения.

Существенным является и изменение статуса присутствия. Если сценический танец предполагает со-присутствие исполнителя и зрителя в едином пространстве, то экранная форма производит эффект медиального присутствия, основанный на технической репрезентации. Филипп Ауслендер отмечает, что в медиатизированной культуре различие между «живым» и «записанным» становится все менее очевидным [1]. Кинотанец функционирует в этом пограничном поле, соединяя перформативность и воспроизводимость, уникальность и тиражируемость. Изменение роли зрителя сопровождает трансформацию телесности и медиального статуса движения. Если в ранних формах кино зритель выступал пассивным наблюдателем зрелищного аттракциона, то в условиях медиаконвергенции он становится соучастником циркуляции образов. Генри Дженкинс описывает аудиторию цифровой эпохи как активную, способную к ремиксу и переработке культурных текстов [22]. В онлайн-среде зритель может не только интерпретировать, но и воспроизводить хореографические модели, участвуя в их распространении. Таким образом, кинотанец переходит от односторонней коммуникации к сетевой динамике, где границы между автором и реципиентом размываются.

Кинотанец выступает индикатором медиакультурных изменений, отражая сдвиги в технологиях, эстетике и социальных практиках. Цифровая культура характеризуется логикой базы данных и вариативности как структурными принципами. В кинотанце это проявляется в множественности версий движения, в его повторяемости и трансформации в различных медиаконтекстах.

Экранная хореография становится чувствительным маркером изменений в режиме визуальности – от индустриального кинематографа к алгоритмической управляемой среде.

При этом развитие кинотанца не отменяет диалог традиции и инновации. Современные цифровые практики сохраняют элементы сценической композиции, ритмической структуры и телесной выразительности, унаследованные от театрального танца и модернистских экспериментов. Эрин Бриннер подчеркивает, что скринденс существует в «постоянном напряжении между кинематографической автономией и хореографической традицией» [4]. Эволюция

формы представляет собой не линейное замещение старых моделей новыми, а сложный процесс интеграции, цитирования и переосмысления художественного опыта.

Для наглядной систематизации выделенных этапов представим их в табл. 2.

Таким образом, культурологическая перспектива позволяет рассматривать кинотанец как динамическую систему, в которой медиум, тело и зритель находятся в состоянии взаимной трансформации. От ранней фиксации движения к алгоритмическому конструированию экранной реальности кинотанец отражает фундаментальные изменения в понимании телесности, присутствия,

Таблица 2. Этапы эволюции кинотанца.

Этап	Период	Технологическая база	Статус телесности	Роль зрителя	Ключевые характеристики
1. Атракционный	Конец XIX – начало XX вв.	Ранняя кинокамера, статичная съемка	Демонстративная, зрелищная	Пассивный наблюдатель	Фиксация движения, фронтальная композиция, эффект новизны
2. Авангардный	1920–1940-е гг.	Монтаж, экспериментальная съемка	Фрагментированная, метаморфическая	Интерпретирующий зритель	Хореография для камеры, пространственные скачки, поэтический монтаж
3. Телевизионный	1950–1980-е гг.	Многокамерная съемка, видеозапись	Медиатизированная	Регулярный массовый зритель	Трансляции, телебалет, адаптация сцены к экрану
4. Клиповой	1980–2000-е гг.	Быстрый монтаж, музыкальное видео	Имиджевая, брендируемая	Потребитель медиаобразов	Ритмическая синхронизация, фрагментарность, зрелищность
5. Цифровой	2000–2010-е гг.	CGI, motion capture	Гибридная, виртуализированная	Иммерсивный и интерактивный	Алгоритмическая обработка движения, дематериализация тела
6. Сетевой	2010–2020-е гг.	Онлайн-платформы, мобильная съемка	Реплицируемая, сетевая	Соучастник, соавтор	Короткий формат, вирусность, ремикс-культура

авторства и визуального опыта в современной медиакультуре.

Заключение

Проведенное исследование позволило реконструировать эволюцию кинотанца как последовательный процесс медиакультурной трансформации, в котором изменялись не только технические средства репрезентации движения, но и сама онтология экранной телесности. Анализ показал, что ранний этап характеризовался демонстративной фиксацией движения в логике «кино аттракционов» [17], где танец функционировал как визуальное доказательство динамического потенциала медиума. Авангардный период закрепил принцип автономии экранной хореографии и утвердил монтаж как структурный механизм пластической композиции. Во второй половине XX века телевидение и клиповая культура институционализировали массовую модель экранного танца, интегрировав его в систему культурной индустрии. Цифровая эпоха радикализировала этот процесс, переведя движение в режим алгоритмического конструирования и виртуальной симуляции,

Тем самым можно выделить несколько ключевых этапов эволюции: 1) фиксация движения как аттракциона; 2) формирование «хореографии для камеры» в авангардной практике; 3) медиатизация и массовизация через телевидение и музыкальное видео; 4) цифровая дематериализация тела и его гибридизация в диджитал денс; 5) сетевая демократизация скринденс в онлайн-пространстве. Каждый этап сопровождался изменением статуса зрителя – от пассивного наблюдателя к активному участнику медиакommунитации.

Перспективы дальнейших исследо-

ваний связаны с развитием VR-танца и AI-хореографии. Виртуальная реальность трансформирует пространственный опыт зрителя, создавая эффект иммерсивного присутствия и разрушая фронтальность экрана. Цифровые интерфейсы формируют новые режимы аффективного взаимодействия тела и технологии. Использование искусственного интеллекта в хореографическом проектировании открывает возможность генерации движения на основе алгоритмов машинного обучения, что ставит вопрос о перераспределении авторства и творческой субъектности. В контексте постгуманистической теории Розы Брайдотти подобные процессы свидетельствуют о формировании «трансверсального субъекта», включенного в технологические сети [3].

Значение кинотанца в современной культуре определяется его способностью функционировать как чувствительный индикатор медиальных изменений. Экранная хореография демонстрирует, каким образом технологии переопределяют границы телесности, присутствия и визуального опыта. В условиях цифровой конвергенции кинотанец становится лабораторией художественного эксперимента, где взаимодействуют традиция сценического движения и инновационные медиапрактики. Тем самым кинотанец закрепляется не как периферийный жанр, а как значимая форма современного культурного производства, отражающая динамику трансформации визуальной цивилизации.

Список литературы / References

1. Auslander P. Liveness: Performance in a Mediatized Culture. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2008. XIII, 208 p.
2. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 164 p.

3. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press, 2013. 180 p.
4. Brannigan E. *Dancefilm: Choreography and the Moving Image*. New York: Oxford University Press, 2011. 224 p.
5. Carroll N. *Theorizing the Moving Image*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 452 p.
6. Climenhaga R. Pina Bausch. London; New York: Routledge, 2009. XIII, 139 p. (Routledge Performance Practitioners).
7. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2018. 256 p.
8. Craine D., Mackrell J. *The Oxford Dictionary of Dance*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 527 p.
9. Crary J. 24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep. London; New York: Verso, 2013. 144 p.
10. Deleuze G. *Cinema 1: The Movement-Image* / transl. by H. Tomlinson, B. Habberjam. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 250 p.
11. Deleuze G. *Cinema 2: The Time-Image* / transl. by H. Tomlinson, R. Galeta. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. 344 p.
12. Deren M. *Cinematography: The Creative Use of Reality* // *Daedalus*. 1960. Vol. 89. № 1. P. 150-167.
13. Dixon S. *Digital Performance: A History of New Media in Theater, Dance, Performance Art, and Installation*. Cambridge: MIT Press, 2007. XV. 809 p.
14. Dyer R. *Stars*. New ed. London: BFI Publishing, 1998. 217 p.
15. Ellis J. *Visible Fictions: Cinema, Television, Video*. London; New York: Routledge, 1992. VIII, 301 p.
16. Gaudreault A. *Film and Attraction: From Kinetography to Cinema*. Urbana; Chicago; Springfield: University of Illinois Press, 2011. XV. 207 p.
17. Goodwin A. *Dancing in the Distraction Factory: Music Television and Popular Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992. XXIII. 237 p. (на англ.).
18. Gunning T. *The Cinema of Attractions: Early Film, Its Spectator and the Avant-Garde* // *Wide Angle*. 1986. Vol. 8. № 3-4. P. 63-70.
19. Hansen M. B. N. *Bodies in Code: Interfaces with Digital Media*. New York; London: Routledge, 2006. XI. 327 p.
20. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
21. Joselit D. *After Art*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2013. 136 p.
22. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
23. Marks L. *The Skin of the Film: Intercultural Cinema, Embodiment, and the Senses*. Durham; London: Duke University Press, 2000. 320 p.
24. *Meaning in Motion: New Cultural Studies of Dance* / ed. by J. C. Desmond. Durham; London: Duke University Press, 1997. 408 p.
25. Mulvey L. *Visual and Other Pleasures*. Bloomington: Indiana University Press, 1989. XVI. 201 p.
26. Rosenberg D. *Screendance: Inscribing the Ephemeral Image*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 336 p.
27. Rosenberg D. *Video Space: A Site for Choreography* // *Leonardo*. 2000. Vol. 33. № 4. P. 275-280. – DOI: 10.1162/002409400552658.
28. Sitney P.A. *Visionary Film: The American Avant-Garde, 1943–2000*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 480 p.
29. Sobchack V. *Carnal Thoughts: Embodiment and Moving Image Culture*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. 340 p.
30. *The Oxford Handbook of Screendance Studies* / ed. by D. Rosenberg. New York: Oxford University Press, 2016. 816 p. – DOI: 10.1093/oxford-hb/9780199981601.001.0001.
31. Toulmin V. *Electric Edwardians: The Story of the Mitchell and Kenyon Collection*. London: BFI Publishing, 2006. X. 310 p.
32. Vernallis C. *Experiencing Music Video: Aesthetics and Cultural Context*. New York: Columbia University Press, 2004. 480 p.

Фу Сяоцзюань*Магистр искусствоведения, старший преподаватель. Суйхуаский университет, г. Суйхуа, КНР.***Интеграция национальной и народной музыки в развитие культурного туризма: теоретический анализ и международный опыт***

Аннотация. Настоящий нарративный обзор посвящен систематизации теоретических оснований и международного опыта интеграции национальной и народной музыки в развитие культурного туризма. Поиск источников охватывал преимущественно период 2017–2026 годов с включением ключевых теоретических концепций предшествующего периода; использовались базы данных Web of Science, Scopus, CNKI, а также официальные отчеты туристических организаций. Установлено, что народная музыка выполняет роль multifunctional ресурса развития туристических территорий: формирует уникальный образ места, обеспечивает преодоление сезонного спада и создает долгосрочную лояльность туристов – при условии сохранения нетуристического социального контекста исполнительской практики. Коммерциализация традиции, напротив, ведет к утрате ощущения подлинности и снижает рыночную ценность продукта даже для массовой аудитории. По нашему мнению, устойчивые модели интегрированного развития культуры и туризма достижимы лишь при активном участии исполнительских сообществ в управлении туристическими продуктами, основанными на их традиции.

Ключевые слова: народная музыка, музыкальный туризм, нематериальное культурное наследие, аутентичность, экономика впечатлений, 文旅融合 (wěnlǚ rónghé).

Fu Xiaojuan*Master of Arts, Lecturer. Suihua University, Suihua, China.***Integration of national and folk music into the development of cultural tourism: theoretical analysis and international experience**

Abstract. This narrative review systematizes the theoretical foundations and international experience of integrating national and folk music into the development of cultural tourism. The search for sources covered primarily the period 2017–2026, incorporating key theoretical concepts from the preceding period. Databases used included Web of Science, Scopus, and CNKI, as well as official reports from tourism organizations. It has been established that folk music serves as a multifunctional resource for the development of tourist destinations: it creates a unique image of a destination, helps overcome seasonal decline, and fosters long-term tourist loyalty—provided the non-tourist social context of performance practice is maintained. Conversely, the commercialization of tradition leads to a loss of authenticity and reduces the market value of the product, even for a mass audience. In our opinion, sustainable models for the integrated development of culture and tourism are achievable only with the active participation of performing communities in the management of tourism products based on their traditions.

Key words: folk music, music tourism, intangible cultural heritage, authenticity, experience economy, 文旅融合 (wēnlǚ rónghé).

* © Фу Сяоцзюань, 2026.

Интеграция национальной и народной музыки в развитие культурного туризма: теоретический анализ и международный опыт

Статья разработана при поддержке фонда научных исследований для вузов пров. Хэйлуницзян (№YWF10236230108)

Введение

Музыкальный туризм оформляется в самостоятельное исследовательское направление на пересечении социологии музыки, антропологии, рекреационной географии и экономики впечатлений. Современная концептуализация этого явления предлагает рассматривать музыкальное путешествие в терминах секулярного паломничества: человек принимает сознательное решение нести затраты – финансовые, временные и физические – ради соприкосновения с эмоционально значимым пространством, насыщенным культурными смыслами [7]. Групповое исполнение и совместное движение под ритм на протяжении столетий служили механизмами социальной интеграции и демонстрации коллективной идентичности; в современном атомизированном обществе музыкальные фестивали и традиционные праздники воспроизводят эту функцию, обеспечивая туристу опыт сопричастности, принципиально недостижимый в условиях индивидуального потребления медиа [7]. Формируемая музыкой глубокая эмоциональная привязанность к конкретной географической локации создает «мифологизированный ландшафт» туристического направления задолго до физического прибытия, а по прибытии превращается в эпизодические воспоминания, определяющие долгосрочную лояльность к территории [7].

Цель настоящей работы – систематизировать теоретические концепции и проанализировать механизмы интеграции национальной и народной музыки в развитие культурного туризма на материале международного опыта с особым акцентом на китайской практи-

ке. Поиск источников охватывал период 2017–2026 годов с включением теоретических трудов предшествующего периода при отсутствии более поздних аналогов.

Эстетическое измерение и вызовы управления

С позиций экономики впечатлений ключевым стимулом туристического поведения выступает эстетическое измерение опыта: именно аутентичный звуковой ландшафт запускает интерес к познанию культуры и формирует состояние «ментального побега» из обыденности. Эмпирические исследования последовательно подтверждают приоритетность эстетической компоненты над образовательной, развлекательной и эскапистской функциями музыкального туристического продукта [2].

При этом для туристов без специальной культурологической подготовки непосредственное восприятие сложных народных жанров нередко затруднено, что требует разработки тонких механизмов интерпретации и работы с аудиторией. Возникающий разрыв между художественной ценностью традиции и доступностью ее восприятия составляет один из центральных практических вызовов для управления музыкальным туризмом.

Дискуссия об аутентичности и коммерциализации

Методологически наиболее дискуссионным остается вопрос аутентичности. Современные туристические исследования выделяют три ее модальности: объективную, конструктивистскую и экзистенциальную [9].

Именно экзистенциальная модаль-

ность определяет ценность музыкального опыта: восприятие традиционного исполнения как «подлинного» зависит не столько от объективных исторических параметров, сколько от глубины вовлеченности аудитории и социального контекста самого выступления. Вместе с тем конструктивистская аутентичность наиболее применима в управленческой практике, поскольку допускает адаптацию и переосмысление наследия – при условии, что само исполнительское сообщество принимает эти изменения. При этом граница между продуктивной адаптацией и деструктивной коммерциализацией, ведущей к радикальному упрощению культурных форм до уровня массового продукта без исторического контекста, остается размытой и в каждом случае определяется индивидуально.

Анализ международного опыта

Международный опыт показывает, что народная музыка может стать основой региональной туристической стратегии, а не просто второстепенным культурным дополнением. Один из самых убедительных примеров борьбы с сезонным спадом в туризме – международный фестиваль Celtic Connections, который ежегодно проходит в Глазго с 1994 года [1]. В 2026 году этот 18-дневный марафон собрал рекордное число зрителей и объединил исполнителей из 35 стран. Возникший при этом экономический эффект напрямую затронул городскую инфраструктуру: гостиничный бизнес, ресторанную индустрию и транспортную систему [8].

Социологические опросы, проведенные в том же году, показали: каждый пятый житель Великобритании стал слушать традиционную музыку чаще, чем в прошлом году, а среди представителей поколения Z этот интерес ока-

зался еще выше среднего [8]. Эти данные опровергают стереотип о том, что фольклор несовместим с молодежной аудиторией. Напротив, если фольклор грамотно продвигать через современные каналы коммуникации, это меняет само отношение нового поколения к традиционной культуре.

Аналогичные стратегии используют и в других регионах. Так, Венский совет по туризму в 2025 году запустил масштабную цифровую кампанию к 200-летию Иоганна Штрауса, добавив аудиомаршруты в мобильное приложение и запустив международный промо-проект. В свою очередь, наследие The Beatles в Ливерпуле ежегодно приносит городу значительный доход и обеспечивает тысячи рабочих мест в сфере гостеприимства [5]. Общим условием устойчивости таких моделей остается сохранение живой, нетуристической среды: музыкальная жизнь развивается по своей внутренней логике, а туризм лишь привлекает дополнительную аудиторию, не подменяя истинного смысла самого исполнительского искусства.

В свою очередь, анализ этнографического туризма в словенской Истрии выявил типичные системные ошибки [10]. Авторы исследования установили, что организаторы мероприятий часто недооценивают культурные запросы современных путешественников и предлагают им упрощенные, искусственно осовремененные программы. Между тем главным мотивом для большинства туристов остается поиск уникальных местных традиций – «культурной инаковости», которая служит противовесом повсеместной унификации.

В ходе исследования были выделены пять критериев, через которые туристы идентифицируют подлинную народную музыку: географическая привязка

к конкретному региону; историческая преемственность не менее трех поколений; укорененность в повседневной жизни местного сообщества, а не в туристическом показе; использование традиционных инструментов; признание со стороны экспертного сообщества и самих носителей традиции [10]. Примиитивизация фольклора, таким образом, не только разрушает его основу, но и снижает коммерческую привлекательность продукта для аудитории с высокими культурными запросами.

Rainforest World Music Festival (RWMF), ежегодно проходящий в Ку-чинге (Саравак, Малайзия) с 1997 года, представляет модель, в которой экологическая и культурная устойчивость заложены в саму организационную философию [6]. Площадкой служит этнографический живой музей под открытым небом у подножия горы Сан-тубонг; дневные интерактивные мастер-классы в традиционных длинных домах коренных народов плавно перетекают в вечерние концерты, создавая беспрецедентный по глубине уровень вовлечения. В 2024 году организаторы внедрили передовые системы управления отходами, образовательную экологическую зону и инфраструктуру «зеленой» зарядки, что позволило минимизировать воздействие массовых потоков на экосистему тропического леса [6]. RWMF остается наиболее сбалансированной из описанных моделей: наследие функционирует в максимально приближенном к исходному социально-природному контексте, тогда как туристический формат обеспечивает его жизнеспособность, не замещая его содержания.

Китайский опыт интеграции культуры и туризма (文旅融合)

Китай предоставляет масштабный и

институционально последовательный пример государственной стратегии в данной области. После ратификации Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (НКН) в 2004 году КНР последовательно выстроила разветвленную национальную систему охраны традиций. Принятый в 2011 году Закон КНР о нематериальном культурном наследии породил устойчивое внутреннее противоречие: декларируя обязательство сохранять «исторический оригинал в первозданном виде», он одновременно определяет НКН как ценнейший ресурс для туристической и креативной индустрий [11].

Это противоречие не устраняется нормативно - оно воспроизводится на каждом уровне управления, от центральных министерств до региональных туристических администраций, и требует от исследователей и практиков поиска гибких моделей балансирования. На наш взгляд, здесь и сосредоточена главная концептуальная проблема китайской модели «вэньлюй жунхэ» (文旅融合 - интеграция культуры и туризма): не дефицит финансирования или организационных мощностей, а отсутствие устоявшегося практического критерия для разграничения охраны и коммерциализации.

Провинция Юньнань, населенная представителями более чем 25 этнических групп, предоставляет наиболее документированный региональный пример. Местная музыкальная культура народностей бай, и, хани, дай и тибетцев органично вплетена в систему ритуалов, календарных праздников и механизмов межпоколенческой трансляции; качественный анализ вокальных традиций показывает, что народная песня служит главным инструментом сохранения исторической памяти и

формирования этнической гордости в условиях глобализации [4].

Показательно, что создатели всемирно известного шоу «Dynamic Yunpan» («Юньнанское отражение», 2003-2004) выстроили свою философию принципиально вне академических форматов консервации: более трети труппы составляют сельские жители из отдаленных деревень, а реквизит взят из реального быта общин – от молитвенных колес до ритуальных барабанов, воспринимаемых как священный тотем [3]. Подобные представления функционируют как флагманский туристический продукт региона, но лишь при сохранении социального контекста исполнителей – ключевого условия, характерного для всех рассмотренных выше устойчивых моделей. Важнейшим аспектом интеграции искусства и туризма в последние годы стала цифровизация. В сычуаньском уезде Мао власти создали электронные звуковые архивы наследия народности цян и открыли к ним доступ на молодежных интернет-платформах. Гибридный формат «НКН + поп-музыка» в итоге стимулировал приток молодых событийных туристов в этот регион. В то же время в провинции Гуйчжоу технологии дополненной реальности используют для интерактивной демонстрации традиционных инструментов, что помогает снизить культурный барьер для неподготовленной аудитории [11]. Эти примеры отражают общую тенденцию: цифровая интерпретация фольклора мотивирует людей вживую посещать те места, где зарождалась эта культура. Вместе с тем соотношение между виртуальным знакомством с культурой и «подлинным» туристическим опытом до сих пор слабо изучено в научной литературе. Между тем именно понимание этого различия определяет, какими

должны быть стратегии развития туристических направлений.

Методологические ограничения

Анализ собранных источников указывает на ряд устойчивых методологических ограничений. Независимых количественных данных о вкладе народной музыки в экономику туристических регионов крайне мало: экономические оценки публикуются преимущественно организаторами мероприятий, что создает очевидный конфликт интересов. Долгосрочных исследований, позволяющих проследить продолжительные последствия туристической интеграции для жизнеспособности конкретных традиций, в доступной литературе не представлено. Академический анализ китайской модели «вэньлюй жунхэ» остается в значительной мере описательным: критических оценок воздействия государственных программ на реальное состояние музыкальных традиций явно недостаточно. В настоящей работе не ставились цели охватить весь спектр региональных примеров – акцент сделан на теоретической систематизации и анализе репрезентативных моделей.

Выводы

На основании проведенного анализа можно сделать следующие обобщения. Народная и национальная музыка выступает в культурном туризме многофункциональным ресурсом: формирует уникальный образ туристического направления, преодолевает сезонный спад, обеспечивает занятость для носителей традиции и создает долгосрочную лояльность – при условии сохранения нетуристического социального контекста исполнительской практики. Аутентичность целесообразно концептуализировать прежде всего в ее эски-

стенциальном и конструктивистском измерениях; жесткое следование «объективным» историческим параметрам ни само по себе не гарантирует качества туристического опыта, ни защищает традицию от коммерциализации. Анализ международного и китайского опыта свидетельствует о том, что долгосрочная жизнеспособность наследия в туристическом контексте определяется сохранением его живых социальных функций; там, где они утрачиваются, традиция превращается в стандартизированный сценический продукт вне зависимости от масштаба государственной поддержки. Приоритетными направлениями дальнейших исследований следует считать разработку методик независимого измерения экономического вклада народной музыки, долгосрочную оценку последствий коммерциализации для сохранности конкретных традиций, а также концептуализацию роли цифровых площадок в формировании туристического спроса. Для Китая, располагающего богатейшим разнообразием традиций и масштабной государственной инфраструктурой их поддержки, решение именно этих вопросов определяет долгосрочную культурную устойчивость программ интеграции культуры и туризма.

Список литературы / References

1. Celtic Connections – world-renowned festival in Glasgow // Scotland.org. 2025. // URL: <https://www.scotland.org/events/celtic-connections> (Дата обращения: 24.05.2026).
2. Chai Y., Na J., Ma T., Tang Y. The moderating role of authenticity between experience economy and memory? The evidence from Qiong Opera // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. P. 1070690. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1070690
3. Dynamic Yunnan show introduced as a flagship cultural tourism product of Yunnan // Klook. 2024. // URL: <https://www.klook.com/activity/149610-yunnan-impression-show/> (Дата обращения: 24.05.2026).
4. Li J., Su Y. Exploring the significance of traditional music in safeguarding and transmitting intangible cultural heritage: a case study of the Yunnan Bai ethnic group // *International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*. 2024. Vol. 21. № 3. P. 115-144.
5. Music tourism: how DMOs are leveraging sound to shape destination identity // *Think Digital Travel*. 2024. // URL: <https://www.thinkdigital.travel/opinion/music-tourism-how-dmos-are-leveraging-sound-to-shape-destination-identity> (Дата обращения: 23.05.2026).
6. Ngau D., Sivadasan F. A study on the effectiveness of the sustainability initiatives implemented at the Rainforest World Music Festival 2024 // *International Journal of Business, Events and Legacies*. 2025. Vol. 4. № 1. P. 1-24. – DOI: 10.63007/AAGA4061
7. Peng Y. Conceptual and theoretical exploration of music tourism // *Academic Journal of Management and Social Sciences*. 2023. Vol. 2. № 3. P. 164-166. – DOI: 10.54097/ajmss.v2i3.8757
8. Record breaking Celtic Connections delivers message of hope and unity to the world [Media release] // *Celtic Connections*. 2026. // URL: https://www.celticconnections.com/media/fdgg2hnb/media-rel_celtic-connections-2026-closing_final.pdf (Дата обращения: 23.05.2026).
9. Rickly J., Sharma N., Canavan B. Authenticity: the state-of-the-art in tourism geographies // *Tourism Geographies*. 2023. Vol. 27. № 3-4. P. 528-537. – DOI: 10.1080/14616688.2023.2290017
10. Sedmak G., Kerma S., Čivre Ž. Traditional music in tourists' eyes—the case of Slovene Istria // *Journal of Heritage Tourism*. 2021. Vol. 16. № 5. P. 546-558. – DOI: 10.1080/1743873X.2020.1808002
11. Su J. A difficult integration of authenticity and intangible cultural heritage? The case of Yunnan, China // *China Perspectives*. 2021. № 2021/3. P. 29-39. – DOI: 10.4000/chinaperspectives.12223

Невзоров С.Г.

Кандидат исторических наук, доцент, начальник цикла военного учебного центра при Оренбургском государственном университете.

Коллективный подвиг и подвижничество в православной культуре: культурологический анализ генезиса и проявлений миссии конфессии*

Аннотация. В статье предпринят культурологический анализ взаимосвязи двух тесно сопряжённых, но методологически различимых феноменов отечественной духовной культуры, а именно индивидуального подвижничества и коллективного подвига, в свете задач, которые ставит перед собой Русская православная церковь как историко-культурная конфессия. Автор исходит из положения, согласно которому понятие подвига в русской ментальной традиции этимологически возводится к корню со значением движения, сдвига, перемещения и в этом смысле обозначает не отдельный поступок, а длительное усилие духа, направленное к преобразению человека и общества. Особо подчёркивается, что культурологическая миссия конфессии состоит не в декларации догм, а в сохранении и трансляции антропологической модели человека-подвижника, способного к самоограничению, жертве и сотрудничеству с Богом.

Ключевые слова: подвижничество, коллективный подвиг, православная культура, миссия конфессии, генезис, типология подвига, новомученичество, аскеза, святость, культурология религии.

Nevzorov S.G.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Military Training Center at Orenburg State University.

Collective feat and ascetic labour in orthodox culture: a culturological analysis of the genesis and manifestations of the confession's mission

Abstract. The article undertakes a cultural analysis of the relationship between two closely related but methodologically distinguishable phenomena of Russian spiritual culture, namely individual asceticism and collective heroism, in the light of the tasks set by the Russian Orthodox Church as a historical and cultural denomination. The author proceeds from the assumption that the concept of heroism in the Russian mental tradition is etymologically related to the root meaning of movement, shift, and displacement, and in this sense it does not refer to a single act, but rather to a long-term effort of the spirit aimed at transforming individuals and society. It is emphasized that the cultural mission of the denomination is not to declare dogmas, but to preserve and transmit the anthropological model of a selfless human being capable of self-restraint, sacrifice, and cooperation with God.

Key words: asceticism, collective feat, Orthodox culture, mission of the confession, genesis, typology of feat, new martyrdom, asceticism, holiness, culturology of religion.

* © Невзоров С.Г., 2026.

Коллективный подвиг и подвижничество в православной культуре: культурологический анализ генезиса и проявлений миссии конфессии

Понятия «подвиг» и «подвижничество» давно перестали быть монополией собственно религиозного дискурса. Они входят в речь школьного учителя, ветерана, медицинской сестры, политика и литератора; они отекают на Могиле Неизвестного Солдата – «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». Эпитафия принадлежит С. В. Михалкову и стала, по существу, формулой народной памяти [3, с. 33]. И всё же, при всей кажущейся прозрачности этих слов, их культурологическое содержание остаётся проблемным. С одной стороны, подвиг толкуется как «героический самоотверженный поступок», как «важное по своему значению действие, совершённое в трудных условиях» [2, с. 22-23]. С другой стороны, в религиозном дискурсе подвижничество понимается как длительное внутреннее устройство, охватывающее всю жизнь человека, и оказывается отличным от единичного, пусть и героического, действия [10, с. 161]. Граница между этими двумя смыслами проходит не по линии «светское и религиозное», а внутри самой культуры, формируя то напряжённое, продуктивное двуединство, которое и составляет предмет настоящей статьи.

Особую остроту проблема приобретает в последние десятилетия, когда, по выражению Святейшего Патриарха Кирилла, происходит «дехристианизация человеческой цивилизации» [14, с. 75]. Симптомы её многократно описаны: ослабление традиции жертвенного служения, размывание границ между нравственно дозволенным и недозволенным, превращение труда в простую возмездность, а потребления – в цель самого существования. В этих условиях подвижничество перестает быть достоянием узких монашеских кругов и предстаёт как культурный

ресурс, к которому обращается общество в целом. Исследовательская задача состоит не в том, чтобы в поучительном тоне противопоставить «подвижническое прошлое» «неподвижническому настоящему», а в том, чтобы проследить генезис, выявить устойчивые типы подвига и понять, в чём именно состоит культурологическая миссия конфессии, то есть Русской православной церкви, в современном российском обществе.

Гипотеза, направляющая исследование, формулируется так: коллективный подвиг русского народа (будь то оборона Севастополя, Москвы, Сталинграда, или подвиг трудового тыла, или массовое волонтёрское движение последних лет) не является внешним по отношению к индивидуальному подвижничеству. Напротив, он представляет собой социально-расширенное, секуляризованное по форме, но генетически связанное с православной аскетикой явление. Соответственно, миссия конфессии состоит в том, чтобы сохранять и транслировать ту антропологическую модель, на основе которой коллективный подвиг становится возможным.

Этимологически слово «подвиг» восходит к старославянскому корню со значением движения, сдвига, перемещения. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского зафиксированы по меньшей мере четыре оттенка значения: движение, стремление, борьба и, наконец, великое и трудное дело [2, с. 22]. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» возводит «подвиг» к глаголам «двигать, сдвигать, путь», подчёркивая первичный пространственно-двигательный смысл слова [там же]. Семантическая эволюция от внешнего движения к внутренней борьбе протекала параллельно с христианизацией восточнославянского мира: уже в богослу-

жебных и житийных текстах «подвиг» обозначает не столько физическое усилие, сколько длительное внутреннее напряжение человека, направленное на стяжание духовных дарований. Г.Н. Складаревская в «Словаре православной церковной культуры» указывает, что религиозный подвиг есть длительное, а не разовое усилие, и в качестве классического примера приводит тысячу дней молитвы преподобного Серафима Саровского на камне [2, с. 23].

Содержательное ядро понятия задано Священным Писанием и святоотеческой традицией. Антоний Великий в «Наставлениях» утверждает, что добродетель естественна для человека и достижение её требует не привнесения чего-то извне, а очищения сообразного Богу образа. Макарий Великий говорит о борьбе духа со страстями как о труде, простирающемся через всю жизнь [13, с. 39]. Иоанн Дамаскин в трактате «Точное изложение православной веры» обосновывает свободу человека как онтологическое условие возможности подвига: без свободы нет ни добродетели, ни порока [13, с. 36]. Иоанн Лествичник в «Лествице, возводящей на небо» строит подвиг как восхождение по ступеням от внешнего отречения к смирению и любви; смирение становится у него «одеждой Божества» [13, с. 45]. Авва Дорофей в поучениях детально описывает виды воздержания, рассматривая аскезу не как самоцель, а как средство стяжания мира душевного. Григорий Богослов завершает построение, помещая в вершину аскетического восхождения любовь, превосходящую и веру, и надежду [13, с. 50].

На русской почве византийская традиция была воспринята в XI в. и сразу обрела национальные черты. Уже в Киево-Печерской лавре, при преподобных Антонии и Феодосии Печерских,

утверждается общежительная форма монашества; жития подчёркивают не индивидуальные подвиги схимников, а соборное устройство обители [4, с. 163]. В XIV столетии преподобный Сергей Радонежский становится центральной фигурой русского подвижничества: его обитель в Радонеже превращается в духовный центр княжества, а сам он, по выражению, повторяемому в современной педагогической литературе, проживает жизнь, всю состоящую из подвига [16, с. 2-4]. Картина М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» закрепила в национальной памяти образ начала этого пути [16, с. 2]. С Сергием связан и сюжет благословения Дмитрия Донского на битву с Мамаем; по преданию, на поле Куликово вышли иноки Пересвет и Ослябя. Фигура князя-воина-монаха стала в русской культуре одной из устойчивых моделей соединения подвижничества и подвига [3, с. 32].

XV–XVII вв. дали русской культуре движение «нестяжателей» во главе с преподобным Нилом Сорским и «иосифлян» во главе с преподобным Иосифом Волоцким; противостояние этих школ во многом задавало внутренний драматизм русской духовной истории. В XVIII столетии происходит, по наблюдению В.Н. Криволапова, заметное сокращение числа канонизаций: «За два столетия от Петра I до Николая II Русская Церковь канонизировала только пять подвижников» [9, с. 20]; та же тенденция фиксируется и в работе К.А. Горбуновой, отмечающей, что число прославленных святых уменьшилось со ста имён в XVI веке до десяти в XVIII [6, с. 20]. Возрождение начинается на грани XVIII–XIX веков с движения «учеников Паисия Величковского», переноса исихастской традиции в Молдавию, Афон и далее в русские обители. Возникают «пустыни» Зосимова, Опти-

на, Глинская и оживают древние лавры: Киево-Печерская и Троице-Сергиева [4, с. 162-163]. Старчество, странничество, столпничество, юродство Христа ради образуют, по характеристике Н.З. Гаевской, основные формы того религиозного подвижничества, которое к концу XIX века становится осью отечественной духовной культуры [4, с. 157].

Особую роль в этом возрождении сыграл преподобный Серафим Саровский. Постриженный 13 августа 1786 года под именем Серафим, он прожил в Саровской пустыни шестнадцать лет пустынножительства, три года безмолвия и семнадцать лет затвора; канонизация его состоялась 19 марта (1 июля) 1903 года [18, с. 144]. Знаменитая беседа с Н.А. Мотовиловым, в которой преподобный говорит о состоянии Адама до грехопадения и о цели христианской жизни как стяжании Духа Святого, стала одним из главных богословских текстов русского подвижничества [13, с. 38]. Афоризм «Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся около тебя» закрепил мысль о социальной отдаче подвижнического труда. К.А. Горбунова отмечает, что в современную Русскую православную церковь после 1989 года были канонизированы более тысячи новомучеников XX века [6, с. 20]. Эта цифра, по своей значимости превосходит всю предшествующую историю русских канонизаций. Тем самым XX век, парадоксальным образом, вернул русской культуре её аскетическое измерение через мученичество. Митрополит Иоанн (Снычев) в книге «Самодержавие духа» закрепил тезис о том, что духовная история России неотделима от подвижнической [17, с. 147].

Многообразие проявлений подвига нуждается в типологической упорядоченности. В современной литературе наиболее устоявшейся является

трёхчленная классификация, восходящая к святоотеческому различению деятельной, созерцательной и таинственно-молитвенной жизни. Т.П. Войтенко выделяет три вида подвига: телесный, или деятельный, душевный, или созерцательный, и духовный, связанный с практикой умного делания, исихазма [3, с. 32-33]. Эта типология совпадает с тем, как описывают аскезу С.М. Зарин, П.М. Минин, протоирей С.И. Четвериков и современный исследователь А.А. Пешков. В монографической статье А.А. Пешкова, написанной по учению отцов Церкви, телесный подвиг сводится к воздержанию, телесному труду, бдению и посту; душевный подвиг к борьбе со страстями и стяжанию добродетелей; а духовный к молитве, созерцанию, единению с Богом [13, с. 47-49]. Между этими видами нет жёсткой границы; речь идёт о ступенях единого пути, на котором последующая ступень предполагает предыдущую и без неё невозможна.

Телесный подвиг наиболее очевидно представлен в монашеской традиции. И.В. Логунова, цитируя святителя Игнатия Брянчанинова, приводит классическое определение: «Цель монашеского жительства <...> состоит в достижении христианского совершенства» [10, с. 162]. Святитель Игнатий ясно проводит мысль, что внешние подвиги, это пост, поклоны, молитвенное правило, которые сами по себе не самоценны; они служат средством очищения сердца. Митрополит Антоний Сурожский в книге «Труды» развивает ту же мысль на материале жизнеописаний преподобного Серафима Саровского и святителя Феофана Затворника: их подвиг состоял не столько в физическом самоумерщвлении, сколько в том, что они достигали состояния, в котором «человек должен жить в духе» [там же]. Эту

же интенцию фиксирует диакон Иоанн Рынковой: ссылаясь на «Толкование посланий апостола Павла» святителя Феофана, он показывает, что аскетический труд имеет своей целью не борьбу с телом как таковым, а возведение всех уровней человеческого существа к единому духовному центру [15, с. 79].

Душевный подвиг есть область борьбы со страстями и стяжания добродетелей. М.Ю. Неронова в статье об аскетическом подвиге в культуре России указывает, что эта традиция в России непрерывна с XI века; с XX столетия её особое преломление состоит в феномене «белого иночества», или «монастыря в миру», когда мирянин, не принимая пострига, ведёт строго аскетический образ жизни [12, с. 225]. В качестве примеров названы святой праведный Алексей Мечёв, протоиерей Валентин Свенцицкий, А.Ф. Лосев, то есть фигуры, в которых соединились интеллектуальный труд и подвижническая дисциплина [там же]. Особенно показателен случай А.Ф. Лосева: 3 июня 1929 года он принимает тайный монашеский постриг с именем Андроник, а его жена Валентина Михайловна с именем Афанасия; в 1930 г. оба были арестованы; за свою жизнь учёный написал около восьмисот произведений [11, с. 14]. Биография Лосева предметно опровергает расхожее представление о несовместимости академической учёности и подвижнической аскезы.

Духовный подвиг в собственном смысле есть исихастская традиция, восходящая к Григорию Паламе и переданная в Россию через Паисия Величковского и его учеников. Святитель Григорий Палама, цитируемый диаконом Иоанном Рынковой, говорит о духовном человеке как о том, в ком «дух» Макария Великого, «душа» Григория Богослова и «тело» подвижника

составляют единое целое [15, с. 79-81]. Феноменологическая интерпретация этого пути дана С.С. Хоружим в работе «К феноменологии аскезы», где подвиг рассматривается не как набор внешних практик, а как «онтологическое понятие», изменяющее сам способ существования человека [18, с.145]. Таким образом, тип духовного подвига оказывается ближе всего к собственно богословскому понятию обожения, то есть теозиса.

Различение трёх видов подвига имеет важное культурологическое следствие. С.Н. Булгаков в работе «Героизм и подвижничество» (вошедшей в сборник «Вехи» 1909 г.) формулирует тезис, ставший классическим: «Героем в христианстве <...> является подвижник», и далее, что «различие героизма и подвижничества не столько внешнее, сколько внутреннее, религиозное» [1, с. 184]. Героизм в светском его понимании подвижим, по Булгакову, гордыней самоутверждения; подвижничество же – смирением и преданностью. Е.Э. Рахова, комментируя ту же работу, цитирует: «Герой есть до некоторой степени сверхчеловек», тогда как «христианское подвижничество есть прежде всего максимализм в личной жизни» [14, с. 74]. Т.И. Биленко формулирует ещё точнее: «Подвижничество, как внутреннее устройство личности, совместимо со всякой внешней деятельностью» [1, с. 189]. Это означает, что подвижничество не является каким-то определенным родом занятий; это форма внутренней жизни, которая может одушевлять любую профессию, любой социальный статус.

Тезис о социальной расширяемости подвижничества находит наиболее яркое подтверждение в феномене коллективного подвига. В работе Г.В. Елагиной, Н.В. Дьяченко и Н.В. Галаниной,

посвящённой духовным основаниям русского подвига, приведена характерная статистика: в годы Великой Отечественной войны более четырёхсот советских воинов закрыли своими телами амбразуры огневых точек противника; с противоположной стороны, то есть среди войск нацистской Германии, ни одного подобного случая не зафиксировано [8, с. 24-25]. Цифра эта значима не сама по себе, но в её антропологическом и культурологическом измерении. Что-то в русской культуре делало возможным тот тип решения, который вне этой культуры оставался немыслимым. Образ Александра Матросова, Героя Советского Союза, закрывшего собой амбразуру вражеского дзота 27 февраля 1943 года, стал именем для этого антропологического типа.

В той же работе авторы вводят понятие «светского подвижничества», понимая под ним готовность массового сознания к самоотречению, выработанную, по их мнению, под действием православной культурной модели и сохранившуюся даже в условиях советского атеистического государства. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы», труд женщин и детей на станках, эвакуация заводов на Урал и в Сибирь, блокадный подвиг Ленинграда, всё это осмысливается как проявления одной и той же культурной матрицы. Эпитафия С.В. Михалкова на могиле Неизвестного солдата у Кремлёвской стены, закрепила в национальной памяти именно эту коллективную, безымянную форму героизма [3, с. 33]. Т.П. Войтенко справедливо отмечает, что марксистская мысль XX века в собственных категориях улавливала ту же реальность: понятия «массовый героизм» и «героизм будничной работы» восходят к статьям и речам, посвящённым труду рабочего класса и крестьянства [3, с. 32].

Связь между героическим поступком и подвижнической предрасположенностью раскрывается у С.Л. Рубинштейна. В «Основах общей психологии», вышедших в 1945 году, в год Победы, он показывает, что героический поступок не есть случайность; он есть кульминация длительной внутренней работы, в которой человек выстраивает свою личность вокруг определённых ценностей [3, с. 34]. Т.П. Войтенко прямо формулирует следующий шаг: подвижничество и есть основание героического поступка [3, с. 36]. Иными словами, единичное действие в момент опасности оказывается возможным потому, что задолго до этого момента в человеке успело сложиться внутреннее устройство, способное к этому действию. Та же мысль присутствует в современной отечественной психологической литературе. Е.Н. Песоцкая со ссылкой на С.С. Хоружего в работе «К феноменологии аскезы» подчёркивает, что святость представляет собой «онтологическое понятие», а не просто моральную характеристику [18, с. 145]; именно этим объясняется устойчивость подвижнической установки в самых разных социально-политических условиях.

Коллективный подвиг имеет, помимо военной, ещё и мирную форму. И.В. Макаров и В.В. Пасечник в статье о подвижничестве как практическом выражении традиционных ценностей описывают деятельность службы «Милосердие», то есть общецерковной службы помощи нуждающимся, в работе которой участвует свыше полутора тысяч человек разных профессий: менеджеры, врачи, инженеры, программисты, преподаватели [11, с. 17]. В сходных формах действуют движения «Даниловцы» и «Православные добровольцы». Все они построены на принципе соборности, то есть доброволь-

ного и при этом дисциплинированного объединения многих, ради конкретного дела помощи. Ю.Н. Гладкий и Т.С. Комиссарова, выступая на Одиннадцатых Пюхтицких чтениях в Куремяэ в 2023 году, обозначают эту черту русской культуры как «мобилизационный коллективизм» [5, с. 21]; в её основе, по мнению авторов, лежит православная антропология, согласно которой человек спасается не в одиночку, а в общине, и спасение его сопряжено со спасением ближнего.

Особым случаем коллективного подвига является новомученичество XX века. И.В. Сидорова и Н.В. Виданова прослеживают преемственность от святых князей-воинов, прежде всего Александра Невского, причисленного к лику святых после Невской битвы и Ледового побоища [16, с. 4], к новомученикам и исповедникам Российским, чьи имена стали известны лишь после открытия архивов в 1990-е годы. Е.А. Скоробогачева и А.В. Степанова в искусствоведческом исследовании анализируют картину Р.М. Абрамочкина «Оптинские новомученики» (2011, холст, масло, 260 × 200 см, фонд Российской академии живописи, ваяния и зодчества И. Глазунова), посвящённую убийству трёх монахов Оптиной пустыни на Пасху 1993 года [17, с. 149]. Художественное осмысление события показывает, как современная культура работает с подвигом не как с прошлым, а как с длящимся событием. Архиепископ Фёдор (Поздеевский) ещё в 1911 году в книге «Смысл христианского подвига» предвосхищал эту перспективу: «христианство <...> требует борьбы, подвига» [17, с. 147], и эта борьба не имеет завершения в исторической эмпирии. В.А. Кожевников в статье «О значении христианского подвижничества» (Христианское чтение, 1909, № 8–9, с. 1082)

формулирует мысль ещё резче: «Древняя Русь не знала другого религиозно-нравственного идеала», кроме идеала подвижничества [3, с. 32].

Современные эмпирические исследования героизма косвенно подтверждают приведённые наблюдения. С. Аллисон и Г. Гетелс в работах, цитируемых Т.П. Войтенко, приводят социологические данные: при опросе американских респондентов о людях, признаваемых героями, родственники составили 32 %, литературные и кинематографические персонажи – 34 %, духовные учителя – 6 %, медийные фигуры – 4 %, политики – 3 % [3, с. 34]. Распределение характерно: большая часть «героического материала» культуры приходится на близкий круг и на художественные тексты. В русской культуре дополнительной и весьма заметной категорией становятся святые, что отличает её от ряда западных культур, утративших эту опору. К.А. Горбунова обращает внимание на то, что в 1942 году в СССР был учреждён орден Александра Невского; этот факт она трактует как косвенное возвращение, пусть и в государственной форме, к национальной парадигме святости [6, с. 20]. Сама Горбунова приводит знаменитое и трудное наблюдение: «Русский народ хочет не столько святости, сколько преклонения перед святостью» [6, с. 19–20]. В этом тезисе нет уничижения; в нём дано указание на ту специфическую функцию святости и подвижничества, которую они выполняли в национальной культуре: задавать ориентир, видимый отовсюду, даже там, где он не может быть лично воспроизведён.

Из всего сказанного следует, в чём именно может состоять культурологическая миссия Русской православной церкви как конфессии. Эта миссия не сводится к катехизации, к строитель-

ству храмов, к статистике крещений и венчаний, хотя и предполагает их. Её ядро составляет сохранение и трансляция антропологической модели человека-подвижника, без которой невозможны ни коллективный подвиг, ни даже устойчивое нравственное обыденное действие. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», на который указывают И.В. Макаров и В.В. Пасечник, фактически закрепляет за церковью и взаимодействующими с нею культурно-образовательными институтами именно эту функцию [11, с. 6]. Иеромонах Софроний (Сахаров) в своих описаниях преподобного Силуана Афонского задал в XX веке стандарт того, как может быть рассказан подвижник нынешним людям [11, с. 7]; традиция этих описаний продолжается в современных монастырских и приходских изданиях.

Положение, в котором осуществляется эта миссия, не благополучно. Н.М. Дерягин в статье «Подвиг как условие духовной жизни христианина и монаха» приводит характерные диагнозы. Архиепископ Никон (Рождественский) пишет: «Мир беспощадно суров»; преподобный Паисий Святогорец предупреждает: «Кто считает, что нравственность сейчас устарела, тяжело согрешает» [7, с. 67-68]. Эдуард Гиббон в «Истории упадка и разрушения Римской империи» определяет позднюю Римскую империю как государство, «развратившееся от множества законов и пороков» [7, с. 68]; это сопоставление Дерягин использует как культурно-историческое предостережение. Святитель Игнатий Брянчанинов о монашестве своего времени высказывался с

горечью, видя его склонение к внешним формам в ущерб внутренним [7, с. 70]. Е.П. Логунова со ссылкой на Е. Трофимову показывает, что в обществе потребления готовность к подвигу теряется не одновременно, а через постепенное вытеснение самой идеи внутреннего труда [10, с. 162-163].

Тем не менее, миссия конфессии не сводима к диагнозу. Е.Н. Песоцкая, М.В. Зорькин и А.В. Зорькина, обращаясь к 160-летию первого издания «Жития старца Серафима» (1863) и материалу о Достоевском, напоминают о «мистическом реализме» русской литературной традиции, восходящем к «Дневнику писателя» 1873 года и очерку «Влас» [18, с. 144]. Здесь миссия церкви и миссия национальной литературы сходятся: они работают с одним и тем же антропологическим типом, то есть с типом человека, способного к покаю, к преодолению себя, к жертве. Этот тип не есть исключительная принадлежность православной традиции; святитель Иустин (Попович) в работах, на которые ссылается диакон Иоанн Рынковой, говорит о «радости как плоде» подвижнического труда, доступной в той или иной мере любой подлинной религиозности [15, с. 90]; однако в русской культуре он закреплён именно через православную традицию.

С количественной точки зрения масштаб задач конфессии в современном мире обозначен в данных отчета исследовательского центра Pew Research Center «The Future of World Religions», на которые ссылаются Ю.Н. Гладкий и Т.С. Комиссарова: к середине XXI века христианство продолжит оставаться крупнейшей мировой религией, при этом структура её региональной представленности существенно изменится [5, с. 20]. И.П. Рязанцев, цитируемый там же, на материале россий-

ских социологических исследований полагает, что в Российской Федерации «православные становятся доминирующей социальной группой» [5, с. 22]. Демографические оценки сами по себе не превращаются в духовные плоды; превращение это и есть содержание миссии. Любопытна региональная конкретика, приводимая В.Н. Криволаповым: до Революции 1917 года Курская губерния занимала третье место в России по числу монашествующих [9, с. 22], что свидетельствует о неравномерной плотности подвижнической традиции на пространстве Империи; следы этой неравномерности заметны и сегодня, в том числе в местной памяти и церковной инфраструктуре.

Внутри самой подвижнической традиции, как отмечает В.Н. Криволапов, существовали разные стратегии. А.М. Панченко выдвинул применительно к Древней Руси концепцию «мирской святости», характеризующую тех, кто стяжал святость, не уходя в монастырь [9, с. 20]; противостояние Паисия Величковского и протопопа Аввакума показывает, что внутри даже единой конфессии возможна напряжённая полемика о пределах допустимого и о формах послушания [9, с. 23]. Эти внутренние противоречия не слабость, а нормальный способ существования живой традиции. Культурологически они значимы потому, что не позволяют свести миссию конфессии к однообразному регламенту: миссия предполагает диалог, спор, риск ошибки, без которых аскетическая жизнь превращается в обрядоверие.

Наконец, миссия конфессии имеет педагогическое измерение. Образ человека-подвижника, передаваемый через житийные тексты, иконопись, музыку и церковную архитектуру, выполняет функцию воспитательного канона.

Е.А. Скоробогачева и А.В. Степанова прямо называют свою работу «К проблеме художественного осмысления и воплощения духовного подвига в историко-религиозной живописи»: они показывают, что современная религиозная живопись, в том числе на сюжеты новомученичества, продолжает древнюю функцию воспитания взгляда [17, с. 149]. И.В. Сидорова и Н.В. Виданова приводят педагогическую ценность образов Александра Невского и Сергия Радонежского для современной школьной аудитории, указывая, что именно через них дети входят в проблематику нравственного выбора [16]. Тем самым миссия конфессии оказывается интегрированной в общенациональное педагогическое усилие; границы между «церковным» и «гражданским» в этом отношении проницаемы и подвижны.

Проведённый анализ позволил установить ряд положений. Этимологический пласт показал, что в русском языке «подвиг» обозначает прежде всего движение, длящееся усилие; одномоментный «героический поступок» представляет собой только верхушку этого длящегося движения. Патристическая традиция, унаследованная Русью от Византии, дала развитую теорию аскезы и трёхчастную типологию подвига (телесного, душевного и духовного), которая сохраняет операциональную ценность и сегодня. Русская агиография, от Антония и Феодосия Печерских через Сергия Радонежского, Нила Сорского, Серафима Саровского и оптинских старцев до новомучеников XX века, выстроила непрерывную линию, в которой меняются исторические формы, но не меняется внутренний образец.

Коллективный подвиг русского народа в XX веке (массовый героизм Великой Отечественной войны, подвиг тыла, новомученичество) оказался не

нарушением и не отрицанием подвижнической традиции, а её социально-расширенной реализацией. Антропологический тип человека-подвижника, сформированный православной культурой, сохранил действенность и в условиях советского атеистического государства. Феноменологический анализ С.С. Хоружего, психологический подход С.Л. Рубинштейна, культурологические концепции Г.П. Федотова, А.М. Панченко, Ю.С. Степанова, философско-богословские разработки С.Н. Булгакова, архиепископа Феодора (Поздеевского), В.А. Кожевникова и митрополита Антония Сурожского сходятся в положении, что подвижничество есть условие героического поступка, а не его следствие.

Культурологическая миссия Русской православной церкви как конфессии состоит, таким образом, в сохранении и трансляции антропологической модели подвижника. Эта миссия осуществляется через богослужение, агиографию, иконопись, образование, церковное социальное служение и взаимодействие с государственными и общественными институтами, в том числе в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. Цифровые показатели (данные о канонизациях, о численности добровольцев службы «Милосердие», о доле православных в населении страны) сами по себе не выражают сути миссии, но обозначают её социальный масштаб. Сущностное же её содержание раскрывается в воспитании человека, способного к смирению, самоограничению и жертве, и в поддержании той ткани культурной памяти, в которой образ подвижника остаётся видимым ориентиром.

В заключение уместно вернуться к словам С.Н. Булгакова о том, что «подвижничество, как внутреннее устрое-

ние личности, совместимо со всякой внешней деятельностью». Эта формула задаёт линию исследовательских и педагогических усилий на ближайшие годы. Подвижничество не требует ухода из жизни; оно требует, напротив, такого присутствия в ней, при котором каждое будничное дело (преподавание, врачевание, инженерия, родительство, наука) становится местом длящегося внутреннего труда. Если эта связь между подвижничеством и повседневностью будет осознана отечественной культурой, миссия конфессии окажется выполненной не как внешний долг церкви перед обществом, а как внутреннее самоопределение общества в его собственной духовной истории.

Список литературы

1. Биленко Т.И. Героизм и подвижничество: проблема выбора // Булгаковские чтения. 2007. № 1. С. 184-189.
2. Бугаева И.В. Святость и подвиг в религиозном дискурсе // Александр Невский и Савва Сербский: подвиг и святость в языке, литературе, культуре, истории: сборник статей Круглого стола, Москва, 16 ноября 2021 года. – М.: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. С. 15-25.
3. Войтенко Т.П. Подвиг и героизм как культурно-исторические феномены и их значение для психологической науки // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 30-40. – DOI 10.31857/S020595920019416-3.
4. Гаевская Н.З. Становление феномена религиозного подвижничества в русской культуре // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 155-167. – DOI 10.20323/2658-7866-2025-2-24-155.
5. Гладкий Ю.Н., Комиссарова Т.С. О сохранении православных традиций в эпоху социокультурной турбулентности // Сохранение традиций православной культуры в современных реалиях: материалы международной научно-практической конференции, Куремяз, 11–12 декабря 2023 г. – Куремяз: 6. и., 2023. С. 18-23.
6. Горбунова К.А. Идея святости как константа русской культуры // KANT: Social Sciences & Humanities. 2025. № 2 (22). С. 16-21. – DOI 10.24923/2305-8757.2025-22.3.
7. Дерягин Н.М. Подвиг как необходимое условие духовной жизни христианина и монаха // Суть монашеского подвига в современном мире: материалы круглого стола с участием преосвященных игуменов, игумений и монашествующих епархий, расположенных на территории Южного федерального округа, Краснодар, 25 июня 2025 года. – Краснодар: Екатеринодарская духовная семинария Екатеринодарской и Кубанской Епархии Русской Православной Церкви, 2025. С. 66-72.
8. Елагина Г.В., Дьяченко Н.В., Галанина Н.В.

Духовные основания русского подвига // Память и духовно-нравственные основы Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: сборник статей. – М.: Издательство «Спутник+», 2025. С. 20-28.

9. Криволапов В.Н. Христианский подвиг как проблема - в русской истории и культуре // *Seminarium: труды Курской духовной семинарии*. 2023. № 5. С. 19-24.

10. Логунова Е.П., Логунова М.С. Подвиг как духовное понятие // Великая Победа: наследие и наследники: материалы VII Владимирских духовно-образовательных чтений. Мичуринск-наукоград, 07–15 ноября 2019 г. / составитель Р.С. Леонов. – Мичуринск-наукоград: Мичуринский государственный аграрный университет, 2020. С. 159-163.

11. Макаров И.В., Пасечник В.В. Подвижничество как практическое выражение традиционных ценностей в русской православной культуре // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7. № 2. С. 4-26. – DOI 10.12731/2576-9782-2023-2-4-26.

12. Неронова М.Ю. Место аскетического подвига в культуре современной России // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. Т. 2. № 3. С. 218-226.

13. Пешков А.А. Основы православного подвижничества по учению Отцов Церкви // *Дамаскин*. 2024. № 4 (68). С. 34-53.

14. Рахова Е.Э. Гуманистический героизм и православное подвижничество // *Инновационная наука*. 2016. № 4-4. С. 73-76.

15. Рынковой И. Духовные плоды православного подвижничества // *Труды Перервинской православной духовной семинарии*. 2012. № 5. С. 77-91.

16. Сидорова И.В., Виданова Н.В. Подвиг в православной традиции // *Наука и образование*. 2020. Т. 3. № 1. С. 1-6.

17. Скоробогачева Е.А., Степанова А.В. К проблеме художественного осмысления и воплощения духовного подвига в историко-религиозной живописи // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2022. № 3 (15). С. 144-160. – DOI 10.47132/2541-9587_2022_3_144.

18. Pesotskaya E.N., Zorkin M.V., Zorkina A.V. Patristic tradition and the phenomenon of asceticism of St. Seraphim of Sarov: spirituality and miraculous healings // *National Health*. 2024. № 2. P. 139-146.

19. Субботина Н.С., Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Саламатова Е.П. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте // *Власть истории и История власти*. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 12-16.

References

1. Bilenko T.I. Heroism and Asceticism: The Problem of Choice // *Bulgakov Readings*. 2007. № 1. P. 184-189.

2. Bugaeva I.V. Holiness and Feat in Religious Discourse // *Alexander Nevsky and Savva of Serbia: Feat and Holiness in Language, Literature, Culture, History: Collection of Articles from the Round Table*, Moscow, November 16, 2021. – Moscow: A.N. Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art), 2023. P. 15-25.

3. Voitenko T.P. Feat and Heroism as Cultural and Historical Phenomena and Their Significance for Psychological Science // *Psychological Journal*. 2022. Vol. 43. № 2. P. 30-40. – DOI 10.31857/S020595920019416-3.

4. Gaevskaya N.Z. Formation of the Phenomenon of Religious Asceticism in Russian Culture // *The World of Russian-Speaking Countries*. 2025. № 2 (24). P. 155-167. –

DOI 10.20323/2658-7866-2025-2-24-155.

5. Gladkiy Yu.N., Komissarova T.S. On the Preservation of Orthodox Traditions in the Era of Sociocultural Turbulence // *Preservation of Orthodox Cultural Traditions in Modern Realities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, Kuremäe, December 11–12, 2023. – Kuremäe: № 1, 2023. P. 18-23.

6. Gorbunova K.A. The Idea of Holiness as a Constant of Russian Culture // *KANT: Social Sciences & Humanities*. 2025. № 2(22). P. 16-21. – DOI 10.24923/2305-8757.2025-22.3.

7. Deryagin N.M. Feat as a Necessary Condition for the Spiritual Life of a Christian and a Monk // *The Essence of Monastic Feat in the Modern World: Proceedings of the Round Table with the Participation of the Most Reverend Abbots, Abbesses, and Monastic Dioceses Located in the Southern Federal District*, Krasnodar, June 25, 2025. – Krasnodar: Yekaterinodar Theological Seminary of the Yekaterinodar and Kuban Diocese of the Russian Orthodox Church, 2025. P. 66-72.

8. Elagina G.V., Dyachenko N.V., Galanina N.V. Spiritual Foundations of the Russian Feat // *Memory and Spiritual-Moral Foundations of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941-1945: A Collection of Articles*. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2025. P. 20-28.

9. Krivolapov V.N. Christian Feat as a Problem in Russian History and Culture // *Seminarium: Works of the Kursk Theological Seminary*. 2023. № 5. P. 19-24.

10. Logunova E.P., Logunova M.S. Feat as a Spiritual Concept // *The Great Victory: Legacy and Heirs: Proceedings of the VII Vladimir Spiritual and Educational Readings*. Michurinsk-Science City, November 7-15, 2019 / compiled by R.S. Leonov. – Michurinsk-science city: Michurinsk State Agrarian University, 2020. P. 159-163.

11. Makarov I.V., Pasechnik V.V. Asceticism as a practical expression of traditional values in Russian Orthodox culture // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Vol. 7. № 2. P. 4-26. – DOI 10.12731/2576-9782-2023-2-4-26.

12. Neronova M.Yu. The place of ascetic feat in the culture of modern Russia // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2013. Vol. 2. № 3. P. 218-226.

13. Peshkov A.A. Fundamentals of Orthodox asceticism according to the teachings of the Church Fathers // *Damaskin*. 2024. № 4 (68). P. 34-53.

14. Rakhova E.E. Humanitarian Heroism and Orthodox Asceticism // *Innovative Science*. 2016. № 4-4. P. 73-76.

15. Rynkova I. Spiritual Fruits of Orthodox Asceticism // *Transactions of the Pererivinsky Orthodox Theological Seminary*. 2012. № 5. P. 77-91.

16. Sidorova I.V., Vidanova N.V. Feat in the Orthodox Tradition // *Science and Education*. 2020. Vol. 3. № 1. P. 1-6.

17. Skorobogacheva E.A., Stepanova A.V. On the Problem of Artistic Understanding and Embodiment of Spiritual Feat in Historical and Religious Painting // *Transactions of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. 2022. № 3 (15). P. 144-160. – DOI 10.47132/2541-9587_2022_3_144.

18. Pesotskaya E.N., Zorkin M.V., Zorkina A.V. Patristic tradition and the phenomenon of asceticism of St. Seraphim of Sarov: spirituality and miraculous healings // *National Health*. 2024. № 2. P. 139-146.

19. Subbotina N.S., Achaeva M.S., Pospelova N.V., Sалаmatova E.P. Allusive proper nouns with the general semantics of “a small size” in a literary text // *The power of history – History of power*. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 12-16.

Лу Шо

Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Типология музыкальных средств выражения философских идей Просвещения (В.А. Моцарт, 1756-1791 гг.)*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме классификации музыкальных средств выражения философских идей в творчестве В.А. Моцарта. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что именно в эпоху Просвещения философия стала определяющей культуры и музыкального искусства. Предложена типология музыкальных средств, использованных В.А. Моцартом, для реализации главных философских категорий - познания, самопознания, истины.

Ключевые слова: классификация музыкальных средств, выражение философских идей, философские категории Просвещения, типология музыкальных средств В.А. Моцарта, реализация философских категорий, познание, самопознание, истина.

Lu Shuo

Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

The typology of the musical devices expressing the philosophy ideas of the enlightenment (V.A. Mozart, 1756-1791)

Abstract. The given article is the study on the issue of classification of the musical devices expressing the philosophy ideas of the XVIII-th century. The relevance of this research is determined by necessity to study the Philosophy categories of the Enlightenment as a defining factor of the music styles. The article proposes the typology of the musical devices used by Mozart to express the main philosophy categories as a cognition, a self-cognition and a truth.

Key words: a classification of the musical devices, a realization of the philosophical ideas, the philosophy categories of the Enlightenment period, the typology of musical devices of W.A. Mozart, an expression of the Philosophy categories, a cognition, a self-cognition, a truth.

Актуальность проблемы типологизации музыкальных средств выражения философских идей периода Просвещения обусловлена тем, что именно в данный период философия стала определяющей культуры и искусства, символом времени и жизненным ориентиром.

Обращаясь к рассмотрению вопроса типологизации философских кате-

горий, напомним, что категориями в философии называются универсальные, инструментальные и нормативные формы мышления, которые являются средством описания картины мира человека¹. Вместе они образуют мето-

1 Гатиатуллина Э.Р. Основные философские категории / Э.Р. Гатиатуллина. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2011. № 1 (24). С. 117-118. С. 117.

* © Лу Шо, 2026.

Типология музыкальных средств выражения философских идей Просвещения (В.А. Моцарт, 1756-1791 гг.)

дологию философии.

Типология философских категорий, которую приводит Бучило, предполагают общенаучные или обобщающие категории, частнонаучные или обобщающие по отдельной узкоспециальной науке, философские категории, относящиеся только к философии².

Существует также другая классификация философских категорий, предполагающая такие типы категорий как:

- категории определенности,
- категории обусловленности,
- категории целостности³.

И.Т.Фролов предлагает систематизированную типологию, по которой все философские категории делятся на:

1. Общие философские категории (бытие, движение, пространство, время, качество, количество, форма, содержание, общее всеобщее, частное);

2. Диалектические категории (бытие/небытие, единство мира, субстанция, материя, сознание, движение, пространство, время);

3. Категории логики, этики, эстетики⁴.

Все категории выступают в качестве оценочных категорий и категорий познания мира.

Исключительность философии Просвещения заключается в том, что концепция антропоцентричного типа культуры периода Просвещения поставила в центр мировоззрения мыслящего и естественного Человека согласно концепции Ж.-Ж.Руссо.

Как пишет В.В. Соколов, в цивилизационном аспекте философия Просве-

Рис. 1. Общая типология философских категорий.

щения – это философия естественного человека, когда природное равенство людей было возможным⁵. Далее пришла эпоха противостояния людей в мире технологической революции.

Отметим, что в Российской империи философские категории, реализованные в классической музыкальной традиции периода Просвещения распространилась в русской светской музыке в XVIII в., тогда же и началось прямое следование европейской традиции.

Интенсивное развитие философии классической музыки в России началось с приходом Петра I и стало началом его «лобби» в культуре⁶.

Русская традиция и философия Просвещения в музыке сложилась под влиянием итальянских, немецких, французских музыкантов.

Ц. Чиарди, один из ярких представителей консерватории г. Санкт-Пе-

² Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: учебное пособие. – М.: Проспект, 2010. С. 432.

³ Философия для аспирантов: Учеб. для адъюнктов вузов МВД России / А.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, Х. С. Гучериев, И. И. Кальной. – 2-е изд., стереотип. – СПб.: Лань, 2001. 510 с.

⁴ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. 590 с.

⁵ Драч Г.В. Начало философии: Осмысление проблемы в работах В.В. Соколова. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 44 (2). С. 193-202.

⁶ Борисова Е.Н., Махрова А.И. Становление флейтового исполнительства в России и за рубежом: историко-педагогический аспект // Мир науки, культуры и образования. 2015. № 3 (52). С. 28-30.

тербурга, и Ф. Бюхнер, яркий представитель московской консерватории, создали русскую музыкальную классическую традицию в XVIII-XIX вв., основанную на идеях европейского Просвещения⁷.

Происхождение музыкальных традиций эпохи Просвещения связывают с генезисом философских категорий. Музыкальная культура Просвещения реализовала главные категории и принципы философии. Носителем идеологии Просвещения была молодая деятельная буржуазия, оттеснившая дворянскую аристократию и духовенство, привнося новые эстетические принципы искусства и культуры – гуманизм, разум и свободу.

Согласно периодизации философии европейского Просвещения выделяются следующие типы философских категорий, важные с точки зрения искусства:

1. Категории рационализма, которые появились примерно в начале - 50-х гг. XVIII в. Это идеи Спинозы, Локка, Лейбница, Гобса, Канта.

2. Категории сентиментализма 50-90-х гг. XVIII в. Это идеи Руссо, Юнга, Ричардсона, Дидро, Гете, Карамзина.

3. Категории дидактики с 90-х гг. XVIII в. до начала XX в. Это идеи Дидро, Гельвеция, Франклина, Руссо⁸.

Музыка В.А.Моцарта реализует в классической опере его собственную философскую систему, воплощающую идею эпохи Просвещения – веру в разум, свободу и внутренний баланс лич-

ности. Так, в опере «Свадьба Фигаро» А.А. Моцарт разработал и реализовал потенциал музыкальных средств, превратив их в самостоятельные философские номинации или философские категории смысла эпохи Просвещения, создав типологию категорий европейского сентиментализма в философии Просвещения:

1. Категория познания реализована с помощью многоголосия как формы познания. Тематические трансформации в виде фрагментации, инверсии, модуляции музыкально реализует категорию диалектики разума и нравственной эволюции героев опер. Эта категория в музыкальном плане реализована в оркестровой ткани за счет комбинации партий для струнных, создающих порядок звучания, и партий для духовых, создающих ассоциации с чувствами.

Другими словами, реализуется многоголосие как форма познания, в которой равноправно присутствуют компоненты разума и чувства.

2. Категория истины как столкновение голосов в диалектике полифонии и рождение истины реализованы как моделирование социальной полифонии. Такие приемы как ритмические сбои (синкопы) и гармонические модуляции транслируют диалектику «сопротивления» в процессе духовного поиска истины.

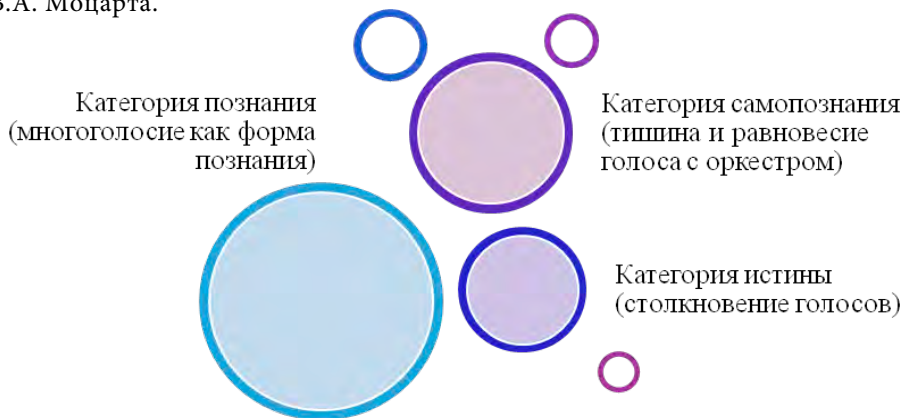
3. Категория самопознания. Ария становится не просто эмоциональной кульминацией, но актом рефлексии, то есть актом самопознания. Тишина и равновесие голоса с оркестром сформировали тип «звуковой этики», символизирующий идею общественного согласия.

Как видим, категории В.А. Моцарта антропоцентричны, его интересуют чувства, самопознание человека (Рис. 2).

7 Абанович А.С. Флейтовая школа Московской Консерватории в XX веке: В.Цыбин, Н.Платонов, А.Корнеев. Диссертация на соиск. уч. степ. кандидата искусствоведения. – Москва, 2013.

8 Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязное А.Ф. К 89 Западноевропейская философия XVIII века: Учеб. пособие для студентов' филос. фак. ун-тов. – М.: Высш. шк., 1986. 400 с.

Рис. 2. Типология музыкальных средств выражения философских идей В.А. Моцарта.

Предлагаем следующую типологию музыкальных средств выражения философских идей, реализуемых В.А. Моцартом:

1. Категория познания (многоголосие как форма познания).
2. Категория истины (столкновение голосов).
3. Категория самопознания (тишина и равновесие голоса с оркестром).

Как известно, представители сентиментализма Просвещения полагали, что в поступках человека должно быть чувственное начало. Так, музыкальный пролог, увертюра задает тон интриге произведения, ее тональности.

Добродетели сочувствия, доброты, чистоты намерений и мыслей включены в круг тех определений естественно-правовой теории равенства людей, которые стали неотъемлемой частью философии Просвещения.

Такие лирико-драматические доминанты произведений В.А. Моцарта как глубокий психологизм, социальный конфликт, сентиментальный пафос, эмоциональная глубина, четкая индивидуализация и проработанность образов относят произведения Моцарта к сентименталистам Просвещения.

Например, глубокий психологизм

симфонии «№40» соль минор и некоторых фрагментов «Дон Жуана» В.А. Моцарта раскрывается в полной степени в философской традиции музыки Просвещения.

Подводя итог проведенному исследованию проблемы типологизации философских категорий музыкальными средствами в творчестве В.А. Моцарта, сформулируем следующие тезисы.

Во-первых, определено, что наследие В.А. Моцарта антропоцентрично и совершенно полно отвечает на запрос философии сентиментализма периода Просвещения, реализуя главные философские категории – бытие, познание, истина, самопознание. Элемент вступления или пролог реализует тональность произведения.

Во-вторых, предложена типология музыкальных средств выражения философских идей, реализуемых В.А. Моцартом:

1. Многоголосие как реализация диалектической категории познания.
2. Столкновение голосов как реализация категории истины.
3. Сочетание тишины и равновесия голоса с оркестром как реализация категории самопознания.

Список литературы

1. Абанович А.С. Флейтовая школа Московской консерватории в XX веке: В. Цыбин, Н. Платонов, А. Корнеев: диссертация на соискание уч. степ. кандидата искусствоведения: 17.00.02 / Абанович Антон Сергеевич; [Место защиты: Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского]. - Москва, 2013. 252 с.
2. Борисова Е.Н., Махрва А.И. Становление флейтового исполнительства в России и за рубежом: историко-педагогический аспект // Мир науки, культуры и образования. 2015. № 3 (52). С. 28-30.
3. Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: учебное пособие / Н.Ф. Бучило, И.А. Исаев; М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая акад. - Москва: Проспект, 2010. 427 с.
4. Гатиатуллина Э.Р. Основные философские категории / Э.Р. Гатиатуллина. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2011. № 1 (24). С. 117-118.
5. Драч Г.В. Начало философии: Осмысление проблемы в работах В.В. Соколова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 44 (2). С. 193-202.
6. Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязное А.Ф. Западноевропейская философия XVIII века: Учеб. пособие для студентов филос. фак. ун-тов. - М.: Высш. шк., 1986. 400 с.
7. Философия для аспирантов: Учеб. для адъюнктов вузов МВД России / А.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, Х.С. Гуцериев, И.И. Кальной. 2-е изд., стереотип. - СПб.: Лань, 2001. 510 с.
8. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1986. 590 с.
9. Мокина Л.С. Зарубежные модели цифровизации экономики и возможность их применения в российской практике // Альманах "Крым". 2025. № 47. С. 71-75.

Adjuncts of Universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A.P. Salnikov, Yu. A. Sandulov, Kh. S. Gutseriev, I.I. Kalnoy. 2nd ed., stereotype. - St. Petersburg: Lan, 2001. 510 p.

8. Philosophical Dictionary / Ed. I.T. Frolov. - 5th ed. - Moscow: Politizdat, 1986. 590 p.
9. Mokina L.S. Foreign models of economic digitalization and the possibility of their application in Russian practice // Almanac "Crimea". 2025. № 47. P. 71-75.

References

1. Abanovich A.S. Flute School of the Moscow Conservatory in the 20th Century: V. Tsybin, N. Platonov, A. Korneev: Dissertation for the academic degree of Candidate of Arts: 17.00.02 / Abanovich Anton Sergeevich; [Place of defense: Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky]. - Moscow, 2013. 252 p.
2. Borisova E.N., Makhra A.I. Development of Flute Performance in Russia and Abroad: Historical and Pedagogical Aspect // World of Science, Culture and Education. 2015. № 3 (52). P. 28-30.
3. Buchilo N.F., Isaev I.A. History and Philosophy of Science: Study Guide / N.F. Buchilo, I.A. Isaev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State University. Law Academy. - Moscow: Prospect, 2010. 427 p.
4. Gatiatullina E.R. Basic Philosophical Categories / E.R. Gatiatullina. Text: direct // Young scientist. 2011. № 1 (24). P. 117-118.
5. Drach G.V. The Beginning of Philosophy: Understanding the Problem in the Works of V.V. Sokolov // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2009. № 44 (2). P. 193-202.
6. Kuznetsov V.N., Meerovsky B.V., Gryaznoe A.F. Western European Philosophy of the 18th Century: Textbook for Students of the Philosophical Faculties of the University. - Moscow: Higher School, 1986. 400 p.
7. Philosophy for Postgraduates: A Textbook for

Лин Сяо

Аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0003-0892-9906

Театр и травма: проблема этических границ репрезентации*

Аннотация. *Обоснование.* Современный театр всё чаще обращается к травматическому опыту – войнам, насилию, катастрофам, коллективной памяти и личным травмам. Однако репрезентация травмы в сценическом искусстве неизбежно связана с этическими ограничениями, поскольку возникает риск эстетизации страдания, вторичной травматизации и превращения боли в объект зрелища. *Цель.* Выявить специфику этических границ репрезентации травмы в театре и определить основные противоречия, возникающие между художественной выразительностью и этической ответственностью. *Материалы и методы.* Методологическую основу исследования составили теория травмы, теория перформанса, исследования культурной памяти и философские концепции репрезентации. *Использованы* культурологический, семиотический, герменевтический и структурный методы анализа. *Результаты.* Установлено, что репрезентация травмы в театре связана с рядом этических рисков: эстетизацией насилия, превращением травмы в зрелище, нарушением дистанции между переживанием и наблюдением, а также проблемой допустимости воспроизведения предельного опыта. Показано, что этические границы определяются не тематикой спектакля как таковой, а способом организации сценического высказывания, характером зрительского вовлечения и степенью рефлексивности художественной формы.

Ключевые слова: травма, театр, репрезентация, этика, культурная память, перформанс, насилие, свидетельство.

Ling Xiao

Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0003-0892-9906

Theater and trauma: the problem of ethical boundaries of representation

Abstract. *Background.* Contemporary theatre increasingly addresses traumatic experiences such as war, violence, catastrophe, collective memory, and personal trauma. However, the representation of trauma in theatre inevitably raises ethical concerns related to the aestheticization of suffering, secondary traumatization, and the transformation of pain into spectacle. *Purpose.* To identify the specificity of ethical boundaries in the representation of trauma in theatre and to determine the key contradictions between artistic expression and ethical responsibility. *Materials and methods.* The study is based on trauma theory, performance theory, memory studies, and philosophical concepts of representation. Cultural, semiotic, hermeneutic, and structural methods are applied. *Results.* The research demonstrates that theatrical representation of trauma involves several ethical risks, including the aestheticization of violence, the spectacle of suffering, the collapse of distance between experience and observation, and the problem of representing extreme experience. Ethical boundaries depend not on the topic itself, but on the organization of theatrical form, the type of audience involvement, and the degree of reflexivity within the performance.

Key words: trauma, theatre, representation, ethics, cultural memory, performance, violence, testimony.

* © Лин Сяо, 2026.

Театр и травма: проблема этических границ репрезентации

Введение

Современная культура демонстрирует устойчивый интерес к травматическому опыту как к одной из ключевых форм осмысления исторической и личной памяти [1; 3; 7]. В литературе, кино и театре всё чаще появляются произведения, обращающиеся к войнам, катастрофам, политическому насилию, репрессиям и индивидуальным психологическим травмам. При этом репрезентация травмы оказывается не только художественной, но и этической проблемой, поскольку затрагивает вопрос допустимости изображения страдания и пределов его эстетизации.

В исследованиях К. Карут травма определяется как опыт, который не может быть полностью интегрирован в структуру памяти и потому возвращается в форме повторяющихся следов [13]. Подобное понимание делает проблему репрезентации принципиально противоречивой: травматический опыт требует выражения, но одновременно сопротивляется ему. В результате любое художественное обращение к травме оказывается связано с риском искажения, упрощения или превращения боли в объект эстетического потребления.

Особую значимость эта проблема приобретает в театральном искусстве. Театр отличается от медиатизированных искусств прежде всего тем, что строится на живой встрече актёра и зрителя. Театр устроен иначе, чем медиатизированные формы искусства: актёр и зритель оказываются включены в одно общее пространство переживания. Из-за этого происходящее на сцене воспринимается не только как художественная конструкция, но и как событие, разворачивающееся в моменте, в присутствии зрителя [22; 23]. Когда предметом театрального высказывания становится травма, значение такого эф-

фекта присутствия резко возрастает. Зритель в данном случае сталкивается не просто с информацией о чужом опыте, а с эмоционально переживаемой ситуацией. Поэтому вопрос об этических ограничениях репрезентации оказывается внутренней частью самой театральной формы, а не внешним требованием по отношению к ней.

Наиболее уязвимым здесь становится соотношение художественной выразительности и ответственности перед изображаемым опытом. Театр по своей природе стремится к интенсивному воздействию: он работает с вниманием зрителя, его эмоциональной реакцией, ощущением напряжения и вовлечённости. Однако при обращении к насилию и страданию сама эта логика воздействия становится проблематичной. Чем сильнее спектакль опирается на шок, эмоциональное давление или визуальную демонстративность, тем выше риск того, что травма начнёт восприниматься прежде всего как впечатляющее зрелище, а не как опыт, требующий осмысления [16; 17]. Поэтому важно понять, где заканчивается необходимая художественная репрезентация и начинается эксплуатация чужого страдания.

В исследованиях травмы эта проблема рассматривается прежде всего через понятие свидетельства. Для trauma studies принципиально важно, что травматический опыт невозможно передать полностью: между событием и рассказом о нём всегда остаётся разрыв [12; 13; 16]. С. Фельман и Д. Лауб показывают, что свидетельство не является простым пересказом пережитого, поскольку само переживание часто сопротивляется ясной артикуляции [16]. Исследования культурной памяти, в свою очередь, рассматривают травму уже в коллективном измерении – как опыт,

который символически оформляется обществом и участвует в формировании идентичности [2; 3; 15; 24].

Для анализа театра важны и работы по теории перформанса. Р. Шехнер понимает театр как пространство действия, повторения и заново проживаемого опыта [22; 23]. В. Тёрнер связывает перформативные практики с кризисными и переходными состояниями, где привычный порядок нарушается и возникает возможность трансформации [25; 26]. Однако, несмотря на разработанность тем памяти, телесности и свидетельств, этическая сторона сценической репрезентации травмы всё ещё требует более подробного анализа. В современной театральной практике это особенно заметно. Спектакли о травматических событиях часто используют документальные материалы, телесную экспрессию, сильное эмоциональное напряжение и эффект непосредственного присутствия. Подобные сценические средства действительно делают театральное высказывание более сильным и эмоционально убедительным. Но одновременно именно они усложняют этическую сторону репрезентации травмы. В какой-то момент дистанция между попыткой осмыслить насилие и его повторным предъявлением зрителю может оказаться почти незаметной. Тогда спектакль начинает не столько анализировать травматический опыт, сколько воспроизводить его эффект.

Поэтому проблема этических границ в репрезентации травмы требует отдельного рассмотрения. Несмотря на большое количество работ, посвящённых trauma studies и театру, механизмы этической организации сценического высказывания по-прежнему изучены не в полной мере. Чаще внимание сосредоточено либо на самой травме, либо на способах её художественного

изображения, тогда как вопрос о допустимых пределах такого изображения остаётся менее разработанным.

Объектом данного исследования выступает репрезентация травмы в театральном искусстве. Предмет исследования связан с этическими границами сценического изображения травматического опыта и условиями, при которых театральное высказывание сохраняет этическую ответственность.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить специфику этических ограничений репрезентации травмы в театре и выявить факторы, от которых зависит формирование этих границ.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования выстраивается как междисциплинарная. В работе используются положения теории травмы, исследований культурной памяти, теории перформанса, а также философские подходы к проблеме репрезентации.

Первая группа источников включает исследования trauma studies. Работы К. Карут имеют ключевое значение для понимания травмы как опыта, сопротивляющегося символизации [12; 13]. Исследования С. Фельман и Д. Лауба позволяют рассматривать проблему свидетельства и невозможности полного воспроизведения травматического опыта [16]. Концепция культурной травмы Дж. Александера и Н. Смелзера акцентирует внимание на коллективных механизмах репрезентации и символизации [2; 24].

Вторая группа источников связана с исследованиями театра и перформанса. Р. Шехнер рассматривает перформанс как форму повторяемого действия, в рамках которого осуществляется воспроизводство и переработка опыта [22; 23]. В. Тёрнер анализирует лиминальные состояния и кризисные формы

коллективного переживания [25; 26]. Данные подходы позволяют интерпретировать театр как пространство не только изображения, но и повторного переживания травмы.

Третья группа материалов включает исследования культурной памяти и этики репрезентации. Работы А. Ассман посвящены механизмам мемориальной культуры и проблемам коллективного воспоминания [3; 4]. Исследования М. Хирш позволяют рассматривать пост-память как форму передачи травматического опыта следующим поколениям [17].

В исследовании используются культурологический, герменевтический, семиотический и структурный методы анализа. Культурологический подход позволяет рассматривать травму как элемент культурной памяти и коллективной идентичности. Герменевтический анализ направлен на интерпретацию механизмов художественного высказывания и способов формирования смысла. Семиотический анализ в данном исследовании нужен для того, чтобы рассмотреть сцену как систему знаков. В этом случае значение имеют не только слова, но и жест, пауза, положение тела, звук, дистанция между актёрами, организация пространства. Структурный анализ помогает понять, как эти элементы соединяются между собой и за счёт чего травматический опыт получает сценическую форму.

Результаты и обсуждение

Репрезентация травмы и проблема допустимости изображения

Когда театр обращается к травме, почти сразу возникает вопрос: можно ли вообще изображать предельный опыт? Война, массовое насилие, катастрофа, смерть – это не просто тяжёлые темы для спектакля. Это события, которые плохо поддаются художественному вос-

произведению, потому что любое изображение неизбежно что-то отбирает, упрощает, переводит в форму. Именно здесь появляется главный риск: травма может утратить свою сложность и превратиться в эффектный сценический образ. В trauma studies не раз подчёркивалось, что травма сопротивляется прямому изображению [12; 13]. Её нельзя представить как цельную и завершённую историю, которую можно спокойно пересказать от начала до конца. Травма чаще обнаруживает себя не как связный рассказ, а через разрозненные следы: обрывки памяти, навязчивые повторы, паузы, сбои, нарушение привычной последовательности событий. Поэтому театр оказывается в непростой ситуации. С одной стороны, сценическое искусство нуждается в композиции, выразительности, внутренней логике формы. С другой – сама травма сопротивляется такой упорядоченности. В результате между сценической организацией материала и природой травматического опыта возникает заметное напряжение.

При обращении к коллективным историческим травмам эта проблема становится ещё сложнее. Здесь театр говорит уже не только о частной боли, но и о культурной памяти. Сценическое изображение насилия может выполнять важную мемориальную работу: возвращать внимание к трудным страницам прошлого, удерживать в общественном сознании вытесненные события, создавать пространство для разговора о них [3; 15]. Но у этой функции есть и обратная сторона. Историческая травма может постепенно превратиться в узнаваемый культурный знак – тему, образ, устойчивый набор символов, которые зритель воспринимает уже не как болезненный разрыв, а как привычную часть художественного языка. Этическая сложность заключается именно в

этой двойственности. Театр способен поддерживать память о травме, но он же может непреднамеренно смягчить её, подчинить законам красивой композиции, сильного образа или эмоционального эффекта. Чем убедительнее и зрелищнее организовано страдание на сцене, тем выше риск, что зритель будет реагировать прежде всего на форму, а не на саму травму и её смысл.

Эстетизация страдания

Эстетизация страдания – одна из самых уязвимых точек в разговоре о театре и травме. Театр не может существовать без художественной организации материала: он выстраивает ритм, композицию, визуальный ряд, эмоциональную динамику. Но когда предметом становится травматический опыт, эти обычные для искусства средства начинают работать неоднозначно. Они могут помочь зрителю приблизиться к пониманию боли, а могут, наоборот, превратить эту боль в эстетически привлекательный объект.

Эстетизация травмы проявляется не только в прямом изображении насилия. Она может возникать через чрезмерно эффектную телесность, через постоянное нагнетание эмоций, через шоковые образы, через стремление сделать страдание максимально выразительным. В таких случаях боль начинает выполнять функцию сценического приёма. Она воздействует, потрясает, удерживает внимание, но не всегда ведёт к осмыслению. Семиотический анализ показывает, что театральная форма способна смещать внимание с содержания на эффект присутствия. В результате зритель оказывается вовлечён не в процесс рефлексии, а в эмоциональное потребление интенсивного опыта. Подобный механизм особенно характерен для спектаклей, ориентированных на предельную аффективность.

В исследованиях культурной памяти

подчёркивается, что эстетизация травмы способна привести к её символическому «обезвреживанию» [3; 4]. Травматическое событие перестаёт восприниматься как исторический разрыв и превращается в культурный образ, включённый в систему зрелищной репрезентации.

Так проблема эстетизации связана не с самим фактом художественного обращения к травме, а с характером сценической организации материала и способом вовлечения зрителя.

Свидетельство и ответственность

Одним из ключевых понятий *trauma studies* является свидетельство. Репрезентация травмы рассматривается не только как художественное изображение, но и как форма свидетельства о предельном опыте [16]. Однако в театре данная проблема приобретает особую сложность, поскольку свидетельство здесь всегда опосредовано сценической формой.

С. Фельман и Д. Лауб подчёркивают, что свидетельство невозможно свести к простому воспроизведению события [16]. Свидетельство никогда не совпадает с самим переживанием полностью. Между событием и рассказом о нём всегда остаётся дистанция, разрыв, то, что невозможно передать до конца. В театре эта проблема становится особенно заметной, потому что травматический опыт на сцене почти всегда произносится чужим голосом. Актёр работает с историей, которую не проживал сам, но должен сделать её убедительной для зрителя – не только понятной, но и эмоционально ощутимой. Зритель при этом тоже оказывается включён в ситуацию: он воспринимает интонацию, телесное напряжение, паузы, эмоциональные реакции. Поэтому вопрос об ответственности театра возникает здесь почти неизбежно. Где заканчивается попытка сохранить память о травме и

начинается использование чужой боли как художественного материала?

Проблема заключается не в самом обращении к травматическому опыту, а в способе его сценического воплощения. Театр может говорить о травме осторожно – когда сохраняет дистанцию между художественной формой и реальным страданием, не пытается выдать сцену за прямое воспроизведение чужого опыта и оставляет пространство для размышления. Но возможна и другая ситуация. Если спектакль стремится прежде всего к сильному эмоциональному воздействию, травма постепенно начинает работать как средство впечатления. Тогда внимание зрителя концентрируется уже не на осмыслении опыта, а на интенсивности переживаемого эффекта.

Зритель и проблема вовлечения

Особую роль в репрезентации травмы играет зрительское восприятие. Театр предполагает не только наблюдение со стороны, но и эмоциональное участие. Зритель реагирует на происходящее телесно и эмоционально, поэтому оказывается включён в сценическую ситуацию гораздо сильнее, чем при дистанционном восприятии изображения или текста. Травма в театре существует не только на сцене – она проявляется и в реакции аудитории.

В последние годы всё более распространёнными становятся документальные и иммерсивные формы театра, ориентированные на максимальное вовлечение зрителя. Однако именно здесь особенно остро проявляются этические сложности. Когда дистанция между зрителем и сценическим насилием почти исчезает, эмоциональное воздействие может оказаться слишком сильным. В таком случае возникает риск вторичной травматизации или подмены рефлексии шоковым переживанием.

С точки зрения теории перфор-

манса зритель не является пассивным наблюдателем [22; 23]. Он участвует в формировании смысла и в эмоциональной динамике происходящего. Поэтому проблема этических границ связана не только с тем, что именно изображается на сцене, но и с тем, каким образом организовано участие аудитории.

Особенно проблематичной становится ситуация, при которой чужое страдание начинает восприниматься как источник интенсивного эмоционального опыта. Тогда травма превращается в объект потребления, а сам театр – в пространство производства сильных аффектов. Однако полностью исключить эмоциональную вовлечённость тоже невозможно. Театр основан на совместном присутствии и всегда предполагает эмоциональное воздействие. Поэтому ключевым оказывается не сам факт вовлечения зрителя, а мера и характер этого вовлечения.

Этические границы как проблема формы

Проведённый анализ показывает, что вопрос об этических границах репрезентации травмы связан не столько с выбором темы, сколько со способом построения сценической формы. Один и тот же материал может быть представлен как пространство осмысления травматического опыта или, напротив, как эстетически организованное зрелище.

Этическая репрезентация травмы предполагает сохранение дистанции между художественным высказыванием и реальным страданием. Это не означает отказа от эмоционального воздействия, но требует осознания границ художественной формы.

Театр способен работать с травмой как с опытом, сопротивляющимся прямому изображению. В этом случае важнейшее значение приобретают не демонстрация насилия, а разрыв, пауза,

Ключевое значение приобретают следующие факторы:

Элемент	Этический риск
Визуализация насилия	Эстетизация страдания
Аффективная перегрузка	Утрата критической дистанции
Иммерсивность	Вторичная травматизация
Документальность	Присвоение чужого опыта
Гиперреализм	Превращение травмы в зрелище

фрагментарность, недосказанность и ограничение визуализации.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить специфику этических границ репрезентации травмы в театральном искусстве и определить основные противоречия, возникающие между художественной выразительностью и этической ответственностью.

1. Установлено, что травматический опыт структурно сопротивляется прямой репрезентации, поскольку связан с разрывом в памяти и невозможностью полной символизации [12; 13]. Это делает любое художественное обращение к травме потенциально проблематичным.

2. Показано, что театр обладает особыми возможностями работы с травмой благодаря эффекту присутствия, телесности и коллективного переживания [22; 23]. Вместе с тем именно данные особенности усиливают этические риски сценической репрезентации.

3. Выявлены основные этические проблемы театрального изображения травмы: эстетизация страдания, превращение насилия в зрелище, вторичная травматизация зрителя, присвоение чужого опыта и утрата критической дистанции.

4. Доказано, что этические границы определяются не темой спектакля, а способом организации художественной формы. Принципиальное значение имеют характер зрительского вовлечения, степень визуализации насилия и

уровень рефлексивности сценического высказывания.

5. Обосновано, что театр способен работать с травмой этически только при сохранении дистанции между художественной репрезентацией и реальным страданием. В этом контексте особую значимость приобретают фрагментарность, недосказанность, ограничение визуальной демонстративности и отказ от эстетизации насилия.

6. Показано, что проблема репрезентации травмы является не только эстетической, но и культурно-этической. Театр в данном случае выступает не просто художественной формой, а пространством коллективной памяти и общественной рефлексии.

7. Полученные результаты открывают перспективы дальнейших исследований, связанных с анализом зрительского восприятия травмы, сравнением различных театральных стратегий репрезентации и уточнением критериев этической допустимости сценического изображения насилия.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Этическое одобрение

Неприменимо.

Информированное согласие

Неприменимо.

Список литературы

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5 (141). С. 40-67.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. – С. 5-40.
3. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 223 с.
4. Ассман А. Распалась связь времен? – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
6. Емельянова Т.П. Культурная травма: социально-психологические аспекты. – Москва: ИП РАН, 2008. С. 75-85.
7. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 54-70.
8. Понамарева А.М. Теория культурной травмы как исследовательская перспектива // Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 5-19.
9. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты. – Москва: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-41.
10. Шнирельман В.А. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6-29.
11. Boal A. Theatre of the Oppressed. – London: Pluto Press, 1979.
12. Caruth C. Trauma: Explorations in Memory. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014.
13. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
14. Emunah R. Acting for Real: Drama Therapy Process, Technique, and Performance. – New York: Brunner-Routledge, 1994.
15. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
16. Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. – New York: Routledge, 1992.
17. Hirsch M. The Generation of Postmemory. – New York: Columbia University Press, 2012.
18. Jennings S. Introduction to Dramatherapy. – London: Routledge, 1988.
19. Landy R.J. Drama Therapy: Concepts, Theories, and Practices. – Springfield: Charles C. Thomas, 1986.
20. Moreno J.L. Psychodrama. – New York: Beacon House, 1946.
21. Rüsen J. How to Make Sense of the Past // The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. 2007. Vol. 3. № 1. P. 207-212.
22. Schechner R. Performance Theory. – New York: Routledge, 1988.
23. Schechner R. Performance Studies: An Introduction. – London: Routledge, 2002.
24. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31-59.
25. Turner V. From Ritual to Theatre: The Human Seriousness of Play. – New York: Performing Arts Journal Publications, 1982.
26. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. – Chicago: Aldine Publishing, 1969.

References

1. Ayerman R. "Cultural Trauma and Collective Memory": New Literary Review, 2016. № 5 (141). P. 40-67.
2. Alexander J. "Cultural Trauma and Collective Identity": Sociological Journal, 2012. № 3. P. 5-40.
3. Assman A. "New Discontent with Memorial Culture": Moscow: New Literary Review, 2016. 223 p.
4. Assman A. "Has the Connection of Times Broken?": Moscow: New Literary Review, 2017. 267 p.
5. Vasilyuk F.E. "The Psychology of Experience": Moscow: Moscow State University Press, 1984, 200 p.
6. Emelyanova T.P. "Cultural Trauma: Social and Psychological Aspects": Moscow: Moscow State University Press, 1984, 200 p. – Moscow: Institute of Historical Studies of the Russian Academy of Sciences, 2008. P. 75-85.
7. Moroz O., Suverina E. Trauma Studies: History, Representation, Witness // New Literary Review. 2014. № 1. P. 54-70.
8. Ponomareva A.M. Cultural Trauma Theory as a Research Perspective // Social and Humanitarian Sciences. 2015. № 3. P. 5-19.
9. Ushakin S. "Should We Breathe This Pain?" On Trauma, Memory, and Communities // Trauma: Points. – Moscow: New Literary Review, 2009. P. 5-41.
10. Shnirelman V.A. Traumatic Memory: Approaches to Study and Interpretation // Siberian Historical Research. 2021. № 2. P. 6-29.
11. Boal A. Theatre of the Oppressed. – London: Pluto Press, 1979.
12. Caruth C. Trauma: Explorations in Memory. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014.
13. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
14. Emunah R. Acting for Real: Drama Therapy Process, Technique, and Performance. – New York: Brunner-Routledge, 1994.
15. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
16. Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. – New York: Routledge, 1992.
17. Hirsch M. The Generation of Postmemory. – New York: Columbia University Press, 2012.
18. Jennings S. Introduction to Dramatherapy. – London: Routledge, 1988.
19. Landy R.J. Drama Therapy: Concepts, Theories, and Practices. – Springfield: Charles C. Thomas, 1986.
20. Moreno J.L. Psychodrama. – New York: Beacon House, 1946.
21. Rüsen J. How to Make Sense of the Past // The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. 2007. Vol. 3. № 1. P. 207-212.
22. Schechner R. Performance Theory. – New York: Routledge, 1988.
23. Schechner R. Performance Studies: An Introduction. – London: Routledge, 2002.
24. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. – Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31-59.
25. Turner V. From Ritual to Theatre: The Human Seriousness of Play. – New York: Performing Arts Journal Publications, 1982.
26. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. – Chicago: Aldine Publishing, 1969.

Ли Ен Ок*Аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.***Теургия соборности: фрески М. Нестерова в Марфо-Мариинской обители и Н. Рериха в Талашкино в контексте религиозной философии Серебряного века***

Аннотация. Статья анализирует фрески М.В. Нестерова в Покровском соборе Марфо-Мариинской обители и росписи Н.К. Рериха в Храме Святого Духа в Талашкине как теургическое воплощение соборности Серебряного века. На основе религиозно-философских концепций Вл. Соловьёва, Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского раскрывается трансформация иконописного канона, включение «обыкновенных людей» в сакральное пространство, а также символика света и цвета как метафизический код соборного бытия. Делается вывод о том, что росписи Нестерова и Рериха могут быть поняты как теургическое воплощение соборности и художественное выражение духовного единства человека и мира.

Ключевые слова: М.В. Нестеров, Н.К. Рерих, храмовая живопись, Серебряный век, теургия; соборность, русский космизм.

Lee Yeon Ok*Postgraduate student. Saint Petersburg State University.***Theurgy of conciliarity: frescoes by M. Nesterov in the Martha and Mary Convent and N. Roerich in Talashkino in the context of the religious philosophy of the Silver Age**

Abstract. This article analyzes M.V. Nesterov's frescoes in the Intercession Cathedral of the Martha and Mary Convent and N.K. Roerich's murals in the Church of the Holy Spirit in Talashkino as theurgic embodiments of the Silver Age sobornost (catholicity). Drawing on the religious and philosophical concepts of V.I. Solovyov, N.A. Berdyaev, and P.A. Florensky, the article explores the transformation of the iconographic canon, the inclusion of "ordinary people" in sacred space, and the symbolism of light and color as a metaphysical code of sobornost (catholic existence). It concludes that Nesterov and Roerich's murals can be understood as theurgic embodiments of sobornost (catholicity) and artistic expressions of the spiritual unity of man and the world.

Key words: M.V. Nesterov, N.K. Roerich, church painting, Silver Age, theurgy; conciliarity, Russian cosmism.

Введение.

Религиозная живопись рубежа XIX–XX веков явилась уникальной лабораторией философско-эстетических

исканий русского Серебряного века, где искусство трансформировалось из канонической иконографии в теургический акт соборного преображения

* © Ли Ен Ок, 2026.

Теургия соборности: фрески М. Нестерова в Марфо-Мариинской обители и Н. Рериха в Талашкино в контексте религиозной философии Серебряного века

мира. Фрески М.В. Нестерова в Покровском соборе Марфо-Мариинской обители милосердия («Путь ко Христу», «Христос у Марфы и Марии», «Воскресение») и роспись Н.К. Рериха «Царица Небесная над рекой жизни» в Храме Святого Духа усадьбы Талашкино радикально расширили иконописный канон, воплощая идеи В. С. Соловьёва (софийность, всеединство), Н.А. Бердяева (теургия эпохи Духа) и П.А. Флоренского (символика света).

Актуальность исследования обусловлена междисциплинарным характером явления: храмовая живопись символистов интегрирует религиозную философию, цветовую метафизику и народную эстетику в соборный синтез, преодолевающий «тяжесть мира сего». Новизна состоит в комплексном анализе фресок как визуализации философских систем через призму теургической эстетики, общинности (А.А. Блиская-вицкий) и космизма.

Цель – раскрыть фрески Нестерова и Рериха как теургическое воплощение соборности Серебряного века. Задачи: 1) рассмотреть ключевое явление русской культуры в конце XIX – начале XX в.; 2) выявить религиозный характер этих двух художника; 3) реконструировать философскую основу (Вл. Соловьёв, Н. Бердяев, П. Флоренский); 4) интерпретировать роспи М. Нестерова и Н. Рериха как метафизический код.

Методологическая основа – концепция П.А. Флоренского о стиле как «едином художественном сознании эпохи» (по Ю.А. Олсуфьеву): «стиль как результат накопления однородных художественных восприятий определённой эпохи; ... в согласии стиля и содержания лежит залог истинной художественности». Применяются литературоведческий анализ, социокультурный подход и иконографическое

исследование. Объектом являются росписи «Путь ко Христу», «Христос у Марфы и Марии», «Воскресение» (М.В. Нестеров) и «Царица Небесная над рекой жизни» (Н.К. Рерих).

– Русский религиозный ренессанс и художник М. Нестерова и Н. Рериха.

В конце XIX – начале XX в. двумя ключевыми явлениями русской культуры выступали русская религиозная философия и русское изобразительное и прикладное искусство и архитектура. Религиозное искусство этого периода представляло собой феномен, тесно связанный с русской религиозной мыслью: философы, такие как Павел Флоренский (1882-1937), Владимир Соловьёв (1853-1900), Сергей Булгаков (1871-1944) и Николай Бердяев (1874-1948), проявляли глубокий интерес к древнерусским и храмовым зодчества в русском стиле, а также к исследованиям в области искусства и архитектуры. В свою очередь, религиозные художники активно взаимодействовали с работами этих философов и общались с ними. Такое взаимовлияние свидетельствует о том, что тенденции, фрагментарно проявившиеся ранее в славянофильстве и архитектуре «русского стиля», к концу XIX в. эволюционировали в универсальное и систематическое художественное движение, основанное на православном мирозерцании. Таким образом, русский религиозный ренессанс предстаёт не просто продукт философского мышления, но как новый художественно-духовный горизонт, в котором искусство и архитектура воплощают религиозные идеи в конкретных формах [1].

Известный русский религиозный философ Серебряного века Е.Н. Трубецкой (1863-1920) в своей работе «Размышления о цвете» писал, что храм выступает не как чисто исторический или

архитектурный феномен, а как символ небесного будущего, к которому человечество ещё не пришло, но к которому уже обращено в своей религиозной и культурной жизни [2, с. 9]. П.А. Флоренский рассматривает в статье «Храмовое действо как синтез искусств», где подчёркивается, что богослужение предполагает единство архитектуры, иконописи, музыки и движений молящихся, превращая храм в живое «теургическое» тело [3, с. 227, с. 229].

В этом контексте художественные проекты «живой церкви», появившиеся в начале XX – например, Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Марфо-Мариинском монастыре в Москве (фрески М.В. Нестерова и работы Иконостас) и Церковь Святого Духа в Талашкино (фрески и мозаики Н.К. Рериха) – дышат конкретной скульптурной формой в идеи П.А. Флоренского. Здесь не только архитектура и фрески, но и свет, дым и движение людей составляют «литургическое зрелище», в рамках которого геометрическая строгость растворяется в ритме и физическом движении.

Как отмечает искусствовед Д.С. Сарбабянов, некоторые работы Нестерова 1900–1910-х годов содержали в себе сложные философско-религиозные программы, близкие к проблематике, волновавшей в это время русских религиозных философов. Эти картины, равно как и церковные росписи художника, демонстрируют его отход от главных тенденций московской художественной школы: к началу XX века московская школа предпочитала непосредственно-живописное, «живописное постижение» мира, избегая сложной философской и религиозной тематики [4, с. 8]. Нестеров, напротив, всё больше фокусируется на программных, иллюстративно-символических образах, которые наглядно раскрывают

определённую идею; именно эта особенность показывает, что в 1900-е годы Нестеров выделяется среди представителей московской школы как самостоятельный, программно-ориентированный художник, чьи интересы глубоко перекликаются с религиозной философией «серебряного века» и русским религиозным ренессансом, что делает его одной из ключевых фигур в переходе от чисто живописных решений к целенаправленно религиозно-философскому образованию художественного пространства [4, с. 23-27].

Г.К. Вагнер оценивает Николая Рериха (1874–1947) как последнего великого художника «Серебряного века» России, полагая, что все творческие достижения художника до его переезда в Индию в 1923 году следует рассматривать как завершающий плод «русского культурного Ренессанса». Особо он подчёркивает, что основой такого заключения служит обращение Рериха к так называемому космическому религиозному опыту – пониманию искусства как формы высочайшего культурно-религиозного сознания, которое он рассматривает как наиболее завершённую форму религиозного созерцания. Размышляя о духовном генезисе творчества Рериха, критик опирается и на биографический факт: сразу после окончания университета художник вступил в тесное интеллектуальное общение с Владимиром Сергеевичем Соловьёвым и Николаем Онуфриевичем Лосским, а также через интуитивизм Куинджи воспринял концепцию «Интеллектуальной интуиции» Лосского [5, с. 172].

Кроме того, существуют археологические свидетельства тесного обмена мнениями между религиозными философами Серебряного века и двумя художниками: Письмо Михаила Васи-

льевича Нестерова к В.В. Розанову от 29 апреля 1913 года является важным историческим источником, наглядно демонстрирующим интенсивную духовную спайку и эксклюзивную связь русской интеллигенции «серебряного века». В нём проявляется жёсткое разделение между «своими» и «чужими» в среде писателей и мыслителей: Нестеров вместе с Розановым резко критикует таких фигур, как П.Д. Боборыкин, Д.В. Filosofov и Д.С. Мережковский, трактуя их как носителей поверхностного либерализма и «пустой оболочки» интеллектуальной игры. В этом же письме проявляется особая, почти святой статус работы над росписями храма Покрова Пресвятой Богородицы в Марфо-Мариинской обители, которую Нестеров рассматривал как одну из высших вершин своего творческого пути. М. Нестеров просит Розанова выбрать одну из фотографий с фресок «на память», тем самым трактуя его работу не как простое выставочное изделие, а как личную реликвию и духовное наследие [6, с. 250].; это обращение выступает в качестве важного свидетельства их дружеской и интеллектуальной близости, подчёркивающей глубину доверительных отношений между художником и религиозным философом. Храм, построенный совместно с архитектором А. Н. Щусевым, воплощал в себе мечту «Серебряного века» о полном синтезе искусства и религии, о «живом храме», который не только служит местом богослужения, но и становится пространством для художественного и духовного самоопределения.

В письме к В.В. Розанову (4 декабря 1913 г.) после завершения росписей Марфо-Мариинской обители Нестеров признаёт: «Если я в малой доле способствовал тому, чтобы дать Вам повод к прекрасной мечте о желанном худож-

нике, то я буду счастлив» [6, с. 255]. Эта рефлексия иллюстрирует бердяевскую теургию как прорыв к «иному бытию»: преодоление «тяжести мира сего» через воплощение «души великого народа-страдальца», где софийность Соловьёва становится соборным богодействием в фресках «Путь ко Христу».

В.В. Розанов в статье «М.В. Нестеров» пишет: Нестеров не иконописец. Не его дело писать «Бога», а только «как человек прибегает к Богу» [7, с. 163].

В контексте анализа следует отметить ключевые философские идеи Серебряного века России, определившие творчество художников вроде Михаила Нестерова и Николая Рериха.

Эстетика русского символизма и софийность обосновывают теургическую традицию Серебряного века как преемственность Вл. Соловьёвской философии всеединства. А.А. Блискицкий демонстрирует, что русский символизм – не эпигонство Запада, а синтез романтизма (Шеллинг) и Соловьёвского всеединства, где художник воплощает «душу народа» через общинность, переосмысливая софиологию, теургию, соборность [8, с. 31].

Н.А. Шлемова раскрывает софийность Соловьёва как системный принцип, связующий всеединство–соборность–Богочеловечество, порождающий школы (Всеединство, русский космизм и евразийство), что легло в онтологию символизма как теургического преображения реальности [9, с. 16].

Н. Бердяев определяет теургическую эстетику как прорыв к иному бытию. Он видит художественный акт как победу над «тяжестью мира сего» – онтологическое (а не психологическое) преображение уродливого в космос красоты. Теургия преодолевает трагизм творчества как богодейство, снимающее дихотомию субъект–объект; сим-

волизм выступает мостом к новому бытию, а императив «творить красоту везде» инициирует эпоху Духа [10, с. 277-278].

В свете по концепции Н.А. Бердяева, храмовые фрески М.В. Нестерова и Н.К. Рериха можно рассматривать как наглядное воплощение теургической эстетики как прорыв к иному бытию. Их искусство преодолевает «тяжесть мира сего», одухотворяя литургическое пространство соборной софийной красотой – онтологическим преобразованием хаоса в космос богодействия.

Символизм образов (София, святыне) выступает мостом за пределы привычной культурной реальности, частично снимая трагизм творчества: задача теургии реализуется не в застывших формах, а в живом преображении мира. Работы М. Нестерова и Н. Рериха воплощают бердяевский императив «творить красоту везде», инициируя эпоху Духа через эстетику всеединства.

– Фрески М.В. Нестерова и Н.К. Рерих: теургия соборной общинности и космическое измерение соборности.

Обращаемся к работе фреска. В интерьерах Покровского собора Нестеров воплотил четыре основные монументальные композиции: «Путь ко Христу» в трансепте (средокрестии), «Христос у Марфы и Марии» в трапезной перед алтарём, «Воскресение» справа от алтаря и «Покров Богоматери» непосредственно перед алтарём.

Фреска «Путь ко Христу» (1911) радикально трансформирует каноны православной иконописи XIX в., допустив изображение «обыкновенных русских людей» – простолюдинов, ищущих спасения, вместо исключительных святых и житийных персонажей.

В контексте теургии Н. Бердяева (гл. X «Смысл творчества») это выступает прорывом к иному бытию: пре-

одоление «тяжести мира сего» через императив «творить красоту везде», где народная толпа в весеннем пейзаже символизирует соборное преобразование хаоса в космос.

По Блискавицкому, Нестеров воплощает «душу народа» в общинности, переосмысливая соловьёвскую софиологию и соборность как мифотворчество всеединства. И по Шлемове, Софийность Соловьёва как основу, где фреска частично разрешает бердяевский трагизм: символизм «детей страшных лет России» (А. Блок) – живой мост к Богочеловечеству, а не застывшая иконография.

Колористический строй данной стенописи можно сопоставить с рассуждениями П. Флоренского о символике цветов. В своей книге «Небесные знамения» философ рассматривает связь физических явлений цвета с метафизическими аспектами бытия. Цвет рассматривается не просто как физическое явление, а как метафизический образ, присущий ему и освещаемый им. Флоренский призывает нас «открыть свой внутренний взор», «поднять свои духовные глаза к небесам» и «с помощью интеллектуального взгляда» воспринять трансцендентный свет, проявляющийся в земных цветовых выражениях [11, с. 414-419].

В конце февраля 1908 г. Нестеров отправился в Италию по сути, были посвящены работе для Марфо-Мариинской обители: на этот раз художник черпал вдохновение преимущественно у солнца и моря. Неумоимо работая, Нестеров запечатлел море, горы, дали и старинные церковки; эти этюды и поныне пленяют свежей свободой и южной теплотой красок – голубой, синей, лиловой, опаловыми тонами в лёгкой золотой оправе. Именно эта иссиня-лиловая гамма определила колорит всей

марфо-мариинской росписи, особенно боковых композиций «Христос у Марфы и Марии» и «Воскресение».

Как писал С.Н. Дурыйлин в книге: итальянский дворик с цветущим миндальным деревом, камнем, на котором сидит Христос, беседующий с мироносицами, лужайка с пёстрыми цветами, серая стена древнего здания на тёмном фоне, где ярко выделяются белое одеяние Христа, бледно-синяя одежда Марии и розовато-белый цвет миндаля, – всё это напрямую перешло на стены московского храма. Стенопись «Христа у Марфы и Марии» могла бы стать станковой картиной под названием «Весна» или «Весенняя беседа» [12, с. 210].

Творчество М.В. Нестерова, в особенности росписи «Воскресение» и «Христос у Марфы и Марии», можно рассмотреть как визуализацию философской системы П.А. Флоренского о символике света и цвета, где свет обозначает трансцендентное бытие, а цвет – его осязаемое, материальное проявление.

Аналогия между ними проявляется в том, что и у Флоренского, и у Нестерова свет и цвет не делятся на чисто физический и чисто метафизический уровни, а составляют единую непрерывную структуру: свет как неделимая полнота, цвет как её «уплотнённый» и временный след. Нестеров, работая с конкретной гаммой (голубой, лиловый, белый, тёмный фон), визуально реализует идею Флоренского о том, что цвета – это «меньший» свет, а белый свет – сама полнота, несущая в себе все потенции цвета.

Таким образом, если в «Воскресении» Нестеров показывает свет, пробивающийся сквозь тьму могильной камеры, а в «Христос у Марфы и Марии» – белый свет Христа, гармонирующий с синей и лиловой гаммой неба и

земли, то в обоих случаях художник тем самым конкретизирует флоренсковскую мысль о том, что «соотношение начал чувственного полностью соответствует соотношению начал метафизического», и делает символику цвета непосредственным органом религиозного созерцания.

«Царица Небесная на реке жизни» (1911–1914) в Талаккино представляет собой одну из самых значительных работ в которой отражается Идея русского космизма. Маточкин Е.П. приводит ее в качестве примера, отражающего идеи Бердяева, который утверждал, что «взаимное исполнение восточных и западных принципов и прекрасное слияние в единой истине должно привести к более высокой, универсальной религиозной жизни» и что «реинтеграция восточной и западной религиозности должна начинаться не с соглашения между официальными религиозными правительствами, а с взаимных устремлений различных религиозных типов и духовных культур» [13].

Интенсивная декоративность талашкинской росписи, обусловленная взаимодействием чистых тонов на чёрном фоне, обеспечивала центральной фигуре кульминационное цветовое свечение, эквивалентное светосиле боковых окон. Солнечный свет отождествлялся со духовным, передавая молящимся в земной реальности ощущение благодатного присутствия, согревающего душу. Концепт Света, сущностный для Храма Святого Духа, утверждал экзистенцию праведного пути по «реке жизни» к соборному бытию.

Известный поэт-символист М.А. Волошин писал в статье «Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва)»: «Из всех вещей Рериха наиболее заинтересовал меня эскиз запрестольной стенописи для Талашкинской церкви

под именем “Царица Небесная на берегу Реки Жизни”. Пламенные, золотисто-алые, багряные, рдяные сонмы сил небесных, стены зданий, развертывающихся над облаками, среди них Царица Небесная в белом платье, а внизу неяркий земной облачный день и студёные воды будничной реки жизни. Что странно поражает и, быть может, привлекает в этой композиции, это то, что, хотя все элементы в ней, по-видимому, византийские, она носит чисто буддийский, тибетский характер. Белая ли одежда Богоматери среди пурпурных сонмов или теснота сил небесных над тусклым простором земли дают это впечатление, но в этой иконе почувствовано нечто очень древнее и восточное» [14, с. 272].

Вывод

В итоге проведённый анализ позволяет рассматривать фрески М.В. Нестерова в Марфо-Мариинской обители и роспись Н. К. Рериха в Талашкине как специфическую форму теургии соборности, в которой художественный образ становится не иллюстрацией догмата, а пространством живого богодействия. Через трансформацию иконописного канона, включение «обыкновенных людей» в священное пространство и переосмысление светово-цветовой символики художники фактически визуализируют ключевые интуиции религиозной философии Серебряного века – софийность всеединства, соборность и прорыв к «иному бытию» эпохи Духа.

Опираясь на идеи Вл. Соловьёва, Н. Бердяева и П. Флоренского, Нестеров и Рерих создают цельные литургические миры, где архитектура, живопись, свет и движение молящихся сливаются в единый синтетический организм «живого храма». В этом организме цвет перестаёт быть лишь де-

коративным приёмом и выступает метафизическим кодом, через который раскрывается соотношение чувственного и сверхчувственного, временного и вечного, земного и небесного. Теургическая эстетика здесь проявляется как онтологическое преобразование хаоса в космос красоты, где соборное «мы» верующих включается в динамику Богочеловечества.

Фреска «Путь ко Христу» и связанные с ней композиции Марфо-Мариинской обители демонстрируют, как «дети страшных лет России» входят в пространство иконописного повествования, превращая трагизм истории в опыт соборного упования и надежды. Роспись «Царица Небесная над рекой жизни» в Талашкине, в свою очередь, разворачивает космическое измерение русского символизма, соединяя византийско-православную традицию с мотивами восточной духовности и русским космизмом. Тем самым реализуется бердяевский идеал взаимного исполнения Востока и Запада в перспективе универсальной, надконфессиональной религиозности, где искусство предстает высшей формой духовного созерцания.

Таким образом, теургия соборности в росписях Нестерова и Рериха проявляется как кульминация русского религиозного ренессанса рубежа XIX–XX веков, в котором храмовая живопись становится лабораторией метафизического опыта и соборного самоопределения культуры. Эти произведения фиксируют переход от «чистой живописи» к религиозно-философскому моделированию пространства, где символизм образов, свет и цвет, литургическое действие и общинность верующих сливаются в единую, теургически заряженную икономию красоты. В этом смысле фрески Марфо-Мариинской обители и Талашкина могут быть

поняты как визуальные «иконы всеединства», где соборное искусство не только отражает мир, но и действенно участвует в его духовно-космическом преображении.

Список литературы

1. Исаева В.М. Русская религиозная философия и религиозное искусство конца XIX – начала XX века // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. 2003. № 6. // URL: <https://web.archive.org/web/20070907100905/http://virlib.eunnet.net/sofia/06-2003/text/0606.html> (Дата обращения: 24.01.2026)
2. Трубецкой Е.Н. Размышления о цвете / вступ. ст. В.В. Быкова. – М.: Советский художник, 1990. 238 с.
3. Флоренский П.А. Вопросы религиозного самопознания: фрагменты. – М.: АСТ, 2004. 235 с.
4. Сарабянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: АСТ-Пресс, 2001. 301 с.
5. Вагнер Г.К. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников, середина XIX – нач. XX в. – М.: РИП-холдинг, 2014. 189 с.
6. Нестеров М.В. Письма. Избранное / вступ. ст., сост., коммент. А.А. Русаковой. – Л.: Искусство, 1988. 536 с.
7. Розанов В.В. М.В. Нестеров // Розанов В.В. Среди художников. – СПб., 1914. С. 189.
8. Блискавицкий А.А. Философско-эстетические основы русского символизма // Вестник славянских культур. 2011. № 2 (19). С. 31-43.
9. Шлемова Н.А. Софийность философии Владимира Соловьёва // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2011. № 6. С. 31-43.
10. Бердяев Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2018. 416 с.
11. Флоренский П.А. Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1996. 877 с.
12. Дурюлин С.Н. Нестеров в жизни и творчестве. – М.: Молодая гвардия, 1965. 528 с.
13. Маточкин Е.П. Н.К. Рерих и русский космизм // Сборник материалов научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Н.К. Рериха. – Нижний Новгород: НГХМ, 1994. 120 с. // URL: <https://gallery.facets.ru/show.php?id=2018> (Дата обращения: 05.05.2026).
14. Талашкино: сборник документов / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Л.С. Журавлева. – Смоленск: Посох, 1995. 543 с.
15. Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С. Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий // Культура Мира. 2025. Т. 14. № 85 (4). С. 103-109.

References

1. Isaeva V.M. Russian Religious Philosophy and Religious Art of the Late 19th – Early 20th Centuries // Sofia: Handwritten Journal of the Society of Zealots of Russian Philosophy. 2003. № 6. // URL: <https://web.archive.org/web/20070907100905/http://virlib.eunnet.net/sofia/06-2003/text/0606.html> (24.01.2026)
2. Trubetskoy E.N. Reflections on Color / Intro-

duction by V.V. Bykov. – Moscow: Sovetsky Khudozhnik, 1990. 238 p.

3. Florensky P.A. Questions of Religious Self-Knowledge: Fragments. – Moscow: AST, 2004. 235 p.
4. Sarab'yanov D.V. History of Russian Art of the Late 19th – Early 20th Centuries. – Moscow: AST-Press, 2001. 301 p.
5. Wagner G.K. In Search of Truth. Religious and Philosophical Quests of Russian Artists, Mid-19th – Early 20th Century. – Moscow: RIP-holding, 2014. 189 p.
6. Nesterov M.V. Letters. Selected Works / Introduction, compiled and commented by A.A. Rusakova. – Leningrad: Art, 1988. 536 p.
7. Rozanov V.V. M.V. Nesterov // Rozanov, V.V. Among Artists. – St. Petersburg, 1914. P. 189.
8. Bliskavitsky A.A. Philosophical and Aesthetic Foundations of Russian Symbolism // Bulletin of Slavic Cultures. 2011. № 2 (19). Pp. Shlemova, N.A. "The Sophia of Vladimir Solovyov's Philosophy" // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2011. № 6. P. 31-43.
9. Berdyaev N.A. "The Meaning of Creativity" / N.A. Berdyaev. Moscow: AST, 2018. 416 p.
10. Florensky P.A. "Collected Works". Vol. 2. Moscow, 1996. 877 p.
11. Durylin S.N. "Nesterov in Life and Work". Moscow: Molodaya Gvardiya, 1965. 528 p.
12. Matochkin E.P. "N.K. Roerich and Russian Cosmism" // Collection of materials from a scientific conference dedicated to the 120th anniversary of N.K. Roerich's birth. – Nizhny Novgorod: NGKhM, 1994. 120 p. // URL: <https://gallery.facets.ru/show.php?id=2018> (05.05.2026).
13. Talashkino: collection of documents / compiled, author's introduction and notes by L.S. Zhuravleva. – Smolensk: Posokh, 1995. 543 p.
14. Ivanov V.V., Kardasheskii Y.M., Akimova V.S. Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions // Cultural World. 2025. Vol. 14. № 85 (4). P. 103-109.

Михайлов А.С.*Аспирант 3 курса. Костромской государственный университет, Кострома.***Трансформация культурного кода «рыцарство» как источник искусственной мифологии в медиафраншизе Warhammer 40 000***

Аннотация. В статье анализируется трансформация братско-орденской модели культурного кода «рыцарство» в медиафраншизе Warhammer 40 000 на материале ранних романов цикла «Ересь Хоруса»: «Возвышение Хоруса», «Лживые боги» и «Галактика в огне». Рыцарство рассматривается не как историческая реконструкция, а как система устойчивых признаков – избранное воинское братство, клятва, честь, верность, служение лидеру, ритуал принятия, право совета и внутренняя иерархия. На примере Морниваля показано, как эти элементы сохраняют узнаваемую структуру, но меняют функцию внутри искусственной мифологии франшизы. Братство становится механизмом легионной лояльности, клятва – способом включения в военную вертикаль, честь – формой дисциплины и нравственной рефлексии, а служение смещается от абстрактного идеала к личной верности Воителю. Делается вывод, что искусственная мифология Warhammer 40 000 формируется через перекодирование рыцарского культурного кода: традиционные мотивы не исчезают, но начинают работать в логике антиутопической фантастической вселенной, серийного повествования и медиафраншизы.

Ключевые слова: культурный код, рыцарство, Warhammer 40 000, Ересь Хоруса, Морниваль, искусственная мифология, медиафраншиза.

Mikhailov A.S.*Third-year postgraduate student. Kostroma State University, Kostroma.***Transformation of the cultural code “chivalry” as a source of artificial mythology in the Warhammer 40,000 media franchise**

Abstract. The article analyzes the transformation of the fraternal-order model of the cultural code “chivalry” in the Warhammer 40,000 media franchise, based on the early novels of The Horus Heresy cycle: Horus Rising, False Gods, and Galaxy in Flames. Chivalry is considered not as a historical reconstruction, but as a system of stable features: an elected warrior brotherhood, oath, honor, loyalty, service to a leader, initiation ritual, the right to counsel, and internal hierarchy. Through the example of the Mournival, the article shows how these elements retain a recognizable structure while changing their function within the artificial mythology of the franchise. Brotherhood becomes a mechanism of legionary loyalty; the oath becomes a means of incorporation into the military hierarchy; honor becomes a form of discipline and moral reflection; and service shifts from an abstract ideal to personal loyalty to the Warmaster. The article concludes that the artificial mythology of Warhammer 40,000 is formed through the recoding of the chivalric cultural code: traditional motifs do not disappear, but begin to operate within the logic of a dystopian science-fiction universe, serial narrative, and media franchise.

Key words: cultural code, chivalry, Warhammer 40,000, The Horus Heresy, Mournival, artificial mythology, media franchise.

* © Михайлов А.С., 2026.

Трансформация культурного кода «рыцарство» как источник искусственной мифологии в медиафраншизе Warhammer 40 000

В настоящей статье используется рабочее определение культурного кода, сформированное на основе семиотических подходов Ю.М. Лотмана, У. Эко и Р. Барта. В рамках данной традиции культурный код понимается как совокупность устойчивых смысловых структур, образов, символов и правил интерпретации, через которые культура организует восприятие, коммуникацию и модели поведения. В этом смысле культурный код может рассматриваться как своеобразный язык культуры: он задаёт способы производства, передачи и распознавания значений внутри определённого культурного контекста.

У Ю.М. Лотмана в «Семиосфере» культура рассматривается как семиотическое пространство, внутри которого тексты, языки и знаковые системы взаимодействуют и порождают новые значения¹. У. Эко в «Отсутствующей структуре» рассматривает феномены культуры как факты коммуникации, которые становятся понятными в соотношении с кодом; следовательно, код выступает как система, позволяющая связывать знаковую форму и значение². У Р. Барта в «S/Z» код понимается не как закрытый реестр значений, а как пространство цитации: он отсылает к уже прочитанному, увиденному, пережитому и тем самым превращает текст в место пересечения различных культурных голосов³. Поэтому культурный код в данной статье понимается одновременно как система культурной памяти и как механизм интерпретации, благодаря которому элементы тради-

ции могут воспроизводиться, переосмысливаться и включаться в новые медиальные формы.

В медиафраншизе культурный код сохраняет узнаваемое смысловое ядро, но меняет функцию: его элементы включаются в новую систему связей, сюжетов и медиальных форматов. Поэтому рыцарство в Warhammer 40 000 рассматривается не как историческая реконструкция, а как культурный код, переформируемый внутри франшизной смысловой системы.

Для анализа исходной структуры этого кода важны подходы Д. Бартелеми, М. Кина и Й. Хейзинги. Д. Бартелеми рассматривает рыцарство как результат длительного исторического становления, связанного с воинскими практиками, отношениями службы и зависимости, культурой чести, христианизацией воинского поведения и складыванием аристократической идентичности⁴. М. Кин подчёркивает, что понятие «рыцарство» могло обозначать и тяжеловооружённых всадников, и воинское сословие, и орден, и систему ценностей, связанную с этим сословием. В обобщённом виде он определяет рыцарство как образ жизни, в котором соединяются военный, аристократический и религиозный аспекты⁵. Й. Хейзинга, в свою очередь, раскрывает рыцарство как идеализированную культурную форму, связанную с мечтой о героическом и благородном порядке⁶.

На основании этих подходов культурный код «рыцарство» в настоящей статье понимается как устойчивая си-

1 Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 250-252.

2 Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. – Петрополис, 1998. С. 27-30, 53-56.

3 Барт Р. S/Z / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. – 2-е изд., испр. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. С. 45-46.

4 Бартелеми Д. Рыцарство: от древней Германии до Франции XII в. / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. С. 5-9.

5 Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 8-9.

6 Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. Д. В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. Электрон. изд. Гл. IV–VI, усл. эл. С. 109-154.

стема признаков, через которые в культурных текстах распознаётся рыцарский тип героя и связанный с ним образ воинского служения. В дальнейшем анализе рассматривается не весь состав этого кода, а его братско-орденская модель: избранное воинское сообщество, клятва, верность, честь, служение лидеру, ритуал принятия, право совета и внутренняя иерархия. Такой фокус позволяет проследить конкретный механизм трансформации одного смыслового комплекса.

Материалом анализа выступает медиафраншиза Warhammer 40 000, а именно ранние романы цикла «Ересь Хоруса»: «Возвышение Хоруса» Д. Абнетта, «Лживые боги» Г. Макнилла и «Галактика в огне» Б. Каунтера. Эти романы являются частью литературного сегмента медиафраншизы Warhammer 40 000 и разворачивают один из ключевых мифологических пластов её вымышленной вселенной – историю падения Хоруса и раскола легионов астартес. Поэтому роман не рассматривается как изолированное произведение, отделённое от Warhammer 40 000: он выступает фрагментом более широкой медиафраншизы, где единый вымышленный мир существует через множество текстов, форматов и медиальных воплощений.

Медиафраншиза представляет собой не завершённое единичное произведение, а открытую, расширяемую систему связанных текстов, основанных на едином вымышленном мире, персонажах, сюжетных линиях, символике и правилах внутренней организации⁷. Именно поэтому культурный код в медиафраншизе функционирует иначе,

чем в единичном художественном тексте: он должен сохранять узнаваемость, но одновременно быть достаточно пластичным, чтобы выдерживать серийное развитие, перенос между медиумами, включение в новые сюжетные линии и расширение лора. В массовой культуре особенно востребованы устойчивые и легко распознаваемые смысловые модели: братство воинов, клятва, честь, предательство, избранность, падение, служение высшей цели. Однако медиафраншиза не просто воспроизводит эти модели; она превращает их в элементы расширяемого мира.

В рамках научной работы искусственная мифология рассматривается как рабочий культурологический концепт, обозначающий сознательно сконструированную систему мифоподобных образов, сюжетов, символов, иерархий и правил мира, возникающую в художественной, массовой и медиальной культуре. В контексте настоящей статьи она понимается более конкретно: как результат перекодирования рыцарского культурного кода внутри медиафраншизы Warhammer 40 000. Рыцарские мотивы здесь не воспроизводятся как историческая реконструкция, а включаются в мир Легионов, Воителя, Императора, Ереси и катастрофического раскола, где получают новую функцию. В этом смысле важна бартовская трактовка культурных кодов в «S/Z»: текст оказывается пространством, где сплетаются разные «голоса» – эмпирический, личностный, культурный, герменевтический и символический⁸.

Анализ трансформации рыцарского культурного кода осуществляется с опорой на герменевтический метод. В логике герменевтического круга смысл

7 Фурс В.В. Особенности семиотического исследования трансмедийных франшиз // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2023. № 1. С. 60-74.

8 Барт Р. S/Z / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. – 2-е изд., испр. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. С. 44-46

отдельного элемента выявляется через соотнесение с целым, а понимание целого уточняется через анализ его частей. Х.-Г. Гадамер в «Истине и методе» подчёркивает, что процесс понимания постоянно переходит от целого к части и обратно к целому, а соответствие частностей целому выступает критерием правильности понимания⁹. Поэтому Морниваль, клятва, братство, ритуал принятия и верность Воителю рассматриваются не как отдельные сюжетные детали, а как элементы более широкой смысловой системы Warhammer 40 000.

В романе Д. Абнетта «Возвышение Хоруса» братско-орденская модель особенно заметна в образе Морниваля – приближённого воинского совета Хоруса, примарха и военачальника легиона Лунных Волков. Первое существенное описание Морниваля сразу задаёт его двойственный статус. С одной стороны, Морниваль не является официальным органом управления: на вопрос о том, утверждён ли он командованием легиона, Гарвель Локен отвечает: «Нет, конечно. Это неформальная честь. Общество не имеет никакого официального веса». С другой стороны, отсутствие формальной власти не делает Морниваль второстепенным. Он существует «с самых ранних дней» легиона и представляет собой «содружество четырех капитанов», которые «воплощают дух легиона»¹⁰.

В этом мы можем проследить одну из форм трансформации братско-орденской модели: рыцарское братство сохраняет признак избранного воинского сообщества, но получает не сословно-историческую форму. Мор-

ниваль не является орденом в средневековом смысле, однако выполняет сходную символическую функцию: объединяет избранных воинов, которые выражают внутренний дух общества и обладают особым правом близости к предводителю. Статус Морниваля не юридический, а символический. Он существует как внутренняя структура признания, доверия и воинской чести.

Функция Морниваля раскрывается через его отношение к моральному состоянию легиона. Зиндерманн связывает Морниваль с «заботой о моральном здоровье легиона»: его члены должны «вырабатывать и проводить общие идеи», находиться рядом с командиром и быть тем голосом, который он «слышит чаще, чем чей-либо другой»¹¹. Следовательно, Морниваль не сводится к военному совету. Он выполняет функцию внутренней коррекции: удерживает связь между лидером, военной элитой и нравственным состоянием легиона.

Эта функция важна для анализа трансформации рыцарской чести. У Кина образ рыцаря включает не только военную силу, но и верность, великодушие, учтивость, служение и признание определённых норм поведения^{12, 13}. В «Возвышении Хоруса» сходная логика проявляется в требовании к члену Морниваля быть не только оружием, но и носителем суждения. Зиндерманн говорит Локену, что «только оружие, которое задумывается над своими действиями, может быть достойно этой роли», а затем добавляет: «Морниваль нуждается в твоём здравом смысле и

9 Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. С. 345-347.

10 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 32.

11 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 32.

12 Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 9.

13 Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 21-23.

ясном мышлении»¹⁴. Здесь доблесть воина дополняется способностью к сомнению. Это не прямое воспроизведение средневековой чести, а её перекодирование: нравственная рефлексия сохраняется, но включается в структуру сверхчеловеческого военного братства.

Внутри Морниваля действует особый режим отношений. Абаддон объясняет Локену: «В Морнивале мы все равны. Здесь нет никаких званий». Обращение по званию сохраняется только «в присутствии посторонних», тогда как внутри братства члены Морниваля переходят на имена¹⁵. Этот эпизод позволяет выявить ещё один вариант трансформации: братско-орденская модель временно снимает обычную военную дистанцию, но не отменяет легионную вертикаль в целом. Внутри Морниваля возникает пространство братского равенства; за его пределами сохраняется жёсткая иерархия легиона.

Это равенство сразу получает функциональное ограничение. Аксиманд говорит Локену, что тот должен «проводить больше времени с персоналом и стать проводником идей Воителя»¹⁶. Значит, Морниваль одновременно является братским кругом и механизмом передачи воли лидера. Братство не существует как автономная моральная корпорация, а включается в легионную систему власти. Равенство внутри круга допускается ровно настолько, насколько оно усиливает связь с Воителем и дисциплину легиона.

Ритуальная сторона Морниваля раскрывается в сцене принятия Локена. После его согласия Абаддон произносит: «Тогда мы принимаем тебя»,

после чего члены Морниваля входят в воду, отходят от берега и образуют круг. Образ луны усиливает ритуальный характер сцены: Абаддон называет её «обязательным свидетелем инициации нового члена» и подчёркивает, что «никто не вступал в братство Морниваля иначе, как при свете луны»¹⁷. Эти детали позволяют сопоставить вступление Локена в Морниваль с рыцарским посвящением, но не отождествлять их. У Кина посвящение фиксирует переход к новому статусу и сопровождается символическими действиями, через которые вооружённый человек включается в рыцарский порядок^{18, 19}. В «Возвышении Хоруса» сохраняется структура перехода: избранный воин проходит через ритуал принятия, получает признание братства и принимает на себя обязательства. Однако смысл ритуала меняется: он связан не с христианской санкцией и не с публичным признанием рыцарского достоинства, а с закрытой традицией легиона, лунной символикой и архаизированной обрядностью воинского братства.

Кульминацией ритуала становится клятва. Локен обещает «хранить верность содружеству Морниваль», принимает «узы братства», клянётся быть верным Морнивалю «до конца жизни», служить Лунным Волкам и присягнуть на верность «командиру и примарху»²⁰. В этой сцене соединяются несколько элементов рыцарского кода: верность, служение, братство, иерархия и ритуальное принятие обязательства. Но их смысл уже изменён. Клятва направлена

17 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 38

18 Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 17-19.

19 Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 23–24.

20 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 39.

14 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 38.

15 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 38

16 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 38

не на защиту слабых или поддержание справедливого порядка, а на включение в военную иерархию легиона и на личную верность Воителю. Поэтому третий механизм трансформации можно определить как смещение адресата служения: от служения общему идеалу чести к верности конкретному лидеру и его военной структуре.

Предел власти Морниваля проявляется в сцене спора Абаддона с Хорусом. Когда Абаддон пытается настаивать на своём решении, Хорус резко напоминает ему: «Ты морниvaleц! Можешь советовать и высказывать свое мнение, но не более того! Не воображай, что можешь диктовать мне, как поступать!»²¹ Этот эпизод выявляет центральный механизм трансформации братско-орденской модели. Морниваль сохраняет право совета, внутреннее равенство и функцию морального голоса, но не становится самостоятельным центром власти. Его автономия ограничена фигурой Воителя. Следовательно, рыцарско-орденская модель в Warhammer 40 000 сохраняет форму совета и братства, но подчиняется легионной вертикали.

Этот эпизод показывает, что братская автономия Морниваля сохраняется только в пределах легионной вертикали.

В следующем романе серии, «Лживые боги», братско-орденская логика начинает терять нравственное содержание. Один из наиболее показательных эпизодов – возвращение раненого Хоруса на корабль. Морнивальцы, везущие каталку, не замедляют шаг перед толпой людей и «беспощадно расшвыривают» их, не обращая внимания на последствия. Сцена завершается образом палубы, похожей на поле битвы:

21 Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. – 2006. С. 42.

раненые солдаты, летописцы и рабочие лежат в крови, есть погибшие – «и только потому, что эти люди оказались на пути астарес»²².

Этот эпизод позволяет увидеть, как трансформируется мотив защиты слабых. В рыцарском коде, по Кину, служение включает защиту веры, помощь слабым, женщинам, вдовам и сиротам²³. В «Лживых богах» сверхчеловеческое воинское братство уже не защищает слабых, а сметает их, когда они препятствуют спасению лидера. Здесь верность Воителю оказывается выше заботы о тех, кто не способен сопротивляться силе астарес. Поэтому речь идёт не просто о жестокости отдельных персонажей, а о смещении ценностного центра: братская преданность и военная необходимость вытесняют этическое ограничение насилия.

Дальнейшее обсуждение этой сцены делает конфликт ещё более явным. Варварус требует, чтобы семьи погибших получили компенсацию, а виновные были наказаны; Круз, напротив, формулирует логику воинской исключительности: «если люди оказались у вас на пути, что ж, значит, им не повезло». Локен испытывает стыд, но одновременно признаёт границу между астарес и смертными: «Простым смертным не подобает требовать казни астарес, какими бы тяжелыми ни были их проступки»²⁴. В этом противоречии проявляется новая форма чести: нравственная вина ещё осознаётся, но институциональное превосходство братства оказывается сильнее обычной ответственности.

После событий на Давине кризис за-

22 Макнилл Г. Лживые боги. – Текст: электронный. 2007. С. 39.

23 Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 21-23.

24 Макнилл Г. Лживые боги. – Текст: электронный. 2007. С. 117.

трагивает уже сам Морниваль. В романе говорится, что братья по Морнивалю почти не разговаривают друг с другом, кроме случаев военной необходимости, и больше не встречаются с Воителем, «как бывало раньше». Итоговая формулировка предельно жёсткая: «По всем имеющимся признакам Морниваль прекратил свое существование»²⁵. Братство, которое в «Возвышении Хоруса» было формой равновесия, совета и моральной близости к лидеру, утрачивает внутреннюю связность. При этом клятва Морниваля не исчезает полностью. Локен говорит, что после Давина с легионом произошло «что-то отвратительное, темное и злое», и утверждает, что они должны «защищать истины Имперiums». Торгаддон называет это «клятвой Морниваля», после чего подтверждает верность Локену: «Всегда»²⁶. Следовательно, институциональная форма братства разрушается, но клятва продолжает действовать как моральный ориентир для тех, кто сопротивляется деградации легиона.

В завершающей книге ранней трилогии о Лунных Волках, «Галактика в огне», значение Морниваля доведено до предела. Абаддон и Аксиманд названы «душой Морниваля», а сам Морниваль оказывается связан с жизнью легиона: Локен думает, что без последних морнивальцев «душа легиона погибнет», а сам легион «просто развалится»²⁷. Эта формулировка подтверждает, что Морниваль выполняет не только сюжетную, но и символическую функцию: он выражает внутреннюю целостность легиона.

Кульминация деформации братской модели проявляется в диалоге

Аксиманда и Абаддона после убийства бывших братьев. Аксиманд спрашивает: «Что мы наделали, Эзекиль?» – и напоминает: «Они были нашими братьями». Ответ Абаддона строится на иной логике: «Мы сделали то, что должны были сделать. Воитель отдал приказ, и мы его выполнили»; затем он заключает: «Они изменили Воителю, и давай покончим с этим»²⁸. В этом конфликте выражен главный механизм трансформации: братство ещё осознаётся как ценность, но приказ Воителя оказывается выше братского долга. При этом в романе этот эпизод не проявляется как полностью бесконфликтный: Аксиманд плачет, а Абаддон замечает, что «семена сомнений пустили корни»²⁹. Следовательно, деформация рыцарско-орденской модели не уничтожает память о чести и братстве мгновенно. Она подчиняет эти элементы новой иерархии: верность лидеру и приказу становится выше братства, а сомнение сохраняется как внутренний остаток прежнего морального порядка.

На основании проведённого анализа можно выделить несколько этапов трансформации братско-орденской модели рыцарского кода. Первый этап – сохранение узнаваемой формы: Морниваль представлен как избранное братство воинов, обладающее внутренним равенством, ритуалом принятия, клятвой и правом совета. Второй этап – функциональное подчинение: братство оказывается встроено в легионную вертикаль и зависит от фигуры Воителя. Третий этап – этическое смещение: верность лидеру и исключительность астартес вытесняют мотив защиты слабых и обычную ответственность. Четвёртый этап – распад: братская клятва

25 Макнилл Г. Лживые боги. – Текст: электронный. 2007. С. 144.

26 Макнилл Г. Лживые боги. – Текст: электронный. 2007. С. 154

27 Каунтер Б. Галактика в огне. Текст: электронный. 2006. С. 111.

28 Каунтер Б. Галактика в огне. Текст: электронный. 2006. С. 127.

29 Каунтер Б. Галактика в огне. Текст: электронный. 2006. С. 127.

сохраняется как память, но институциональная целостность Морниваля разрушается, а приказ становится выше братского долга.

Таким образом, ранние романы цикла «Ересь Хоруса» позволяют проследить не общее присутствие рыцарства в Warhammer 40 000, а конкретный механизм трансформации братско-орденской модели культурного кода «рыцарство». Медиафраншиза не просто заимствует элементы рыцарского кода, а перераспределяет их функции: братство становится механизмом легионной лояльности, клятва – инструментом включения в военную вертикаль, честь – формой дисциплины и нравственной рефлексии, служение – верностью Воителю, а защита слабых – вытесненным элементом. Именно поэтому искусственная мифология Warhammer 40 000 возникает не как простое собрание средневековых мотивов, а как новая система отношений между кодами, где рыцарство сохраняет узнаваемую структуру, но начинает работать внутри логики массовой культуры, серийной медиафраншизы и антиутопической фантастической вселенной.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 250-252.
2. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. – Петрополис, 1998. С. 27-30, 53-56.
3. Барт Р. S/Z / пер. с фр.; под ред. Г.К. Косикова. – 2-е изд., испр. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. С. 45-46.
4. Бартеlemi Д. Рыцарство: от древней Германии до Франции XII в. / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. С. 5-9.
5. Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 8-9.
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. Д.В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. Электрон. изд. Гл. IV-VI, усл. эл. с. 109-154.
7. Фурс В.В. Особенности семиотического исследования трансмедийных франшиз // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2023. № 1. С. 60-74.
8. Барт Р. S/Z / пер. с фр.; под ред. Г. К. Косикова. – 2-е изд., испр. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. С. 44-46.

9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. С. 345-347.
10. Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 32.
11. Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 9, 21-23.
12. Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 38.
13. Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 17-19, 23-24.
14. Абнетт Д. Возвышение Хоруса / пер. с англ. И. Савельевой. 2006. С. 39, 42.
15. Макнилл Г. Лживые боги. – Текст: электронный. 2007. С. 39.
16. Кин М. Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. – М.: Научный мир, 2000. С. 21-23.
17. Макнилл Г. Лживые боги. – Текст: электронный. 2007. С. 117, 144, 154.
18. Каунтер Б. Галактика в огне. Текст: электронный. 2006. С. 111, 127.

References

1. Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2000. P. 250-252.
2. Eco U. The Missing Structure. Introduction to Semiology / translated by A.G. Pogonyailo and V.G. Reznik. Petropolis, 1998. P. 27-30, 53-56.
3. Barth R. S/Z / translated from French; edited by G.K. Kosikov. 2nd ed., corrected. Moscow: Editorial URSS, 2001. P. 45-46.
4. Barthélemy D. Chivalry: From Ancient Germany to Twelfth-Century France / translated from French by M.Yu. Nekrasov. St. Petersburg: EURASIA, 2012. P. 5-9.
5. Keane M. Chivalry. Translated from English by I.A. Togoewa. Moscow: Nauchny Mir, 2000. P. 8-9.
6. Huizinga J. Autumn of the Middle Ages. Translated by D.V. Silvestrov. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2013. Electronic ed. Chapters IV-VI, conditional electronic. P. 109-154.
7. Furs V.V. Features of a Semiotic Study of Transmedia Franchises. Bulletin of the Kazakh National Women's Pedagogical University. 2023. № 1. P. 60-74.
8. Bart R. S/Z. Translated from French; edited by G.K. Kosikov. 2nd ed., corrected. Moscow: Editorial URSS, 2001. P. 44-46.
9. Gadamer H.-G. Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics / translated from German; general editor and introduction by B.N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988. P. 345-347.
10. Abnett D. The Rise of Horus / translated from English by I. Savelyeva. 2006. P. 32.
11. Keen M. Chivalry / translated from English by I.A. Togoewa. Moscow: Nauchny Mir, 2000. P. 9, 21-23.
12. Abnett D. The Rise of Horus / translated from English by I. Savelyeva. 2006. P. 38.
13. Keen M. Chivalry / translated from English by I.A. Togoewa. – Moscow: Nauchny Mir, 2000. P. 17-19, 23-24.
14. Abnett D. The Rise of Horus / translated from English by I. Savelyeva. 2006. P. 39, 42.
15. McNeill G. The False Gods. – Text: online. 2007. P. 39.
16. Keen M. Chivalry / translated from English by I.A. Togoewa. – Moscow: Nauchny Mir, 2000. P. 21-23.
17. McNeill G. The False Gods. – Text: online. 2007. P. 117, 144, 154.
18. Counter B. The Galaxy on Fire. Text: online. 2006. P. 111, 127.

Аннотации

Петрова С.И.

Петров И.Ф.

Синестезия как проблема философии

В статье рассматривается феномен синестезии как предмет философской рефлексии, выходящий за рамки узко-психологического или нейробиологического подхода. Прослеживается эволюция представлений о синестезии. От античных концепций единства чувственного восприятия (через романтическую эстетику и символизм) к современным дискуссиям в аналитической философии сознания и феноменологии. Особое внимание уделяется тому, как философское осмысление синестезии позволяет пересмотреть классическую модель «пяти чувств». Проблематизировать понятие квалиа и предложить новое понимание целостности субъекта восприятия. Обосновывается тезис о том, что синестезия является ключевым феноменом, раскрывающим целостную природу перцептивного опыта. Обладающим значительным эвристическим потенциалом для эпистемологии, онтологии и философской антропологии.

Ключевые слова: синестезия, философия восприятия, квалиа, феноменология, кросс-модальность, чувственный синтез, эстетика, философия сознания, мультисенсорность, телесность.

Семенова Т.Н.

Ситнова Л.И.

К вопросу о философии менеджмента образования

Статья посвящена проблеме образования, как системообразующего социального института, который имеет длительную историю становления, неразрывно связан со всеми сферами жизни общества – экономической, политической, социальной, духовной, с задачами государства в области сохранения и развития общественных отношений, с национальной культурой различных стран и народов. Образование, как феномен культуры, базируется на многообразии философско-мировоззренческих парадигм, управленческих принципов, на мультикультурализме и междисциплинарности.

Ключевые слова: менеджмент, образование, социальный институт, национальные системы образования, философско-мировоззренческие основы, образовательные парадигмы, мультикультурализм, междисциплинарность.

Тянь Хаожань

Ульянова Л.Н.

Трансформация эстетической категории «ци» в рамках подготовки альтистов в вузах Китая: от традиционного мировосприятия к современной исполнительской интерпретации

В настоящей статье рассматриваются изменения, произошедшие в восприятии эстетической категории «ци» – одного из самых важных понятий философии даосизма – в контексте обучения современных альтовых исполнителей в музыкальных высших учебных заведениях Китайской Народной Республики. Эволюция трактовки указанного понятия анализируется, начиная с периода его происхождения в древнекитайской натурфилософии и заканчивая современным этапом развития. В исследовании рассматриваются механизмы объединения западных академических принципов и национальных традиций. В работе подчеркивается значение категории «ци» как связующего моста между техническим мастерством Запада и философской интерпретацией Востока. В данной статье выявляются специфические нюансы учебного процесса в современных музыкальных вузах Китая, в первую очередь, связанные с цифровизацией и гуманизацией образования, и ориентированные на формирование у студентов-альтистов индивидуального исполнительского стиля и эстетического мировоззрения. При написании статьи был применен целый комплекс научно-исследовательских методов: музыковедческий, историко-культурный, сравнительный и теоретический анализ. Материалами исследования послужил комплекс трудов китайских и российских исследователей в области музыкального образования и эстетики: диссертации и научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах за последние несколько лет.

Ключевые слова: категория «ци», даосизм, музыкальное образование Китая, подготовка альтистов, исполнительская интерпретация, эстетическое воспитание, межкультурный диалог, традиционное мировосприятие, музыкальная педагогика.

Черкасов А.А.

Проблемы воплощения и исчезновения присутствия в философии Жана Бодрийяра

Исследование посвящено теологическим основаниям философии Жана Бодрийяра и проблеме исчезновения присутствия в современной культуре. Анализируется концепция симуляции, включая категории симулякра, гиперреальности и имплозии смысла, а также их связь с христианской онтологией воплощения. Особое внимание уделяется тому, как разрыв между знаком и присутствием трансформирует структуру реальности и опыта. Автор показывает, что теория симуляции у Бодрийяра является не

только критикой медиа и репрезентации, но и диагностикой кризиса воплощения и утраты реального присутствия в современной культуре.

Ключевые слова: воплощение, присутствие, симулякр, симуляция, гиперреальность, символический обмен, секуляризация, развоплощение, Бодрийяр, постмодернизм.

Бекова М.А.

Геополитические факторы межкультурной коммуникации

Цель статьи заключается в том, чтобы определить основные геополитические факторы, влияющие на межкультурную коммуникацию. Автор рассматривает наиболее значимые концепции, созданные в рамках геополитики, среди них теорию зависимости политики государства от его географического положения Ф. Челлена, теорию хартленда и римленда Х. Маккиндера и Н. Спикмена, иерархию геополитических пространств, предложенную С. Коэном. Затем анализируются культурные коммуникации между хартлендом и римлендом, а также геополитическими пространствами среднего уровня. Новизна исследования заключается в определении характера культурных контактов между различными геополитическими регионами, выявлении их соотношения с многополярной структурой мира. Делается вывод, что геополитические факторы оказывают значительное влияние на межкультурную коммуникацию, однако нередко оно корректируется внутренней политикой государств или процессами в экономической и идеологической сферах. Кроме того, текущую ситуацию наиболее адекватно характеризует не «классическая» геополитика Х. Маккиндера и Н. Спикмена, а иерархия геополитических пространств С. Коэна, которая в целом соответствует и преобладающему сейчас пониманию многополярности.

Ключевые слова: геополитические пространства, культурные контакты между геополитическими регионами, классическая геополитика Х. Маккиндера и Н. Спикмена, иерархия геополитических пространств С. Коэна.

Бугаев М.К.

К перспективам политического человека в современной России: взгляд справа

Статья нацелена на прояснение основных возможностей становления Homo politicus как полноценной политической личности в современных российских реалиях.

Благодаря трансцендентальному подходу к проблематике предпринимается попытка развенчать ложное политическое сознание, выявить опасности, препятствующие формированию внутренней политической аксиологии, а также смоделировать наилучшее устройство общества, при котором данные опасности смогут быть устранены. В качестве последнего рассматривается меритократический строй в противовес демократическому.

В конечном счете, российский политический человек рассматривается в двух модификациях, т.е. как основа двух дополняющих друг друга институтов – гражданского общества и национальной элиты. Особый акцент делается на раскрытии подлинной природы гражданской и лидерской аксиологии в том виде, в котором обе традиционно существуют в западной цивилизации.

Ключевые слова: homo politicus, гражданское общество, национальная элита, меритократия, идеология, личность, ценность.

Волобуева А.А.

Гармония слова: философия формирования языковой культуры в эпоху медиа

Статья посвящена комплексному исследованию фундаментальной проблемы влияния языка на человеческое мышление, сознание и поведенческие модели в условиях современной цифровой эпохи. Автор рассматривает этот вопрос сквозь призму трансформации масс-медиа и тотального доминирования интернет-коммуникаций. Центральным тезисом работы становится проблема утраты богатства, выразительности и смысловой глубины языка в условиях стремительного распространения информационных потоков, агрессивной коммерческой рекламы и поверхностных, утилитарных способов общения. Опираясь на классические философские подходы и труды отечественных мыслителей, автор подчёркивает, что язык – это не просто средство передачи информации, а самый сложный механизм формирования картины мира. В статье акцентируется внимание на важности понимания глубинных смыслов, культурных кодов и исторических коннотаций, заложенных в слове. Поднимается вопрос о необходимости воспитания осознанного, бережного отношения к речи как к главному инструменту личностной идентификации, уникальному отражению национальной самобытности и мощному средству выражения духовной силы народа. В качестве решения проблемы предлагаются ключевые принципы формирования высокой языковой культуры. Среди них: внимательное отношение к выбору лексики, неукоснительное соблюдение традиций русской словесности, а также целенаправленная работа над развитием чёткости, логичности и образности выражения мысли. Автор утверждает, что в современной информационной среде, перенасыщенной штампами и заимствованиями, именно возвращение к этим основам способно сохранить интеллектуальный потенциал общества. В заключение статья ставит перед читателями насущную задачу – не просто теоретически осознать значение пра-

вильного владения языком, но и сформулировать для себя конкретные, практические пути повышения уровня речевой культуры. Это рассматривается как необходимый шаг для сохранения национальной идентичности и духовного здоровья в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: лингвистическая культура, стандарт, масс-медиа, интернет-коммуникации, культурный код, средства массовой информации, информационная среда, речевая культура, национальная идентичность, глобализация.

Выскребенцов Р.Ю.

Социально-философские основания легитимности политического насилия: сравнительный анализ подходов

В статье сопоставляются ключевые социально-философские концепции, объясняющие, при каких условиях политическое насилие может считаться легитимным. Анализируются естественно-правовая, утилитаристская и контрактualистская традиции, а также критические теории XX века (марксизм, критическая теория, феминистская философия, постколониальные исследования). Рассмотрена проблема соотношения моральных требований и политической необходимости в ситуациях вооруженных конфликтов. Автор обосновывает, что интегративный подход, синтезирующий разные теоретические перспективы, позволяет выработать более действенные механизмы противодействия политическому насилию.

Ключевые слова: политическое насилие, легитимность, естественное право, утилитаризм, контрактualизм, марксизм, критическая теория, мораль, вооруженный конфликт, справедливость.

Григоренко В.Р.

Модернизация как ценностная инновация и проблема российского общества

Цель статьи заключается в том, чтобы определить основные ценностные противоречия, возникающие в процессе модернизации российского общества, и рассмотреть модернизацию как особый тип ценностной инновации. Автор анализирует классические и современные теории модернизации, выделяя в них ценностное измерение, а также исследует специфику российской цивилизационной идентичности, которая выступает как фактор, трансформирующий заимствуемые инновации. Новизна исследования заключается в обосновании того, что успешная модернизация в России возможна не через простое копирование западных ценностных образцов, а через их творческую адаптацию и формирование синтетических ценностных гибридов, соответствующих национальному культурному коду. Делается вывод, что модернизация как ценностная инновация сталкивается в российском обществе с глубокими культурно-антропологическими ограничениями, однако при выработке сбалансированной стратегии, учитывающей как инновационные, так и традиционные ценности, она может стать драйвером позитивного социального развития.

Ключевые слова: ценностные инновации, модернизация, российское общество, традиционные ценности, культурный код, социальная философия, аксиология.

Ефимова Л.Н.

Шехирева Н.А.

Абрамцева Е.Г.

Актуальность «отмены человека»: этико-философские идеи К.С. Льюиса в условиях кризиса традиционных ценностей

Клайв Стейплз Льюис – английский писатель и христианский философ, который на протяжении всей творческой карьеры обращался к анализу этико-моральных проблем человечества. В данной статье анализируется философский контекст статьи «Человек отменяется»: роль человека в современном мире, нравственные принципы и христианская добродетель, на которые должен опираться человек в повседневной деятельности – ключевые вопросы, которые отражены в философской антропологии автора. Выход из морального кризиса должен основываться, по мнению автора эссе, на следовании принципам естественной морали и ценностным идеалам христианства. В данном исследовании проблемы морали и образования, сформулированные в статье 1942 года, сопоставляются с современными реалиями. Всеобъемлющее влияние искусственного интеллекта на жизнь человека вытесняет из его мировоззрения такие нравственно-моральные категории как добродетель, долг, совесть, достоинство, доброта. Сфера образования, которая сегодня подвергается влиянию цифровизации, также нуждается в повышении роли человека в воспитательном процессе. Это в еще большей степени актуализирует проблемы, затронутые К.С. Льюисом в прошлом столетии.

Ключевые слова: гуманизация образования, нравственно-этические нормы, нравственные ценности, моральные принципы, система ценностей, человечность, моральный выбор.

Карюк Н.Н.

Самосуверенная цифровая идентичность: автономия субъекта и новые формы уязвимости в блокчейн-среде

Статья посвящена философско-антропологическому анализу самосуверенной цифровой идентичности в условиях блокчейн-инфраструктуры. Рассматривается изменение цифровой субъектности, связанное с управлением атрибутами, ключами доступа и проверяемыми удостоверениями. Особое внимание уделяется автономии субъекта, инфраструктурной зависимости, цифровой компетентности, проблеме доверия и новым формам уязвимости в цифровой культуре.

Ключевые слова: самосуверенная идентичность, цифровая субъектность, блокчейн, децентрализованные идентификаторы, цифровой суверенитет, доверие, уязвимость, право кода, цифровая культура, философская антропология.

Кузнецова-Фетисова Л.Е.

Особенности легитимации иррациональных форм знания в современной России

Статья исследует стратегии легитимации иррациональных форм знания в современной России на материале публичных самоописаний практиков мантико-магического комплекса. Показано, что эзотерический дискурс в публичном пространстве опирается на три базовые модели обоснования авторитета, создавая современный гибридный тип самообоснования. Тем самым статья уточняет механизмы признания неинституциональных форм религиозности и расширяет инструментарий религиоведческого анализа.

Ключевые слова: иррациональное знание, мантико-магический комплекс, легитимация, медиадискурс, М. Вебер, нарратив, коммерциализация, эзотерический дискурс.

Новиков П.А.

Преодоление отчуждения личности в романе В. Гюго «Отверженные»: к методологии социально-философского анализа

Статья посвящена философскому анализу трансформации личности Жана Вальжана в романе В. Гюго «Отверженные» через призму западноевропейской философии XX века. Предмет исследования – механизм преодоления «порочного круга травмы», при котором социальное отчуждение и искаженное восприятие реальности самовоспроизводятся. Методологическую основу составляет интегративный подход, объединяющий диалогическую онтологию М. Бубера, экзистенциализм С. Кьеркегора и Ж.-П. Сартра, постструктуралистский анализ власти М. Фуко, концепцию «homo sacer» Дж. Агамбена и этику Другого Э. Левинаса.

В работе вводится авторская метафора уробороса для обозначения патологической замкнутости травмированного сознания, в отличие от его юнгианской трактовки. Показано, как дисциплинарные механизмы сводят героя к «голой жизни» (zoë) и объективируют его в модусе «Я–Оно» по Буберу. Результатом анализа выступает интерпретация встречи Вальжана с епископом Бьенвеню как события,рывающего этот круг. Епископ реализует отношение «Я–Ты», совершает акт онтологического признания, который в терминах Левинаса является ответом на зов Лица (visage), а с точки зрения экзистенциализма – катализатором «подлинного выбора» и «скачка веры», преодолевающего «плохую веру» и отчаяние.

Выводы статьи подчеркивают, что трансформация Вальжана представляет собой не пассивное изменение, а акт сопротивления биополитическому исключению, возвращающий субъектность через диалог с Другим и устремленность к Абсолюту. Предложенный интегративный подход может быть применен к анализу иных социальных ситуаций преодоления стигматизации и кризиса идентичности.

Ключевые слова: Философия литературы, социальная философия, феноменология Другого, экзистенциализм, постструктурализм, проблема идентичности, гуманизм и антигуманизм, этика и мораль.

Максимова С.Г.

Астер Т.Н.

КСО и открытые инновации: как социальная ответственность формирует коллаборативные модели

Статья рассматривает синергию корпоративной социальной ответственности (КСО) и открытых инноваций как фактор формирования устойчивых коллаборативных моделей. Анализируются теоретические основы и механизмы, с помощью которых КСО способствует инновациям: вовлечение стейкхолдеров, социальные инвестиции, государственно-частное партнерство. Цель настоящей статьи – исследовать, как КСО может способствовать формированию коллаборативных моделей в рамках открытых инноваций через анализ теоретических основ КСО и открытых инноваций на основе современных исследований; выявление ключевых механизмов, при помощи которых КСО стимулирует коллаборативные модели в открытых инновациях. Анализа практик применения интеграции КСО и открытых инноваций компаниями Юниливер, Тесла Инкорпорейтед, ПАО Сбербанк. Статья подчеркивает стратегическое значение КСО в усилении конкурентоспособности и устойчивого развития в условиях глобальных вызовов. Результаты качественного исследования могут быть использованы для дальнейшей экспериментальной работе по определению влияния эффективности коллаборативных моделей на успешность реализации социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность (КСО), открытые инновации, устойчивое развитие, коллаборативные модели, социальные инвестиции, государственно-частное партнерство (ГЧП), экосистемы инноваций.

Вознесенский И.С.

Чапкин А.Н.

Темпоральные трансформации образования: цифровой ускоритель и социальная цена времени в постковидную эпоху

Статья посвящена социологическому анализу трансформации образовательного времени в условиях форсированной цифровизации. Авторы рассматривают время как стратегический социальный ресурс, распределение которого усиливает социальное неравенство. Проводится сравнительный анализ темпоральных характеристик доцифровой и цифровой эпох в образовании, выявляются ключевые изменения: сжатие, фрагментация и множественность темпов обучения, а также размытие границ между личным и учебным временем. На основе теорий ускорения Х. Розы, структуризации Э. Гидденса и общества риска У. Бека обосновывается концепция «темпорального шока» как следствия экстренного перехода к дистанционным форматам. Особое внимание уделяется сценарному прогнозированию форсированных переходов в будущем и их возможных триггерах (кризисы, катастрофы, технологические прорывы). Представлен опыт внедрения курса по управлению временем в МАДИ, направленного на формирование темпорального интеллекта обучающихся. Делается вывод о необходимости перехода к гибридным темпоральным режимам обучения и создания институциональных механизмов защиты от временной перегрузки, подчеркивая, что ускорение цифровизации образования не должно становиться самоцелью.

Ключевые слова: социология времени, цифровизация образования, темпоральный ресурс, социальное неравенство, временная бедность, шоковая цифровизация, гибридное обучение, темпоральный интеллект, тайм-менеджмент, форсайт, общество риска.

Грязнова В.Н.

Инкорпорация государственной кадровой политики в систему государственного стратегического управления: от поиска смыслов к устойчивой амплификации новых идей

Статья посвящена концепту «государственная кадровая политика» и ее переосмыслению в эпоху цифровой трансформации и искусственного интеллекта. Доказывается, что устойчивая амплификация позволяет преобразовывать неэффективную кадровую политику в систему, где господствует непрерывная генерация новых идей, обеспечивается трансформация государственного стратегического управления к проактивной (опережающей) модели развития за счет эффективного кадрового обеспечения.

Показано, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность цифровой среды, где господствуют технологии и искусственный интеллект, вектор развития государственной кадровой политики как фундамента государственного стратегического управления, сконцентрирован на человекоцентричности [кандидатоцентричности], признании личности как главного субъекта долгосрочного и устойчивого развития во благо человека, в его интересах.

Генерирующая мысль заключается в том, что преодоление управленческих аномалий государственного стратегического управления невозможно исключительно за счет внедрения новых технологий. Необходим качественный интеллектуальный сдвиг в подготовке кадров для российского государственного управления, переход от исполнительства к субъектной профессиональности и ответственности, включающей ценностную приверженность общественному служению и общественному благу.

Обосновывается необходимость глубинных преобразований в государственной кадровой политике в контексте реализации национальных целей развития России до 2036 года и в системе мер обеспечения национальной безопасности российского государства.

Также обоснована важность сфокусированности государственной кадровой политики в стратегическом ракурсе, где преобладают видение, аналитика, преемственность и традиции, ценности, непрерывный апгрейд, высокий уровень экспертных знаний, инновации, ответственность, результативность.

Стратегический вектор государственной кадровой политики обозначен в парадигме формирования новой государственно-управленческой элиты, воспитания молодых кадров с актуализацией исторического просвещения и управления талантами, укрепления традиционных ценностей, сохранения этнокультурного многообразия и упорочения профессиональной и гражданской идентичности кадров. Актуализируется роль проектирования современной системы кадровой подготовки в условиях турбулентности внешней среды, соразмерный потребностям обеспечения технологического лидерства, социально-экономического, пространственного развития и обеспечения национальной безопасности России в стратегическом горизонте.

Ключевые слова: государственная кадровая политика как стратегия и ее трансформация в цифровой среде, государственное стратегическое управление, ценности, непрерывный апгрейд, этнокультурное многообразие, человекоцентричность.

Нерсисян Р.С.

Проективное государство: понятие, архитектура, научный фундамент

Статья представляет концепцию проективного государства – формирующегося типа государственности, при котором защита прав будущих поколений встроена в институциональную архитектуру вла-

сти. Исследованы исторические предпосылки, базовые принципы, институциональная архитектура, экономическое измерение и научный фундамент проективного государства. Проведён сравнительный анализ с социальным государством, экологическим государством и плановой экономикой советского типа. В статье представляется концепция проективного государства как закономерного следующего этапа эволюции государственности, добавляющего к существующим функциям государства темпоральное измерение. Показана преемственность концепции по отношению к теории правового государства, институциональной экономике и концепции устойчивого развития. Обосновано, что проективное государство является закономерным этапом эволюции государственности, а не произвольной конструкцией. Проектное государство опирается на четыре традиции, следовательно, проективное государство не изобретает новую реальность, а синтезирует достижения нескольких признанных научных школ применительно к новой проблеме – институциональной защите прав будущих поколений. На основе проведенного автором анализа прецедентов сформулированы закономерности институционального дления: тест смерти основателя, пять условий выживания (автономия, легитимность, ресурс, адаптивность, репродуктивность), парадокс жёсткости, адаптивная жёсткость, закон институциональной энтропии.

Публикация статьи приглашает читателей к дальнейшей дискуссии с автором.

Ключевые слова: проективное государство, темпоральный суверенитет, прескрипт, трансгенерационная экспертиза, межпоколенческая справедливость, Индекс негэнтропийного развития, прескриптология, проективный реализм, прескриптивный совет, темпоральные институты.

Павлов Г.А.

Крюнкин Ю.Е.

Логачева М.И.

Искусственный интеллект в социологии: методологический прорыв или угроза валидности?

В статье рассматривается, как искусственный интеллект меняет социологическое исследование: от обработки интервью и открытых ответов до анализа цифровых следов, сетевых сообществ и прогнозных моделей. Особое внимание уделяется не только техническим возможностям ИИ, но и методологическим ограничениям его применения. Алгоритмы помогают быстрее находить повторяющиеся темы, скрытые связи и слабые сигналы в больших массивах данных, однако сами по себе они не объясняют социальный смысл обнаруженных закономерностей. На основе российских и зарубежных примеров показано, что главные риски связаны с алгоритмической предвзятостью, потерей контекста, ошибочной интерпретацией цифровых следов и иллюзией объективности машинного анализа. Делается вывод, что ИИ не должен рассматриваться как замена социолога. Наиболее продуктивной является гибридная модель, при которой алгоритм расширяет поле наблюдения, а исследователь сохраняет ответственность за постановку вопроса, проверку данных и интерпретацию результатов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социология, большие данные, алгоритмическая предвзятость, цифровые методы, социальное прогнозирование, этика ИИ, машинное обучение, валидность данных.

Степная А.А.

Коробкина М.А.

Формирование процессов управления талантами в организации

Статья посвящена неотъемлемой части любой организации - человеческим ресурсам. В современных условиях, в условиях жесткой конкуренции и нестабильной среде, наиболее важной становится качественная сторона данного ресурса. Эффективность персонала раскрывается, в первую очередь, через их таланты. Акцент на раскрытии потенциала сегодня, становится стратегическим преимуществом и позволяет реализовать поставленные цели организации уже завтра.

Ключевые слова: таланты, подбор и удержание талантов, подбор перспективных талантливых сотрудников, управление потенциалом внутри компании.

Щёлоков Д.В.

Методологические основания аналитического изучения социальных трансформаций

Существование общества проявляется в различных аспектах социальной реальности. Одним из таковых являются социальные институты, организуемые для упорядочения отношений в различных областях бытия. Одним из следствий подобных процессов становятся трансформации данных элементов по причине изменяющихся внешних условий. Сложность природы возникновения и механизмов развития социальных трансформаций детерминируют специфику их изучения. Таковая отражена в совокупности теоретических взглядов, объединяемых в подходы. Они выражают особенности интерпретации обозначенной проблематики. Формируемые на такой основе методы познания способствуют объективному выделению значимых параметров. Соответствующие аспекты существования и развития институциональных трансформаций способствуют организации концептуальных контуров их анализа. Это позволяет упорядочить применяемую логику и, при необходимости, расширить сово-

купность и содержание используемых методов.

Ключевые слова: социальные институты, трансформации, анализ, методология, аспекты функционирования, механизмы развития, логика исследования.

Яковлев А.А.

Истоки появления советского плаката

В данной статье рассматриваются истоки появления советского плаката как вида искусства. Предлагается проследить историю возникновения слова «плакат» в России начиная с Петровских времен и до 20-х годов XX века. Предлагается обширный исторический взгляд на значение слова «плакат», его видоизменение с течением времени. Приводятся исторические сведения о предвестниках российского плаката. Говорится о влиянии французских мастеров на формирование художественного плаката и зарождении нового вида графического искусства в России, которое стало возможным с появлением литографии. Также в статье определены главные предпосылки для возникновения советского плаката и отражены сведения о развитии данного вида изобразительного искусства в период гражданской войны и в начале формирования советского государства. Показана роль лубочных картинок в формировании плакатного искусства. Делается акцент на художественных приемах и практиках советского плаката, сформированных и встроенных в канву текущих событий эпохи и являвшихся существенным инструментом конструктивного коммуникативного взаимодействия. В центре внимания – зарождение ключевых плакатных догм от Петра I до Маяковского и Родченко, а также сам плакат, как фундамент художественной агитации государства.

Ключевые слова: плакат, афиша, литография, графика, лубок, авангард, конструктивизм.

Чу Лумяо

Эстетические категории китайской традиции в контексте исламской каллиграфии

Статья посвящена исследованию эстетических категорий китайской художественной традиции в контексте исламской каллиграфии Китая. Актуальность работы обусловлена ростом интереса к транснациональным художественным практикам и недостаточной разработанностью эстетических оснований китайской исламской каллиграфии, которая чаще рассматривается в историческом или декоративно-прикладном аспекте. Цель исследования заключается в выявлении роли китайских эстетических категорий в формировании визуально-пластической специфики исламской каллиграфии Китая. Материалами исследования стали труды по китайской эстетике, теории каллиграфии, исламскому искусству и визуальной культуре Китая. Методологическую основу составили сравнительно-типологический, формально-стилистический, семиотический и культурологический подходы. В ходе исследования установлено, что китайская исламская каллиграфия представляет собой самостоятельную художественную систему, сформированную в результате взаимодействия арабской и китайской художественных традиций. Выявлено влияние категорий гармонии, пустоты, ритма, естественности и «живого движения» на организацию композиции, характер линии и пространственную структуру каллиграфического текста. Доказано, что художественный синкретизм проявляется не только на формальном уровне, но и в трансформации принципов художественного мышления. Сделан вывод о формировании особого визуального языка, сочетающего исламскую знаковую традицию с эстетическими принципами китайского искусства.

Ключевые слова: китайская исламская каллиграфия, китайская эстетика, исламское искусство, художественный синкретизм, визуальная культура, каллиграфия, эстетика линии, китайское искусство.

Чжан Вэй

Бренд работы единого фронта приграничного университета как инструмент культурного возрождения этнических районов: кейс Хэйхэского университета

В статье анализируется бренд работы единого фронта Хэйхэского университета «И» лу тунсин» («Искусство на общем пути») как форма участия приграничного вуза в культурном возрождении этнических районов Северо-Восточного Китая. Актуальность исследования определяется особой ролью университетов приграничья: они одновременно готовят кадры, поддерживают локальное наследие, создают культурные продукты, включают студентов в общественную практику и выстраивают взаимодействие между государственными институтами, школами, местными сообществами и носителями нематериальной культуры. Цель статьи – раскрыть организационную логику модели «1246», показать ее ценностное основание, ресурсные контуры, направления деятельности и условия устойчивого развития. Исследование выполнено в формате качественного кейс-анализа на основе открытых материалов Хэйхэского университета, публикаций о реализации проекта, нормативных документов по работе единого фронта и аналитического обобщения практик художественного образования, общественного служения и сохранения этнического наследия. Научная новизна состоит в рассмотрении брендового подхода как воспроизводимой управленческой конструкции, эффективность которой зависит от межфакультетской координации, локального партнерства, участия носителей традиции и фиксации результатов проектной работы.

Ключевые слова: приграничный университет, работа единого фронта, культурное возрождение, этнические районы, Хэйхэский университет, модель «1246», нематериальное культурное наследие, общественное служение.

Цуй Га

Эволюция кинотанца: от первобытных экспериментов к современным интерпретациям

Статья посвящена культурологическому анализу эволюции кинотанца как синтетической формы искусства, возникшей на пересечении хореографии и кинематографа и трансформировавшейся в условиях медиакультурных изменений XX–XXI веков. Цель исследования – выявить основные этапы развития кинотанца и определить закономерности трансформации экранной телесности, пространственно-временной организации движения и роли зрителя. Методологическую основу составляют историко-культурный анализ, сравнительно-типологический метод, семиотический подход и медиаанализ. В статье прослеживается переход от аттракционной фиксации танца в раннем кино к формированию концепции «хореографии для камеры» в авангардной практике, дальнейшей медиатизации через телевидение и клиповую культуру, а также к цифровой дематериализации тела в условиях CGI, motion capture и онлайн-платформ. Особое внимание уделяется трансформации статуса телесности – от материального присутствия к алгоритмически конструируемой форме, а также изменению роли зрителя в условиях медиаконвергенции и сетевой культуры. Делается вывод о том, что кинотанец функционирует как индикатор медиакультурных сдвигов и отражает переход от репрезентации движения к его симуляции и цифровому моделированию. Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием VR-танца и AI-хореографии, актуализирующих постгуманистические интерпретации экранной пластики.

Ключевые слова: кинотанец, screendance, экранная хореография, медиатизация танца, digital dance, телесность, монтаж, клиповая культура, виртуальная реальность.

Фу Сюэцзюань

Интеграция национальной и народной музыки в развитие культурного туризма: теоретический анализ и международный опыт

Настоящий нарративный обзор посвящен систематизации теоретических оснований и международного опыта интеграции национальной и народной музыки в развитие культурного туризма. Поиск источников охватывал преимущественно период 2017–2026 годов с включением ключевых теоретических концепций предшествующего периода; использовались базы данных Web of Science, Scopus, CNKI, а также официальные отчеты туристических организаций. Установлено, что народная музыка выполняет роль многофункционального ресурса развития туристических территорий: формирует уникальный образ места, обеспечивает преодоление сезонного спада и создает долгосрочную лояльность туристов – при условии сохранения нетуристического социального контекста исполнительской практики. Коммерциализация традиции, напротив, ведет к утрате ощущения подлинности и снижает рыночную ценность продукта даже для массовой аудитории. По нашему мнению, устойчивые модели интегрированного развития культуры и туризма достижимы лишь при активном участии исполнительских сообществ в управлении туристическими продуктами, основанными на их традиции.

Ключевые слова: народная музыка, музыкальный туризм, нематериальное культурное наследие, аутентичность, экономика впечатлений, 文旅融合 (вэньлюй жунхэ).

Невзоров С.Г.

Коллективный подвиг и подвижничество в православной культуре: культурологический анализ генезиса и проявлений миссии конфессии

В статье предпринят культурологический анализ взаимосвязи двух тесно сопряженных, но методологически различных феноменов отечественной духовной культуры, а именно индивидуального подвижничества и коллективного подвига, в свете задач, которые ставит перед собой Русская православная церковь как историко-культурная конфессия. Автор исходит из положения, согласно которому понятие подвига в русской ментальной традиции этимологически возводится к корню со значением движения, сдвига, перемещения и в этом смысле обозначает не отдельный поступок, а длительное усилие духа, направленное к преображению человека и общества. Особо подчёркивается, что культурологическая миссия конфессии состоит не в декларации догм, а в сохранении и трансляции антропологической модели человека-подвижника, способного к самоограничению, жертве и сотрудничеству с Богом.

Ключевые слова: подвижничество, коллективный подвиг, православная культура, миссия конфессии, генезис, типология подвига, новомученичество, аскеза, святость, культурология религии.

Лу Шо

Типология музыкальных средств выражения философских идей Просвещения (В.А. Моцарт, 1756–1791 гг.)

Данная статья посвящена проблеме классификации музыкальных средств выражения философ-

ских идей в творчестве В.А. Моцарта. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что именно в эпоху Просвещения философия стала определяющей культуры и музыкального искусства. Предложена типология музыкальных средств, использованных В.А. Моцартом, для реализации главных философских категорий - познания, самопознания, истины.

Ключевые слова: классификация музыкальных средств, выражение философских идей, философские категории Просвещения, типология музыкальных средств В.А. Моцарта, реализация философских категорий, познание, самопознание, истина.

Лин Сяо

Театр и травма: проблема этических границ репрезентации

Обоснование. Современный театр всё чаще обращается к травматическому опыту – войнам, насилию, катастрофам, коллективной памяти и личным травмам. Однако репрезентация травмы в сценическом искусстве неизбежно связана с этическими ограничениями, поскольку возникает риск эстетизации страдания, вторичной травматизации и превращения боли в объект зрелища. Цель. Выявить специфику этических границ репрезентации травмы в театре и определить основные противоречия, возникающие между художественной выразительностью и этической ответственностью. Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили теория травмы, теория перформанса, исследования культурной памяти и философские концепции репрезентации. Использованы культурологический, семиотический, герменевтический и структурный методы анализа. Результаты. Установлено, что репрезентация травмы в театре связана с рядом этических рисков: эстетизацией насилия, превращением травмы в зрелище, нарушением дистанции между переживанием и наблюдением, а также проблемой допустимости воспроизведения предельного опыта. Показано, что этические границы определяются не тематикой спектакля как таковой, а способом организации сценического высказывания, характером зрительского вовлечения и степенью рефлексивности художественной формы.

Ключевые слова: травма, театр, репрезентация, этика, культурная память, перформанс, насилие, свидетельство.

Ли Ен Ок

Теургия соборности: фрески М. Нестерова в Марфо-Мариинской обители и Н. Рериха в Талашкино в контексте религиозной философии Серебряного века

Статья анализирует фрески М.В. Нестерова в Покровском соборе Марфо-Мариинской обители и росписи Н.К. Рериха в Храме Святого Духа в Талашкине как теургическое воплощение соборности Серебряного века. На основе религиозно-философских концепций Вл. Соловьёва, Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского раскрывается трансформация иконописного канона, включение «обыкновенных людей» в сакральное пространство, а также символика света и цвета как метафизический код соборного бытия. Делается вывод о том, что росписи Нестерова и Рериха могут быть поняты как теургическое воплощение соборности и художественное выражение духовного единства человека и мира.

Ключевые слова: М.В. Нестеров, Н.К. Рерих, храмовая живопись, Серебряный век, теургия; соборность, русский космизм.

Михайлов А.С.

Трансформация культурного кода «рыцарство» как источник искусственной мифологии в медиафраншизе Warhammer 40 000

В статье анализируется трансформация братско-орденской модели культурного кода «рыцарство» в медиафраншизе Warhammer 40 000 на материале ранних романов цикла «Ересь Хоруса»: «Возвышение Хоруса», «Лживые боги» и «Галактика в огне». Рыцарство рассматривается не как историческая реконструкция, а как система устойчивых признаков – избранное воинское братство, клятва, честь, верность, служение лидеру, ритуал принятия, право совета и внутренняя иерархия. На примере Морниваля показано, как эти элементы сохраняют узнаваемую структуру, но меняют функцию внутри искусственной мифологии франшизы. Братство становится механизмом легионной лояльности, клятва – способом включения в военную вертикаль, честь – формой дисциплины и нравственной рефлексии, а служение смещается от абстрактного идеала к личной верности Воителю. Делается вывод, что искусственная мифология Warhammer 40 000 формируется через перекодирование рыцарского культурного кода: традиционные мотивы не исчезают, но начинают работать в логике антиутопической фантастической вселенной, серийного повествования и медиафраншизы.

Ключевые слова: культурный код, рыцарство, Warhammer 40 000, Ересь Хоруса, Морниваль, искусственная мифология, медиафраншиза.

Abstracts

Petrova S.I.

Petrov I.F.

Synesthesia as a philosophical problem

The article examines the phenomenon of synesthesia as a subject of philosophical reflection that goes beyond the narrow psychological or neurobiological approach. The evolution of ideas about synesthesia is traced. From ancient concepts of the unity of sensory perception (through romantic aesthetics and symbolism) to modern discussions in the analytical philosophy of consciousness and phenomenology. Special attention is paid to how the philosophical understanding of synesthesia allows us to revise the classical model of the "five senses", problematize the concept of qualia and offer a new understanding of the integrity of the subject of perception. The thesis is substantiated that synesthesia is a key phenomenon revealing the holistic nature of perceptual experience. Having a significant heuristic potential for epistemology, ontology and philosophical anthropology.

Key words: synesthesia, philosophy of perception, qualia, phenomenology, cross-modality, sensory synthesis, aesthetics, philosophy of consciousness, multisensory, corporeality.

Semenova T.N.

Sitnova L.I.

On the issue of educational management philosophy

The article is devoted to the problem of education as a system-forming social institution, which has a long history of formation and is inextricably linked with all spheres of social life - economic, political, social, spiritual, with the tasks of the state in the field of preservation and development of social relations, with the national culture of various countries and peoples. Education, as a cultural phenomenon, is based on a variety of philosophical and worldview paradigms, management principles, multiculturalism and interdisciplinarity.

Key words: management, education, social institution, national education systems, philosophical and ideological foundations, educational paradigms, multiculturalism, interdisciplinarity.

Tian Haoran

Ulyanova L.N.

Transformation of the aesthetic category "Qi" within the framework of viola training in Chinese higher education institutions: from traditional worldview to modern performance interpretation

This article examines the changes in the perception of the aesthetic category of "Qi"—one of the most fundamental concepts of Daoist philosophy—within the context of training modern viola performers in higher music education institutions of the People's Republic of China. The evolution of the interpretation of this concept is analyzed from its origins in ancient Chinese natural philosophy to its modern stage of development. The study explores the mechanisms for integrating Western academic principles with national traditions. The paper emphasizes the significance of the "Qi" category as a bridge between Western technical mastery and Eastern philosophical interpretation. This article identifies specific nuances of the educational process in China's modern music universities, primarily those related to the digitalization and humanization of education, which are aimed at developing an individual performing style and an aesthetic worldview in viola students. A comprehensive set of research methods was applied, including musicological, historical-cultural, comparative, and theoretical analysis. The research materials consist of a body of works by Chinese and Russian scholars in the fields of music education and aesthetics: dissertations and scientific articles published in peer-reviewed journals over the past few years.

Key words: "Qi" category, Taoism, music education in China, viola training, performance interpretation, aesthetic education, intercultural dialogue, traditional worldview, music pedagogy.

Cherkasov A.A.

The problems of incarnation and the disappearance of presence in the philosophy of Jean Baudrillard

The study examines the theological foundations of Jean Baudrillard's philosophy and the problem of the disappearance of presence in contemporary culture. It analyzes the concept of simulation, including the categories of simulacrum, hyperreality, and the implosion of meaning, as well as their connection to the Christian ontology of incarnation. Particular attention is paid to how the rupture between sign and presence transforms the structure of reality and experience. The author argues that Baudrillard's theory of simulation is not only a critique of media and representation, but also a diagnosis of the crisis of incarnation and the loss of real presence in contemporary culture.

Key words: embodiment, presence, simulacrum, simulation, hyperreality, symbolic exchange, secularization, disembodiment, Baudrillard, postmodernism.

Bekova M.A.

Geopolitical factors of intercultural communication

The article aims to define basic geopolitical factors influencing the intercultural communication. The au-

thor considers the most significant concepts created in the framework of geopolitics, among them R. Kjellen's theory of the dependence the state policy has on the geographic situation, H. Mackinder's and N. Spickman's theory of "heartland" and "rimland", S. Kohen's hierarchy of the geopolitical spaces. Then the cultural communications between "heartland" and "rimland" as well as the middle level geopolitical space are analyzed. The newness of the study is determined by defining the nature of the cultural contacts between geopolitical regions and their correlation with the multipolar structure of the world. It is concluded that geopolitical factors influence the intercultural communication significantly, however, it is often corrected by inner policy of the state and processes in economic and ideological areas. Besides that, the current situation is most adequately characterized not by "classical" H. Mackinder's and N. Spickman's geopolitics but by S. Kohen's hierarchy of the geopolitical spaces, which on the whole correspondences with prevailing understanding of multipolarity.

Key words: geopolitical spaces, cultural contacts between geopolitical regions, "classical" H. Mackinder's and N. Spickman's geopolitics, S. Kohen's hierarchy of the geopolitical spaces.

Bugaev M.K.

On the prospects of homo politicus in modern Russia: right-wing approach

The article aims to clarify the main possibilities of the realization of Homo politicus as a full-fledged political personality in modern Russian realities.

Owing to the transcendental approach, an attempt is being made to debunk false political consciousness, identify the dangers that hinder the formation of an internal political axiology, and model the best possible structure of society in which these dangers could be eliminated. The latter is considered to be a meritocratic system, taken in opposition to a democratic one.

Ultimately, Russian political personality is regarded in two modifications, i.e. as the basis of two complementary institutions – the civil society and the national elite. Special emphasis is placed on revealing the true nature of the citizenship and the leadership axiology in their Western traditional forms.

Key words: homo politicus, civil society, national elite, meritocracy, ideology, personality, value.

Volobueva A.A.

Harmony of words: philosophy of language culture formation in the mediaceal era

This article presents a comprehensive study of the fundamental impact of language on human thinking, consciousness, and behavioral patterns in the modern digital age. The author examines this issue through the lens of the transformation of mass media and the total dominance of internet communications. The central thesis of the work is the loss of richness, expressiveness, and semantic depth of language in the face of the rapid spread of information flows, aggressive commercial advertising, and superficial, utilitarian methods of communication. Drawing on classical philosophical approaches and the works of Russian thinkers, the author emphasizes that language is not simply a means of transmitting information, but a complex mechanism for shaping a picture of the world. The article emphasizes the importance of understanding the deep meanings, cultural codes, and historical connotations inherent in words. It raises the need to cultivate a conscious, respectful attitude toward speech as the primary instrument of personal identification, a unique reflection of national identity, and a powerful means of expressing the spiritual strength of a people. Key principles for developing a high linguistic culture are proposed as a solution to this problem. These include careful attention to vocabulary selection, strict adherence to the traditions of Russian literature, and targeted work on developing clarity, consistency, and figurative expression. The author argues that in today's information environment, oversaturated with clichés and borrowings, a return to these foundations can preserve society's intellectual potential. In conclusion, the article presents readers with an urgent task: not only to theoretically understand the importance of proper language proficiency but also to formulate specific, practical ways to improve their speech culture. This is seen as a necessary step for preserving national identity and spiritual health in a globalizing world.

Key words: linguistic culture, standard, mass media, internet communications, cultural code, mass media, information environment, speech culture, national identity, globalization.

Vyskrebentsov R.Y.

Socio-philosophical foundations of the legitimacy of political violence: a comparative analysis of approaches

This article compares key socio-philosophical concepts explaining the conditions under which political violence can be considered legitimate. The natural law, utilitarian, and contractualist traditions are analyzed, along with 20th-century critical theories (Marxism, critical theory, feminist philosophy, postcolonial studies). The problem of the relationship between moral requirements and political necessity in armed conflicts is examined. The author argues that an integrative approach, synthesizing different theoretical perspectives, makes it possible to develop more effective mechanisms to counter political violence.

Key words: political violence, legitimacy, natural law, utilitarianism, contractualism, Marxism, critical theory, morality, armed conflict, justice.

Grigorenko V.R.**Modernization as a value innovation and a problem of Russian society**

The article aims to define the main value contradictions arising in the process of modernization of Russian society and to consider modernization as a special type of value innovation. The author analyzes classical and modern theories of modernization, highlighting their value dimension, as well as examines the specifics of Russian civilizational identity, which acts as a factor transforming borrowed innovations. The novelty of the study lies in substantiating that successful modernization in Russia is possible not through simple copying of Western value patterns, but through their creative adaptation and the formation of synthetic value hybrids that correspond to the national cultural code. It is concluded that modernization as a value innovation faces deep cultural and anthropological limitations in Russian society; however, with a balanced strategy that takes into account both innovative and traditional values, it can become a driver of positive social development.

Key words: value innovations, modernization, Russian society, traditional values, cultural code, social philosophy, axiology.

Efimova L.N.**Shekhireva N.A.****Abramtseva E.G.****The relevance of the 'the abolition of man': the ethical and philosophical ideas of C.S. Lewis in the context of the crisis of traditional values**

Clive Staples Lewis is an English writer and Christian philosopher who spent his entire career addressing the ethical and moral issues of humanity. This article analyzes the philosophical context of the article "The Abolition of Man": the role of man in the modern world, moral principles and Christian virtue on which man should rely in the daily activities viz. the key issues that are echoed in the author's philosophical anthropology. In the opinion of the author of the essay, a way out of the moral crisis should be based on adhering to the principles of natural morality and values of Christian ideals. In this study, the issues of morality and education defined in the 1942 article are compared with contemporary realities. The complete influence of artificial intelligence on human life dislodges such moral categories as virtue, duty, conscience, dignity, kindness from his philosophy of life. The field of education, which today is influenced by digitalization, also needs to increase the human role in the educational process. These issues raised by C.S. Lewis in the last century take on an increasing importance.

Key words: humanization of education, moral code and ethics, moral values, moral principles, value system, humanity, moral choice.

Karyuk N.N.**Self-sovereign digital identity: subject autonomy and new forms of vulnerability in the blockchain environment**

The article presents a philosophical and anthropological analysis of self-sovereign digital identity within blockchain infrastructure. It examines the transformation of digital subjectivity associated with the management of attributes, access keys, and verifiable credentials. Special attention is paid to subject autonomy, infrastructural dependence, digital competence, trust, and new forms of vulnerability in digital culture.

Key words: self-sovereign identity, digital subjectivity, blockchain, decentralized identifiers, digital sovereignty, trust, vulnerability, rule of code, digital culture, philosophical anthropology.

Kuznetsova-Fetisova L.E.**Legitimation strategies of irrational knowledge in contemporary Russia**

The article explores the legitimation strategies of irrational forms of knowledge in contemporary Russia based on public self-descriptions of mantic-magical practitioners. It demonstrates that public esoteric discourse relies on three basic models of authority, creating a modern hybrid type of self-justification. Thereby, the article clarifies the recognition mechanisms of non-institutional religiosity and expands the tools of religious studies analysis.

Key words: irrational knowledge, mantic-magical complex, legitimation, media discourse, M. Weber, narrative, commercialization, esoteric discourse.

Novikov P.A.**Overcoming the alienation of the individual in V. Hugo's novel 'les misérables': toward a methodology of socio-philosophical analysis"**

This article offers a philosophical analysis of Jean Valjean's transformation in Victor Hugo's *Les Misérables* through the lens of 20th-century Western philosophy. The subject of the study is the mechanism of overcoming the "vicious circle of trauma," in which social alienation and distorted perception of reality become self-perpetuating. The methodological framework integrates the dialogical ontology of Martin Buber, the existentialism of Søren Kierkegaard and Jean-Paul Sartre, the poststructuralist analysis of power by Michel Foucault, Giorgio

Agamben's concept of homo sacer, and Emmanuel Levinas's ethics of the Other.

The paper introduces the author's metaphor of the Ouroboros (the serpent eating its own tail) to denote the pathological closure of a traumatized consciousness, in contrast to its Jungian interpretation. It is shown how disciplinary mechanisms reduce the protagonist to "bare life" (zoē) and objectify him in Buber's mode of "I-It." The analysis interprets Valjean's encounter with Bishop Myriel as an event that breaks this circle. The Bishop enacts the "I-Thou" relation, performing an act of ontological recognition that, in Levinasian terms, responds to the call of the Face (visage). From an existentialist perspective, this encounter serves as a catalyst for an "authentic choice" and a "leap of faith," overcoming "bad faith" (mauvaise foi) and despair.

The article concludes that Valjean's transformation is not a passive change but an act of resistance against biopolitical exclusion, restoring subjectivity through dialogue with the Other and an orientation toward the Absolute. The proposed integrative approach can be applied to other social situations involving the overcoming of stigmatization and identity crises.

Key words: philosophy of literature, social philosophy, phenomenology of the Other, existentialism, post-structuralism, problem of identity, humanism and anti-humanism, ethics and morality.

Maksimova S.G.

Aster T.N.

CSR and open innovation: how social responsibility shapes collaborative models

The article analyzes the synergy between corporate social responsibility (CSR) and open innovation in shaping sustainable collaborative models. It outlines the theoretical framework and key mechanisms: stakeholder engagement, social investment, and public-private partnerships, that drive innovation through CSR. Identified barriers include trust deficits, resource limitations, and cultural gaps. Recommended solutions involve digital platforms, performance metrics, and contextual adaptation. The study underscores CSR's strategic role in fostering value creation and enhancing business competitiveness through open innovation.

Key words: corporate Social Responsibility (CSR), Open Innovation, Collaborative Models, Stakeholder Engagement, Public-Private Partnership (PPP), Innovation ecosystems.

Voznesensky I.S.

Chapkin A.N.

Temporal transformations of education: the digital accelerator and the social price of time in the post-COVID era

This article provides a sociological analysis of the transformation of educational time in the context of accelerated digitalization. The authors examine time as a strategic social resource, the distribution of which exacerbates social inequality. A comparative analysis of the temporal characteristics of the pre-digital and digital eras in education is provided, identifying key changes: compression, fragmentation, and multiple learning paces, as well as the blurring of boundaries between personal and academic time. Drawing on H. Rosa's theories of acceleration, E. Giddens's structuration, and U. Beck's risk society, the concept of "temporal shock" as a consequence of the emergency transition to distance learning is substantiated. Particular attention is given to scenario-based forecasting of accelerated transitions in the future and their possible triggers (crises, disasters, technological breakthroughs). The article presents the experience of implementing a time management course at MADL aimed at developing students' temporal intelligence. The article concludes that a transition to hybrid temporal learning modes and the creation of institutional mechanisms to protect against time overload are necessary, emphasizing that accelerating the digitalization of education should not become an end in itself.

Key words: sociology of time, digitalization of education, temporal resource, social inequality, temporal poverty, shock digitalization, hybrid learning, temporal intelligence, time management, foresight, risk society.

Gryaznova V.N.

Incorporation of state personnel policy into the system of state strategic management: from the search for meaning to the sustainable amplification of new ideas

This article explores the concept of "public personnel policy" and its rethinking in the era of digital transformation and artificial intelligence. It is demonstrated that sustainable amplification enables the transformation of ineffective personnel policies into a system dominated by the continuous generation of new ideas, ensuring the transformation of public strategic management toward a proactive development model through effective staffing.

It is demonstrated that, despite the apparent paradox of a digital environment dominated by technology and artificial intelligence, the development vector of public personnel policy as the foundation of public strategic management is focused on human-centricity [candidate-centricity], recognizing the individual as the primary agent of long-term and sustainable development for the benefit of the individual and in their interests.

The underlying idea is that overcoming managerial anomalies in public strategic management is impossible solely through the introduction of new technologies. A qualitative intellectual shift is needed in the training

of personnel for Russian public administration, a transition from executive function to subjective professionalism and responsibility, including a value-based commitment to public service and the public good.

The article substantiates the need for profound transformations in state personnel policy in the context of implementing Russia's national development goals through 2036 and within the system of measures to ensure the national security of the Russian state.

The article also substantiates the importance of focusing state personnel policy on a strategic perspective, emphasizing vision, analytics, continuity and tradition, values, continuous upgrading, a high level of expert knowledge, innovation, responsibility, and effectiveness.

The strategic vector of state personnel policy is outlined within the paradigm of forming a new public administration elite, developing young personnel with the actualization of historical education and talent management, strengthening traditional values, preserving ethnocultural diversity, and strengthening the professional and civic identity of personnel. The role of designing a modern system of personnel training in the conditions of external environmental turbulence, commensurate with the needs of ensuring technological leadership, socio-economic and spatial development and ensuring Russia's national security in the strategic horizon, is being updated.

Key words: state personnel policy as a strategy and its transformation in the digital environment, state strategic management, values, continuous upgrade, ethnocultural diversity, human-centeredness.

Nersesyan R.S.

The projective state: concept, architecture, scientific foundation

The article presents the concept of a projective state, an emerging type of statehood in which the protection of the rights of future generations is embedded in the institutional architecture of government. The historical background, basic principles, institutional architecture, economic dimension and scientific foundation of the projective state are investigated. A comparative analysis is carried out with a social state, an ecological state and a planned economy of the Soviet type. The article presents the concept of a projective state as a logical next stage in the evolution of statehood, adding a temporal dimension to the existing functions of the state. The continuity of the concept in relation to the theory of the rule of law, institutional economics and the concept of sustainable development is shown. It is proved that the projective state is a natural stage of the evolution of statehood, and not an arbitrary construction. The project state is based on four traditions, therefore, the projective state does not invent a new reality, but synthesizes the achievements of several recognized scientific schools in relation to a new problem – the institutional protection of the rights of future generations. Based on the author's analysis of precedents, the patterns of institutional formation are formulated: the death test of the founder, the five conditions of survival (autonomy, legitimacy, resource, adaptivity, reproduction), the paradox of rigidity, adaptive rigidity, the law of institutional entropy. The publication of the article invites readers to further discussion with the author.

Key words: projective state, temporal sovereignty, prescript, transgenerational expertise, intergenerational justice, Negentropic Development Index, prescriptology, projective realism, prescriptive council, temporal institutions.

Pavlov G.A.

Kryunkin Yu.E.

Logacheva M.I.

Artificial intelligence in sociology: methodological breakthrough or threat to validity?

The article examines how artificial intelligence is changing sociological research, from the processing of interviews and open-ended survey responses to the analysis of digital traces, online communities and predictive models. The focus is not only on the technical efficiency of AI, but also on the methodological risks that arise when algorithmic results are treated as ready-made sociological knowledge. AI can reveal recurring themes, hidden links and weak signals in large datasets, yet it cannot by itself explain the social meaning of these patterns. Drawing on Russian and international examples, the article discusses algorithmic bias, loss of contextual sensitivity, misinterpretation of digital traces and the illusion of machine objectivity. The main conclusion is that AI should not be viewed as a replacement for the sociologist. Its strongest role is within hybrid research designs, where algorithms broaden the field of observation while the researcher remains responsible for the research question, data validation and interpretation.

Key words: artificial intelligence, sociology, big data, algorithmic bias, digital methods, social forecasting, AI ethics, machine learning, data validity.

Stepnaya A.A.

Korobkina M.A.

Formation of talent management processes in the organization

This article focuses on an integral part of any organization: human resources. In today's highly competitive

and volatile environment, the quality of this resource is paramount. Employee effectiveness is revealed, first and foremost, through their talents. Focusing on unlocking potential today becomes a strategic advantage and enables the organization to achieve its goals tomorrow.

Key words: talent, talent selection and retention, recruitment of promising talented employees, internal talent management.

Schelokov D.V.

Methodological foundations of analytical study of social transformations

The existence of society manifests itself in various aspects of social reality. One of these aspects is the social institutions that are organized to regulate relations in various areas of existence. As a result of these processes, these elements undergo transformations due to changing external conditions. The complexity of the nature of the emergence and mechanisms of development of social transformations determines the specifics of their study. This is reflected in a set of theoretical views that are combined into approaches. These approaches express the specific interpretation of the identified issues. The methods of cognition formed on this basis contribute to the objective selection of significant parameters. The methods formed on their basis contribute to the objective identification of significant parameters. The relevant aspects of the existence and development of institutional transformations contribute to the organization of conceptual frameworks for their analysis. This allows you to organize the logic you use and, if necessary, expand the set and content of the methods you use.

Key words: social institutions, transformations, analysis, methodology, aspects of functioning, development mechanisms, and research logic.

Yakovlev A.A.

The origins of the soviet poster

This article examines the origins of the Soviet poster as an art form. It is proposed to trace the history of the word "poster" in Russia from the time of Peter the Great to the 20s of the twentieth century. An extensive historical look at the meaning of the word "poster" and its modification over time is offered. Historical information about the precursors of the Russian poster is given. It talks about the influence of French masters on the formation of the artistic poster and the emergence of a new type of graphic art in Russia, which became possible with the advent of lithography. The article also identifies the main prerequisites for the emergence of the Soviet poster and reflects information about the development of this type of fine art during the Civil war and at the beginning of the formation of the Soviet state. The role of splint images in the formation of poster art is shown. The emphasis is placed on the artistic techniques and practices of the Soviet poster, formed and embedded in the canvas of the current events of the era and which were an essential tool for constructive communicative interaction. The focus is on the emergence of key poster dogmas from Peter the Great to Mayakovsky and Rodchenko, as well as the poster itself as the foundation of the state's artistic agitation.

Key words: poster, affiche, lithography, graphics, lubok, avant-garde, constructivism.

Chu Lumiao

Aesthetic categories of the Chinese tradition in the context of Islamic calligraphy

The article examines the aesthetic categories of the Chinese artistic tradition in the context of Islamic calligraphy in China. The relevance of the study is determined by the growing scholarly interest in transnational artistic practices and the insufficient exploration of the aesthetic foundations of Chinese Islamic calligraphy, which is more often analyzed from historical or decorative perspectives. The purpose of the research is to identify the role of Chinese aesthetic categories in shaping the visual and plastic specificity of Islamic calligraphy in China. The research materials include works on Chinese aesthetics, calligraphy theory, Islamic art, and the visual culture of China. The methodological framework is based on comparative-typological, formal-stylistic, semiotic, and cultural approaches. The study demonstrates that Chinese Islamic calligraphy constitutes an independent artistic system formed through the interaction of Arabic and Chinese artistic traditions. The influence of the categories of harmony, emptiness, rhythm, naturalness, and "living movement" on composition, line structure, and spatial organization of the calligraphic text is revealed. It is proved that artistic syncretism manifests itself not only at the formal level but also in the transformation of artistic thinking. The article concludes that a distinctive visual language emerged through the synthesis of the Islamic sign tradition and the aesthetic principles of Chinese art.

Key words: Chinese Islamic calligraphy, Chinese aesthetics, Islamic art, artistic syncretism, visual culture, calligraphy, line aesthetics, Chinese art.

Zhang Wei

United front work brand of a border university as an instrument of cultural revitalization in ethnic areas: the case of Heihe University

The article analyzes the United Front work brand of Heihe University, «Yi Lu Tong Xin» («Art on the

Common Path»), as a form of participation of a border university in cultural revitalization of ethnic areas in Northeast China. The study reveals the organizational logic of the «1246» model, its value basis, resource circuits, areas of activity and conditions of sustainable development. The research is based on qualitative case analysis, open materials of Heihe University, publications on the project, documents on United Front work and analytical generalization of practices in art education, social service and preservation of ethnic heritage. The article shows that the brand is not limited to cultural events; it combines educational, artistic, research and social-service functions of the university.

Key words: border university, united front work, cultural revival, ethnic areas, Heihe University, 1246 model, intangible cultural heritage, public service.

Cui Ge

The evolution of the film dance: from primitive experiments to modern interpretations

The article is devoted to a cultural analysis of the evolution of cinematic dance as a synthetic art form that arose at the intersection of choreography and cinematography and transformed in the context of media cultural changes of the XX–XXI centuries. The purpose of the study is to identify the main stages of the development of film dancing and to determine the patterns of transformation of on-screen physicality, spatial and temporal organization of movement and the role of the viewer. The methodological basis consists of historical and cultural analysis, comparative typological method, semiotic approach and media analysis. The article traces the transition from the attraction fixation of dance in early cinema to the formation of the concept of “choreography for the camera” in avant-garde practice, further mediatization through television and clip culture, as well as to the digital dematerialization of the body in terms of CGI, motion capture and online platforms. Special attention is paid to the transformation of the status of physicality from a material presence to an algorithmically constructed form, as well as to the changing role of the viewer in the context of media convergence and network culture. It is concluded that the movie dance functions as an indicator of media and cultural shifts and reflects the transition from the representation of the movement to its simulation and digital modeling. The prospects for further research are related to the development of VR dance and AI choreography, actualizing posthumanistic interpretations of screen plasticity.

Key words: film dance, screendance, screen choreography, mediatization of dance, digital dance, corporeality, editing, clip culture, virtual reality.

Fu Xiaojuan

Integration of national and folk music into the development of cultural tourism: theoretical analysis and international experience

This narrative review systematizes the theoretical foundations and international experience of integrating national and folk music into the development of cultural tourism. The search for sources covered primarily the period 2017–2026, incorporating key theoretical concepts from the preceding period. Databases used included Web of Science, Scopus, and CNKI, as well as official reports from tourism organizations. It has been established that folk music serves as a multifunctional resource for the development of tourist destinations: it creates a unique image of a destination, helps overcome seasonal decline, and fosters long-term tourist loyalty—provided the non-tourist social context of performance practice is maintained. Conversely, the commercialization of tradition leads to a loss of authenticity and reduces the market value of the product, even for a mass audience. In our opinion, sustainable models for the integrated development of culture and tourism are achievable only with the active participation of performing communities in the management of tourism products based on their traditions.

Key words: folk music, music tourism, intangible cultural heritage, authenticity, experience economy, 文旅融合 (wēnlǚ rónghe).

Nevzorov S.G.

Collective feat and ascetic labour in orthodox culture: a culturological analysis of the genesis and manifestations of the confession's mission

The article undertakes a cultural analysis of the relationship between two closely related but methodologically distinguishable phenomena of Russian spiritual culture, namely individual asceticism and collective heroism, in the light of the tasks set by the Russian Orthodox Church as a historical and cultural denomination. The author proceeds from the assumption that the concept of heroism in the Russian mental tradition is etymologically related to the root meaning of movement, shift, and displacement, and in this sense it does not refer to a single act, but rather to a long-term effort of the spirit aimed at transforming individuals and society. It is emphasized that the cultural mission of the denomination is not to declare dogmas, but to preserve and transmit the anthropological model of a selfless human being capable of self-restraint, sacrifice, and cooperation with God.

Key words: asceticism, collective feat, Orthodox culture, mission of the confession, genesis, typology of feat, new martyrdom, ascesis, holiness, culturology of religion.

Lu Shuo

The typology of the musical devices expressing the philosophy ideas of the enlightenment (V.A. Mozart, 1756-1791)

The given article is the study on the issue of classification of the musical devices expressing the philosophy ideas of the XVIII-th century. The relevance of this research is determined by necessity to study the Philosophy categories of the Enlightenment as a defining factor of the music styles. The article proposes the typology of the musical devices used by Mozart to express the main philosophy categories as a cognition, a self-cognition and a truth.

Key words: a classification of the musical devices, a realization of the philosophical ideas, the philosophy categories of the Enlightenment period, the typology of musical devices of W.A. Mozart, an expression of the Philosophy categories, a cognition, a self-cognition, a truth.

Ling Xiao

Theater and trauma: the problem of ethical boundaries of representation

Background. Contemporary theatre increasingly addresses traumatic experiences such as war, violence, catastrophe, collective memory, and personal trauma. However, the representation of trauma in theatre inevitably raises ethical concerns related to the aestheticization of suffering, secondary traumatization, and the transformation of pain into spectacle. Purpose. To identify the specificity of ethical boundaries in the representation of trauma in theatre and to determine the key contradictions between artistic expression and ethical responsibility. Materials and methods. The study is based on trauma theory, performance theory, memory studies, and philosophical concepts of representation. Cultural, semiotic, hermeneutic, and structural methods are applied. Results. The research demonstrates that theatrical representation of trauma involves several ethical risks, including the aestheticization of violence, the spectacle of suffering, the collapse of distance between experience and observation, and the problem of representing extreme experience. Ethical boundaries depend not on the topic itself, but on the organization of theatrical form, the type of audience involvement, and the degree of reflexivity within the performance.

Key words: trauma, theatre, representation, ethics, cultural memory, performance, violence, testimony.

Lee Yeon Ok

Theurgy of conciliarity: frescoes by M. Nesterov in the Martha and Mary Convent and N. Roerich in Talashkino in the context of the religious philosophy of the Silver Age

This article analyzes M.V. Nesterov's frescoes in the Intercession Cathedral of the Martha and Mary Convent and N.K. Roerich's murals in the Church of the Holy Spirit in Talashkino as theurgic embodiments of the Silver Age sobornost (catholicity). Drawing on the religious and philosophical concepts of V.I. Solovyov, N.A. Berdyaev, and P.A. Florensky, the article explores the transformation of the iconographic canon, the inclusion of "ordinary people" in sacred space, and the symbolism of light and color as a metaphysical code of sobornost (catholic existence). It concludes that Nesterov and Roerich's murals can be understood as theurgic embodiments of sobornost (catholicity) and artistic expressions of the spiritual unity of man and the world.

Key words: M.V. Nesterov, N.K. Roerich, church painting, Silver Age, theurgy; conciliarity, Russian cosmism.

Mikhailov A.S.

Transformation of the cultural code "chivalry" as a source of artificial mythology in the Warhammer 40,000 media franchise

The article analyzes the transformation of the fraternal-order model of the cultural code "chivalry" in the Warhammer 40,000 media franchise, based on the early novels of The Horus Heresy cycle: Horus Rising, False Gods, and Galaxy in Flames. Chivalry is considered not as a historical reconstruction, but as a system of stable features: an elected warrior brotherhood, oath, honor, loyalty, service to a leader, initiation ritual, the right to counsel, and internal hierarchy. Through the example of the Mournival, the article shows how these elements retain a recognizable structure while changing their function within the artificial mythology of the franchise. Brotherhood becomes a mechanism of legionary loyalty; the oath becomes a means of incorporation into the military hierarchy; honor becomes a form of discipline and moral reflection; and service shifts from an abstract ideal to personal loyalty to the Warmaster. The article concludes that the artificial mythology of Warhammer 40,000 is formed through the recoding of the chivalric cultural code: traditional motifs do not disappear, but begin to operate within the logic of a dystopian science-fiction universe, serial narrative, and media franchise.

Key words: cultural code, chivalry, Warhammer 40,000, The Horus Heresy, Mournival, artificial mythology, media franchise.

Авторы

Абрамцева Е.Г. - старший преподаватель, кафедры иностранных языков № 2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Астер Т.Н. - аспирант кафедры социальной и молодежной политики. Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета. ORCID: 0009-0007-4150-1388

Бекова М.А. - аспирант. Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации.

Бугаев М.К. - аспирант, Московский Государственный Лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук, Кафедра философских наук.

Волобуева А.А. - старший преподаватель. ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В.И. Даля», г. Луганск.

Вознесенский И.С. - организационный консультант. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Выскребенцов Р.Ю. - соискатель ученой степени кандидата философских наук. Военный университет имени князя Александра Невского, Москва.

Григоренко В.Р. - аспирант. Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации.

Грязнова В.Н. - кандидат социологических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики. Институт государственной службы и управления Президентской Академии.

Ефимова Л.Н. - кандидат филологических наук, доцент, кафедры иностранных языков № 2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Карюк Н.Н. - аспирант факультета философии, богословия и религиоведения. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского».

Коробкина М.А. - кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар.

Крюнкин Ю.Е. - студент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара.

Кузнецова-Фетисова Л.Е. - независимый исследователь. Российский государственный социальный университет.

Ли Ен Ок - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Лин Сяо - аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0003-0892-9906

Логачева М.И. - Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара.

Лу Шо - аспирант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Максимова С.Г. - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и молодежной политики. Институт гуманитарных наук Алтайского государственного университета. ORCID: 0000-0002-4613-4966

Михайлов А.С. - аспирант 3 курса. Костромской государственный университет, Кострома.

Невзоров С.Г. - кандидат исторических наук, доцент, начальник цикла военного учебного центра при Оренбургском государственном университете.

Нерсесян Р.С. - эксперт в области когнитивного суверенитета и когнитивных технологий, г. Москва.

Новиков П.А. - аспирант кафедры социально-гуманитарные дисциплины, Пензенский государственный университет, г. Пенза.

Павлов Г.А. - студент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара.

Петров И.Ф. - доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий. г. Краснодар.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Семенова Т.Н. - кандидат философских наук, доцент. Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина.

Ситнова Л.И. - кандидат философских наук, доцент. Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина.

Степная А.А. - 2 курс магистратуры, Кубанский государственный университет, Краснодар.

Тянь Хаожань - аспирант. Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Ульянова Л.Н. - кандидат философских наук, профессор кафедры «Музыкальное образование, Высшая школа музыки и театра Владимирский Государственный Университет, г. Владимир.

Фу Сюэцзюань - магистр искусствоведения, старший преподаватель. Суйхуаский университет, г. Суйхуа, КНР.

Цуй Гэ - аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0006-2355-4585

Чапкин А.Н. - бакалавр. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Черкасов А.А. - аспирант. Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Чжан Вэй - профессор, Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (КНР).

Чу Лумяо - аспирант кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0000-3452-3895

Шехирева Н.А. - кандидат педагогических наук, доцент, кафедры иностранных языков № 2. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Щёлоков Д.В. - кандидат социологических наук, Государственный университет управления.

Яковлев А.А. - аспирант. Московского государственного академического художественного института имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств.

Authors

Abramtseva E.G., Senior Teacher. Plekhanov Russian University of Economics.

Aster T.N., Postgraduate Student, Department of Social and Youth Policy. Institute of Humanities, Altai State University. ORCID: 0009-0007-4150-1388

Bekova M.A., Graduate student. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Bugaev M.K., Postgraduate student, Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences, Department of Philosophy.

Chapkin A.N., Bachelor's degree. Plekhanov Russian University of Economics.

Cherkasov A.A., Postgraduate student. Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky.

Chu Lumiao, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0000-3452-3895

Cui Ge, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0006-2355-4585

Efimova L.N., Associate Professor, PhD. in Philology. Plekhanov Russian University of Economics.

Fu Xiaojuan, Master of Arts, Lecturer. Suihua University, Suihua, China.

Grigorenko V.R., Graduate student. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Gryaznova V.N., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Public Administration and Personnel Policy, Institute of Public Administration and Management, Presidential Academy.

Karyuk N.N., Postgraduate student of the Faculty of Philosophy, Theology and Religious Studies, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky".

Korobkina M.A., PhD in Sociology, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar.

Kryunkin Yu.E., Student, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Kuznetsova-Fetisova L.E., Independent researcher. Russian State Social University.

Lee Yeon Ok, Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Ling Xiao, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. ORCID: 0009-0003-0892-9906

Logacheva M.I., PhD in Philology, Associate Professor, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Lu Shuo, Postgraduate student. Saint Petersburg State University.

Maksimova S.G., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social and Youth Policy. Institute of Humanities, Altai State University. ORCID: 0000-0002-4613-4966

Mikhailov A.S., Third-year postgraduate student. Kostroma State University, Kostroma.

Nersesyan R.S., Expert in the field of cognitive sovereignty and cognitive technologies, Moscow.

Nevzorov S.G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Military Training Center at Orenburg State University.

Novikov P.A., Postgraduate student, Department of Social Sciences and Humanities, Penza State University, Penza.

Pavlov G.A., Student, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara.

Petrov I.F., Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Schelokov D.V., Candidate of Sociological Sciences, State University of Management.

Semenova T.N., PhD in Philosophy, Associate Professor. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).

Shekhireva N.A., Associate Professor, PhD. in Pedagogy. Plekhanov Russian University of Economics.

Sitnova L.I., PhD in Philosophy, Associate Professor. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University).

Stepnaya A.A., 2nd-year Master's student, Kuban State University, Krasnodar.

Tian Haoran, Postgraduate Student, Vladimir State University, Vladimir.

Ulyanova L.N., PhD in Philosophy, Professor, Department of Music Education, Higher School of Music and Theater, Vladimir State University, Vladimir.

Volobueva A.A., Senior Lecturer at Lugansk State University named after V.I. Dal, Lugansk.

Voznesensky I.S., Organizational Consultant. Moscow Automobile and Road Construction State Technical University.

Vyskrebentsov R.Y., Candidate for the degree of Candidate of Philosophy at the Prince Alexander Nevsky Military University.

Yakovlev A.A., PhD student. Moscow State Academic Art Institute named after V.I. Surikov at the Russian Academy of Arts.

Zhang Wei, Professor of Heihe University, Heihe, China.